

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Власть и элиты **Power and elites**

Том 4

Санкт-Петербург
2017

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос. н.
Д.Б. Тев, к.с. н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg
EXECUTIVE BOARD
A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D.Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyaeв (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. — 348 с.

Power and Elites / Ed. by A. Duka. Vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2017. — 348 p.

Альманах посвящен теоретическим и методологическим проблемам изучения власти и элит, вопросам эволюции и функционирования властных групп в России и других странах, трансформации российского общества, структур власти и практик групп доминирования. Особое внимание уделено сравнительным исследованиям элит, а также взаимовлиянию элитных групп и гражданского общества.

Издание представляет интерес для широкого круга обществоведов, исследующих проблемы власти и властных групп, преподавателей социологии, политологии и истории, а также политических практиков — экспертов, консультантов и действующих политиков.

Утверждено к печати Ученым советом
Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Элиты в исторической динамике	
<i>Колесник Н.В.</i> Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект	10
<i>Хоффманн-Ланге У.</i> Элиты в Германии: исторические изменения и новые вызовы	31
Депутатский корпус: социальная репрезентация	
<i>Тев Д.Б.</i> Государственная Дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов	67
<i>Витковская Т.Б.</i> Корпоративные депутатские группы в представительных органах МСУ (на примере Пермского края)	129
Региональные элиты: бассейн рекрутирования	
<i>Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б.</i> Региональные властные группы: Основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества	147
<i>Быстрова А.С.</i> Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации	170
Основания прошлого в настоящем	
<i>Швая А.Ю.</i> Феномен византизма в политической культуре современной России	204
<i>Дука А.В.</i> Монархический соблазн российской элиты	256
Размышление над книгой	
<i>Колесник Н.В.</i> О визуальном в предвыборной кампании в современной России	338
Сведения об авторах	346
Contributors	347

CONTENTS

<i>A. Duka</i> . Preface	5
Elites in Historical Dynamics	
<i>N. Kolesnik</i> . Practices of reproduction of the Russian elite: the informal aspect.	10
<i>U. Hoffmann-Lange</i> . Elites in Germany: Historical Change and New Challenges.	31
Deputy Corps: Social Representation	
<i>D. Tev</i> . The State Duma of the sixth convocation: socio-professional characteristics of the recruiting pool of deputies.	67
<i>T. Vitkovskaya</i> . Corporate deputies' groups of representative bodies of local government (on the example of Perm region)	129
Regional Elites: Pool of Recruitment	
<i>A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka, D. Tev</i> . Regional power groups: basic social and structural characteristics and a role in development of today Russian society	147
<i>A. Bystrova</i> . The influence of the social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of different political generations of administrative elites in the Russian Federation	170
Past Foundations in the Present	
<i>A. Shvaya</i> . The Phenomenon of Bizantinism in the political culture of contemporary Russia.	204
<i>A. Duka</i> . Monarchist temptation of the Russian elite	256
Reflections about the book	
<i>N. Kolesnik</i> . About the visual in the election campaign in modern Russia	338
Сведения об авторах	346
Contributors	347

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том Альманаха шел не просто к своим читателям. Иногда казалось, что наше предприятие прекратится, как многое возникшее в эпоху перемен. Однако, благодаря помощи и энергии коллег, мы можем опять встретиться в текстах и посредством текстов. Большое им спасибо!

Читатели, знакомые с нашим Альманахом, обратят внимание на достаточно большой удельный вес исторических сюжетов — в начале и в конце тома. Начинается книга с раздела «Элиты в исторической динамике». Если в отношении статьи У. Хоффманн-Ланге в плане соотношения текста с рубрикой ни у кого не возникнет сомнения, то работа Н.В. Колесник может вызвать вопросы: не перепутали ли редакторы место в книге? Мы, конечно, несколько расширили понимание исторической динамики. Но только «несколько». История бывает «большая», а также и на микроуровне. Мы все проживаем жизнь в исторически изменяющемся обществе. Особенно это наглядно в трансформирующихся социумах. Здесь исторический поток непосредственно нас несет. История осуществляется и создается здесь и сейчас. И вроде бы частные случаи и практики, укореняясь, становятся обыденностью для следующих поколений. Конечно, возникновение нового не всегда происходит, да и не всегда заметно. Тем важнее попытки схватить начало процесса. Воспроизводство элитных групп в современной России относится к таким случаям. В статье Н.В. Колесник рассматриваются такие существенные для воспроизводства элитных персон на семейном уровне как образование, культурный капитал, брачные связи. Микроистория элитных российских семей еще в полной мере не стала предметом пристального изучения. Большие работы впереди. Но, важно, что первые научные шаги делаются.

Урсула Хоффманн-Ланге анализирует историю немецких элит. Надо сказать, что данная статья представляет собой расширенную версию опубликованного ранее текста в журнале «Актуальные проблемы Европы» (второй номер за 2017 год). Эволюция германских властных групп показана на фоне истории смены политических режимов в стране. Вполне естественно, что структура и принципы функционирования зависят от принципов властвования и формирования властных инстанций. Собственно, это две стороны одного и того же феномена. Автор показывает столетнюю историю Германии и ее путь к современному демократическому обществу в связи с меняющейся элитой. Существенным представляется анализ контекста. В частности, усиление политической активности населения, мобилизация протестных движений ведут не только к консолидации демократии через актуализацию принципа оспариваемости [см.: Петтит 2016: 315–350], но и к более широкой представленности различных групп интересов в legislatures. Но возникает вопрос: насколько изменение персонального состава ведет к трансформации элит, их большей чувствительности к запросам населения. Ответа пока нет.

Корпусам legislatures разного уровня посвящен второй раздел книги: федеральному и муниципальному. В статье Д.Б. Тева анализируются социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов Государственной Думы шестого созыва. Автор демонстрирует характеристики, показывающие, что депутатский корпус значительно укоренен во власти. Это не только депутатский опыт, но и номенклатурный. Обнаруживается также тенденция олигархизации групп доминирования. Давно замеченное переплетение административного и политического секторов элиты находит еще одно подтверждение. Вместе с тем, существует межфракционная дифференциация, что достаточно показательно.

Т.Б. Витковская в своей работе анализирует чрезвычайно важную, можно даже сказать, центральную для малых городов проблему — крупный бизнес в структурах власти. Состав городского представительного органа власти необходимо включает агентов экономических структур. В статье исследуется насколько эти органы самостоятельны, и какие складываются отношения между муниципальными властями и предприятиями, находящимися на территории муниципалитетов.

Бассейн рекрутирования элит стал центральной темой третьего раздела. В предыдущих статьях Альманаха эта проблема также исследу-

ется. Но здесь мы имеем дело с немного другим поворотом. Во-первых, анализируются региональные элиты. Во-вторых, в исследованиях используется одна биографическая база данных. В этом отношении оба текста взаимно дополняют друг друга. В-третьих, в предлагаемых текстах существенным является контекст: и как зависимая переменная, и как независимая. Первая статья — коллективная. Сотрудники сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН на основе анализа биографических данных властных персон десяти регионов делают осторожные выводы о перспективах влияния властных групп на развитие современного российского общества. Помимо социально-профессиональных характеристик, исследуются условия первичной социализации региональных элит, карьерные пути, образование, внутрисекторальная мобильность, укорененность членов регионального элитного сообщества.

Статья А.С. Быстровой посвящена влиянию социального контекста на построение карьерных траекторий. Выявлено, что социально-исторические условия социализации, различающиеся у разных поколений, могут значимо влиять на жизненные пути элитных персон. Вернее, лиц, которые лишь потом станут членами элитного сообщества. Но помимо воздействия на персональное существование эти условия задают (статистически) важные устойчивые групповые характеристики, проявляющиеся в профессиональной активности, что и связывается с поколениями.

Раздел «Основания прошлого в настоящем» начинается статьей А.Ю. Швай о феномене византизма в современной отечественной политической культуре. Вопрос этот в последнее время опять актуализировался ввиду внешнеполитических и внутренних обстоятельств. Об особой роли византийского начала в российской культуре писалось давно. Применительно к политической области в начале прошлого века П.Б. Струве отмечал особый синтез российского управления: «самодержавие византийско-татарско-немецкой бюрократии» [Струве 1911: 252]. В определенном смысле это определение продолжает быть актуальным и сейчас. Конечно, византизм (византинизм) не сводится лишь к негативным чертам (как и позитивным), наследуемым нашей культурой, как это часто бывает в политико-пропагандистских текстах. Автор статьи, используя феноменологический конструктивистский подход, анализирует влияние византийской культуры на практики легитимации и идентификации.

Текст А.В. Дуки также связан с актуализацией прошлого. Наш историк В.О. Ключевский отметил еще в 1892 году: «Наша история идет нашему календарю: в каждый век отстаем от мира на сутки» [Ключевский 1990: 386]. Обращение к отжившим формам политического устройства, поиск в них политической стабильности отдает явной архаикой, отступлением в прошлое всё дальше и дальше. Это не удивительно в эпоху социальной турбулентности. Тем более, что новая российская элита, не укоренившись еще в российском обновившемся социальном порядке, ищет символические формы, обладающие по ее мнению исторической легитимностью, поскольку они несоразмерно старше и больше ее. Но у того же Ключевского встречаем: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли бы жить лишь в допотопное время» [Ключевский 1990: 442]. О мечте о мамонтах среди нашей элиты статья Дуки.

В этом томе у нас появился раздел, посвященный новым книгам. Здесь помещена рецензия Н.В. Колесник на очень интересную и полезную книгу уральских исследователей «Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России».

Александр Дука

Литература

Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.9. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 363–446.)

Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Струве П.Б. Физиология одного превращения: «Незнакомец» и «Новое время» // Струве П. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм: Сб. статей за пять лет: (1905–1910 гг.)*. СПб: Изд. Д.Е. Жуковского, 1911. С. 248–254.

PREFACE

A. Duka

References

Klyuchevskiy V.O. Aforizmy i mysli ob istorii [Aphorisms and thoughts about history], In: *Klyuchevskiy V.O. Sochineniya. V 9 t. T.9. Materialyi raznyih let.* [*Klyuchevskiy V.O. Collected Works in 9 vols. Vol.9.*]. Moscow: Mysl, 1990, pp. 363–446. (In Russian)

Pettit F. Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya [Pettit F. *Republicanism. A theory of freedom and government*] / transl. from English. Moscow: Gaydar Institute publ., 2016. (In Russian)

Struve P.B. Fiziologiya odnogo prevrashcheniya: “Neznakomets” i “Novoye vremya” [Physiology of a transformation: “Neznakomets” and “Novoye vremya”], In: *Struve P. Patriotica: Politika, kultura, religiya, sotsializm: Sbornik statey za pyat’ let: (1905–1910 gg.)* [*Struve P. Patriotica: Politics, culture, religion, socialism: Collection of articles in five years: (1905–1910)*]. St. Petersburg: D.Ye. Zhukovskiy publ., 1911, pp. 248–254.

ЭЛИТЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

ПРАКТИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ: НЕФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Колесник Н.В.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.1>

Аннотация. В работе анализируются неформальные практики воспроизводства российской элиты. В первую очередь постулируется вопрос о том, что процесс деформализации политического и экономического сегментов элитного сообщества является важным для исследования. На основе первичных и вторичных эмпирических данных, анализа материалов интервью, разрешается проблема того, какую роль играют семейные ресурсы в воспроизводстве элитных позиций (на примере элитных семей). В научный оборот был вовлечен такой источник информации, как публичные биографические интервью, опубликованные в журнале «Элита общества», который издается в России с конца 1990-х годов (статьи, которые там публикуются об элите и предназначены для элиты). Материалом для исследования послужили 36 интервью, опубликованные до 2005 г. в рубриках «Наследники», «Династии» и «специальное интервью». В ходе проведенного исследования было выделено несколько образовательных линий поведения в элитных семьях. Рассмотренные кейсы позволили нам выявить корпус представлений элиты по вопросу о роли и функциях семьи, из которой ее члены происходят, а главное операционализировать понятие «элитная семья». В целом же, в большинстве случаев, представители, как экономической, так и политической элиты в России и за рубежом представляют высокообразованный слой. При этом, истории семейных ком-

¹ Данная работы выполнена в рамках НИП государственного задания № АААА-А17-117030110144-3 «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России».

паний показывают, что часто без специального образования и навыков владельцы как малых, так и крупных структур демонстрируют успешные бизнес-стратегии. В материалах интервью удалось зафиксировать представления респондентов о культурном капитале родительской семьи: что под этим понимается, кто главный носитель культурного капитала, способы и формы его передачи и наследования.

Ключевые слова: элита, воспроизводство, семья, неформальные практики, бизнес, политика, капитал, наследование, преемственность.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На проблему функционирования формального и неформального в различных сферах жизни нередко обращают свои взоры как российские, так и западные исследователи. Особо пристальное внимание социальными исследователями уделено таким явлениям, как теневизация экономики и выработка экономическими агентами бизнес-стратегий. Процесс деформализации политического и экономического сегментов элитного сообщества оказался в меньшей степени затронут аналитическими маркерами и потому является важным для исследования. Чаще всего в поле зрения российских элитологов оказываются формальные характеристики региональных и властных сообществ, которые по своей сути проясняют лишь частично смысл происходящего. Массивы количественных данных фиксируют значимые социальные характеристики представителей элитного сообщества, но полученные результаты не до конца проясняют важные причинно-следственные связи. Например, почему в российском обществе до сих пор не работает демократия, а имеется набор формальных властных институций, чьи практики преломлены набором законодательно не закрепленных правил и порядков¹. В этой связи обращение к вопросу о неформальном в практиках воспроизводства элиты позволит еще более приблизиться к пониманию того, как соотносятся «неформальное» и «формальное» в процессе институционализации российской элиты.

¹ Более подробно о формальном и неформальном порядке в российском суде см. работу Барсукова С. Ю., Колесник Н.В. «Формальные и неформальные практики российского судопроизводства» // Российские властные институты и элитные трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 183–219.

Вопрос о неформальных практиках в экономической сфере, системе государственного управления изучается в современной социологии с начала 70-х годов прошлого века и определяется в рамках институционального и структурного направления как важная исследовательская проблема (Барсукова 2012: 31–39). Рассматривая, например, неформальную экономику как некую совокупность неформальных и формальных практик, которые регулируют деятельность экономических субъектов, институционалисты провозгласили важность обеих практик в качестве условия функционирования всей экономики. Позже данная исследовательская схема была применена О. А. Моляренко в изучении государственного и муниципального управления, и эмпирически определила положительные последствия наличия неформальной компоненты в системе государственного и муниципального управления, вынужденном характере теневой деятельности в условиях проблемности законодательства и несовершенств регламентации (Моляренко 2016: 120–133). В российской элитологии к анализу проблемы неформальных властных практик с институциональных позиций обращались А.В. Дука, А.Е. Чирикова и другие исследователи (Дука 2015, Чирикова 2014, Чирикова 2015).

Проблема социального воспроизводства российской элиты является одной из ключевых, как в западной, так и российской элитологии. Однако крайне неравномерно исследованы социальные каналы рекрутирования, институции, практики, которые позволяют понять природу феномена социального воспроизводства. В этой череде семья, как один из значимых каналов по воспроизводству элитных позиций, оказывается слабо изученной научной проблемой. Это происходит не только в российской, но и, например, во французской элитологии, когда «заниматься этой темой (неформальные отношения) сложно, многие персональные данные отсутствуют...». По мнению известного российского элитолога Н.Ю. Лапиной, «участники исследования крайне сдержанно высказывались относительно неформальных отношений в политике» (Лапина 2015: 124). Однако политическая семейственность вызывает у респондентов противоречивые чувства: «одни считают, что назначение родственников — отнюдь не порочная практика, которую следует осуждать.... Другим участникам исследования сложившаяся практика претит, они видят в ней проявление nepотизма, противоречащего республиканской традиции... Третьи не склонны преувеличивать значимость неформальных отношений, полагая, что семейственность пред-

ставляет собой маргинальное явление в жизни современной Франции» (Лапина 2015: 126).

Если попытаться суммировать выводы, к которым приходят аналитики, то заметны несколько тенденций в процессе воспроизводства элиты: во-первых, отмечается высокая степень закрытости региональных и федеральных элит, второе — существуют ограничения по восходящей социальной мобильности, что способствует профессионализации корпуса политической и административной элиты. Согласно данным наших исследований, две трети представителей административной элиты к 2006 году занимали свои руководящие позиции ранее, почти половина депутатов воспроизвели свои позиции, а 91% экономической элиты шести регионов сохранили свои позиции (Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской, Костромской, Калининградской области и Хабаровского края). Третья тенденция, которую мы смогли определить, состоит в том, что внутри элитного сообщества регионов происходят активные взаимные переходы индивидов из одного сегмента элиты в другой, при том, что в них преобладает смешанный тип карьеры. Почему так происходит, за счет чего или кого российская элита сохраняет способность воспроизводить себя как некая социальная общность? Это серьезная научная проблема и мы пытались получить ответы на эти вопросы, изучая ранее элиту в шести российских регионах. Мы столкнулись с проблемой методологического и методического порядка, которая состоит в том, что метод сбора информации, который нами использовался (метод структурированных биографий) накладывал ограничения на возможности получения той или иной информации об объекте исследования. Для преодоления этой проблемы встала задача вовлечения нового источника информации (биографические интервью с представителями) для определения роли семейных ресурсов в воспроизводстве элитных позиций (на примере элитных семей).

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

В научный оборот был вовлечен такой источник информации, как публичные биографические интервью, опубликованные в журнале «Элита общества», который издается в России с конца 1990-х годов (статьи, которые там публикуются чаще всего повествуют об элите и предназначены для элиты). Материалом для исследования послужили 36 интервью, опубликованные до 2005 г. в рубриках «Наследники»,

«Династии» и «специальное интервью». Анализируемые интервью представляют собой разные по глубине, дизайну компоновки сюжетов, выстраиванию аргументов тексты. Более того, мы не всегда могли по ним определить позицию автора по конкретной проблеме, но эти материалы позволили нам выявить представления элиты, то, что ее окружает, как она воспроизводит социальное знание о предмете исследования. Серьезная трудность состояла в том, что часто представители элиты выступали как эксперты в своей профессиональной деятельности, а не в вопросе уяснения того, что такое семья с точки зрения элитного воспроизводства.

При проведении исследования был использован биографический метод, способом же получения информации явились биографические интервью (по материалам СМИ). В первую очередь, нас интересовали истории элитных семей, которые рассматривались как относительно устойчивые малые группы, взятые в относительной перспективе. Допускается, что в одном из поколений семья может претерпевать изменения, но, в целом, это, как отмечает В.В. Семенова, не исключает ее непрерывности как социального феномена (Семенова 2005: 80–107). В качестве источника информации использовались биографические интервью или истории жизни, что, по нашему мнению, укладывается в общую тенденцию роста интереса практически всех социальных наук к биографиям. Биографические материалы содержат много специфичного, индивидуального опыта респондента и это в свою очередь, потребовало некоего обобщения с целью *выявления неформальных практик внутри элитной семьи на основе использования биографических интервью (на примере российского общества)*. Качественный анализ истории семьи, активно используемый французскими исследователями Д. Берто и И. Берто-Вильям, позволяет выявить элементы неформальных практик как основу для воспроизводства элитных позиций (Берто 1993: 58–67).

При подходе к любому повествованию исследователь сталкивается с проблемой истинности полученной информации. Вслед за исследователями мы исходили из того, что: 1) повествование есть реальное событие, 2) это тот источник информации, который позволяет конструировать действительность, и 3) информант неизбежно приукрашивает действительность. По мнению А.В. Воробьевой, описание жизни — всегда избирательная реконструкция, и люди стремятся исключить негативный опыт, который перечеркивает их необходимую идентичность, поэтому представление фактов — всегда вымысел, и здесь не уместно противо-

поставление того, что истинно, а что ложно. Любой нарратив стремится не к объективности, а к истинам опыта. В анализируемых источниках предпринимается попытка за отдельными историями увидеть значимые социальные связи, выявить первичное знание о таком феномене как элитная семья, через прочтения индивидуального опыта перейти к коллективному портрету субъекта исследования (Воробьева 1999: 90-98).

ЧТО ТАКОЕ ЭЛИТНАЯ СЕМЬЯ?

Итак, прежде всего, определимся с ключевыми понятиями эмпирического исследования: что такое элитная семья. Мы исходим из того, что это семья — социальная группа, основанная на кровнородственных отношениях. В высокостатусной (элитной) семье один или несколько членов а) занимают элитную (высшую) позицию в той или иной институции, б) являются активными участниками процесса принятия решений на определенном уровне (федеральный, региональный, крупная компания), в) обладают достаточной репутацией для включения их в различные сегменты элитной общности. Поэтому при рассмотрении этой проблемы мы впервые намеренно отошли от позиционного подхода при определении элиты с целью расширения количества эмпирических случаев. Рассмотрение этих кейсов помогло нам выявить корпус представлений элиты по вопросу о роли и функциях семьи, из которой они происходят, а главное, операционализировать понятие «элитная семья».

Как разработан этот сюжет в научной литературе? Отметим, что элитные семьи являются относительно новым сюжетом в российской элитологии. Это связано не только с процессом институционализации научного направления, но в главной мере со степенью закрытости данного объекта для исследователя. Мы гораздо больше знаем об исторической элите периода средневековья или нового времени, нежели о современной элите. Но серьезным подспорьем в исследовании послужили работы, выполненные в рамках других наук, в частности истории, психологии, культурологии, которые позволили нам сформулировать некоторые гипотезы относительно феномена «элитная семья».

Одним из значимых с точки зрения получения эмпирического материала об элитных семьях оказался исследовательский проект Сколковского центра «Исследование владельцев капиталов России 2015 года». Согласно полученным данным, в среде владельцев крупного капитала сформировано представление о том, что такое семья, кем она пред-

ставлена, какова ее структура. Респонденты выделили две модели семьи: узкий семейный круг и расширенный вариант семьи, когда в социальную группу включены и дальние родственники. Узкий круг семьи представлен супругом (супругой), детьми, родителями, родными братьями и сестрами (Исследование 2015: 56).

Что касается исследования европейских элитных семей с точки зрения их социального воспроизводства, то в зарубежной науке данный предмет исследования относительно изучен. Однако, серьезный крен в исследованиях по этому вопросу смещен в «образовательную» сторону, и чаще всего ученые выявляют связь между социальным происхождением и образованием представителей различных сегментов элитного сообщества, степени открытости элитных учебных заведений для выходцев из «простых семей», выявляют потенциал института образования с точки зрения процесса социализации элиты. Особняком стоят работы французской школы исследования элит, направленной на общее исследование групп доминирования и практик их воспроизводства. В частности, следует отметить культурологический подход при анализе французских элит. Интерес представляет с методической точки зрения то, как вычленились элитные семьи Франции: элитная семья та, которая совмещает капитал в разных формах и сочетающая богатство с давностью принадлежности к высшим классам. Таким образом, давность социальной принадлежности и высокая степень богатства были двумя главными критериями выбора элитных семей (светский ежегодника Боттэна).

Итак, рассмотрим, каковыми же оказались методические возможности опубликованных интервью, что они дают для понимания неформальных практик воспроизводства элитной общности в современной России.

СЕМЬЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Сюжет об образовательных стратегиях в исследованных интервью, как представителями поколения отцов, так и поколения детей, относится к наиболее обсуждаемым. Нами выявлено, и это подтверждается другими исследованиями, что на образовательные успехи детей в школе, а далее и в профессиональной деятельности, серьезное влияние оказывают ожидания родителей, их денежный капитал и временные возможности. Большими преимуществами в жизни обладают дети тех родителей, кто придавал большое значение образованию в процессе социализации.

Наши респонденты единодушно отмечают, что родители повлияли на выбор и формирование их образовательных стратегий. Из их представлений об образовании как ресурсе мы зафиксировали предпочитаемый тип образования, место получения образования, характер социальных контактов и окружения, которое складывается в процессе образования.

Чаще всего в интервью респонденты отмечают, что образование важно не само по себе, а как важный социальный ресурс для выстраивания профессиональной карьеры. В ходе проведенного исследования было выделено несколько образовательных линий поведения в элитных семьях: 1) так называемый «самостоятельный путь», когда дети выбирают элитное образование, при этом их выбор не определен профессиональным статусом их родителей, дедушек и бабушек, сестер и братьев; 2) образование выступает способом воспроизводства элитных позиций семьи в рамках нескольких поколений, имеет место так называемое «династическое образование»; 3) образовательная линия детей связана с профессией родителей, но основана не на династических принципах. Этот тип образования формируется под влиянием родительского авторитета, юношеского опыта; 4) образование выступает способом наследования высокого профессионального статуса одного из родителей, когда с рождения ребенок знает о том, кем он будет по профессии (чаще распространена эта форма среди представителей крупного капитала и деятелей искусства (мы зафиксировали случаи наследования дочерью профессии отца (дочь — владелица крупной ювелирной империи, другая дочь имеет бизнес по производству и обработке меха), случай воспроизводства типа образования матери и отца дочерью-балериной (семья артистов балета); 5) маргинальный случай — образование рассматривается как элемент культурного капитала, а именно процесса воспитания — у ребенка на протяжении периода детства родители (чаще отец) формировали кодекс чести, который активно проповедуется в родительской семье.

Что еще обращает на себя внимание при обработке биографических нарративов? Определяются различия у детей политиков и крупных бизнесменов в обосновании своих образовательных стратегий. Дискурс об образовании у детей крупных бизнесменов практически лишен патриотической составляющей, тогда как у детей крупных политиков рассуждения о месте получения образования (чаще двух) ограничиваются тем, что необходимо получить диплом престижных вузов, и непременно отечественного производства, тогда как дети экономической элиты чаще

дискутируют о необходимости получения образования в престижных вузах за границей и рассуждают в категории того, что не время, а образование — деньги. Таким образом, четко подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что родители из высших слоев оказывают влияние на процесс образования своих детей. В целом, как зарубежные исследования, так и (частично) отечественные (в частности, результаты проектов под руководством О.И. Шкаратана, Н.Е. Тихоновой) показывают, что существует связь между социальным происхождением и образовательными достижениями» (Aberbach 1981: 56).

Особую важность приобретает образовательный статус, когда индивид является наследником семейной бизнес-структуры. Размер финансового капитала, которым владеет семейная компания не столь важен, ибо практически для любой семейной компании вопрос о преемниках является актуальным уже с момента зарождения бизнеса. Исследование Б. Биглиарди и А. Дормио 2009 года показывает, что образовательный уровень и опыт преемника для воспроизводства семейного бизнеса оказываются крайне важным (Bigliardi, Dormio 2009: 44–51). Как замечает Е. Рождественская, исследовавшая модели семейного бизнеса и вопросы наследования, образование преемников имеет и гендерные отличия. Ссылаясь на исследования Garcia-Alvarez, Lopez-Sintas, Gonzalvo 2002 года, социолог отмечает, что женщины получают более высокий уровень образования, чем мужчины. «В случае, когда сиблинги-преемники работают в команде, сыновья обладают образованием в сфере, лежащей в основе бизнеса и компетенций отца-основателя (обычно это производство), в то время как дочери фокусируются на областях, новых для членов семьи, которые парадоксальным образом становятся ключевыми для конкурентоспособности компании (маркетинг, IT, дизайн)» (Рождественская 2015: 8). Согласно исследованию по вопросу сохранения семейного бизнеса среди российских владельцев, на уровне инвестиций в образование сыновей и дочерей не обнаружено больших различий, но с точки зрения «направленности/контроля за вовлечением в преемственность более явное предпочтение в отношении сыновей» (Рождественская 2015: 12). Более половины респондентов в ходе интервью определили качественное образование и возможность получить опыт работы в коммерческих структурах в виде базового фактора в семейной бизнес-преемственности.

По нашему же мнению, роль образования в процессе воспроизводства элитных позиций все же не стоит преувеличивать. Истории семей-

ных компаний показывают, что часто без специального образования и навыков владельцы как малых, так и крупных структур демонстрируют успешные бизнес-стратегии. При этом, те немногочисленные исследования российской экономической элиты (владельцы крупного бизнеса), которые имеются, показывают, что «родители — почти все (97%) люди с высшим образованием, четверть из них получили российскую или зарубежную ученую степень. Из них большинство (60%) по образованию инженеры и физики, примерно у четверти (28%) участников проекта базовая специальность, так или иначе, связана с экономикой или с финансами. Диплом по гуманитарным специальностям имели только два собеседника. Поколение детей — абсолютно все с высшим образованием и не с одним, зачастую полученным за рубежом, доминирующий профессиональный профиль — бизнес и менеджмент — образование, лишь один случай связан с инженерным образованием. В этом смысле стратегия преемственности во втором поколении учитывает более прямой путь в бизнес через профильное образование» (Рождественская 2015: 14).

В большинстве случаев, представители как экономической, так и политической элиты в России и за рубежом представляют высокообразованный слой. Вторичный анализ данных показывает, что более 90% европейских и американских депутатов, представителей административной элиты, имеют высшее образование. Больше всего гуманитариев среди английских чиновников, в США их количество не значительно — 6%, в Германии — 3%. Среди немецких чиновников преобладают юристы — 70%, значительное их количество в Голландии (40%) и Италии (56%), в США — 20%. Что касается политической элиты США, то более половины (57%) имеют юридическое образование (для сравнения — в Великобритании только 20%). Если обратиться к результатам исследования элиты государственного управления (президентская власть, члены правительства, Совета Федерации, Государственной Думы, судебной и контрольной власти — 1340 человек), то видно, что преобладающим типом образования среди представителей федеральной элиты, также как и в случае с региональной элитой, является техническое и технологическое (14,7%), гуманитарное образование (14%) и образование, полученное в вузах силовых ведомств (12,8%)¹. Процесс

¹ Рейтинги вузов по образованию представителей элиты государственного управления России 2014/ Москва/ Апрель/ 2014. С. 27. URL: <http://www.fa.ru/news/Documents/GovElite.pdf> (дата обращения: 13.05.2017).

формирования нового пула элитных вузов в современной России находится на первоначальном этапе. Происходит постепенное обновление старой элитной когорты, вузов первого уровня (МГУ, МГИМО, СПбГУ), за счет пополнения новыми образовательными институциями (НИУ ВШЭ, ИТМО и др.).

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ ЭЛИТНЫХ СЕМЕЙ

Следующим фактором воспроизводства элитной семьи является культурный капитал. Проблематика культурного капитала активно разрабатывалась в социологии с 70-х гг. прошлого века. Культурный капитал семьи необходимо рассматривать с позиции наследования индивидами данного вида капитала через родительскую семью. В этой ситуации культурный капитал является элементом семейного капитала и играет важную роль в процессе воспроизводства любой социальной общности, в том числе и элитной. Культурный капитал семьи, понимаемый как совокупность ценностей и традиций, нематериальный актив семьи, передаваемый от поколения к поколению, является основой в выстраивании социальных стратегий поведения индивидов.

П. Бурдье в своей теории воспроизводства вводит понятие «культурный капитал» и определяет его как совокупность знаний, престижа. По мнению автора, существует три состояния культурного капитала: инкорпорированное (форма диспозиций ума и тела), институционализированное (дипломы, научные степени и др.), объективированное — культурные товары, культурные средства. Культурный капитал используется П. Бурдье применительно не только к индивиду, но и к различным социальным группам, общностям, в том числе и к семье. Если речь идет о культурном капитале применительно к семье, то возникает институт наследования, когда происходит передача усвоенных ценностей, образовательного уровня (Бурдье 2001).

Основная гипотеза в эмпирическом исследовании состояла в том, что главным агентом в передаче культурного капитала выступает семья, но эта гипотеза подтвердилась частично, потому что интервью показали, что школа и социальное окружение так же берут на себя эти функции. В материалах интервью фиксируются представления респондентов о культурном капитале родительской семьи: что под этим понимается, кто главный носитель культурного капитала (в роли носителя могут выступать как мать, так и отец, как брат, так и сестра,

особенности передачи капитала в случае воспитания девочек и мальчиков). Далее артикулируется в каких формах передается культурный капитал (мы определили, что это могут быть богатые домашние коллекции книг, антиквариата, участие в культурной жизни на уровне региона, страны, реализация частных проектов в области искусства, благотворительные акции, обустройство и функционирование домашних театров, участие в зарубежных культурных программах).

Важный и существенный аспект в процессе передачи культурного капитала — роль расширенной семьи, которая берет на себя функции транслятора культурного капитала через поколения. Сложная система родства играет решающую роль не только в наследовании экономического капитала и имущества членов клана, но и в воспроизводстве высшего слоя. В дискурсе детей о передаче культурного капитала определяются его составляющие, и культурный капитал выступает чаще всего как часть семейного наследства (знания, связи, доступ к образованию), которое передается как от отца к сыну, так и от отца к дочери, от ближайшего круга родственников к детям. В родительском дискурсе определены мотивы и принципы передачи культурного капитала. Общим местом в рассуждениях элиты является то, что для родителей из элитных семей это крайне важный процесс воспроизводства культурного капитала, цель которого — сохранение высокого статуса. Российские исследования по поведению детей на рынке культурных услуг показали, что дети выбирают то, что соответствует их социальной позиции. Отмечено, что социальные аутсайдеры могут увеличить культурный капитал, но это не позволит им повысить свой социальный статус.

Культурный капитал крайне важен для сохранения и преумножения семейного финансового капитала. Зарубежные исследования предпринимательского слоя показывают, что семейные ценности оказываются ключевыми для сохранения семейного бизнеса (McCollom 1988). «По имеющимся данным, приблизительно 30% семейных бизнесов выживает во второй генерации наследников и только от 10% до 15% подхватывается третьим или более дальним поколением (Beckhard and Dyer, 1983; Ward, 1987, 1997)» (Рождественская 2014: 2). В более поздних поколениях риск утраты семейного бизнеса наследниками все более увеличивается. По мнению Д. Блока, «более поздние поколения в семейном бизнесе собирают меньше патентных ссылок и производят инновации с меньшим экономическим и технологическим значением, чем основатель семейной фирмы» (Рождественская 2014: 2).

Исследования российской экономической элиты показывают, что успешный семейный бизнес возможен в том случае, если обнаруживаются общие ценностные доминанты (достижение, власть, богатство, самостоятельность, риск, новизна, гедонизм). «Обсуждая ценностную близость с детьми, 82% родителей оценили ее как близкую и очень близкую, в то время как лишь больше половины опрошенных представителей второго поколения подтверждают ее, при этом половина опрошенных взрослых детей далеко не уверены в том, что они хорошо понимают своих родителей. Во встречном непонимании признается и часть опрошенных родителей, 12% из них отмечали, что видят свои упущения в воспитании детей» (Исследование 2015: 16). Таким образом, в случае изучения семейного бизнеса ценностная гомогенность и высокий уровень профессиональной подготовки оказываются важными при наследовании крупного капитала.

При этом, сколковское исследование владельцев крупных капиталов показывает, что не все представители российской экономической элиты разделяют оптимизм по поводу того, что именно семейные ценности и традиции станут залогом успешной передачи крупного бизнеса от родителей к детям. Владельцы крупного капитала в своих рассуждениях о бизнес-династиях учитывают объективные факторы в виде рыночных институтов, которые оказывают влияние на преемственность в бизнесе, благосостояние и отсутствие семейных традиций в СССР. «...Любой большой бизнес, даже честно нажитый, опасается за свою судьбу. Но бизнес <сейчас> не чувствует себя стабильно. Будут готовы передавать единицы, и только в том случае, если есть потомство, способное за себя постоять. И третье обстоятельство. Отсутствуют традиции и семейные ценности. В СССР традиции были разрушены, а новых не создано. Нет понимания, какой должна быть роль каждого члена семьи, если говорить о такой сложной задаче, как передача бизнеса» (Исследование 2015: 25). Интервью показывают, что семейная культура передачи материального капитала находится в стадии зарождения.

БРАЧНЫЕ СВЯЗИ ВНУТРИ ЭЛИТНОЙ ОБЩНОСТИ

С давних времен государственные институты не являются единственным механизмом для передачи властных полномочий. Брак, родственные отношения, личная преданность как неформальные основания властных структур имели не меньшее значение для осуществления

правителем своих властных полномочий (Althoff 2004: 160). Если рассматривать властные отношения детально, то граница между формальными (государственными институтами) и неформальными структурами власти часто оказывается едва различимой. Тем не менее, при изучении эмпирического случая элитных практик подобное разграничение видится важным с методической точки зрения.

В российской социологии проблематика неформальных отношений внутри властной общности относится к относительно разработанным сюжетам. В научной литературе определено, что родительская семья оказывает влияние и на выбор брачного партнера, ибо доказано, что процесс первичной социализации значим в выстраивании индивидуальных семейных стратегий, определении жизненных траекторий индивида. Семью родителей следует рассматривать как некий ресурс, который при определенных условиях, с одной стороны выступает в роли фактора воспроизводства высокого статуса родительской семьи индивида, с другой стороны, выполняет роль «катализатора» в процессе циркуляции элитной группы. Как в первом, так и во втором случае, родительская семья воспроизводит некоторую «совокупность генеалогических связей» (термин П. Бурдьё), которые мобилизуются индивидом для удовлетворения повседневных потребностей (Бурдьё 2001: 325).

Российское общество, как на федеральном, так и на региональном уровнях, изобилует примерами «семейных кланов» во властных и экономических структурах, активном использовании родственных связей для обретения высокого социального статуса. Зачастую последовательные браки, как и активно распространившиеся в последнее время разводы внутри элитных семей, используются в качестве важного элемента политики и способа сохранения финансовых и социальных капиталов. Браки внутри элитного сообщества являются и индикатором интересов различных сегментов внутри федеральной, региональной элиты. Как и в прошлом, так и сейчас, те, кто оказывается в близком окружении к высшей власти, обеспечивают себе полномочия, привилегии, власть. В этой связи крепкие (плотные) брачные и родственные сети в элитных стратегиях оказываются значимым ресурсом на всех уровнях власти, от муниципального до федерального.

Если в научном поле практически отсутствуют эмпирические исследования, раскрывающие роль семейного ресурса в элитном воспроизводстве, то в СМИ присутствует изобилие фактологического материала о «семейных кланах» в современной России. Авторитетное

издание «Форбс» с 2015 года запустило проект «Богатейшие семейные кланы России», в котором на основе оценки принадлежащего бизнеса составляется рейтинг богатых российских семей. За последние несколько лет высшие позиции в этом рейтинге занимают семьи Гуцириевых, Ротенбергов, Ананьевых, Шамаловых, Шаймиевых, Саркисовых, Бажаевых, Рахимкуловых, Магомедовых, Муцоевых.

Что касается данных эмпирического исследования, то они позволили нам определить, кого же выбирают в качестве брачных партнеров представители российских элитных семей. Гипотеза состояла в том, что на этот процесс влияет модель родительской семьи, профессиональные и частные социальные сети, а также представления родителей об идеальном партнере/партнерше для своего ребенка. Исключающая гипотеза — некоторые успешные и состоявшиеся женщины осознанно выбирают одиночество и не вступают в брак. Первая гипотеза доказана нами частично, так как этот элемент выстраиваемой нами идеальной модели элитной семьи оказался в интервью артикулированным лишь частично. Мы смогли определить, что в семьях, как представителей политической, так и экономической элиты, в роли будущих супругов/супруг могут выступать соратники их родителей по партии, партнеры по бизнесу. Так же выбор партнера осуществляется по принципу «случайности», но, как правило, это те, кто составляет ближайшее окружение претендента на брак. В ходе анализа интервью нами была сформулирована еще одна гипотеза (которая появилась после анализа одного случая): элитные семьи могут пополняться и за счет представителей других семей. В подобной ситуации индивид, имея низкий социальный статус, преодолевает социальный уровень своей родительской семьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, эмпирическое исследование семьи как фактора воспроизводства и способа самозакрытия элитной общности в современной России показывает значимость семейного ресурса. Еще в 1939 году известный итальянский элитолог Г. Моска в работе «Правящий класс» отмечал, что любая правящая группа обладает естественным желанием закрепить свои высшие позиции путем наследования, но любое самозакрытие элиты имеет негативные последствия для ее функционирования и стабильности общества в целом. По мнению Г. Моска, пригодность к занятию высокого поста есть ни что иное, как привычка

и способность занимать его, и легче это достигать тем, кто усвоил привычки и способности с детства (Москва 1994).

В ходе проведенного исследования было выделено несколько образовательных линий поведения в элитных семьях. Рассмотренные кейсы позволили нам выявить корпус представлений элиты по вопросу о роли и функциях семьи, из которой они происходят, а главное, операционализировать понятие «элитная семья». В целом же, в большинстве случаев представители, как экономической, так и политической элиты в России и за рубежом представляют высокообразованный слой. Истории семейных компаний показывают, что часто без специального образования и навыков владельца как малых, так и крупных структур демонстрируют успешные бизнес-стратегии. В материалах интервью удалось зафиксировать представления респондентов о культурном капитале родительской семьи: что под этим понимается, кто главный носитель культурного капитала, способы и формы его передачи и наследования.

Проведенный анализ показывает значимость семейных ресурсов для воспроизводства элитной общности в современной России. Эмпирические данные российских элитологов показывают, что социальные сети, как на региональном, так и федеральном уровнях, выстроенные на семейной/родственной и дружеской основе, оказываются прочными и устойчивыми. Следует отметить, что в российском обществе формально не происходит передача политической власти по наследству, однако это не означает, что после событий 1917 года исчезли малые и крупные династии или ослабла роль семьи в передаче власти. Как отмечает Д. Дайндам, династическое лидерство сегодня вышло на первый план в Западной и Юго-Восточной Азии, в странах Северной Африки, России, США¹. Если династия Ким из Северной Кореи отдает предпочтение традиционным, вековым практикам власти, то Владимир Путин «раздувает клише из династического прошлого» через практики самопрезентации: строгий защитник, великий охотник, спортсмен, друг простых людей. «Политические семьи в США, от Рузвельта и Кеннеди до Бушей и Клинтон», также показывают, что династические тенденции можно найти и «в современных демократиях».

¹ Исследователь Ф. Олденбург считает уместным использовать термин «династия» применительно к тем государствам, в которых передача власти по наследству осуществляется в рамках закона (Oldenburg 2018).

Литература и источники

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательски подходы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 31–39.

Барсукова С. Ю., Колесник Н.В. «Формальные и неформальные практики российского судопроизводства» // Российские властные институты и элитные трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 183–219.

Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: преемственность и социальная мобильность // Социологические исследования. 1993. С. 58–67.

Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н.А. Шматко. Отв. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

Воробьева А.В. Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 3–47. С. 90–98.

Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 14–72.

Исследование владельцев капиталов России 2015 года. Центр управления благосостоянием и филантропии Сколково. 2015. URL: [http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report\(RUS\).pdf](http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report(RUS).pdf) (дата обращения: 10.04.2017).

Ланина Н.Ю. К вопросу об особенностях французской политической элиты // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 93–135.

Моляренко О.В. Теневое государственное и муниципальное управление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 120–133.

Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 97–117.

Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: 2005. С. 80–107.

Рейтинги вузов по образованию представителей элиты государственного управления России 2014 (2014) // Финансовый университет при Правительстве РФ // <http://www.fa.ru/news/Documents/GovElite.pdf> (дата обращения: 13.05.2017).

Рождественская Е. Отцы и дети: преемственность бизнеса и благосостояния в семьях собственников крупного бизнеса в России. URL: <http://psihdocs.ru/otci-i-deti-preemstvennoste-biznesa-i-blagosostoyaniya-v-semey.html> (дата обращения: 07.09.2017).

Чирикова А.Е. Модели взаимодействия органов власти на местном уровне: давление, манипулирование, торг? // Вестник Института социологии. 2014. № 9. С. 88–105.

Чурикова А.Е. Невидимая власть в проекции малых российских городов // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 326–344.

Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 1981.

Althoff G. Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe / Trans. C. Carroll. Cambridge, 2004.

Bigliardi B., Dormio A. Successful generational change in family business? // Measuring Business Excellence. 2009. Vol. 13. Is. 2. P. 44–50.

Duindam Jeroen. Pre-modern Power Elites: Princes, Courts, Intermediaries / The Palgrave Handbook of Political Elites. Edited by Heinrich Best, John Higley. Palgrave Macmillan. 2018. P. 161–180.

McCullom M. Integration in the family firm: When the family system replaces controls and culture. Family Business Review. 1988. № 1(4). Pp. 399–417.

Oldenburg P. Political Elites in South Asia / The Palgrave Handbook of Political Elites. Edited by Heinrich Best, John Higlays. Palgrave Macmillan. 2018. P. 203–224.

ELITES IN HISTORICAL DYNAMICS

PRACTICES OF THE REPRODUCTION OF THE RUSSIAN ELITE: THE INFORMAL ASPECT

N. Kolesnik

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.1>

Abstract. *In the work informal practices of reproduction of the Russian elite are analyzed. Firstly, the postulate that the process of deformation of the political and economic segments of the elite community is important for research. Based on empirical data, analysis of interview materials, the problem of the role of family resources in the reproduction of elite positions (on the example of elite families) is solved. A source of information was involved in scientific circulation, such as public biographical interviews published in the journal “Elite of Society”, which has been published in Russia since the late 1990s (articles that are published there on the elite and are intended for the elite). The material for the study was 36 interviews published before 2005 in the sections “Heirs”, “Dynasties” and “special interviews”. In the course of the study, several educational lines of behavior in elite families were singled out. The cases examined allowed us to reveal the corpus of the elite representations on the role and functions of the family from which they originate, and, most importantly, to operationalize the concept of “elite family”. In general, in most cases, representatives of both economic and political elites in Russia and abroad represent a highly educated stratum. At the same time, the history of family companies shows that often without special education and skills, the owners of both small and large structures demonstrate successful business strategies. The interview materials managed to record the respondents’ views on the cultural capital of the parents’ family: what is meant by this, who is the main bearer of cultural capital, the ways and forms of its transfer and inheritance.*

Keywords: *elite, reproduction, family, informal practices, business, politics, capital, inheritance continuity.*

References

- Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 1981.
- Althoff G. Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe / Trans. C. Carroll. Cambridge, 2004.

Barsukova S.U. Neformal'naya ekonomika: ponyatiye, istoriya izucheniya, issledovatel'ski podkhody [Barsukova S.U., Informal economy: concept, study history, research approaches], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2012, 2, pp. 31–39. (In Russia).

Barsukova S.U., Kolesnik N.V. «Formal'nyye i neformal'nyye praktiki rossiyskogo sudoproizvodstva» [Barsukova S.U., Kolesnik N.V. "Formal and Informal Practices of Russian Judicial Proceedings"] in *Rossiyskiye vlastnyye instituty i elitnyye transformatsii: Materialy vos'mogo Vserossiyskogo seminara «Sotsiologicheskiye problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii»* / Otv. red. A.V. Duka. SPb.: Intersotsis, 2011. Pp. 183–219. (In Russia).

Berto D., Berto-V'yam I. Semeynoye vladeniye i sem'ya: preyemstvennost' i sotsial'naya mobil'nost' [Berto D., Berto-Viam I. Family Possession and Family: Continuity and Social Mobility], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1993, pp. 58–67. (In Russia).

Bigliardi, B., Dormio, A.I. Successful generational change in family business", *Measuring Business Excellence*, 2009, Vol. 13, Is. 2, pp. 44–50.

Burd'ye P. Prakticheskiy smysl [Bourdieu P. Practical meaning] / Per. s fr. A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko. Otv. red. N.A. Shmatko. SPb. Aletyaya, 2001. (In Russia).

Chirikova A.E. (a) Modeli vzaimodeystviya organov vlasti na mestnom urovne: davleniye, manipulirovaniye, torg? [Chirikova A.E. Models of interaction of authorities at the local level: pressure, manipulation, trading?], *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2014, 9, pp. 88–105. (In Russia).

Chirikova A.E. (b) Nevidimaya vlast' v proyektzii malykh rossiyskikh gorodov [Chirikova A.E. Invisible power in the projection of small towns] // *Vlast' i elity* / Gl. red. A.V. Duka. T. 2. SPb.: Intersotsis, 2015, pp. 326–344. (In Russia).

Duindam Jeroen. Pre-modern Power Elites: Princes, Courts, Intermediaries, in: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Edited by Heinrich Best, John Higley, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 161–180.

Duka A.V. Osnovaniya funktsionirovaniya vlastnykh elit [Duka A.V. The foundations of the functioning of power elites]. *Vlast' i elity* [Power and elites], T. 2, ed. by Duka A.V. SPb.: Intersotsis, 2015, pp. 14–72. (In Russia).

Issledovaniye vladeltsev kapitalov Rossii 2015 goda [Investigation of Russian Capital Owners 2015]. Center for welfare and philanthropy management Skolkovo, 2015. URL: [http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report\(RUS\).pdf](http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report(RUS).pdf). (available: 10.04.2017) (in Russia).

Lapina N.U. K voprosu ob osobennostyakh frantsuzskoy politicheskoy elity [Lapina N.U. To the question of the peculiarities of the French political elite]. *Vlast' i elity* [Power and elites], T. 2, ed. by Duka A.V. SPb.: Intersotsis, 2015, pp. 93–135. (In Russia).

McCullom M. Integration in the family firm: When the family system replaces controls and culture. *Family Business Review*, 1(4), 1988. Pp. 399–417.

Molyarenko O.V. Tenevoye gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye [Shadow State and Municipal Administration], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2016, 3, pp. 120–133. (In Russia).

Mosca G. Pravyashchiy klass [Mosca G. The Ruling class], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1994, 12, pp. 97–117. (In Russia).

Oldenburg P. Political Elites in South Asia, in: The Palgrave Handbook of Political Elites. Edited by Heinrich Best, John Higley. Palgrave Macmillan, 2018, pp. 203–224.

Reytingi vuzov po obrazovaniyu predstaviteley elity gosudarstvennogo upravleniya Rossii 2014 (2014) // Finansovyy universitet pri Pravitel'stve RF [Ratings of universities by the formation of representatives of the elite of public administration in Russia 2014 (2014) // Financial University under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.fa.ru/news/Documents/GovElite.pdf> (available: 13.05.2017).

Rozhdestvenskaya E. Ottsy i deti: preymstvennost' biznesa i blagosostoyaniya v sem'yakh sobstvennikov krupnogo biznesa v Rossii [Fathers and children: the continuity of business and welfare in the families of owners of large businesses in Russia]. URL: <http://psihdocs.ru/otci-i-deti-preemstvennoste-biznesa-i-blagosostoyaniya-v-semey.html> (available: 07.09.2017). (In Russia).

Semenova V.V. Sovremennyye kontseptsii i empiricheskiye podkhody k ponyatiyu «pokoleniye» v sotsiologii [Semenova V.V. Modern concepts and empirical approaches to the concept of “generation” in sociology], In: *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and children: the generation analysis of modern Russia], sost. YU. Levada, T. Shanin. M.: 2005, pp. 80–107. (In Russia).

Vorob'yeva A.V. Tekst ili real'nost': poststrukturalizm v sotsiologii znaniya [Vorob'yeva A.V. Text or reality: poststructuralism in sociology of knowledge], *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 1999, 3, pp. 90–98. (In Russia).

ЭЛИТЫ В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Урсула Хофман-Ланге

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.2>

Аннотация. В статье анализируется роль социальных и политических изменений в развитии элит Германии с начала XX века. Показано, что смены режима, которые испытала Германия, по-разному повлияли на структуру и перспективы элит. Установление Веймарской республики в 1919 году характеризовалось высоким уровнем элитной преемственности. Аналогично, демократизация в Западной Германии после 1945 года не привела к обширной трансформации элиты, за исключением политического и медийного секторов. Напротив, учреждение идеократических режимов, как в случае прихода к власти Национал-социалистов в 1933 году, так и после коммунистического поглощения Восточной Германии в 1945, привело к замене ранее автономных социетальных элит лояльными последователями. Объединение Германии в 1990 уникально тем, что оно было достигнуто включением бывшей ГДР в устойчивый демократический порядок Западной Германии, который ассоциировался со значительным элитным трансфертом из западных земель.

В последние десятилетия два главных социетальных тренда вызвали изменения в структуре принятия политических решений. В результате увеличения объема государственных полномочий в Германии произошло значительное расширение политического персонала. Однако, вызывает сомнение, привело ли это к формированию политического класса с общими интересами, так как этот сектор является достаточно гетерогенным. Второй тренд — политическая мобилизация рядовых граждан — вызвал появление многочисленных протестных движений, рост электоральной волатильности, увеличение числа новых партий и их распространение, а также усиление ротации в парламентах. Современные германские элиты вынуждены представлять гораздо более широкий спектр интересов. До сих пор они успешно справлялись с этими вызовами. В то же время политическая поляризация значительно усилилась.

Ключевые слова: элиты Германии, изменение элиты, элитный трансферт, изменение режима, политический класс, профессионализация политики, политическая мобилизация.

ВВЕДЕНИЕ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМНЫ КАК ДВИГАТЕЛЬ ЭЛИТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Политические турбулентности XX века оставили в Германии глубокие следы. Страна пережила пять смен режимов. После проигранной Первой мировой войны Германская империя была заменена Веймарской республикой, в 1933 г. к власти пришли национал-социалисты и установили фашистский режим. Сокрушительное поражение немецкого Рейха во второй мировой войне и переход власти к войскам союзников (Советский Союз, США, Великобритания, Франция) привели к полной утрате суверенитета страны. Последовало разделение Германии и отделение ее восточных районов, которые были частично присоединены к Польше, частично к Советскому Союзу. Западные союзники с 1945 по 1949 г. способствовали созданию в своей оккупационной зоне либеральной демократии и позволили в итоге летом 1949 г. образоваться Федеративной Республике Германии. Одновременно в Восточной Германии в условиях советской оккупации было учреждено коммунистическое государство с централизованным плановым хозяйством — Германская Демократическая Республика. После политического краха коммунистического режима в ГДР в ноябре 1989 после короткого переходного периода осенью 1990 г. последовало присоединение пяти земель ГДР и Восточного Берлина к ФРГ и установление режима либеральной демократии также и в Восточной Германии.

Немецкая история — хороший пример того, что при таких резких сменах режима элиты играют в ней ключевую роль, а также того, что вследствие военных конфликтов в ней частично участвуют и внешние элиты, как это было в Германии после 1945 года. Смена режима всегда включает и кадровые перемены. Ведет ли это также к глубокой и устойчивой смене политических элит? Ответ на этот вопрос во многом зависит как от характеристики старого и нового режимов, так и от структуры общества. Это подтверждает опыт Германии и других посткоммунистических стран (Hoffmann-Lange 1997; Higley & Lengyel 2000). При политической стабильности смена элит происходит непрерывно и состоит, прежде всего, в замене старого руководящего персонала более молодыми кадрами.

Учитывая бурную историю Германии прошедших 150 лет, в центр анализа полезно поставить вопрос о причинах преемственности и из-

менений в немецких элитах. И здесь можно обратиться к соображениям двух основателей теории элит — Вильфредо Парето и Гаэтано Моска. Оба они занимались вопросами изменений в элитах, но ставили в центр своих размышлений два различных объяснительных подхода. Парето занимался, прежде всего, вопросом о том, при каких условиях господствующие элиты могут успешно противостоять вызовам контрэлит. Он объяснял это соотношением в правящей элите в процессе удержания власти двух основных поведенческих позиций. С одной стороны, это готовность обеспечить поддержание собственной власти через принуждение, с другой — склонность к тому, чтобы путем диалога, тактических уступок и манипулирования массами держать в страхе потенциальные *контрэлиты*. Первый тип элит Парето в духе Макиавелли называл элитой львов, второй — элитой лис. Парето ожидал, что слишком сильная тенденция действий элиты в том или в другом направлении может способствовать приходу к власти контрэлиты, т.е. тому, что действующая элита рано или поздно будет свергнута (Femia 2001: 71–74). В противоположность этому Моска в своем историческом анализе изменений в элитах представлял воззрение, согласно которому подорвать легитимность существующей элиты и обеспечить подъем новой элиты могут общественные изменения. Это произойдет в том случае, если старая элита будет не в состоянии приспособиться к новым реалиям и удержаться у власти через связь с новыми общественными группами.

И хотя эти соображения классиков включают лишь некие общие фиксации, в их основных размышлениях можно выделить важные объяснительные факторы элитных изменений. Комбинация обоих приведенных соображений позволяет полагать, что элиты должны сочетать разнообразные компетенции, а также демонстрировать значительную гибкость, чтобы несмотря на постоянные вызовы со стороны новых общественных проблем и оппозиционных общественных сил удерживаться у власти.

В основном классическая модель демократии предполагает, что такая приспособляемость элит обеспечивается посредством регулярных выборов. Они не позволяют демократическим элитам игнорировать новые общественные проблемы, подобно тому, как рынок принуждает предпринимателей приспособлять свои продукты к спросу потребителей. Но на практике данная модель функционирует, все же, не всегда адекватно, так как элиты имеют тенденцию стараться избавляться

от контроля избирателей посредством цементирование своей политической власти через институциональные регуляции — например, через ограничения в избирательной системе или через протекцию должностей (*Ämterpatronage*). Также может быть, что объективное давление проблем, например, глубокого экономического кризиса, оказывается столь высоким, что имеющиеся политические партии не способны предложить удовлетворительные решения. Это способствует, с одной стороны, появлению новых политических партий, с другой — выдвижению требований институциональных реформ или больших возможностей влияния для простых граждан. Но возможно также, что это приводит к тяжелому кризису легитимности, как это произошло в период между двумя мировыми войнами в Германии и некоторых других европейских странах.

Если первые послевоенные десятилетия после 1945 года сопровождались в большинстве западноевропейских стран экономическим подъемом и привели к стабилизации демократии, то экономическая и общественная модернизация, а также глобализация последних десятилетий принесли с собой общественный поворот. Он сопровождается интенсивной сменой элит, которая с 2008 года все больше ускоряется вследствие экономического и финансового кризиса.

СМЕНЫ РЕЖИМОВ И СМЕНЫ ЭЛИТ В ГЕРМАНИИ В XX СТОЛЕТИИ

Преемственность элит при переходе от Германской империи к Веймарской республике. Чтобы понять проблемы и итоговый провал Веймарской республики, важно рассмотреть институциональную и элитную структуру Германской империи. Историки и социологи, имея в виду развитие немецкой демократии, часто представляли тезис об особом немецком пути, который состоял в том, что индустриализация и демократизация в Германии в отличие, например, от Англии и Франции, не шли рука об руку. Это подкреплялось также институциональными аргументами, связанными с образованием Германской империи в 1871 году. Тогда были законсервированы властные структуры конституционной монархии, что существенно отставало от соответствующего демократическому духу времени полноценного парламентаризма. Полнота исполнительной власти была возложена на монарха и ответственное перед ним правительство, которое не нуждалось в вотуме доверия

демократически избранного Рейхстага, компетенции последнего ограничивались лишь одобрением законов.

Второй важный фактор — институциональный дуализм исполнительной и законодательной власти. Он благоприятствовал противостоянию этих ветвей власти, что при рекрутировании элит проявлялось также в нараставшем разделении профессиональных карьер представителей исполнительной и законодательной власти. Если в первой половине XIX века в парламентах немецких государств доминировали госслужащие, то в состав депутатов Рейхстага после 1871 года рекрутировались в возрастающей мере представители других профессий, прежде всего, функционеры политических партий и ассоциаций. (Best 1988, 1989; Sheehan 1976). Это разделение, в основном, соответствует модели президентской системы США. Но поскольку конституционные права Рейхстага были ограничены, а баланс между законодательной и исполнительной властью отсутствовал, это привело в Германии к тому, что престиж депутатов Рейхстага был намного ниже, чем у министров и высшей министерской бюрократии.

Дуалистическая институциональная система Германской империи препятствовала также образованию прагматических политических партий. Поскольку они не несли ответственности за формирование правительства, партии использовали арену Рейхстага, с одной стороны, для артикуляции идеологических программных требований, а с другой — для прагматического представительства интересов собственной электоральной клиентелы. Первый способ поведения вел к *политизации социальной структуры* (Lepsius 1973) и препятствовал формированию настоящей партийной конкуренции, так как партии понимали себя, прежде всего, как политических выразителей их социальной среды и пытались в избирательной борьбе мобилизовать ее максимальным образом. С другой стороны, в своей кооперации с правительством по отдельным вопросам партии давали пищу и без того распространенным предубеждениям, что они преследуют преимущественно партикуляристские интересы.

Переход к Веймарской республике в 1919 г. принес институциональную реорганизацию, которая в целом не сопровождалась заметной трансформацией элит (Zapf 1965: 140; Dahrendorf 1965: 253). В неполитических секторах прошли лишь маргинальные организационные изменения, но едва ли смена элит. При этом основная часть оставшихся на своих позициях элит в управлении, юстиции, экономике, ассоциациях в целом дистанцировалась от новой демократии.

Введение парламентской системы правления перенесло центр политической власти с исполнительной власти на законодательную. При этом консервативные и либеральные партии утратили свой традиционный приоритет по отношению к социал-демократам, которым теперь как самой большой партии, представленной в рейхстаге, досталась главная роль в формировании правительства. Тем не менее ведущие политики СДПГ, за исключением тесных отношений с профсоюзами, имели очень незначительную поддержку в других элитах. Особенно это относилось к министерской бюрократии, представители которой в основном сожалели о погибшей империи и не признавали руководящей роли СДПГ.

Но вероятно еще более проблемным было то обстоятельство, что *все* демократические партии были просто плохо подготовлены к осуществлению доставшейся им власти. Они явно недооценивали то, что работоспособность парламентской системы во многом зависит от способности партий образовывать стабильное парламентское большинство. Быстрое возрождение хозяйства после проигранной войны требовало сильного правительства. Но политические партии были не готовы к его образованию, так как они опасались, что экономико-политические компромиссы создадут угрозу их поддержке со стороны электоральной клиентелы. Стабильность правительственных коалиций с самого начала была отягощена конфликтами вокруг экономической политики. Проблемы образования парламентского большинства еще больше обострились растущей электоральной поддержкой лево- и правоэкстремистских партий, которые расценивали политический прагматизм как пустые компромиссы. Таким образом, партийная система Веймарской республики представляла собой классический случай поляризованного плюрализма в духе Сартори (Sartori 1976), при котором электоральная база политического центра подвергалась стремительной эрозии в пользу экстремистских партийных крыльев.

В ходе мирового экономического кризиса 1929 года конфликты вокруг проектов борьбы с ним обострились и привели в марте 1930 года к отставке последнего правительства, которое опиралось на парламентское большинство. Все последующие правительства были правительствами парламентского меньшинства и были исключительно зависимы от президента, который мог приводить их к власти своими специальными указами. (Notverordnungsrecht — указами о вынужденных или чрезвычайных обстоятельствах). Таким образом, система правления из парламентской фактически превратилась в президентскую.

Это развитие отразилось и на способах рекрутирования членов правительства. Если в первые годы Веймарской республики члены правительства в соответствии с предписаниями парламентской системы набирались преимущественно из депутатов Рейхстага, то в период ее упадка возобновилась практика прихода в правительство так называемых *не зависящих от партий специалистов*, т.е. рекрутирование министров из министерской бюрократии, из экономики, ассоциаций и науки (Best 1989; Boldt 1990: 249).

Влияние захвата власти национал-социалистами на элитную структуру. 20 января 1933 года президент назначил рейхсканцлером Адольфа Гитлера — лидера сильнейшей парламентской партии НСДАП, который в течение нескольких месяцев фактически ликвидировал демократическую конституцию Веймарской республики и установил однопартийную диктатуру. Вскоре после назначения он инициировал основательное изменение элитной структуры, которое осуществлялось поэтапно. Сначала был установлен полный контроль над исполнительной властью. Министры от других партий и непартийные министры были быстро заменены национал-социалистическими политиками (Boldt 1990: 262). Остатки парламентской системы были также быстро ликвидированы. Рычагом для этого стал закон о чрезвычайных полномочиях от марта 1933 года, согласно которому Рейхстаг передал правительству широкие полномочия. Почти непосредственно за этим последовал запрет или самороспуск политических партий (Boldt 1990: 262). С запретом свободных профсоюзов и созданием Немецкого трудового фронта из работников и работодателей уже с лета 1933 года главные опоры автономного гражданского общества были разрушены (Zarf 1965: 104f, 240f).

В других секторах организационные структуры в основном не затрагивались и — за исключением удаления евреев и известных противников НСДАП — они могли выполнять свои функции. Это относилось также к таким непосредственно подчиненным политике областям как управление, юстиция и вооруженные силы. Эта организационная и кадровая преемственность была частью стратегии *легального захвата власти* национал-социалистами. Она должна была обеспечить поддержку растущей концентрации власти в руках руководства НСДАП со стороны консервативных чиновничьих элит и населения. (Boldt 1990: 268). Только после укрепления национал-социалистического господства, остававшиеся с середины 30-х годов на своих пози-

циях традиционные элиты были постепенно заменены национал-социалистами.

Единственным сектором, который в течение всего периода национал-социалистического господства оставался существенно не затронутым, была экономика. Хотя союзы предпринимателей уже вскоре после прихода нацистов к власти были включены в так называемые **имперские положения/списки** (Boldt 1990: 262), в целом кооперация между режимом и немецкой экономикой сохранялась. Так же как немецкое предпринимательство до 1918 года поддерживало монархию, оно приняло и национал-социалистическую диктатуру, которая обеспечивала ему выгодные условия, оказывая поддержку экономике. Ретроспективно можно утверждать, что национал-социалистам удалось провести постепенную массовую смену элит, масштаб которой, будучи завуалированным сохранением приспособившейся части старых элит, был почти не замечен мало интересующимся политикой населением.

Развитие элит в Западной Германии после 1945: образование политических партий и СМИ под контролем западных союзников.

Если образование Веймарской республики принесло лишь сдвиг во властных политических отношениях при значительной преемственности элит, то политический поворот в Западной Германии после 1945 года характеризовался комплексным сочетанием преемственности и изменений. В секторе политики и в сфере СМИ произошли глубокие структурные изменения. Это было не в последнюю очередь следствием политики союзных держав, которые контролировали создание политических партий и одобряли только те, чей руководящий персонал не вызывал подозрений в связях с национал-социалистическим режимом. Это благоприятствовало формированию нового руководящего политического слоя, который складывался в основном из представителей двух групп. Политики и функционеры партий Веймарской республики, включая коммунистов, образовывали ядро воссоздаваемых и вновь образуемых партий и доминировали между 1946–48 гг. в земельных правительствах и в первом федеральном правительстве. Но чисто количественно более значимыми были все же представители нового поколения политиков, которые в силу возраста до 1945 года не могли активно участвовать в политике (Zarf 1965: 148). Для бывших национал-социалистов, которые до 1945 занимали значимые властные позиции и которые примкнули к новым партиям, путь к высоким политическим постам был закрыт, либо они должны были их освободить, если становилось

известно их национал-социалистическое прошлое. В первые годы об этом заботились союзные военные власти, позднее СМИ и /или внутрипартийные конкуренты. Таким образом, руководящий слой национал-социалистов был исключен из западногерманской политики. В политическом секторе такая смена персоналий распространялась вплоть до низовых организационных уровней.

Новый порядок в СМИ осуществлялся таким же образом. Как и политические партии, печатные органы до 1949 года подлежали обязательному лицензированию. Под руководством военных властей оккупационных держав в 1948 году была создана общественно-правовая система радиовещания, которая вплоть до 1955 находилась под надзором союзников (Bausch 1980: 10f; Frei 2001: 326). Новые медиаэлиты (издатели, интенданты, шеф-редакторы) рекрутировались из трех различных групп. Первую группу составляли журналисты демократических газет Веймарской республики. Вторую — независимые деятели без существенного профессионального опыта, но известные не вызывающим сомнения своим противостоянием национал-социализму. Третью — новые молодые кадры этого сектора, получавшие шансы карьерного роста.

Ассоциации, которые при национал-социалистах были приобщены к господствующей идеологии, также должны были быть перестроены заново, причем союзы предпринимателей были возвращены к организационным формам, существовавшим до 1933 года. Здесь персональная преемственность была относительно высокой (Tornow 1979: 250ff). В профсоюзах очень быстро пришли к решению создать полностью новую, по сравнению с периодом до 1933 года, организационную форму. Вместо старых (Richtungsgewerkschaften) профсоюзов по направлениям (Bernecker 1979) были созданы единые профсоюзы различных отраслей экономики. Но несмотря на это организационное преобразование персональная преемственность была заметна и здесь.

В других секторах свои позиции покидали только те руководящие кадры, которые были дискредитированы своим сотрудничеством с национал-социалистическим режимом. За этим исключением ни систематической смены персон, ни организационных преобразований не проводилось. В целом в секторах, не связанных тесно с политикой, использование критериев эффективности преобладало над стремлением устранять из общественной жизни политически проблемные кадры. (Edinger 1960; Zapf 1965: 145ff). Как и в церковной сфере, преемствен-

ность в общественном управлении была наибольшей. Здесь вначале проводилась политика *денацификации*, но вскоре в интересах быстрого восстановления эффективных управленческих структур от нее отказались. Так, значительное число политически проблемных управленческих кадров через относительно короткое время вернулось на свои посты (Derlien & Lock 1994: 62; Derlien 1993: 328; Zelinski 1979).

Собранные Эдингером данные о западногерманской элите в 1956 году позволяют количественно определить масштаб преемственности (Edinger 1960: 66f). В соответствии с ними, не менее десятой доли руководящих послевоенных политиков были в период 1933-1944 гг. политическими функционерами. В других секторах масштаб преемственности был выше. За исключением профсоюзов (0 %) и сферы медиа (34 %), в среднем, как минимум две пятых руководящих кадров работали до 1940 года в той же профессиональной области. Эти цифры, видимо, находятся в противоречии с утверждениями многочисленных критиков, согласно которым в прошлом статусные национал-социалисты играли важную роль в общественной жизни в период становления Федеративной Республики. Хотя эта критика и имеет полное основание, когда она относится к преемственности общественных структур, ценностных ориентаций и карьер, в отношении рекрутирования элит она исходит из ложных предпосылок. Вопрос здесь звучит не так, могло ли лицо, бывшее (активным) членом НСДАП, продолжить профессиональную карьеру в Федеративной Республике. Здесь интерес связан только с вопросом о масштабах кадровой преемственности на ведущих руководящих позициях. В этом отношении упрек в преемственности руководящих кадров между национал-социалистическим режимом и ранней Федеративной Республикой следует дифференцировать. Хотя бесспорно, что большинство лиц, которые в период между 1933 и 1945 гг. выполняли средние или высокие руководящие функции, более или менее добровольно вступали в НСДАП и, по меньшей мере, внешне поддерживали режим. Несомненно, также, что в ходе денацификации многие проблемные кадры посредством представления ложных сведений или по причине их (вероятной) незаменимости для восстановления смогли продолжить карьеры. Но в политике и СМИ вплоть до нижних уровней иерархии можно констатировать отчетливый разрыв с периодом нацизма.

Данные Эдингера также показывают, что в лучшем случае лишь пятая часть западногерманской элиты в 1956 году принадлежала

до 1945 года к политической оппозиции. Доминирующим признаком послевоенной элиты Западной Германии была не принадлежность к оппозиции, а конформизм или внутренняя эмиграция (Edinger 1960: 76). Эдингер уже очень рано указал на теоретическую импликацию этого факта, который не представляет собой какую-то важную особенность старой Федеративной Республики. Она заключается в том, что было бы нереалистично ожидать формирования в тоталитарном режиме контрэлиты, которая после падения режима была бы в состоянии занять освободившиеся властные позиции и заменить тоталитарную элиту (Edinger 1960: 76ff). Основная причина этого — не недостаток противников тоталитарного режима, а понимание, что сама по себе оппозиционность не образует достаточной квалификационной предпосылки для того, чтобы занять руководящие позиции в посттоталитарном режиме. В большей мере требуется соответствующий профессиональный опыт, который имеется, скорее, у прежних руководящих кадров, чем у представителей оппозиции. Эта закономерность с тех пор много раз подтверждалась в посткоммунистических странах, и не в последнюю очередь и в новых федеральных землях Германии после объединения 1990 года (Higley, Kullbergund, Pakulski 1996).

Смена элит в Советской оккупационной зоне и в ГДР. В Советской оккупационной зоне после 1945 года оккупационными властями и руководством КПГ (Коммунистическая партия Германии) трансформация элит проводилась даже еще более быстро и всесторонне, чем после взятия власти национал-социалистами. Весь руководящий слой был персонально заменен на представителей КПГ и СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии) или их сторонников. Смена элиты распространялась и на сферу экономики. При этом задача установления полного политического контроля над обществом имела однозначный приоритет над критериями эффективности, что замедлило восстановление управленческих, экономических структур и юстиции в этой части страны по сравнению с Западной Германией.

Анализ элит ГДР показывает, что здесь речь шла о монопольной и отделенной от общества элитной трансформации. Внутренние дифференциации, связанные с поколенческими и секторальными признаками или с партийной принадлежностью, играли подчиненную роль. Основным релевантным каналом рекрутирования элиты была карьера в партийной иерархии. Дальнейшее развитие подтвердило правоту подхода Петера Кристиана Лудца (Ludz 1968). Согласно ему, новое

руководство ГДР, рекрутированное, в основном, из руководства КПГ, находившегося в период нацистского господства в эмиграции в Москве, ввиду его многолетней привычки к конспиративной, нелегальной работе и недоверию ко всем, не разделявшим такой опыт, образовало закрытый внутренний руководящий круг — так называемую *стратегическую клику* (*strategische Clique*).

В период написания своей работы Лудц ожидал, что смена первого поколения элиты ГДР более молодыми и профессионально ориентированными новыми кадрами или так называемой *институционализированной контрэлитой* (*institutionalisierte Gegenelite*) приведет к переориентации политики ГДР в направлении прагматического и экономически успешного курса, т.е. приведет к так называемому *консультативному авторитаризму* (Ludcz 1968: Kap. 1). Он аргументировал эти ожидания, указывая на реформаторские тенденции, которые намечались в политике ГДР в начале 60-х гг., но в дальнейшем оказались нежизнеспособными. Вместо этого многие представители первого поколения продолжали удерживать центральные властные позиции. Персональная преемственность руководства СЕПГ в течение десятилетий существования ГДР была очень значительной. Средний возраст этого руководства с годами заметно увеличивался. По сравнению с эрой Ульбрихта, к концу 80-х годов возраст членов ЦК СЕПГ вырос с 46 лет до 61 года, а членов Политбюро — с 52 до 65 лет. (Schneider 1994: 78f; Meyer 1991: 151ff). Вплоть до 1989 года такие представители первого поколения как Эрих Хонеккер, Эрих Мильке, Курт Хагер и Хорст Зиндерман оставались на центральных командных позициях.¹

Смена элит в ходе интеграции новых федеральных земель после объединения Германии. После крушения режима СЕПГ в ноябре 1989 Восточная Германия в третий раз за столетие пережила глубокую элитную трансформацию. Ее необходимость вытекала как из геронтократического характера элит ГДР, так и из монополистической структуры власти, где кроме СЕПГ не существовало автономных властных центров. Самостоятельность массовых организаций и блоковых партий держалась в узких границах. В отличие от Западной Германии 1945 года, здесь после 57 лет диктатуры уже не существовало никаких организа-

¹ В других восточноевропейских странах, включая Советский Союз, в постсталинскую эпоху элитные трансформации произошли именно в том направлении, которое прогнозировал Лудц (Higley, Kullberg und Pakulski 1996: 135).

ционных элементов, оставшихся от Веймарского периода, которые смогли бы быть использованы в качестве базиса. К тому же заново должна была быть реорганизована и структура экономики. С отстранением СЕПГ от власти возник элитный вакуум, который должен был заполняться новым персоналом. Смена элит тем самым распространялась не только на политическую элиту в узком смысле, но и на все другие сектора.

В течение короткого времени с осени 1989 г. до начала 1990 г. прежние блоковые партии и массовые организации освободились от зависимости от СЕПГ. Также и СМИ избавились от политической опеки. К тому же были образованы новые партии и многочисленные ассоциации. Элитная структура приобрела плюралистический вид. Смена старой элиты ускорилась в первой половине 1990 г. С начала года она отражала уже не только исключительно внутренние процессы развития Восточной Германии, но включалась в динамику общегерманского процесса объединения. При этом с самого начала было ясно, что объединение двух немецких государств будет осуществляться под знаком *западногерманского* доминирования, т.е. через принятие институциональной системы старой Федеративной Республики. Западногерманские партии и ассоциации пытались уже с начала 1990 года путем слияния со своими восточногерманскими партнерами закрепиться в еще самостоятельной ГДР. В дальнейшем, в ходе избирательной кампании по выборам в Народную палату 18 марта 1990 г., во время которой западногерманские партии оказывали своим восточным партнерам активную электоральную помощь, это стало еще более заметно.

Взаимодействие восточных и западных организаций происходило, таким образом, не на условиях паритета, но при доминировании западногерманских партнеров. Фактически речь шла о включении восточногерманских организаций в западногерманские. Частично это происходило вследствие чисто количественного преобладания членов. Но еще более это неравенство возникало из-за недостаточного опыта взаимодействия восточных немцев с западными структурами, а также из-за финансового преобладания западногерманских партнеров.

Если в советской оккупационной зоне и в ГДР элитная трансформация после 1945 года была проведена за счет сознательной задержки процесса восстановления, то в период после 1989 года она происходила путем «элитного трансферта» (*Elitentransfer*). Ввиду нехватки хорошо подготовленного руководящего персонала в Восточной Германии

во многих случаях прибегали к привлечению западногерманских руководящих кадров второго уровня. Эта возможность вытекала из специфической констелляции разделения Германии и была особым историческим случаем.

Элитный трансферт внес вклад в быструю и эффективную трансформацию политической и экономической структуры Восточной Германии. Тем не менее, он был воспринят многими восточными немцами как *колонизация* Западом. Лица, которые родились и выросли в ГДР, были сначала слабо представлены в общегерманской элите, причем эта недопредставленность имела определенные секторальные различия. Проведенное в 1995 г. общегерманское исследование элит показало, что всего около 12% опрошенных представителей элит имели восточногерманское происхождение. При этом в секторе политики восточные немцы с показателем 32 % были даже сверхпредставлены, а в секторах экономической элиты и военной элиты с показателем менее 1% были почти совершенно не представлены (Bürklin & Rebenstorf 1997: 67).¹

В соответствии со сформулированным Патнэмом (Putnam 1976) *законом возрастающей диспропорциональности*, согласно которому доля депутатов непривилегированных групп при возрастании высоты властной позиции сокращается, лица из новых федеральных земель наилучшим образом представлены на коммунальном уровне, где тесная многолетняя связь с общинами, как правило, является предпосылкой для получения мандата (Redlingshöfer & Hoffmann-Lange 1998). Среди исследованных Дерлайн и Локом депутатов парламентов восточных земель периода первой легислатуры часть *«западного импорта»* составляла лишь 2,4%, а в правительствах этих земель почти две пятых министров (18 из 53) и 3 из 5 глав земельных правительств были с запада (Derlien, Lock 1994).

¹ По отношению к общему населению Германии в 1995 г. (15,6 млн. к 65,5 млн., т.е. 19,3%) высокая доля восточных немцев в политической элите является отчасти артефактом позиционного метода, примененного к исследованию целевых групп. К повышенному представительству в политической элите политиков из новых земель ведет то, что в выбранных для исследования руководящих позициях чисто количественно доминируют позиции земельного уровня. А на этом уровне относительно больше представителей новых федеральных земель (их 5 из 16), также в восточногерманских земельных парламентах, ввиду представительства там ПДС, больше парламентских фракций (Bürklin 1997).

По показателям прежнего членства в партиях и политическим функциям было установлено, что в новых федеральных землях после 1989 года, как и в Западной Германии после 1945 года, произошла всеобъемлющая смена политической элиты. Среди избранных в 1990 году земельных депутатов только 1/10 часть выполняла в ГДР политические функции (Derlien, Lock 1994: 75 ff). Внутри самой переименованной в декабре 1989 года в ПДС (Партия демократического социализма) бывшей государственной партии СЕПГ быстро происходила смена элиты, которая не в последнюю очередь проявилась в переходе партийного председательства от официально назначенного наследника Эриха Хонеккера Эгона Кренца к Грегору Гизи, бывшему адвокату диссидентов ГДР. Только около трети депутатов ПДС, избранных в бундестаг в 1994 году, были до 1990 г. членами СЕПГ (11 из 30).

Известные в прошлом диссиденты играли при рекрутировании новой восточногерманской элиты весьма ограниченную роль. Причина этого, несомненно, заключается в том, что число диссидентов в ГДР было значительно меньше, чем в других странах Восточной Европы, так как многие из них были выдворены из ГДР или покинули ее добровольно. Еще важнее, однако, было то, что оппозиционные группы не имели политического опыта и организационного базиса, который был необходим, чтобы в изменившихся условиях построить конкурентоспособные партии. Можно также добавить, что преимущественно речь шла об интеллектуалах, которые действовали из идеалистических побуждений, не имея перед глазами ясной политической альтернативы или стремления к политической власти. Лишь немногие руководящие члены бывших гражданских движений, такие как Ангела Меркель и Иоахим Гаук, заняли ведущие политические позиции в общегерманском масштабе.

Не удивительно, что по причине формальных квалификационных критериев элитный трансферт с Запада на Восток был особенно заметен в области публичного управления. И в науке, и в СМИ часть элиты западногерманского происхождения также приобрела большое значение.

В экономике такой элитный трансферт в основном не потребовался, так как практически все крупные предприниматели остались на западе, тогда как предприниматели на востоке были частично уничтожены, частично экспроприированы. Перебазирование целого ряда федеральных учреждений и судов, строительство военной инфраструктуры в новых

землях, сооружение посредством крупных субвенций производственных мощностей на востоке, переезд Бундестага и Федерального правительства, а также перебазирование многочисленных офисов крупных экономических ассоциаций в Берлин заметно повысили шансы карьеры для восточных немцев по сравнению с началом 90-х.

Между тем, обладатели руководящих позиций в новых федеральных землях, получившие их в ходе элитного трансферта, постепенно приближаются к пенсионному возрасту, что открывает пути роста более молодым кадрам, которые происходят из новых федеральных земель или демонстрируют общегерманские карьеры.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЭЛИТАХ В СТАРОЙ ФРГ И В ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ

От посттоталитарных элит ранней Федеративной Республики к элитному консенсусу: фаза консолидации Западной Германии 1949–1990 и развитие демократической политической культуры. Даже признавая, что демократизация в Западной Германии после Второй мировой войны была обеспечена в немалой мере западными оккупационными державами, следует подчеркнуть, что изнутри она была активно поддержана образованным средним слоем и, прежде всего, молодыми людьми. За исключением небольшой группы нераскаявшихся сторонников национал-социалистической идеологии, многие немцы, особенно, в конце проигранной войны поняли, какую вину взвалила на себя Германия, напав на соседние страны и взяв тем самым ответственность за миллионы погибших и замученных в концлагерях. Многочисленные члены партий Веймарской республики, которые до этого относились друг к другу враждебно, оказавшись вместе в концлагерях, были убеждены, что может обсуждаться только строительство нового политического сообщества с демократическими структурами, поэтому требуется конструктивное взаимодействие поверх идеологических барьеров. Этому не в последнюю очередь способствовало и широкое освещение преступлений национал-социалистического режима, которые большинство немцев хотели бы забыть.

Поколение основателей Федеративной Республики было вдохновлено стремлениями дать реальный шанс второму созданию либеральной демократии в Германии. Они объединились вокруг институциональных правил, которые должны были исключить повторение слабостей

Веймарской конституции. Здесь конститутивными были четыре фундаментальные новации. Во-первых, комбинация пропорционального представительства с ограничениями, которая должна связывать спрavedливую картину голосования с одновременным созданием препятствий для слишком большого дробления партийной системы. Во-вторых, усиление правительства посредством введения конструктивного вотума недоверия, вследствие чего смещение федерального канцлера возможно только через выборы нового. К этому в качестве третьего элемента добавляется эксплицированное упоминание важной роли политических партий в Конституции. В качестве четвертой основы был введен Федеральный конституционный суд, который обязан обеспечить защиту конституционного порядка. Тем самым ему передается нормативный контроль, т.е. право на проверку соответствия парламентских решений основным принципам Конституции. Этим были поставлены вехи развития демократического политического порядка, хотя граждане в отношении к нему были вначале индифферентны.

В связи с начавшейся «холодной войной» Федеративная Республика быстрее, чем ожидалось, была интегрирована в сообщество западных государств. Формально это было закреплено ее приемом в НАТО (1955) и позднее во вновь созданные европейские институты (1957). В преодолении огромного ущерба от войны и в интеграции миллионов переселенцев и беженцев из бывших немецких восточных районов, был задействован огромный продуктивный потенциал из бывших заселенных немцами областей Центральной и Восточной Европы, а также советской оккупационной зоны и последующей ГДР. Быстрый экономический подъем был следствием начавшегося уже с середины 50-х годов процесса, получившего название *экономического чуда* и принесшего большинству населения не достижимый ранее уровень жизни.

Новый конституционный порядок воплотился в жизнь. Менее, чем за 10 лет, установилась трехпартийная система, включавшая доминирующую Христианско-демократическую партию, которая образовывала стабильную правительственную коалицию с небольшой Свободно-демократической партией, и подчиненную — более слабую Социал-демократическую партию. Экономическое чудо во многом способствовало растущему принятию демократии. Хотя относительно высокий уровень преемственности в элитах имел и тормозящее влияние. Прежде всего, оно проявлялось в консервативных элитах экономики и юстиции, но также и в общественном управлении, где был широко

распространен недемократический и консервативный образ мыслей, хотя критика демократических институтов была табуирована.

В своем анализе элитной структуры ранней ФРГ Дарендорф (1965) и Шойх (1988) диагностировали недостаточную интеграцию новых элит. Элитный плюрализм является для высокоразвитых обществ со свободным конституционным порядком вполне нормальным. Но оба автора все же справедливо отмечают, что демократическая конституция должна быть снабжена и некими неформальными правилами для разрешения конфликтов, которые вырабатываются только в многолетней практике, а вне этого не существуют. В этом плане, на их взгляд, молодая демократия является относительно хрупкой системой. В такой ситуации представимы два различных способа действий. В случае, если конституционный порядок оспаривается элитами, взаимовыгодное урегулирование при глубоком конфликте интересов маловероятно, так как конфликтующие стороны будут использовать все имеющиеся в их распоряжении ресурсы для реализации своих интересов и, в крайнем случае, даже могут перейти к насилию. Но, с другой стороны, элиты при проведении своих интересов могут вести себя и сдержанно. Если элиты Веймарской республики выбирали первый образ действия, и насильственные столкновения, особенно в первые и в последние годы ее существования стояли на повестке дня, то элиты ранней ФРГ следовали второй стратегии. Они вели себя, скорее, оборонительно и уклонялись от публичных конфликтов по основополагающим вопросам.

Дарендорф, убежденный в продуктивной функции открытого и одновременно ненасильственного противостояния при конфликте групп интересов, характеризовал ранние западногерманские элиты, может быть, несколько полемично как *картель страха* (Dahrendorf 1965: 297ff). Шойх указывал в этом плане на *культ экспертов* (Scheuch 1988: 76ff), при котором конфликт интересов трансформируется в сумму технических специальных вопросов, и решение тогда делегируется политикам — специалистам, которые могут обсуждать их с представителями заинтересованных групп интересов при исключении общест-венности. Оба автора были едины в том, что предпочтительная стратегия уклонения от публичных дебатов по основным политическим конфликтным темам цементировала существующие общественные властные отношения и препятствовала общественным изменениям. С другой стороны, эта стратегия способствовала стабилизации демократии, которая в силу быстрого роста общего благосостояния приносила

выгоду также и нуждающимся слоям общества. Так, находящееся у власти до 1966 христианско-демократическое правительство Конрада Аденауэра, а с 1963 — Людвига Эрхарда, придерживалось политики государства благосостояния с построением систем пенсионного и медицинского страхования, а также щедрых компенсаций материальных потерь беженцам и перемещенным лицам. Это соответствовало потребностям граждан в социальной защите и вносило не малый вклад в растущее принятие демократии.

Реставрационный характер ранней ФРГ проявлялся не в последнюю очередь и в том, что в западногерманских элитах до конца 60-х были представлены бывшие члены НСДАП. Эта преемственность, хотя и ограничивалась мерами денацификации оккупационных властей, наиболее жестко проводившимися в областях политики и СМИ и менее затронувшей другие сектора, в целом показывала, что бывшие члены партии могли относительно беспрепятственно продолжать карьеры, начатые в нацистский период. С середины 1960-х гг. это обстоятельство было поставлено под вопрос представителями послевоенного поколения, которые сформировались уже в условиях демократии и начинали ставить под сомнение сложившийся в элитах консервативный консенсус. Западногерманское студенческое движение было признаком общего политического подъема, прежде всего, среди академической молодежи Западной Европы и Северной Америки, который обличал ценностно-консервативный климат в своих странах и провозглашал конец послевоенного политического спокойствия. При этом речь в первую очередь шла не о конфликте вокруг не преодоленного немецкой элитой национал-социалистического прошлого, а о поколенческом конфликте между элитами, чье политическое мышление еще очень сильно зависело от опыта Второй мировой войны и послевоенного восстановления, и молодым поколением, которое больше не хотело довольствоваться достигнутым и требовало культурной модернизации своих обществ.

Таблица 1 представляет данные о динамике возрастной/поколенческой структуры западногерманских элит, полученные на основе четырех опросов.¹ Она демонстрирует относительно быстрые сдвиги

¹ Подробное представление выборки опрошенных обладателей руководящих позиций, а также результаты опросов находятся в: Hoffmann-Lange (1992), sowie Bürklin und ebenstorf (1997).

поколений в элитах. Если в 1968 году еще почти половина обладателей элитных позиций родилась и выросла в период Веймарской республики и сознательно пережила ее крах, то к 1981 году это поколение было сменено поколением родившихся в период «Третьего рейха». Оно доминировало в период между 1980 и 1990 гг., когда оно постепенно вытеснялось с руководящих позиций представителями послевоенного поколения. Эти поколения отчетливо различаются по их отношению к разделению Германии. В то время, как старшее поколение имело некоторое отношение к единой Германии и вопросы единства Германии считало открытыми, молодые уже выросли в условиях разделенной Германии. Эти различные ориентации проявились особенно отчетливо в 1989-1990 гг. Если федеральный канцлер Гельмут Коль (г.р. 1930) уже в декабре 1989 г. признал шанс на объединение двух немецких государств и активно его добивался, то заметно более молодой председатель СДПГ Оскар Лафонтен (г.р. 1943), прежде всего, подчеркивал связанную с объединением Германии цену и больше ориентировался на сохранение сложившегося положения. В 1995 году представители военного поколения в элитах уже сократились до незначительного меньшинства, а представители послевоенного поколения и поколения 1968 года заняли центральные позиции. Сравнительные данные по современному Бундестагу показывают, что разделение Германии для современных депутатов является только реминисценцией, в то время как Европейская интеграция и вопросы глобализации являются для них куда более насущными вопросами.

В таблице 1 выражается поколенческая проблематика, характерная для всех обществ. Элиты отображают своим возрастом всегда заметно меньший поколенческий диапазон, чем население в целом. В силу их более высокого среднего возраста, чем у общества, они политически социализировались в условиях, которые для молодых поколений имеют малую релевантность. Но, с другой стороны, они также весьма условно могут понимать политический менталитет и наиболее старших поколений, особенно, в условиях растущей продолжительности жизни. Результаты также подтверждают, что смена поколений в элите протекает быстрее, чем в населении. Особую роль здесь играют выборы, которые ведут к сдвигам в доле голосования за партии, что может вызывать поколенческие сдвиги в элитах, которые часто влекут за собой и политические перемены (Pedersen 1994).

Таблица 1

**Смена поколений в западногерманской элите 1968–1995
(в процентных долях)**

Поколение ¹	Элита 1968	Элита 1972	Элита 1981	Элита 1995	Население 1996	Бундестаг 2013–2017	Население 2015
Германская империя (–1903)	12,6	3,1	0,1	-	0,1	-	-
Веймарская республика (1904–1917)	48,8	36,0	6,0	0,3	2,8	-	-
Третий Рейх (1918–1930)	35,8	48,8	59,0	5,7	12,2	-	1,8
Послевоенный период (1931–1945)	2,8	12,1	34,1	68,6	24,6	2,1	15,7
Период благосостояния/ протеста (1946–1960)	-	-	0,9	23,5	27,1	40,0	25,0
Период новых социальных движений (1961–1975)	-	-	-	1,9	30,7	45,2	30,0
Объединение Германии (1976–)	-	-	-	-	2,5	12,7	27,5
Всего	100,0	100,0	100,1	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Mannheimer Elitestudien 1968, 1972, 1981; Potsdamer Elitestudie 1995 (nur westdeutsche Befragte); ALLBUS 1996 (westdeutsche Wohnbevölkerung ab 18 Jahren); ALLBUS 2014 (deutsche Wohnbevölkerung ab 18 Jahren); Bundestag 2016. URL: https://www.bundestag.de/bundestag/abgeordnete18/mdb_zahlen/altersgliederung/260138 (Дата обращения 21.09.2016)¹

¹ В основу выделения поколений кладется возрастной интервал с 14 до 18 лет. Этот возраст рассматривается как наиболее важный для политической социализации поколения.

Карьеризация политической профессии. Одним из основных положений классиков элитных теорий было подчеркивание центральной роли политического как самостоятельного властного фактора. Это положение, наряду с тезисом об универсальности власти и элит, было главным объектом критики со стороны Маркса и марксистов. При этом они подчеркивали значение экономической власти, но утверждали одновременно, что политические элиты могут проводить свои интересы посредством монополии на законодательство и насилие. Насколько центральная роль во всех обществах принадлежит политическим элитам в узком смысле, т.е. обладателям основных руководящих позиций в исполнительной и законодательной власти? В демократиях их значение еще больше возрастает, так как здесь политическая элита является единственной элитной группой, которая опирается на демократическую легитимацию граждан.

Еще Макс Вебер признавал, что демократизация современного общества неизбежно несет в себе тренд к профессионализации политической деятельности, так как в противном случае люди, способные занимать политические посты, были бы невозможны. Центральной характеристикой профессии политиков является то, что *они живут от политики*. Это также не исключает, что на их взгляд они также *живут для политики* (Weber 1992: 16ff). По их критериям хорошим политиком является тот, кто сочетает страстное отношение к представленному им делу с чувством ответственности за оценки и суждения.

Сегодня почти везде считается само собой разумеющимся, что обладатели руководящих политических позиций имеют хороший доход, который, хотя и меньше чем у обладателей руководящих позиций в экономике, тем не менее, позволяет жить с комфортом. В Германии не только члены федерального и земельных правительств, обербургомистры и руководители департаментов крупных городов, но и федеральные и земельные депутаты (за исключением членов городов-земель Гамбурга и Бремена) оплачиваются как высокопоставленные профессиональные политики.

В двух больших опросах, которые проводились в 2003/2004 и в 2007 гг. Генрихом Бестом и его сотрудниками среди федеральных и земельных депутатов, около половины опрошенных сообщили, что их депутатское содержание выше дохода, который они имели до получения мандата (Best, Jahr & Vogel 2011: 174). К этому следует добавить еще и значительные средства, которые федеральные депутаты получают на содержание

помощников. Кроме того, они получают прибавки к пенсии, которые составляют 2,5% депутатского содержания за каждый год выполнения депутатских обязанностей.

Четыре пятых опрошенных федеральных и земельных депутатов и депутатов Европарламента рассматривают свой мандат как профессию (Best, Jahr & Vogel 2011: 185). Тем не менее, это лишь частично позволяет говорить о *профессионализации* политической деятельности. Понятие *карьеризации* или *Verberuflichung* (Bukow 2011) лучше описывает положение дел. В Германии, как и в других демократических странах, нет специального образования для политиков. Политика, как правило, является второй или дополнительной профессией, и необходимые для нее навыки приобретаются в политической практике. Это было вполне установлено Дитрихом Герцогом уже в исследовании, опубликованном в 1975 году. Тем не менее молодые люди все чаще приходят в политику и близкие к ней профессии непосредственно после учебы. Так, часть депутатов, которые получили свой первый политический мандат в близких к политике областях, т.е. в политических и общественных организациях (партиях, фракциях, организациях предпринимателей или НКО) в современном Бундестаге составляет 19,7%, а среди молодых депутатов (до 40 лет) даже 21.6% (Kintz 2014: 584, 594; сопоставимые числа также в Gruber 2009: 116ff).

Перед своим первым успешным мандатом депутаты были, как правило, от 10 до 15 лет членами своих партий и большинство к тому же имели опыт в исполнении партийно-политических и коммунально-политических (на уровне местного самоуправления) функций (Best, Jahr & Vogel 2011: 173). Средний возраст при получении первого мандата был относительно высоким — от 42 до 45 лет. Также в последние десятилетия заметно повысился уровень образования политиков. Если во время исследования Герцога в начале 70-х годов только около 62% опрошенных руководящих политиков имели дипломы высшей школы, то сегодня таковыми являются более 90% (Gruber 2009: 92). Это означает, что уровень их образования соответствует уровню образования министерских служащих. При этом политики значительно лучше, чем в прошлом, могут осуществлять задачи контроля публичного управления. Хотя, конечно, они пока не могут уравнивать то информационное преимущество, которое имеет министерская бюрократия и полностью устранить *проблему принципала-агента* (*Prinzipal-Agent-Problem*) (Best, Jahr & Vogel 2011: 169).

Поскольку для занятых на общественной службе имеется возможность при получении политического мандата взять отпуск, который предоставляет право вернуться к своей прежней деятельности, общественная служба стала важной областью рекрутирования парламентариев. (Best, Jahr & Vogel 2011: 172; Kintz 2014: 584). Из 183 депутатов современного Бундестага, которые пришли с общественной службы всего только 115 непосредственно работали в публичном управлении, тогда как другие были учителями, учеными, судьями и профессиональными военными. Добавляя эту часть (около 18,2%) к части тех, кто пришел из общественных и политических организаций, получим ту часть депутатов, которые перед получением первого мандата работали в политической профессии. Сегодня — это почти две пятых депутатов. Кинц объясняет это спросом на персоны, «которые знакомы с парламентскими и политическими процедурами», но одновременно умеют не конфликтовать с «представительскими притязаниями немецкого населения» (Kintz 2014: 595).

К области карьеризации принадлежит также стабильность или безопасность мандата. Она является, конечно, наиболее устойчивой для служащих, тогда как для большинства депутатов, пришедших из других видов деятельности, нет устойчивой возможности возвращения к прежней профессии. Шансы получить свой мандат по меньшей мере второй раз для депутатов Бундестага, впрочем, относительно высоки. Это так, прежде всего, для обеих крупных партий ХДС/ХСС и СДПГ. Для малых партий шанс на получение мандата во второй раз сильнее зависит от результатов выборов. Так, например, из-за провала СвДП, не сумевшей преодолеть 5%-ый барьер, сразу потеряли свои мандаты 93 депутата от этой партии, что соответствовало почти 15 % всех депутатов. Перед лицом возросшей волатильности электорального поведения избирателей можно ожидать, что федеральные и земельные мандаты в будущем будут менее устойчивыми, хотя депутаты, как правило, заново номинируются своими партиями.

В среднем сохранение мандата депутатами в Бундестаге составляло в 90-е годы более 3-х мандатных периодов, т.е. приблизительно от 14 до 16 лет (Borchert 2011: 285). Для депутатов же западногерманских ландтагов и для немецких депутатов Европарламента есть риск потерять свой мандат уже после одного периода легислатуры. Он примерно на одну треть выше, чем у федеральных депутатов, для которых он составляет менее 20% (Best, Jahr & Vogel 2011: 175ff).

Опрос потерявших мандаты федеральных и земельных депутатов показал, что только около 15% из них профессионально остались в политике, 28% вышли на пенсию, 25% вернулись к прежней профессии, 20% начали профессию в другой области, оставшиеся 13% пережили потерю в статусе (Edinger & Schwarz 2008). Это подтверждает вышесказанное утверждение, что понятие профессионализации для немецких политиков остается весьма условным и в итоге касается только тех, кто длительно остается в политике, тогда как для большей части мандат депутата составляет лишь эпизод их профессиональной жизни. Парламентские мандаты в этом плане можно определить как «ненадежные, эпизодические и расплывчатые определения для профессиональной сферы, которая характеризуется квалификационными предпосылками и карьерным движением» (Best & Jahr 2006: 79). Все же приведенная оценка этими авторами того, что речь в данном случае идет о *ненадежных трудовых отношениях*, представляется чрезмерно заостренной. Многие политики имеют более одного академического диплома и только для малой части из них потеря мандата связана со снижением профессионального статуса.

В соответствии с логикой парламентской системы правления, более половины федеральных министров в Германии рекрутируется из Бундестага. Еще одна треть из них занимала перед этим посты земельного уровня, многие из них в качестве министров-президентов (глав земельных правительств) или земельных министров (Gruber 2009: 190). При этом земельные министры имеют значительные различия. Если в западногерманских землях более двух третей министров приходит из депутатов ландтагов, то в землях-городах Берлине, Гамбурге и Бремене доля внешне рекрутированных (т.е. не из ландтагов) министров доходит до почти трех четвертей, а в восточногерманских землях до 40% (Gruber 2009: 195).

Исходя из того, что высшие руководители министерской бюрократии, как наиболее близкие к министрам сотрудники, действуют на стыке политики и управления, они имеют гибридный статус между политикой и управлением. Представители высших уровней министерского управления, а также должностные руководители департаментов в земельных министерствах имеют гибридный статус *политических служащих*. Хотя они являются, как правило, карьерными служащими, они могут быть в любое время назначены либо смещены с их позиций соответствующим министром. При этом как карьерные служащие они

не могут быть просто уволены, но должны быть только временно отправлены в отставку с компенсацией до момента, пока им не будет найдено применение, соответствующее их рангу. Многие из них являются активными членами партий, поэтому после смены правительства или министра они часто снова занимают соответствующие позиции. Новые министры имеют возможность назначать лиц, которые пользуются их доверием и разделяют их политические цели. Таким образом, имеется гарантия, что они обеспечат продвижение в жизнь инициированных министром изменений в министерствах. Иногда также политики назначаются должностными статс-секретарями, например, чтобы обеспечить движение реформ, которые для министров особенно важны. В случае, если это касается парламентариев, последние должны сдавать свои мандаты.

Возникает ли политический класс? Германия имеет на федеральном и земельном уровне парламентскую систему с федеральным Президентом, который выполняет, прежде всего, представительские функции и при неопределенности отношений в большинстве Бундестага располагает определенной *резервной властью*, которая до сих пор использовалась только два раза. Федеральное правительство, возглавляемое федеральным Канцлером с большими полномочиями, имеет в сравнении с Бундестагом довольно сильные позиции в законодательном процессе, где имеется фракционная дисциплина. Для повышения контрольных прав парламента с течением времени были усилены права фракций и отдельных парламентариев, что выразилось в растущем улучшении их оснащения материальными и кадровыми ресурсами. Резко выросло в последние десятилетия и число ассистентов фракций и депутатов (Schöne 2011). Это заметно увеличило сферу занятых выполнением политических функций, живущих от политики, а также расширило пул претендентов на политические выборные посты. В отличие от депутатов и членов правительства, в отношении этих сотрудников можно говорить о профессионализации, так как они часто имеют законченное образование в области социальных и экономических наук и часто заранее специализируются в определенной политической области. Тем не менее позиция ассистента депутата связана с персоной соответствующего депутата и поэтому подвергается риску потери рабочего места.

Расширение и специализация законодательной тематики вызвали увеличение спроса на политическое консультирование, что особенно

заметно в деятельности министерств и парламентов. Многие министерства располагают для этой цели ведомственными научно-исследовательскими организациями, которые отличаются «тесным переплетением исследовательской и консультационной деятельности» (Weingart & Lentsch 2008: 179). Она проводится частично самими властными органами, частично относительно автономными исследовательскими институтами. К числу первых, например, относятся статистические ведомства, к числу вторых — крупные экономические исследовательские институты, Фонд науки и политики для внешнеполитических экспертиз или Немецкий институт по делам детства, молодежи и семьи. Там работают преимущественно исследователи-специалисты, которых лишь условно можно отнести к занятому в политике персоналу.

Политические партии также выстроили свои собственные аппараты, чтобы консультировать своих парламентариев и фракции и поддерживать их программную работу. Число персональных сотрудников, для которых с 1969 г. выделяются средства (сейчас более 20 тыс. € в месяц), выросло к 2002 до 4.500, число фракционных сотрудников — с 25 в 1957 до 821 человек сегодня (Bukow 2011: 240f). В дополнение к этому для целей избирательных кампаний и для выстраивания коммуникации со СМИ и общественностью партии привлекают и многих внешних экспертов, прежде всего, из институтов исследования общественного мнения и рекламных агентств. Спрос на консультирование имеют и группы интересов, и предприниматели, которые особенно интересуются планируемыми законодательными инициативами, чтобы оценить воздействие этих законов на их организации. Для этих целей возник быстро растущий и в целом труднообозримый сектор независимых и специализированных консультационных институций, где имеются тысячи занятых. Но они, как правило, не воспринимают себя как политики и лишь изредка могут пытаться занять политическую должность.

Заметное увеличение числа занятых в политической и близких к ней областях деятельности привело в последнее время к возрождению понятия *политический класс*. Это часто связывается с представлением, согласно которому основной интерес представителей этого класса меньше относится к служению общему благу, а в первую очередь направлен на поддержание своего политического влияния и экономического благосостояния. Эта дефиниция отличается от применения понятия *classe politica* Гаэтано Моска. Если Моска включал в него всех лиц, которые имели влияние на политическое состояние страны, т.е. при-

менял его равнозначно понятию элиты, то в распространенную сегодня в Германии дефиницию политического класса включают всех лиц, которые *живут от политики* (von Weizsäcker 1991). Причем это понятие является одновременно и уже, и шире, чем понятие политической элиты. Политическая элита характеризуется через ее способность к формированию политического проекта, поэтому на уровне политической элиты, как и раньше, имеют значимость программные различия между партиями. Политический класс же охватывает также и заднескамеечников в парламентах, а также тех, кто действует в сферах близких к политике. Его представителей, независимо от их партийной принадлежности или склонности, связывает интерес к стабилизации их профессиональной позиции и поддержанию материального базиса. Его развитие является, по Клаусу фон Вайцэкеру, тесно связанным с существованием партийного государства и его растущей автономии по отношению к избирателям и членам партий. (von Weizsäcker 1991: 189). Это ведет, по его мнению, к тому, что среди избирателей формируется питательная среда для и без того имеющего место недоверия к политике. Причем эта критика меньше ориентирована на материальные привилегии, а больше «на неспособность политической элиты решать определенные насущные проблемы» (von Weizsäcker 1991: 201). Общественная критика политического класса тесно связана с модернизацией общества, которая повышает плюрализацию современных обществ и делает политический процесс менее прозрачным для избирателей. Кажется, впрочем, проблемным, действительно ли для столь гетерогенного круга лиц подходит понятие класса. Строго говоря, тогда следовало бы распространить его и на всю сферу государственной службы.

Политизация гражданского общества, рост политического протестного поведения и их влияние на элиты. Многочисленные исследования подтвердили, что общественная модернизация и, прежде всего, связанная с этим экспансия образования влечет за собой базовые изменения в политических ценностях и ожиданиях граждан. Здесь мы ограничимся упоминанием лишь работ Рональда Инглхарта (Inglehart 1997, 2005; Inglehart & Welzel 2005) о политическом воздействии этой смены ценностей. С одной стороны, в силу этого возросла поддержка демократии, но с этим же с середины 1990-х годов была связана и растущая готовность граждан к прямым политическим действиям, а также их намерение оказывать влияние на политические решения и помимо участия в выборах. Мировое студенческое движение 1968-ого было

первым проявлением не зависящих от партий и традиционных организаций политических протестных движений.

Такие политические протестные движения, которые впервые были проанализированы Барнесом и Каазе (Barnes, Kaase 1981) в сравнительном исследовании *политических акций* (Political Action-Studie), с тех пор получили дальнейшее распространение. Организационно они простираются от локальных гражданских инициатив с ограниченными целями до таких глобально действующих организаций как АТТАС. Содержательно протест бывает направлен как против новых законов, так и против международных договоров (ТТИР и СЕТА), а также не в последнюю очередь против крупных инфраструктурных проектов (электростанции, автострады, санация жилых кварталов) вплоть до протестов против структур, относительно которых предполагается, что они ухудшают условия жизни граждан (изменение климата, глобализация, засилье международных концернов, политическая коррупция и т.д.). Такие протесты в современных демократиях являются политической повседневностью. Если раньше организовать большие протестные акции и мобилизовать к участию своих членов были в состоянии, наряду с политическими партиями, только такие крупные организации гражданского общества как профсоюзы или ассоциации предпринимателей, то с распространением Интернета и для малых групп становится все легче организовывать такие акции через новые социальные медиа (Facebook, Twitter & Co).

Политические протестные акции направляются против запланированных или уже принятых решений правительств и делают политические процессы принятия решений в современных демократических обществах еще сложнее. Наряду с оппозиционными партиями и влиятельными группами интересов в любое время и на всех фазах процесса свои политические требования заявляют также и простые граждане. Хотя организаторами таких протестов почти всегда выступают небольшие группы, протесты, в зависимости от темы, могут приобретать огромный мобилизующий потенциал. Это ставит элиты перед существенной проблемой, так как становится недостаточно готовить политические решения на основе согласования ограниченного числа организованных интересов. Их приходится искать в условиях неопределенно затянутых переговоров, в ходе которых компромиссы могут быть поставлены под сомнение непредусмотренными мобилизационными акциями.

Политическая мобилизация граждан привела одновременно к росту волатильности поведения избирателей, а в Германии также и к фундаментальным изменениям в партийной системе. Подъем Партии зеленых после 1980 года был первым примером создания протестной партии, которая смогла утвердиться. После немецкого объединения сначала в восточногерманских землях к этому добавилась Партия демократического социализма (ПДС) — реформированная бывшая государственная партия ГДР, которая с 2005 года стала действовать и в западных землях в спектре левее социал-демократов. С образованием правопопулистской партии Альтернатива для Германии (АфД) в 2013, которая сначала вела борьбу против евро и против передачи национальных политических компетенций к органам ЕС, а с 2015 года приобрела популярность на критике наплыва беженцев, политический спектр еще больше расширился. На земельных выборах 2016 года АфД достигла показателей от 10% до более чем 20%, что ранее для новой партии было невозможно представить. Тем самым, с 1980 года немецкая партийная система увеличилась с трех до шести партий. Это повысило партийно-политическую поляризацию и заметно затруднило поиск парламентского большинства.

Рисунок 1. Новые депутаты в немецком Бундестаге

Ввиду этих изменений избирательного поведения устойчивость парламентских мандатов снизилась. Средняя продолжительность мандата в западноевропейских странах снизилась с 2,7 избирательных периодов в 80-е годы до 2,3 избирательных периодов в 1990-е годы. Для Бундестага можно установить сходный тренд с 1957 года. До сих пор он выглядит слабее, что показано в Таблице 2 и на графике. Но, вероятно, это лишь вопрос времени, поскольку расширение немецкой партийной системы должно отразиться в ускорении темпа обновления парламентов.

Таблица 2

Новые депутаты в немецком Бундестаге

Год выборов	Доля новых депутатов	Год выборов	Доля новых депутатов
1949	100,0%	1983	17,7%
1953	48,1%	1987	21,2%
1957	30,6%	1990	35,5%
1961	25,1%	1994	30,2%
1964	25,5%	1998	24,8%
1969	30,1%	2002	28,7%
1972	28,0%	2005	23,0%
1976	22,6%	2009	32,9%
1980	24,9%	2013	34,2%

Пьер Розанваллон (Rosanvallon 2008) указал на проблему, которая возникает для политических элит вследствие растущей готовности к протестам. Когда сравнительно легко мобилизовать большое число участников против непопулярных политических мер, то политическое решение проблем имеет своей предпосылкой то, что интересы не только артикулированы, но и агрегированы. Для этого в демократиях требуются длительные переговоры различных элитных групп (партий и затронутых групп интересов). СМИ и протестное движение в противоположность этому ограничиваются отклонением политического предложения и имеют очень мало представления о том, что политика есть процесс обменов. В принципе всегда есть много людей, которые недовольны отдельными политическими решениями. Но они могут сегодня это недовольство существенно легче транспортировать в общественную сферу и организовывать сопротивление. Из-за этого в общественном восприятии политики часто запускается спираль негатива.

визма, которая, с одной стороны, обвиняет элиты в неспособности действовать и одновременно затрудняет дальнейший поиск решения проблемы.

Мойзес Наим (Naím 2013) сделал из того развития заключение, что период полураспада политической, но также и экономической власти в последние десятилетия драматически сократился. Поэтому, на его взгляд, шансы на достижение и поддержание парламентского большинства уменьшились. Также уменьшились власть партийных лидеров в партиях и их сроки пребывания у власти. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести СДПГ, которая после отставки Вилли Брандта в 1987 году за короткий срок сменила 11 председателей партии, которые ушли в отставку или были переизбраны, поскольку утратили доверие партийного базиса. С другой стороны, такие политические деформации типичны для периодов быстрых социальных изменений и не должны с неизбежностью вести к политической нестабильности и основательному изменению в элитах, так как элиты всегда имеют возможность в своем поведении успешно приспособиться к процессам изменений. Например, ХДС после поражения на выборах 1998 года Гельмута Коля провела два относительно быстрых изменения в партийном руководстве, в результате которых Ангеле Меркель удалось удерживать в течение 16 лет партийное председательство и 11 лет пост федерального канцлера. Таким образом, можно сделать вывод, что хотя немецкие элиты подвергаются сегодня возросшему давлению со стороны СМИ и избирателей, до настоящего времени это не привело ни к серьезному ослаблению их кооперации на элитном уровне, ни к ослаблению представительских отношений между элитами и гражданами.

ELITES IN GERMANY: HISTORICAL CHANGE AND NEW CHALLENGES

U. Hoffmann-Lange

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.2>

Abstract. *This chapter analyzes the impact of social and political change on the development of German elites since the early 20th century. It shows that the regime changes Germany experienced affected the structure and outlooks of the elites in different ways. The introduction of the Weimar Republic in 1919 was characterized by a high level of elite continuity. Likewise, the democratization in West Germany after 1945 did not result in an extensive elite transformation, with the exception of the political and the media sectors. In contrast, the establishment of ideocratic regimes both after the National Socialists came to power in 1933 and the communist take-over in East Germany in 1945 resulted in the replacement of formerly autonomous societal elites by loyal followers. Germany's unification in 1990 was unique because it was achieved by incorporating the former GDR into the well-established West German democratic order which was associated with a considerable elite transfer from the West German states.*

Over the last decades, two main societal trends have induced changes in the structure of political decision-making. Germany experienced a vast expansion of political personnel due to the increasing scope of state activities. It is doubtful, however, if this has fostered the formation of a political class with common interests because this sector is rather heterogeneous. The second trend is the political mobilization of ordinary citizens that has induced the formation of a large number of protest movements, increasing voter volatility, the proliferation of new parties and increased turnover in parliaments. Today's German elites have to represent a much higher diversity of interests. So far, they have coped well with these challenges. At the same time, political polarization has considerably increased.

Keywords: *German elites, elite change, elite transfer, regime change, political class, professionalization of politics, political mobilization*

References

- Barnes, Samuel H., Max Kaase et al., 1979: *Political Action. Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills: Sage Publications.
- Bausch, Hans, 1980: *Rundfunkpolitik nach 1945*. Erster Teil. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Bernecker, Walther L., 1979: Die Neugründung der Gewerkschaften in den Westzonen 1945–1949. In: Josef Becker, Theo Stammen und Peter Waldmann (Hrsg.): *Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 261–292.

Best, Heinrich, 1988: Politische Modernisierung und parlamentarische Führungsgruppen in Deutschland 1867–1918. *Historical Social Research*, Vol. 13, S. 5–74.

Best, Heinrich, 1989: Mandat ohne Macht. Strukturprobleme des deutschen Parlamentarismus 1867–1933. In: Heinrich Best (Hrsg.): *Politik und Milieu. Wahl- und Elitenforschung im historischen und interkulturellen Vergleich*, St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, S. 175–222.

Best, Heinrich und Stefan Jahr, 2006: Politik als prekäres Beschäftigungsverhältnis. Mythos und Realität der Sozialfigur des Berufspolitikers im wiedervereinigten Deutschland. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Jg. 37, S. 63–79.

Best, Heinrich, Stefan Jahr und Lars Vogel, 2011: Karrieremuster und Karriere-kalküle deutscher Parlamentarier. In: Michael Edinger und Werner Patzelt (Hrsg.): *Politik als Beruf. Politische Vierteljahresschrift, Sonderheft 44/2010*, S. 168–191.

Beyme, Klaus von, 1993: *Die politische Klasse im Parteienstaat*. Frankfurt/Main: Suhrkamp.

Boldt, Hans, 1990: *Deutsche Verfassungsgeschichte*. Band 2: *Von 1806 bis zur Gegenwart*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.

Bukow, Sebastian, 2011: Politik als Beruf — auch ohne Mandat. In: Michael Edinger und Werner Patzelt (Hrsg.): *Politik als Beruf. Politische Vierteljahresschrift, Sonderheft 44/2010*, S. 212–231.

Bürklin, Wilhelm, 1997: Politische Eliten in der Mediendemokratie. In: Karl Rohe (Hrsg.), *Politik und Demokratie in der Informationsgesellschaft*. Baden-Baden: Nomos, S. 55–78.

Bürklin, Wilhelm und Hilke Rebenstorf (Hrsg.), 1997: *Eliten in Deutschland. Rekrutierung und Integration*. Opladen: Leske + Budrich.

Dahrendorf, Ralf, 1965: *Gesellschaft und Demokratie in Deutschland*, München: Piper.

Derlien, Hans-Ulrich, 1993: German Unification and Bureaucratic Transformation. *International Political Science Review*, Jg. 14, S. 319–334.

Derlien, Hans-Ulrich und Stefan Lock, 1994: Eine neue politische Elite? Rekrutierung und Karrieren der Abgeordneten in den fünf neuen Landtagen, *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Heft 1, S. 61–94.

Edinger, Lewis J., 1960: Post-Totalitarian Leadership: Elites in the German Federal Republic. *American Political Science Review*, Jg. 54, S. 58–82.

Edinger, Michael und Bertram Schwarz, 2009: *Leben nach dem Mandat. Eine Studie zu ehemaligen Abgeordneten*. Jena: Universität Jena (SFB 580 Mitteilungen).

(http://www.academia.edu/4748897/Leben_nach_dem_Mandat._Eine_Studie_zu_ehemaligen_Abgeordneten) 26.09.2016.

Femia, Joseph, 2001: *Against the Masses*. Oxford: Oxford University Press.

Frei, Norbert, 2001: *Karrieren im Zwielficht. Hitlers Eliten nach 1945*. Frankfurt/Main: Campus Verlag.

Gruber, Andreas K., 2009: *Der Weg nach ganz oben. Karriereverläufe deutscher Spitzenpolitiker*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Herzog, Dietrich, 1975: *Politische Karrieren. Selektion und Professionalisierung politischer Führungsgruppen*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Higley, John, Judith Kullberg und Jan Pakulski, 1996: The Persistence of Post-communist Elites. *Journal of Democracy*, Jg. 7, S. 133–147.

Higley, John, György Lengyel (Hrsg.), 2000: *Elites After State Socialism*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Hoffmann-Lange, Ursula, 1992: *Eliten, Macht und Konflikt in der Bundesrepublik*. Opladen: Leske + Budrich.

Hoffmann-Lange, Ursula, 1997: Demokratieentwicklung und Elitentransformation in Deutschland. *Schweizerische Zeitschrift für Soziologie*, Jg. 23, S. 507–530.

Hoffmann-Lange, Ursula und Wilhelm Bürklin, 1999: Generationswandel in der (west)deutschen Elite. In: Wolfgang Glatzer, Ilona Ostner (Hrsg.): *Deutschland im Wandel*. Opladen: Leske + Budrich, S. 163–177.

Inglehart, Ronald, 1997: *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press.

Inglehart, Ronald, 2005: Postmodernization Erodes Respect for Authority, but Increases Support for Democracy. In: Pippa Norris (Hrsg.): *Critical Citizens. Global Support for Democratic Governance*. Oxford: Oxford University Press, S. 236–256.

Inglehart, Ronald, Christian Welzel, 2005: *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kintz, Melanie, 2014: Die Berufsstruktur des Deutschen Bundestages - 18. Wahlperiode. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Jg. 45 (3); S. 582–595.

Lepsius, M. Rainer, 1973: Parteiensystem und Sozialstruktur. Zum Problem der Demokratisierung der deutschen Gesellschaft. In: Gerhard A. Ritter (Hrsg.): *Die deutschen Parteien vor 1918*. Köln: Kiepenheuer und Witsch, S. 56–80.

Ludz, Peter Christian, 1968: *Parteielite im Wandel*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Meyer, Gerd, 1991: *Die DDR-Machtelite in der Ära Honecker*. Tübingen: A. Francke Verlag.

Mosca, Gaetano, 1939 (1923): *The Ruling Class*. New York: McGraw-Hill.

Naím, Moisés, 2013: *The End of Power*. New York: Basic Books.

Pedersen, Mogens, 1994: Incumbency Success and Defeat in Times of Electoral Turbulences: Patterns of Legislative Recruitment in Denmark 1945–1990. In: Albert Somit et al. (Hrsg.), *The Victorious Incumbent: A Threat to Democracy*. Aldershot: Dartmouth, S. 218–250.

Putnam, Robert D., 1976: *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall.

Redlingshöfer, Bernd und Ursula Hoffmann-Lange, 1998: Die Transformation der kommunalen politischen Elite in den neuen Bundesländern am Beispiel der Gemeindevertretung der Stadt Jena. In: Hans Bertram, Wolfgang Kreher und Irene

Müller-Hartmann (Hrsg.): *Systemwechsel zwischen Projekt und Prozeß*. Opladen: Leske + Budrich, S. 697–725.

Rosanvallon, Pierre, 2008: *Counter-Democracy. Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sartori, Giovanni, 1976: *Parties and party systems. A framework for analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schneider, Eberhard, 1994: *Die politische Funktionseelite der DDR*, Opladen: Westdeutscher Verlag.

Schöne, Helmar, 2011: Politik als Beruf: Die zweite Reihe. Zur Rolle von Mitarbeitern im US-Kongress und im Deutschen Bundestag. In: Michael Edinger und Werner Patzelt (Hrsg.): *Politik als Beruf. Politische Vierteljahresschrift, Sonderheft 44/2010*, S. 232–254.

Sheehan, James J., 1976: Conflict and Cohesion Among German Elites in the Nineteenth Century. In: James J. Sheehan (Hrsg.): *Imperial Germany*, New York: New Viewpoints, S. 62–92.

Tornow, Ingo, 1979: Die deutschen Unternehmerverbände 1945–1950. Kontinuität oder Diskontinuität? In: Josef Becker, Theo Stammen und Peter Waldmann (Hrsg.): *Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 235–260.

Weber, Max, 1992 (1926): *Politik als Beruf*. Stuttgart: Reclam.

Weingart, Peter und Justus Lentsch, 2008: *Wissen — Beraten — Entscheiden. Form und Funktion wissenschaftlicher Politikberatung in Deutschland*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft.

Zapf, Wolfgang, 1965: *Wandlungen der deutschen Elite*, München: Piper.

Zelinsky, Ulrich, 1979: Bedingungen und Probleme der Neubildung von Führungsgruppen in Deutschland 1945–1949. In: Josef Becker, Theo Stammen und Peter Waldmann (Hrsg.): *Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 217–233.

Перевод с немецкого В.С. Авдонина

ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС: СОЦИАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РФ ШЕСТОГО СОЗЫВА: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БАСЕЙНА РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ^{1,2}

Тев Д.Б.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.3>

Аннотация. В статье проанализирован социально-профессиональный бассейн рекрутирования депутатов Государственной Думы шестого созыва. Эмпирической основой исследования послужила база данных, содержащая биографические сведения о 532 парламентариях. Автор выявляет ряд тенденций рекрутирования. Парламентская элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов Госдумы, номенклатурный опыт распространен шире, чем среди административной и экономической элиты страны. Доминирующей тенденцией постсоветской карьеры депутатов является политическая профессионализация: большинство их на момент избрания в шестой созыв были профессиональными политиками, в основном, думскими инкумбентами. Важной тенденцией является бюрократизация депутатского корпуса, значительная часть которого в постсоветский период имела опыт работы в административных структурах. Имеют место динамические переплетения между административной и политической элитами РФ, особенно на уровне руководства парламента. Довольно выражена милитаризация политической элиты: доля

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № государственной регистрации АААА-А17-117030110144-3).

² Данная статья представляет собой расширенную и переработанную версию ранее опубликованной статьи: [Тев 2017].

выходцев из силовых структур в российском парламенте гораздо выше, чем в legislatures стран Европы, хотя и ниже, чем в административной элите страны. Бизнес является наиболее значимым источником рекрутирования членов парламента за пределами политико-административных структур. По уровню плутократизации Госдума существенно превосходит legislatures большинства стран Запада. Хотя представителей крупного в общенациональном масштабе капитала немного, переплетения экономической и политической элит страны имеют место. В то же время некоторые профессиональные категории, широко представленные в legislatures западных обществ — юристы (Конгресс США) и преподаватели (парламенты стран Европы), довольно слабо присутствуют в Госдуме. Наконец, прямые выходцы из рабочего класса и, вообще, с неключевых позиций в экономических структурах очень слабо представлены в парламентской элите, которая характеризуется довольно высокой степенью социальной закрытости.

Ключевые слова: Государственная Дума, депутаты, бассейн рекрутирования, профессионализация, бизнес, администрация, номенклатура, силовые структуры, юристы, преподаватели, рабочие.

Значимость исследования социально-профессионального бассейна рекрутирования политической элиты определяется рядом обстоятельств. Во-первых, его характеристики могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, лежащей в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует. Р. Патнэм отмечал, что «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» (Putnam 1976: 43). Изучение социально-профессиональных характеристик политической элиты позволяет, в частности, лучше понять особенности политической организации данного общества (включая место парламента в системе власти, характер партийной системы, специфику взаимоотношений государства и бизнеса и пр.).

Во-вторых, социально-профессиональное происхождение законодателей и, в целом, государственных деятелей может, в некоторой степени, влиять на их политические аттитюды и поведение. Впрочем, многие исследователи ставят под сомнение такую зависимость. Обзор соответствующей литературы, сделанный Д. Мэттьюзом, обнаружил,

что существует мало доказательств сильных и последовательных связей между переменными социального происхождения, с одной стороны, и политическими аттитюдами и поведением законодательных элит, с другой (Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski 1995: 210). В частности, ряд исследований, проведенных в США, не выявил значительного влияния некоторых типов предшествующего избранию в Конгресс или легислатуры штатов профессионального опыта (а именно, юридического и военного) на политическое поведение законодателей (Derge 1959: 431; Dyer 1976: 452; Green, Schmidhauser, Berg, Brady 1973; Bianco 2005). Это, в общем, неудивительно, поскольку отдаленное влияние социально-профессиональных корней парламентариев может ослаблять тот факт, что они интенсивно социализируются в рамках самих политических институтов, работая в партиях, местных органах власти, парламенте, взаимодействуя с правительственными чиновниками (Norris, Lovenduski 1995: 210). По словам К. Витко и С. Фридман, «влияние институциональной социализации может перевесить прошлый опыт, и требования непосредственной политической повестки дня, будь то продиктованные партиями ... или критическими событиями..., могут иметь приоритет над собственными интересами и предпочтениями члена парламента. Кроме того, обязательства представлять интересы избирательного округа часто будут первоочередными в умах законодателей, независимо от предшествующего занятия законодателя» (Witko, Friedman 2008: 72-73). Тем не менее, некоторые исследования все же подтверждают значимую связь между профессиональным происхождением и законодательным поведением. Например, показано, что юристы в легислатурах штатов США отличаются от не-юристов с точки зрения голосования (Dyer 1976). Н. Карнс установил, что выходцы из рабочего класса в Конгрессе США выражают наиболее либеральные экономические предпочтения, в то же время законодатели, вышедшие из профессий, ориентированных на прибыль (владельцы ферм, бизнесмены и специалисты частного сектора) голосуют наиболее консервативно по экономическим вопросам (Carnes 2012). К. Витко и С. Фридман показали, что члены Палаты представителей США, пришедшие из бизнеса, голосуют в большей степени в его интересах, причем те кто, вышел непосредственно из этой сферы, поддерживают больше ориентированного на бизнес законодательства. Хотя влияние происхождения из бизнеса на политическое поведение законодателей небольшое, оно сохраняется при контроле партийности и идеологии (Witko,

Friedman 2008). Также и на примере Государственной Думы РФ П. Чейсти установил, что связь депутатов с определенными экономическими секторами (происхождение из бизнеса) является сильным предиктором некоторых аспектов их законодательного поведения (Chaisty 2013b: 729-732).

В-третьих, особенности бассейна рекрутирования политической элиты могут быть связаны с такими ее характеристиками, как сплоченность и легитимность. Гомогенность социально-профессионального профиля законодателей может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа (Edinger 2010: 132). В свою очередь, Р. Патнэм писал, что политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления (Putnam 1976: 44). Как отмечал Д. Мэттьюз, «кажется правдоподобным предположить, что результаты законодательного рекрутирования влияют на успех законодательства как легитимирующего органа: британская Палата общин, состоящая исключительно из выпускников Оксбриджа, или американский Сенат, составленный исключительно из белых мужчин — миллионеров, кажется, не способствовали бы счастливой уступчивости масс в наши дни» (Matthews 1984: 556). В свою очередь, можно предполагать, что широкая представленность выходцев из простого народа, прежде всего, рабочего класса, в Верховном совете СССР облегчала выполнение им легитимирующей функции в рамках существовавшего тогда политического режима. Впрочем, легитимность политической элиты может зависеть не только от того, насколько ее социально-профессиональный состав отражает структуру подвластного населения, но и от присутствия в ней выходцев из таких профессиональных групп, которым граждане могут быть склонны приписывать компетентность, необходимую для осуществления законодательной деятельности (например, юристов).

В общем, по ряду причин, социально-профессиональный бассейн рекрутирования политической элиты является значимым предметом исследования. Объектом настоящего исследования стал депутатский корпус Государственной Думы РФ шестого созыва. Надо сказать, что существует ряд исследований социально-профессионального профиля депутатов Госдумы разных созывов, в том числе и шестого. Следует

особо выделить исследования, проведенные Е. Семеновой (Semenova 2011; Semenova 2012a), О.В. Гаман-Голутвиной (Гаман-Голутвина 2006a; Гаман-Голутвина 2006b; Гаман-Голутвина 2012) и П. Чейсти (Chaisty 2013a; Chaisty 2013b). Однако шестой созыв Госдумы целиком, т.е. включая всех депутатов, которые по разным причинам выбыли в ходе его работы, и, соответственно, занявших их место законодателей, еще не изучался. Кроме того, нужно отметить, что это исследование было проведено по той же методике, что и выполненные ранее автором исследования федеральной административной элиты (Тев 2016a) и экономической элиты России (Тев 2016b), и, значит, существует возможность для сравнения различных элитных фракций. Всего в исследуемую совокупность вошло 532 депутата Госдумы шестого созыва (табл. 1).

Таблица 1

Состав Государственной Думы шестого созыва, чел.

Группа депутатов	Численность
Фракция ЕР	289
Фракция КПРФ	104
Фракция СР	74
Фракция ЛДПР	65
Руководство Госдумы (спикер, вице-спикеры, председатели комитетов, руководители фракций)	57
Всего депутатов	532

На каждого парламентария была заведена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о дате и месте рождения, месте получения и типе высшего образования, карьерном пути, владении собственностью, родственных связях. Источниками информации служили официальные сайты государственных органов (включая ЦИК РФ), биографические порталы (например, lobbying.ru, viperson.ru), материалы СМИ, документы коммерческих структур и пр.

Далее будет подробно рассмотрен бассейн рекрутирования депутатов Госдумы шестого созыва, раскрыта роль ряда социально-профессиональных категорий в качестве поставщиков парламентариев. Некоторые такие группы следует рассмотреть особо, поскольку они выступают действительно важным источником рекрутирования российских депутатов. Другие группы, хотя и довольно малозначимы в этом качестве,

тем не менее, заслуживают отдельного внимания с точки зрения сравнения отечественного парламента с legislатурами зарубежных стран, где они широко представлены. Наконец, есть категории, которые слабо присутствуют в парламентах, как в России, так и за рубежом, но они требуют особого рассмотрения, поскольку занимают важное место в социальной структуре общества и сам факт отсутствия выходцев из них в составе legislатуры важен для понимания социального характера политической элиты.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ НОМЕНКЛАТУРА КАК ИСТОЧНИК РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Одной из важных характеристик постсоветских элит, привлекающей внимание исследователей, является степень их укорененности в структурах политико-административной власти советского общества. Вопрос о роли советской политико-административной номенклатуры как источника рекрутирования постсоциалистических властных элит активно обсуждался в научной литературе в связи с более общей проблематикой воспроизводства/циркуляции властных групп в процессе радикальной общественной трансформации (Szelényi, Szelényi 1995; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Böröcz, Róna-Tas 1995; Крыштановская 1995; Kryshstanovskaya, White 1996; Крыштановская 2002a). Кроме прочего, важность этого вопроса связана с тем, что, как показывают некоторые исследования, наличие опыта работы в партийных, советских и комсомольских органах (номенклатурного опыта) является одним из факторов, существенно дифференцирующих политические ценности и аттитюды членов властных групп (Региональные элиты... 2001; Сафронов 2010).

Исследования 1990-х-начала 2000-х гг. выявили, что в России уровень номенклатуризации постсоциалистических элит (как административно-политической, так и, в меньшей степени, экономической) был довольно высоким, выше, чем в ряде стран Восточной Европы (Szelényi, Szelényi 1995: 627–628; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Böröcz, Róna-Tas 1995: 767–768, 772–773; Крыштановская 1995: 64–65; Kryshstanovskaya, White 1996: 727–729; Крыштановская 2002a: 42–43). Вообще, как отмечают исследователи, для тех стран, где переход к демократии был инициирован «снизу» и происходил посредством массовой мобили-

лизации (как, например, для Чехии) характерна высокая циркуляция политико-административных элит, и, напротив, там, где, как, например, в России, политическая трансформация была инициирована «сверху», наблюдалось большее воспроизводство властных групп (Semenova, Edinger, Best 2014: 286). Впрочем, со временем старение номенклатурных кадров способствовало сокращению их присутствия во властных группах. Как показали проведенные автором в 2013 и 2014 гг. исследования доля бывшей политико-административной номенклатуры в составе административной и экономической элит РФ относительно невелика (табл. 2).

Таблица 2

Номенклатурный опыт элитных групп РФ, в %

Властные структуры	Элитная группа		
	Административная (N=575)	Экономическая (N=740)	Политическая (Госдума)
Органы КПСС	1	2	15
Органы ВЛКСМ	3	3	14
Советские, представительные (до 1989)	1	1	8
Советские исполнительные (до 1989)	6	3	6
Итого¹	11	6	27

Однако, как видим, уровень номенклатуризации политической элиты (депутатского корпуса Госдумы) в современной России существенно выше, она сильнее укоренена в структурах политико-административной власти советского общества, чем две другие элитные фракции. Тем не менее, если сравнивать эти цифры с данными исследований предыдущих созывов Госдумы, проведенных другими авторами, то можно, по-видимому, говорить о постепенной тенденции к снижению удельного веса номенклатуры в депутатском корпусе. Например, согласно цифрам, которые приводят Г. Илонски и М. Эдингер, в четвертом созыве Госдумы вдвое больше депутатов — 30% имели опыт работы функционерами КПСС, по крайней мере, на местном уровне (Ilonszki,

¹ Цифры в этой строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, т.к. одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе власти (то же относится и к Таблице 3).

Edinger 2007: 153). По данным Е. Семеновой, треть парламентариев Госдумы первых пяти созывов занимала высокую должность в КПСС (Semenova 2011: 921).

Наконец, следует отметить, что довольно велики межфракционные различия в уровне номенклатуризации депутатского корпуса.

Таблица 3

Номенклатурный опыт депутатов, в %

Властные структуры	Группы депутатов				Все депутаты
	Фракция ЕР	Фракция КПрФ	Фракция СР	Фракция ЛДПР	
Органы КПСС	12	40	3	2	15
Органы ВЛКСМ	14	24	12	2	14
Советские, представительные (до 1989)	9	17	1	2	8
Советские исполнительные (до 1989)	8	8	4	2	6
Итого	26	52	16	5	27

Как видно из таблицы 3, наименьшее присутствие бывшей номенклатуры характерно для фракции ЛДПР. Напротив, советско-традиционалистская КПрФ, как и, согласно исследованиям, другие партии-преемницы в постсоциалистических странах (Pionszki, Edinger 2007: 153; Semenova, Edinger, Best 2014: 300), демонстрируют наибольший уровень номенклатуризации. Некоторые нынешние члены фракции КПрФ занимали довольно высокие посты в партийной иерархии (например, среди депутатов-коммунистов встречаются бывшие первые секретари обкомов КПСС), и в начале 1990-х гг. испытали резкую нисходящую социально-профессиональную мобильность. В сущности, одной из важных функций КПрФ стало обеспечение в постсоветских условиях политического выживания бывшей номенклатуры в депутатском качестве. Стоит добавить, что проведенное в 2011 гг. исследование регионального депутатского корпуса партий «второго эшелона» — КПрФ, ЛДПР и «Справедливой России» — выявило аналогичные различия: меньше всего номенклатуры в рядах «жириновцев» и больше всего у «зюгановцев» (Тев 2012: 60–62). Эти различия обусловлены, вероятно, рядом факторов, включая специфику партийной истории и идеологии, но, в частности, они тесно связаны со значительными воз-

растными различиями между фракциями. Фракция ЛДПР является самой молодой: более половины (55%) ее членов родились в 1970–80-е гг. и фактически не имели возможности достичь позиций политико-административной власти в советское время. Напротив, фракция КПРФ — самая пожилая: более 70% ее членов родились в 1930–50-е гг. и только 15% в 1970–80-е гг.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ КАРЬЕРЫ ДЕПУТАТОВ

В сравнении с номенклатурным опытом, постсоветский опыт работы в органах политико-административной власти до избрания в шестой созыв парламента гораздо более распространен среди депутатов. Одной из важнейших тенденций их постсоветской карьеры является политическая профессионализация. В этой связи нужно отметить, что проведенный ранее анализ административной и экономической элит РФ показал, что профессионализация — также доминирующая тенденция их рекрутирования. На момент вхождения в текущую должность члены этих властных групп обычно уже имели более или менее длительный опыт работы в соответствующей сфере и занимали в ней ключевую позицию. Иными словами, рекрутирование этих элит носит преимущественно «внутренний» характер, основными его каналами являются, соответственно, административные и экономические структуры.

Применительно к политической, парламентской элите профессионализация связана с наличием политического опыта перед вхождением в нынешнюю должность. Такой профессиональный опыт может быть довольно разнообразным, включая работу в представительных органах разного уровня и политических партиях, но если говорить о профессионализации в самом узком смысле, то речь идет о наличии опыта членства в самом парламенте до избрания в его нынешний состав, то есть о том, насколько выражена тенденция преемственности (или, напротив, обновления) депутатского корпуса от созыва к созыву.

Исследования парламентской элиты в западных обществах показывают, что, в целом, профессионализация даже в этом, узком смысле является доминирующей тенденцией. В развитых капиталистических демократиях степень воспроизводства депутатского корпуса от созыва к созыву высока: большинство парламентариев на момент избрания

в действующий созыв заседало в предшествующем созыве (Matland, Studlar 2004: 92–94)¹. В принципе, выраженная тенденция к воспроизводству парламентской элиты неудивительна. Отчасти она объясняется преимуществами, которые инкумбенты имеют перед другими кандидатами в депутаты; среди них наличие опыта избирательной борьбы и парламентской деятельности, узнаваемость имени действующих депутатов, работа которых довольно широко освещается СМИ; штат помощников, возможность использования депутатами своей властной позиции и связанных с ней ресурсов для оказания различных услуг избирателям с целью обеспечения поддержки с их стороны, а также для налаживания ценных связей в элитных кругах, благодаря которым приобретаются влиятельные союзники во время выборов, привлекается их организационная и финансовая помощь (Григорьева 2012: 14–15; Медведев 2010: 76–77; Erikson 1971: 395). Надо сказать, что эта тенденция имеет противоречивые последствия (Putnam 1976: 66–67; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 80; Matland, Studlar 2004: 88–89; Shabad, Slomczynski 2002: 333; Crowther, Matonyte 2007: 294; Ilonszki, Edinger 2007: 157). С одной стороны, низкий уровень обновления элиты может негативно влиять на инновационность и гибкость политической системы, способствовать изоляции законодателей от народа. Напротив, относительно высокая сменяемость депутатов может обеспечивать большую представительность парламента и его восприимчивость к меняющимся общественным требованиям и интересам, а также благоприятствовать политической инновации. С другой стороны, высокий уровень сменяемости ведет к недостатку профессионализма, компетентности, усвоения ролей, подрывает развитие корпоративного духа, что важно для эффективного функционирования парламентской машины. Часто сменяемый парламент находится в уязвимой позиции по отношению к более устойчивой правительственной бюрократии.

Говоря о Государственной Думе, нужно отметить, что тенденция к персональному воспроизводству и, в этом смысле, к профессионализации депутатского корпуса также весьма заметна и, по данным ряда исследований (Гаман-Голутвина 2012: 134; Завадская 2012: 121), усиливается.

¹ Впрочем, как свидетельствует пример французских выборов 2017 г., в странах с развитой демократией персональный состав парламентской элиты может обновляться радикальным образом (Во что превратился... 2017).

Таблица 4

Парламентский опыт депутатов Госдумы шестого созыва, в %

Группа депутатов	Работали	Работали в трех	Работали
	в пятом созыве Госдумы	и более созывах Госдумы	во всех созывах Госдумы
Фракция ЕР	46	27	1
Фракция КПрФ	48	35	7
Фракция СР	41	22	3
Фракция ЛДПР	35	20	2
Руководство Госдумы	72	54	9
Все депутаты	44	27	3

Как показывает таблица 4, 44% депутатов Госдумы шестого созыва работали в предшествующем созыве парламента. Причем среди руководства Госдумы доля персон, имеющих опыт членства в прежних созывах Госдумы, значительно выше, чем во всей совокупности. Таким образом, на руководящие в Госдуме шестого созыва чаще избирались опытные парламентарии (и довольно редко — «новички»), что также характерно и для парламентов США и многих стран Европы (Polsby, Gallaher, Rundquist 1969; Hinckley 1969; Frankland 1977: 143–145; Gallagher 1985: 387; Shabad, Slomczynski 2002: 354), в отличие от legislatures ряда других государств, например, Литвы и Эстонии (Crowther, Matonyte 2007: 295).

Тем не менее, в целом, уровень преемственности российской парламентской элиты существенно ниже, а обновление депутатского корпуса выше, чем в странах Запада. В этом смысле, Россия похожа на другие постсоциалистические страны Восточной Европы, для которых характерна относительно высокая сменяемость депутатов (Ilonszki, Edinger 2007: 155–157, 160; Kuklys 2013: 167; Crowther, Matonyte 2007: 291–292). Вообще, как пишет Р. Патнэм, по мере старения института, сменяемость элиты падает, поэтому, при относительно новых режимах она выше, чем в старых демократиях; он также указывает, что высокая сменяемость элиты ассоциируется с периодами кризиса, а низкая — с институциональной стабильностью (Putnam 1976: 65–66). Относительно невысокий уровень преемственности и, в этом смысле, профессионализации депутатского корпуса Госдумы может быть связан с рядом факторов. На возможности переизбрания депутатов и длительность

парламентских карьер негативно влияла электоральная неустойчивость, а также, отчасти, связанная с ней нестабильность партийной системы в постсоветский период (о ее трансформации см., напр.: Гельман 2006). Одни, прежде влиятельные партии и движения (например, «Яблоко» и НДР) пришли в упадок или вовсе исчезли, другие, постоянно представленные в Госдуме (КПРФ и ЛДПР) испытывали значительные колебания в официальном уровне электоральной поддержки и численности думских фракций, в то же время в 2000-е гг. сформировались новые парламентские партии (такие, как СР) и возникла доминирующая партия (ЕР). Также воспроизводству состава парламента не способствовала и нестабильность избирательной системы: в отличие от депутатов Госдумы первых четырех созывов, парламентарии пятого и шестого созывов избирались не по смешанной, а по полностью пропорциональной системе, которая вообще, по сравнению с мажоритарной, больше благоприятствует обновлению депутатского корпуса (Matland, Studlar 2004: 101, 103–104). Кроме того, нужно добавить, что применительно к шестому созыву Госдумы тенденцию к преемственности и профессионализации депутатского корпуса могло сдерживать и рекрутирование значительной части депутатов от «партии власти» посредством Общероссийского народного фронта, когда ставка делалась на политических новичков (как показывает П. Чейсти (Chaisty 2013a: 11), среди поддержанных ОНФ депутатов ЕР бывшие парламентарии составили около 23%, а среди остальных — около 64%). Наконец, тот факт, что парламент занимает второстепенное место, в системе власти может уменьшать (несмотря даже на высокую зарплату и ряд других привилегий депутатов) его непривлекательность как места для длительной карьеры. В частности, парламентарии могут использовать свою позицию просто как трамплин для занятия более высокооплачиваемых постов в бизнесе или более влиятельных должностей в административных структурах.

Впрочем, политический опыт, не сводится только к членству в национальном парламенте и политическую профессионализацию можно рассматривать шире. Важной его разновидностью является членство в представительных органах власти более низкого, регионального и местного уровня. Зарубежные исследования показывают, что в разных странах степень распространенности такого опыта среди парламентариев различна и может объясняться рядом факторов, включая структуру партийной системы и уровень профессионализации регио-

нальных legislatures (Slolz 2003). В частности, в США, где преобладает модель «однонаправленной» (восходящей от местного уровня и уровня штатов к общенациональному уровню) законодательной карьеры, более половины членов Конгресса прежде были членами legislatures штатов (Borchert, Stolz 2011: 272). Напротив, в Канаде, где доминирует паттерн «альтернативных» политических карьер (Borchert, Stolz 2011: 273), движение персон между федеральным и провинциальными уровнями законодательной власти весьма слабое: лишь менее 10% депутатов Палаты общин имели опыт членства в провинциальных legislatures (Moncrief 1999: 175). В своем исследовании депутатского корпуса Госдумы первых пяти созывов Е. Семенова (Semanova 2011: 918) показала, что среди депутатов опыт членства в региональных legislatures не слишком распространен: его имел лишь каждый шестой депутат Госдумы (16%); по ее мнению, вследствие ослабления этих органов власти региональный парламентский опыт стал менее важным аспектом карьеры, ведущих к национальным политическим позициям. Тем не менее, нынешнее исследование Госдумы шестого созыва выявило существенно более высокую степень распространенности такого опыта среди депутатов (табл. 5).

Таблица 5

Опыт членства депутатов Госдумы в региональных и местных органах представительной власти РФ после 1993 г., в %

Группа депутатов	Региональные законодательные собрания	Местные представительные органы	Итого ¹
Фракция ЕР	26	13	34
Фракция КПрФ	45	16	49
Фракция СР	39	16	49
Фракция ЛДПР	34	15	42
Все депутаты	33	14	40

Как видим, треть депутатов были членами представительных органов регионального уровня после 1993 г. В принципе, региональные депутаты на выборах обладают, хотя и в существенно меньшей степени, многими из тех преимуществ, которые имеют действующие депутаты

¹ Цифры в этом столбце меньше суммы цифр в предыдущих столбцах, т.к. одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе.

Госдумы. В целом же, если учитывать любой постсоветский депутатский опыт на всех уровнях власти — федеральном, региональном и местном, то окажется, что более 70% депутатов Госдумы шестого созыва на момент избрания уже имели опыт работы в представительных органах.

Наконец, говоря о политическом опыте, следует упомянуть и о работе помощниками депутатов и сотрудниками аппарата представительных органов, например, референтами аппарата фракций. Близость таких персон к действующим парламентариям, которые часто являются одновременно партийными лидерами, повышает их шансы занять проходное место в партийном списке на очередных выборах. Нужно также отметить, что должность помощника депутата, сотрудника аппарата представительного органа в некоторых случаях занимают бывшие депутаты Госдумы, не сумевшие, по тем или иным причинам, переизбраться, что позволяет им даже в случае поражения на выборах не выпадать из профессиональной политики. В целом, почти четверть (23%) парламентариев шестого созыва имела соответствующий опыт, причем 7% занимали такие должности на момент избрания в шестой созыв нижней палаты парламента, а 9% — на момент первого избрания в Госдуму. Следует подчеркнуть межфракционные различия: особая значимость таких позиций как источника рекрутирования депутатов характерна для ЛДПР, где, видимо, личная лояльность руководителям фракции и партии имеет первостепенное значение в отборе депутатов. Подавляющее большинство, 65% членов фракции ЛДПР имели опыт работы на позициях, обслуживающих деятельность депутатов и представительных органов. Напротив, во фракции «Единой России» такой опыт наиболее редок (его имели всего 8% депутатов). Возможно, это связано с тем, что «партия власти» особенно тесно связана с влиятельными интересами в администрации, крупном бизнесе и социальной сфере, чьи представители часто занимают депутатские позиции, оставляя мало вакансий для выходцев из таких, сравнительно низкостатусных и бедных в плане ресурсов позиций как, например, профессиональные помощники депутатов.

Конечно, следует оговориться, что во многих случаях полномочия, как помощника депутата, так и члена регионального и местного представительного органа, осуществляются на непостоянной, неоплачиваемой основе (общественных началах) и совмещаются с занятостью за пределами политической сферы, например, в бизнесе или бюджетных учреждениях. В этом случае, даже если политический опыт

и приобретает, политика не становится основной работой и главным источником дохода. В данной связи, стоит отметить, что тот факт, что большинство депутатских позиций на региональном и местном уровне предполагают непостоянную занятость, конечно, ограничивает профессионализацию политической элиты и способствует противоположным тенденциям, прежде всего плутократизации. Однако даже если учитывать только работу на постоянной, оплачиваемой основе на таких политических позициях, как депутат представительного органа того или иного уровня, помощник депутата, сотрудник аппарата представительного органа, а также партийный деятель (хотя многие депутаты входили в руководящие органы партий, только у 1% из них на время избрания в шестой созыв партия или ее молодежная организация была основным местом работы), то окажется, что большинство (58%) нынешних парламентариев на момент избрания в шестой созыв Госдумы принадлежали к категории профессиональных политиков. Причем лидирует по этому показателю КПрФ (78%), где относительно слабо выражены такие конкурирующие с политической профессионализацией тенденции, как плутократизация и бюрократизация, а отстает — фракция «Единая Россия» (около половины депутатов).

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЭЛИТА: ПОСТСОВЕТСКИЙ ОПЫТ РАБОТЫ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУРАХ

Одним из каналов рекрутирования депутатов Госдумы шестого созыва являются постсоветские административные структуры. Вообще, зарубежные исследования показывают, что администраторы, чиновники — важный источник рекрутирования парламентской элиты в ряде стран, что, в общем-то, неудивительно, учитывая близость политической и административной сфер (в смысле, как тесноты взаимодействия, так и определенного сходства знаний и навыков, необходимых для работы в них). Так, по данным на начало 1990-х гг., примерно треть парламентариев Японии и 20% французских депутатов вышли из среды чиновников и администраторов (Norris, Lovenduski 1995: 185). В начале 2000-х гг., в парламентах ряда стран Западной Европы высшие государственные служащие составляли, в среднем 8–9% (Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60). В ряде постсоциалистических стран, прежде всего в Чехии и Словении, опыт работы на высоких административных постах также весьма распространен среди депутатов (Semenova, Edinger,

Best 2014: 291-292). По данным Е. Семеновой, примерно 17% депутатов, избранных в парламент Украины в 2007 г., имели предшествующий правительственный опыт (Seменова 2012b: 548).

Что можно ожидать в России в плане присутствия в парламенте выходцев из административных структур, исходя из особенностей ее политической системы? Ситуация неоднозначна. Следует отметить, что Госдума играет слабую, второстепенную роль и с 2000-х гг. подконтрольна главе государства. Парламентская ответственность правительства фактически отсутствует (Зазнаев 2006: 18; Зазнаев 2007: 153–154), а его члены, в отличие от министров многих демократических стран, довольно редко имеют парламентский опыт (Тев 2016а: 123), и совмещение депутатского мандата с правительственным постом, распространенное в ряде государств с парламентской формой правления, не допускается (хотя оно и позволялось в Госдуме первого созыва). Это, с одной стороны, не способствует притоку в парламент административных кадров. Во-первых, отсутствие у высших администраторов опыта избрания в парламент и работы в нем снижает вероятность того, что после своей отставки они окажутся в депутатских креслах. Во-вторых, нетипичность рекрутирования федеральных министров из числа депутатов Госдумы, тот факт, что парламентские позиции редко служат трамплином для занятия должностей в правительстве РФ, должен, при прочих равных условиях, уменьшать их привлекательность для персон с прогрессивными амбициями (используя термин Дж. Шлезинджера (Schlesinger 1966)), включая чиновников, стремящихся достичь вершины административной иерархии. В-третьих, слабость парламента также уменьшает привлекательность депутатской карьеры для администраторов, для которых такого рода переход часто означает утрату реальной власти. Однако в то же время нужно сказать, что парламентская должность, которая, по сравнению с административным постом, требует обычно меньших затрат времени и усилий и в то же время является довольно престижной и высокооплачиваемой, может служить своего рода синекурой или запасным аэродромом для чиновников (не только федеральных, но и губернаторов, мэров и пр.), вынужденных, по тем или иным причинам, оставить свой пост. Избрание в парламент может быть для отставных чиновников, как вариантом продолжения карьеры после выхода на пенсию, так и возможностью дожидаться в удобном кресле нового назначения (пусть даже и не в федеральное правительство).

С другой стороны, нужно отметить, что контроль главы государства над Госдумой может быть и позитивно связан с притоком чиновников в парламент: рекрутирование на некоторые ключевые посты в нижней палате высокопоставленных федеральных администраторов, пользующихся его доверием, может выступать формой проявления и способом поддержания такого контроля. Кстати говоря, подобная практика распространена в региональных парламентах, ключевые посты в которых нередко занимают бывшие региональные чиновники, работавшие под непосредственным руководством губернатора (Тев 2015: 44–45). Далее бюрократизации Госдумы способствует и характер доминирующей в парламенте партии. «Единая Россия», которую нередко называют партией бюрократии, чиновничества, сильно зависит от административной власти разного уровня (Slider 2010: 262; Коргунюк, Мелешкина 2010: 123; Golosov 2011b: 636–637; Makarenko 2012: 43; Roberts 2012: 230; Sakwa 2012: 320), будучи, по сути, ее «придатком» и инструментом осуществления административного контроля над избирательным и законодательным процессом. Такой ее характер должен проявляться в относительно широком присутствии выходцев из администрации разного уровня в составе ее руководящих органов, избирательных списков и депутатских фракций. Кстати, для самой парламентской фракции доминирующей партии, постоянно взаимодействующей с правительством (как, впрочем, и для других фракций), бывшие высокопоставленные административные кадры, обладающие знанием внутренних механизмов функционирования исполнительной власти и связями в ней, являются ценным ресурсом. Наконец, приток администраторов в депутатский корпус может быть связан и с тем, что в России на региональном уровне избирательный процесс, во многом, контролируется губернаторами (Golosov 2011a; Golosov 2011b), которые заинтересованы в том, чтобы иметь «своих людей» в Госдуме. В их качестве могут выступать бывшие региональные чиновники, работавшие под непосредственным руководством главы региона и, в связи с этим, пользующиеся его особым доверием (региональные министры, заместители, а также советники и помощники губернаторов). Возможность использовать властные полномочия в политическом и избирательном процессе (в этой связи стоит сказать, что т.н. «административный ресурс» играет большую роль на выборах в России (Нисневич, Савинцева 2012)), известность в регионе и связи в элитных группах делают таких персон сильными кандидатами в Госдуму.

Каковы масштабы присутствия выходцев из администрации в депутатском корпусе Госдумы шестого созыва? Как показывает Таблица 6, почти треть депутатов, прежде всего членов фракции ЕР, имела в постсоветский период опыт работы (во многих случаях довольно продолжительный — 5 и более лет) в административных структурах разного уровня.

Таблица 6

**Опыт работы депутатов в административных структурах
в постсоветский период, в %**

Группа депутатов	Административные органы			
	Федеральные	Региональные	Местные	Итого ¹
Фракция ЕР	17	21	10	39
Фракция КПрФ	5	8	12	23
Фракция СР	7	19	3	27
Фракция ЛДПР	5	9	3	17
Все депутаты	12	17	9	32

Реже были распространены непосредственные переходы из административных структур в парламент, что, главным образом, характерно для фракции «партии власти», как показывает таблица 7.

Таблица 7

**Опыт работы депутатов в административных структурах
перед избранием в Госдуму, в %**

Группа депутатов	Работа перед первым избранием в Госдуму	Работа перед избранием в шестой созыв
	Фракция ЕР	19
Фракция КПрФ	1	0
Фракция СР	3	0
Фракция ЛДПР	3	2
Все депутаты	11	8 ³

¹ Цифры в этом столбце меньше суммы цифр в предыдущих столбцах, т.к. одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе.

² N=290, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

³ N=533, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

Наконец, нужно добавить, что примерно 5% депутатов Госдумы шестого созыва в прошлом принадлежали к федеральной административной элите (эта цифра близка к данным О.В. Гаман-Голутвиной, согласно которым доля государственных служащих высшего эшелона в парламенте шестого созыва составляла 6,4% (Гаман-Голутвина 2012: 127)). Причем среди руководства Госдумы доля таких депутатов выше и составляет 11%. В частности, в шестом созыве спикером является бывший руководитель администрации президента (кстати, председателем нижней палаты четвертого и пятого созыва также был выходец из федеральной административной элиты, занимавший пост министра внутренних дел), а одним из его первых заместителей — бывший заместитель главы правительства. Словом, командные высоты нижней палаты в большей мере заполнены выходцами из административной элиты страны, чем рядовые депутатские позиции. В этой связи, стоит также отметить, что, по данным исследования административной элиты РФ, проведенного в 2013 г., 4% ее членов имели опыт работы в составе нижней палаты парламента (Тев 2016а: 123). Так что динамические персональные переплетения между федеральной административной и политической элитами страны получили некоторое распространение.

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ КАК КАНАЛ РЕКРУТИРОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

Важным компонентом федеральной администрации являются силовые министерства и ведомства. В научной литературе и СМИ значительный интерес в 2000-е вызывала роль силовиков как бассейна рекрутирования политико-административной элиты РФ, проблема милитаризации властных групп. В частности, некоторые авторы определяли режим, установившийся при В. Путине как милитократию (Крыштановская 2002b; Kryshstanovskaya, White 2003, Крыштановская 2005: 264-284). Они отмечали массовый приток силовиков в элиту в начале правления президента В. Путина и писали, что эта тенденция рекрутирования может обуславливать, в силу особенностей профессиональной социализации силовиков в жестко-иерархической среде, усиление авторитарных тенденций в российской политике. В литературе указывалось, что силовики, даже занимая гражданские посты, могут продолжать «следовать «командно-ориентированному бюрократическому стилю» своего

предыдущего работодателя» (Renz 2006: 916), действуя в недемократическом, авторитарном духе. Некоторые аналитики предсказывали также, что приток силовиков в элиту приведет к тому, что внешняя политика России станет более агрессивной и милитаристской (Rivera, Rivera 2006: 127). Впрочем, следует сказать, что концепция «милитократии» была подвергнута значительной критике в научной литературе (Renz 2006; Rivera, Rivera 2006; Ривера, Ривера 2009; Дука 2012).

Нужно, однако, подчеркнуть, что тезис о доминировании силовиков во власти, в первую очередь, доказывался в отношении таких влиятельных структур, как Совет безопасности РФ, администрация президента и правительство России. В то же время было показано, что в нижней палате парламента, играющей слабую и второстепенную роль в системе власти, доля силовиков была относительно невелика (в 2002 г., по данным О.В. Крыштановской, она составляла 9,4% против 58,3% в Совете безопасности и 32,8% в правительстве (Крыштановская 2002b: 162). Впрочем, также указывалось, что в начале 2000-х гг. доля выходцев из силовых структур в Госдуме была существенно выше, чем в начале 1990-х гг.: например, по данным О.В. Гаман-Голутвиной, в 1993 г. они составляли 3,9%, а в 2003 — 11,06% депутатов (Гаман-Голутвина 2006b: 70). Правда, как отмечает Е. Семенова, в Думе пятого созыва доля военных значительно сократилась (Semanova 2011: 915). В международной сравнительной перспективе показательно, что, по состоянию на начало 2005 г., доля военных в парламенте РФ была в пять раз выше, чем в среднем по парламентам стран Центральной и Восточной Европы (Ponszki, Edinger 2007: 149). Кстати, примерно в тот же период в парламентах стран Западной Европы военные составляли, в среднем, не более 1% депутатов (ни в одной стране их доля не превышала 2%), причем их удельный вес в XX веке постоянно снижался (Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60, 64-65).

Таблица 8 показывает, что в шестом созыве Госдумы каждый седьмой депутат получил образование в «силовых» вузах, и каждый шестой работал, не считая службы по призыву, в силовых структурах — армии, органах госбезопасности, МВД, ФСИН и пр. (без учета гражданских служащих этих ведомств).

Надо также отметить, что по показателям милитаризации федеральная политическая элита России существенно уступает федеральной административной элите, но значительно превосходит экономическую элиту.

Таблица 8

Силовой опыт элитных групп РФ, в %

Элитная группа	Тип опыта	
	Получили образование в «силовых» вузах	Служили в силовых структурах (кроме службы по призыву)
Административная (N=575)	23	28
Экономическая (N=740)	6	7
Политическая (Госдума)	14	17

Несмотря на заметную милитаризацию высшей законодательной власти, говорить о доминировании силовиков в российском парламенте неправомерно, не только потому, что они составляют лишь меньшинство депутатов, но и по ряду других причин. Во-первых, несмотря на то, что председатель Госдумы, по неофициальным данным, служил в КГБ, доля силовиков в руководящем слое Госдумы не выше среднего показателя по всему парламенту. Во-вторых, непосредственное рекрутирование силовиков в парламент является довольно редким: не более 1% депутатов были силовиками к моменту избрания в шестой созыв Госдумы и немногим больше — ко времени первого избрания в парламент. Часть персон, имеющих силовой опыт, уволилась из этих структур в начале 1990-х гг., на волне их реформирования и сокращения, и к моменту избрания в Госдуму успела пройти достаточно длительный путь гражданской социализации в экономических, административных и прочих структурах. В-третьих, депутаты, имеющие силовой опыт, представляют собой довольно разношерстную группу в плане таких профессиональных характеристик как ведомственная принадлежность, длительность службы, должность, которую они занимали в силовых структурах на пике карьеры. В частности, с органами госбезопасности, выходцам из которых иногда приписывается гегемония в российской политике (т.н. «эфэсбэзация власти», «нео-кагэбэшное государство», «чекистократия» (Rivera, Rivera 2006: 134; The Making... 2007; Петров 2016)), служили, по имеющимся данным, не более 2–3% депутатов. Эта гетерогенность не способствует сплоченности депутатов, вышедших из силовых структур. Бывшие силовики принадлежат

к различным фракциям и, как указывается в литературе, голосуют по-разному (Гаман-Голутвина 2012: 130). Вообще же, нет достоверных свидетельств того, что силовой опыт является фактором, существенно дифференцирующим политические взгляды и законодательное поведение депутатов.

Как бы то ни было, относительно широкое, на фоне стран Европы, присутствие выходцев из силовых структур в федеральном депутатском корпусе России остается фактом, который требует объяснения. В этой связи следует упомянуть относительно высокую долю силовиков (а также работников ВПК, обслуживающих нужды армии) в населении страны. Так, например, по доле военных на 1000 населения Россия превосходит большинство стран Европы (Дзись-Войнаровский 2012). Это обстоятельство, возможно, в некоторой степени, повышает шансы на избрание силовиков в парламент, поскольку может быть выше их доля, как среди избирателей, которые могут голосовать по принципу «зеркального представительства», т.е. за себе подобных, так и (хотя и не обязательно) среди граждан, имеющих право быть избранными, потенциальных кандидатов. Далее следует сказать, что, согласно опросам, армия является одним из тех институтов, которым граждане России доверяют в наибольшей степени (Институциональное доверие 2015). В связи с этим стоит отметить также и то, что, как показывают опросы, в сознании граждан России весьма значимы ценности «порядка» (он ценится гораздо больше, чем демократия и права человека) (Большинство россиян... 2015; WV6_Results Russia... 2016), олицетворением которого могут, в определенной мере, выступать силовики. Как писала в начале 2000-х гг. О.В. Крыштановская, «общественное мнение давно склонялось к необходимости сильной рукой навести в стране порядок. В отличие от других элитных групп, чей образ граждане прочно связывали с воровством, коррупцией, демагогией, военные сохраняли репутацию честных, ответственных, политически неангажированных, исполнительных профессионалов, следующих принципу «сказано — сделано»» (Крыштановская 2002b: 159-160). Все эти особенности массового сознания также могут повышать электоральную привлекательность персон с силовым опытом, «спрос» на них среди избирателей и, в связи с этим, их шансы на выдвижение и избрание в парламент (кстати, по данным опроса 2006 г., среди групп и слоев, представителей которых граждане страны хотели бы видеть в парламенте, военные занимали восьмое место (а у сторонников — ЕР — пятое), опережая

бизнесменов и госслужащих, но отставая от врачей, учителей и рабочих (Пресс-выпуск... 2007)).

Кроме того, существенен вопрос, не прилагают ли те, кто контролирует процесс выдвижения кандидатов в Госдуму (например, администрация президента или партийное руководство), сознательные усилия по продвижению силовиков в парламент не по причине электорального спроса на них, а потому, что для правящей элиты, особенно в условиях недемократического режима, силовики, с точки зрения таких своих предполагаемых качеств, как исполнительность, дисциплинированность, авторитарные ценности, предпочтительнее в роли депутатов, чем выходцы из других профессиональных групп. Это предположение кажется сомнительным, поскольку, как уже говорилось, силовики редко непосредственно рекрутируются в парламент, не представлены более широко в руководстве Госдумы, чем среди всех депутатов, и нет систематических доказательств того, что силовой опыт существенно влияет на политические взгляды и поведение депутатов.

Впрочем, какое бы значение не имели эти обстоятельства, тот факт, что силовики редко непосредственно избираются в Госдуму, что перед вхождением в парламент большинство из них сделало более или менее длительную карьеру в бизнесе, администрации и других структурах, позволяет выдвинуть еще одно объяснение. Относительно широкое присутствие персон с силовым опытом в российском парламенте отчасти может корениться также и в реформировании и сокращении силовых структур в постсоветский период (об уменьшении численности Вооруженных сил РФ в 1990-е гг. см., напр.: Зубарев 2000), когда многие силовики сменили сферу деятельности и стали делать карьеру в других областях, например, бизнесе и администрации, которые, в свою очередь, являются важными каналами рекрутирования депутатов.

ВЫХОДЦЫ ИЗ БИЗНЕСА В ПАРЛАМЕНТЕ: ОСОБЕННОСТИ ПЛУТОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Зарубежные исследования показывают, что выходцы из бизнеса в неодинаковой степени присутствуют в парламентах различных стран. Бизнесменов сравнительно много в парламентах Великобритании и США (Norris, Lovenduski 1995: 185; Miller 1995: 58; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73–74; Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Witko,

Friedman 2008), а также ряда постсоциалистических государств Европы, например, в странах Балтии (Semenova, Edinger, Best 2014: 291). Напротив, их доля в парламентах большинства стран Западной Европы, например, Германии (Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73-74), сравнительно невелика (в среднем, по странам Западной Европы, она составляла 12% (Best 2006: 25)).

В российском парламенте бизнес систематически широко представлен, по уровню плутократизации, Госдума существенно превосходит парламенты почти всех европейских стран. Так по данным Е. Семеновой, выходцы из бизнеса составляли, в среднем, 35% депутатов первых пяти созывов Госдумы (Semenova 2011: 913). Согласно цифрам, приводимым О.В. Гаман-Голутвиной, 36% депутатов Госдумы шестого созыва рекрутированы из бизнеса и менеджмента (Гаман-Голутвина 2012: 127, 130). П. Чейсти установил, что бизнесмены составляют более трети членов фракции ЕР в Думе шестого созыва (Chaisty 2013a: 10).

По данным нынешнего исследования (как видно из таблицы 9), примерно половина депутатов имела опыт работы на ключевых должностях в экономических структурах после 1991 г.

Таблица 9

Опыт работы депутатов на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями, в %

Группа депутатов	Наличие опыта после 1991 г.	Работа	
		перед первым избранием в Госдуму	Работа перед избранием в шестой созыв
Фракция ЕР	47	31 (29) ¹	16 (16) ²
Фракция КППРФ	42	25 (23)	10 (10)
Фракция СР	63	38 (35)	27 (24)
Фракция ЛДПР	65	31 (26)	17 (17)
Все депутаты	51	31 (28)	17 (16) ³

Если же учесть также депутатов, которые в постсоветское время были крупными совладельцами фирм, то доля представителей бизнеса

¹ В этом и следующем столбцах в скобках указана доля депутатов, у которых перед избранием бизнес был основным (по данным ЦИК) местом работы.

² N=290, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

³ N=533, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

достигнет 56%. Немало в парламенте и прямых выходцев из бизнеса, причем при учете крупных совладельцев фирм, доля депутатов, тесно связанных с бизнесом на момент первого избрания в Госдуму и избрания в ее шестой созыв, возрастет, соответственно, до 41% и 34%. Из Таблицы 9 также видно, что есть определенные межфракционные различия: меньше бизнесменов во фракции КПРФ. Стоит также отметить, что, как показывает таблица 10, по уровню плутократизации политическая элита РФ, существенно превосходит административную элиту страны.

Таблица 10

Опыт работы членов федеральных элитных групп на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями в постсоветский период, в %

Элитная группа	Наличие опыта работы	Работа до занятия нынешней должности
Административная	31	6
Политическая (Госдума)	51	17

Широкое присутствие бизнеса в Госдуме, высокая степень плутократизации российского парламента могут быть обусловлены рядом факторов. Говоря о причинах заинтересованности бизнесменов в парламентском представительстве, следует, прежде всего, подчеркнуть, что процесс накопления капитала существенно зависит от государственной власти и политики. Хотя такая зависимость характерна для всех стран, она, вероятно, особенно сильно проявляется в таких странах, как Россия, где, как показывают некоторые исследования, сложился «капитализм для своих» или «кумовской капитализм», при котором политические связи, связи с государственной властью имеют первостепенное значение для успешного ведения бизнеса (Our cronycapitalism... 2014; Волкова 2016; см. также: Faccio 2006). В этом плане, депутатский мандат может быть полезен, поскольку облегчает доступ к чиновникам и другим влиятельным лицам и дает возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах фирмы, отрасли, бизнеса в целом. Вообще, ряд исследований эмпирически подтверждают, что выходцы из бизнеса склонны использовать мандат в своих деловых интересах (Chaisty 2013b; Witko, Friedman 2008). Стоит отметить, что не только связи с политиками и чиновниками, приобретенные в период депутатства, но и знание политического процесса, получен-

ное в процессе работы в парламенте, может быть полезно для бизнесменов с точки зрения продвижения своих интересов в органах государственной власти. Однако интерес бизнеса к членству в парламенте не сводится к материальной, лоббистской составляющей. Для бизнесменов может также быть важна и неприкосновенность, которой пользуются депутаты Госдумы, особенно, учитывая тот факт, что накопление капитала в постсоветский период часто осуществлялось с нарушением законов. Кроме того, для капиталистов могут быть значимы статус, престиж, связанный с должностью депутата Госдумы, а также мотивы самореализации в политической сфере. Наконец, неудачи в бизнесе могут мотивировать капиталистов к переходу в профессиональную политику, к избранию в Госдуму, тем более что зарплата депутата довольно высока.

Тем не менее, не стоит преувеличивать мотивацию бизнесменов, особенно крупных предпринимателей и топ-менеджеров ведущих фирм, избираться в Госдуму. Российский парламент, в целом, является слабым, маловлиятельным органом, занимающим второстепенное место в политической системе страны. В этом смысле, руководители крупных компаний, которые часто имеют прямой доступ к исполнительной власти, могут не проявлять существенно интереса к депутатскому мандату. Кроме того, многие бизнесмены вообще сторонятся публичности, исходя из принципа «деньги любят тишину». Вообще, для того, чтобы иметь представительство в парламенте, бизнесменам не обязательно самим избираться депутатами: они могут финансировать кампании других парламентариев или просто подкупать их. Впрочем, всегда есть опасность измены таких ставленников, когда они отказываются, в силу разных причин, от выполнения своих обязательств, поэтому стратегия личного присутствия в парламенте может быть более надежной. Наконец, важно учитывать институциональный дизайн федерального парламента: по закону, статус депутата Госдумы предполагает работу на постоянной профессиональной основе и несовместим с членством в органах управления компаниями. Однако высшим менеджерам крупных фирм такая смена деятельности, такой переход, как правило, невыгоден, поскольку может означать потерю, как контроля над капиталом, так и значительной части доходов. В этом, кстати, отличие Госдумы от большинства региональных парламентов, в которых значительная или даже подавляющая часть депутатов могут работать на непрофессиональной основе, совмещая законотворчество с бизнесом.

Важнейшим ресурсом, который капиталисты могут использовать для успешной избирательной кампании, как в одномандатных округах, так и по партийным спискам, являются финансовые средства. От доступа к ним, несмотря на государственное финансирование, существенно зависят политические партии (Wilson 2007; Коргунюк 2010; Шлейнов 2010; Hutcheson 2012). Так, например, в 2011 г., когда проводились выборы в Госдуму, пожертвования (прежде всего, юридических лиц) составили основную часть денежных средств, поступивших на осуществление уставной деятельности у всех четырех думских партий (см.: Сводный финансовый отчет... «Единая Россия» 2011; Сводный финансовый отчет... КПРФ 2011; Сводный финансовый отчет... ЛДПР 2011; Сводный финансовый отчет... Справедливая Россия 2011). Говоря о политических ресурсах бизнесменов, не следует забывать и о средствах массовой информации, которыми они нередко владеют. Также важно отметить, что под властью бизнесменов находятся более или менее многочисленные трудовые коллективы, и зависимость на рабочем месте является благоприятным условием для оказания политического влияния со стороны работодателя (агитация на предприятии, организованный подвоз рабочих на избирательные участки и пр.) (см.: Golosov 2013: 477). Также главы крупнейших фирм, являющихся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах (а также иногда имеющих на своем балансе крупные учреждения социальной сферы), обладают значительной структурной властью. Зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких фирм облегчает их руководству представление своих частных интересов как всеобщих, что является важной предпосылкой успешной предвыборной агитации. В то же время находящиеся в многообразной зависимости от капитала региональные и местные власти могут оказывать административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Какой именно бизнес, в плане размера, формы собственности и отраслевой принадлежности, представлен в Госдуме шестого созыва? При ответе на вопрос о размере бизнеса, важно прояснить, каковы масштабы присутствия крупного по общероссийским меркам капитала в ГД, насколько распространены переплетения экономической и политической элиты России. Прежде всего, нужно отметить, что связь с крупным капиталом может определяться по-разному. В данном исследовании, под его представителями понимались, во-первых, персоны, которые на момент их избрания в Госдуму шестого созыва занимали

высшие руководящие должности в компаниях, входивших в список крупнейших по версии журнала «Эксперт», или контролируемых ими фирмах, а также в бизнес-структурах, которые были крупными акционерами таких компаний. Во-вторых, персоны, которые на момент избрания или во время работы в Госдуме шестого созыва являлись крупными совладельцами фирм, входящих в тот же рейтинг. В-третьих, депутаты, входившие в список богатейших бизнесменов по версии Forbes в 2011-2016 гг., то есть перед избранием или в период работы в Госдуме шестого созыва. В общей сложности таким критериям удовлетворяют примерно 4% депутатов. Почти все они сосредоточены во фракции ЕР и только один принадлежит к фракции «Справедливой России». Важно отметить, что переходы с ключевых должностей в крупнейших фирмах или контролирующих их холдингах в Госдуму шестого созыва очень редки (таких случаев только два), и ограничиваются теми топ-менеджерами, которые принадлежат к семьям, владеющим соответствующими структурами и, поэтому, могут, вероятно, с легкостью вернуться на прежние позиции в случае ухода из Госдумы. Чаще будущие депутаты Госдумы занимали ключевые позиции не в самих крупнейших компаниях, а на предприятиях, в которых такие компании (например, холдинг «Россети», «Газпром», «Татнефть», «КАМАЗ», «Глобэкс-банк») являются контролирующими акционерами. В принципе, указанный список депутатов, тесно связанных с крупным капиталом, можно расширить за счет персон, которые на момент избрания в Госдуму являлись не высшими, а средними менеджерами, а также специалистами или советниками руководства указанных выше экономических структур (примерно 1% депутатов). Также можно включить в число представителей крупного капитала, лиц, которые не входят в указанные выше категории, но имеют родственников, владеющих крупнейшими фирмами по версии журнала «Эксперт» и/или входят в рейтинг Forbes. При таком, довольно широком толковании представителей крупного капитала к ним относятся примерно 6% депутатов, причем только часть из них на момент избрания или во время работы в Госдуме шестого созыва входила в состав экономической элиты общероссийского уровня (около 3% депутатов). В связи с этим, нужно отметить, что по данным исследования экономической элиты РФ, проведенного в 2014 г., 3% ее членов имели опыт членства в Государственной Думе (Тев 2016b: 98). Так что персональные переплетения экономической и политической элит РФ имеют место, но не велики. В этой связи

стоит сказать, что П. Чейсти выявил тенденцию снижения представительства наиболее могущественных (олигархических) экономических интересов, связанных с финансовой, энергетической и добывающей отраслями, в Госдуме по мере ужесточения контроля исполнительной власти над возможностями парламентского лоббирования (Chaisty 2013b: 733).

Какой бизнес представлен в Госдуме с точки зрения формы собственности? Среди депутатов немного прямых выходцев с ключевых должностей на предприятиях, в которых государство или органы муниципальной власти — крупнейший или единственный владелец, в основном, в Госдуме присутствуют выходцы из частного сектора.

Наконец, важен вопрос и о том, какой бизнес представлен в Госдуме в отраслевом разрезе. Обстоятельный анализ отраслевой структуры бизнеса, присутствующего в Госдуме первых пяти созывов, а также во фракции ЕР в Госдуме шестого созыва, был проведен П. Чейсти (Chaisty 2013a; Chaisty 2013b). Им, в частности, было установлено, что в Думах последних нескольких созывов наибольшую долю депутатов составляет обрабатывающая промышленность; доля депутатов, связанных с сельским хозяйством, существенна, но сокращается, тогда как выходцев из строительного и торгового секторов становится больше (Chaisty 2013a: 10; Chaisty 2013b: 724). В данном исследовании не ставилась задача такого же исчерпывающего статистического анализа отраслевых связей парламентариев-бизнесменов. Кроме того, определить отраслевую принадлежность депутатского бизнеса не всегда просто: не только потому, что по многим фирмам нет достоверных сведений, но и поскольку некоторые депутаты на момент избрания имели более или менее значительные коммерческие интересы сразу в нескольких отраслях, в частности, владея многопрофильными холдингами. Тем не менее, можно сделать некоторые замечания относительно отраслевой принадлежности тех компаний, в которых депутаты на момент избрания в шестой созыв занимали ключевые посты или, по данным, опубликованным накануне выборов 2011 г. (а также по некоторым более поздним данным), являлись крупными совладельцами. В частности, заметны межфракционные различия. Во фракции «партии власти», по сравнению с другими фракциями, гораздо более широко представлена промышленность: пищевая, машиностроительная, металлургическая и добывающая. В то же время немало ее депутатов связаны с таким экономическим сектором, как строительство, девелопмент и недвижи-

мость. В свою очередь, этот сектор, активно присутствующий во многих местных и региональных парламентах (Тев 2012: 69; Тев 2013: 86–87) и сильно зависимый от властей (в плане доступа к земельным участкам, государственным и муниципальным подрядам, благоприятного режима градостроительного регулирования) является одним из наиболее широко представленных в думских фракциях партий «второго эшелона» — ЛДПР, СР и КПРФ (правда, если в одних случаях фирмы, относящиеся к нему, составляют основу бизнеса депутатов, то в других — лишь одну из его составляющих, нередко второстепенную).

ЮРИСТЫ В СОСТАВЕ ПАРЛАМЕНТА

Одну из профессиональных групп, выходцы из которых сверхпредставлены в парламентах многих стран по отношению к своей доле в занятом населении, составляют юристы. Как отмечает М. Доган, «юрист является одной из наиболее привычных фигур на законодательном форуме, поскольку юридическая профессия, кажется, располагает людей к политической карьере» (Dogan 2003: 38). Это проявляется в ряде отношений, которые описаны в литературе (Schlesinger 1957: 27; Gold 1961: 84; Podmore 1977: 165-185; Miller 1995; Dogan 2003: 38-39). Во-первых, она формирует знания, умения и навыки, полезные в политической деятельности (как во время избирательных кампаний, так и период пребывания в должности депутата) и являющиеся преимуществами в политической борьбе. Среди них привычка выступать на публике, умение аргументировать свою позицию, вести переговоры, посредничать между сторонами конфликта, знание нормативно-правовой базы. Во-вторых, профессия юриста предполагает обычно довольно гибкий рабочий график, оставляя свободное время для занятия политической деятельностью. Более того, что касается стабильных обществ, то поскольку законодательство в них меняется сравнительно медленно, юристы могут временно оставить свою работу, уйдя в политику, а затем сравнительно безболезненно вернуться к ней: их знания не устареют. В-третьих, политическая деятельность выгодна для юридической практики, поскольку дает возможность юристам рекламировать себя, повышать узнаваемость своего имени, налаживать разнообразные связи, способствующие привлечению клиентов.

Доминирование юристов характерно, прежде всего, для Конгресса США (Derge 1962: 19; Green, Schmidhauser, Berg, Brady 1973: 440; Podmore 1977: 163–164), где их доля в 1995 г. составляла 42%, правда, при постепенной тенденции к снижению (Miller 1995: 59–60). Юристов даже называют «верховными жрецами» (high priests) американской политики (Ruchelman 1966: 484; Miller 1995). Вообще, для США характерна политическая культура, которая предпочитает оценивать политические результаты на основе легальных стандартов, и, поэтому, юридическая профессия считается легитимным источником политического руководства (Miller 1995: 65).

В парламентах стран Западной Европы доля практикующих юристов значительно меньше, но все же выше их доли в занятом населении: в среднем, около 7% в 2000-е гг. (Cotta, Verzichelli 2007: 427). Как пишут зарубежные авторы, исторически, в XIX веке, юристов в парламентах европейских стран было гораздо больше (почти одна пятая депутатов в конце XIX века (Cotta, Verzichelli 2007: 427)), но имела место долговременная тенденция к падению их доли, как и доли лиц с юридическим образованием, которые некогда преобладали среди депутатов, окончивших университет (Gaxie, Godmer 2007: 119–121). Она связана с рядом факторов. В частности, с изменением типа государственного вмешательства в общественные отношения. Отмечается, что «государства всегда вмешивались в дела гражданского общества посредством права», но в XX веке распространились новые типы регулирования (например, экономическое и социальное), а, следовательно, от парламентариев потребовались новые типы и умений (Gaxie, Godmer 2007: 123). В связи с этим возрос спрос на депутатов — специалистов в области экономики, социальных и гуманитарных наук. Кроме того, падение доли юристов в парламентах связано с процессом профессионализации политической жизни и знаменует собой изменение модели политического представительства и типа представителя. В прошлом «юридическая профессия, несомненно, играла роль, способствующую прото-профессионализации политики: юристы обладали некоторыми умениями, которые помогали им играть представительную роль в эпоху слабых партийных организаций, и гибкость их рабочего графика делала их доступными, когда политика была неполной занятостью.... Но развитие более специфической организации политики и трансформация представительной работы в занятие на полный рабочий день произвели новый тип специалистов и гораздо больший спрос на время политиков:

в этой ситуации свободные профессионалы, такие как юристы, едва ли могли конкурировать с организационными профессионалами, произведенными массовыми партиями и профсоюзами» (Cotta, Verzichelli 2007: 428).

Что касается России, то доля юристов в парламенте страны невелика, как, кстати, и в legislatures ряда других постсоветских и постсоциалистических государств Европы (Semenova, Edinger, Best 2014: 290), например, в странах Балтии она составляет 1–3% (Kuklys 2013: 66, 84–86). Так, по данным О.В. Гаман-Голутвиной, в 1993 г. юристы составляли 4,3%, а в 2003 г. — только 1,8% депутатского корпуса Госдумы (Гаман-Голутвина 2012: 129). Нынешнее исследование показало, что доля депутатов Госдумы шестого созыва, имевших адвокатский опыт, всего 2% (тем не менее, доля адвокатов среди населения в 2009 г. была всего 0,04% (Государственная программа... 2011), так что и в российском парламенте они представлены все же непропорционально широко). Если к ним прибавить тех парламентариев, которые некогда работали юристами в различных организациях, были помощниками адвокатов, а также руководили юридическими фирмами, то доля юристов составит порядка 4%, причем не более 1,5% депутатов были ими на момент первого избрания в Госдуму (кроме того, около 3% депутатов имели опыт работы судьями или в прокуратуре).

Сравнительно небольшое присутствие юристов в Госдуме, в целом, неудивительно. В России, по сравнению с западными обществами, особенно США, вообще роль права в общественной и политической жизни, довольно слаба, что, отчасти, является наследием советской, социалистической эпохи. Так, в 2012 г., по Индексу верховенства закона, РФ заняла последнее место в своей экономической группе («доходы выше среднего») (Волкова 2012). Соответственно, можно предположить, что и роль в политике и обществе носителей правовых знаний — юристов — должна быть относительно скромной. Кроме того, понятно, что сдвиги в политической элите не всегда происходят одновременно с изменением социально-исторического контекста, в котором она формируется, и ее состав может, в определенной мере, отражать особенности прежних эпох. В этом смысле, важно отметить, что периоду возникновения и функционирования современного российского парламентаризма предшествовала социалистическая эпоха, а не те ранние этапы эволюции буржуазного государства с характерными для них формами государственного вмешательства и политического представительства,

о которых пишут зарубежные исследователи применительно к Западной Европе, и которые в прошлом обусловили высокую долю юристов в парламентах, в дальнейшем постепенно сокращавшуюся.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ И ДРУГИЕ РАБОТНИКИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Кроме юристов, еще одной профессиональной группой, которая сверхпредставлена в парламентах многих стран, являются учителя и преподаватели. В частности, это касается legislatures стран Западной Европы, бурный рост присутствия преподавателей в которых пришелся на вторую половину XX века. Их доля, составлявшая до первой мировой войны менее 8%, поднялась в 1980-1990-е гг. примерно до 18%, но затем несколько снизилась и в 2000-е гг. составляла, в среднем, более 15% депутатов (Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60).

В зарубежных исследованиях проанализированы причины сверхпредставленности выходцев из этой профессиональной группы в депутатском корпусе. Профессия преподавателя обеспечивает ряд ресурсов и возможностей, важных для успешной политической карьеры. Согласно Э. Кингу, учительство и чтение лекций в колледжах и университетах являются, одной из «профессий, содействующих политике» (politics-facilitating). Как пишет он, суммируя политические преимущества таких профессий, они «предлагают широкий ряд контактов, гибкие паттерны работы, длинные выходные, большие возможности для отпуска и шанс практиковать политически-релевантные умения такие, как письмо и публичное выступление. Более того, для людей этих профессий политика считается подходящей активностью, а не той, которая противоречит профессиональным нормам» (King 1981: 261).

На некоторых политически релевантных преимуществах профессиональной группы учителей и преподавателей стоит остановиться подробнее. Во-первых, гибкий график работы и продолжительные выходные и отпуска дают им свободное время, необходимое для занятия политической деятельностью. Другим преимуществом учителей и преподавателей как одного из сегментов т.н. «болтающего класса» являются коммуникативные способности или дискурсивные навыки. В литературе указывается, что «роль политика, в электоральном процессе так же, как и в выборной должности, требует существенных коммуника-

тивных умений, которые, по крайней мере, отчасти, можно приобрести в процессе подготовки и работы в частной профессии» (Eulau, Koff 1962: 507). Как пишет М. Доган «при демократических режимах политическая жизнь, главным образом, составлена из письменных и произнесенных слов. Следовательно, неудивительно, видеть, что так много политиков рекрутируется среди профессий, которые знают, как создавать слова» (Dogan 2003: 41). Далее важно отметить, что политическая карьера является весьма рискованным предприятием, поэтому преимущество имеют представители тех профессий, в частности, работающие в публичном секторе стран Западной Европы учителя и преподаватели, которые пользуются надежными гарантиями занятости и могут относительно легко вернуться к своей прежней работе в случае поражения на выборах. Вообще, в отличие от многих других профессий вузовская профессура вправе совмещать свою работу с парламентской деятельностью. Наконец, важность учителей и преподавателей как бассейна рекрутирования парламентариев Западной Европы может также отражать востребованность в парламенте, в условиях «социального государства», деятелей, компетентных в различных областях (экономике, социальных науках и пр.) (Gaxie, Godmer 2007: 128).

Надо сказать, что важность учителей и преподавателей как бассейна рекрутирования парламентариев не является специфически западноевропейским феноменом. Как показывают исследования, они были наиболее широко представленной профессиональной группой в первых демократически избранных парламентах постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы (включая страны Балтии), где их доля достигала 22% депутатов. Однако затем она существенно, более чем на треть, сократилась, тем не менее, выходцев из нее по-прежнему немало — почти каждый седьмой депутат (Pionszki, Edinger 2007: 147–148). Отмечается, что «этот спад может быть истолкован как результат меняющихся требований различных этапов посткоммунистической трансформации. Начальная фаза радикальных перемен в Восточной Европе характеризуется символической политикой и доминированием мечтателей и политиков морали.... Учителя и преподаватели лучше всего подходят для этой стадии политического развития. ... Подобно Центральной Европе, где в 1989 г. «интеллектуалы были на переднем крае демократического перехода» ..., интеллектуалы в балтийских республиках играли основную роль, иницируя социальные движения, предлагая политические программы и основывая политические пар-

тии» (Kuklys 2013: 68). Затем, по мере перехода к последующим этапам трансформации (которые выделены в работе Я. Василевского (Wasilewski 2001) и, соответственно, изменений требований к характеристикам и составу политической элиты, присутствие преподавателей в парламенте снижается.

В России, как показывают, исследования, доля преподавателей в постсоветских парламентах была сравнительно невелика, меньше, чем в странах Восточной и Центральной Европы, кроме Чехии (Semenova, Edinger, Best 2014: 291). Так, по данным Е. Семеновой, в среднем 8% депутатов Госдумы первых пяти созывов были выходцами из этой категории (Semenova 2011: 914). Близкие цифры приводит по Думам пятого и шестого созыва О.В. Гаман-Голутвина: в них, соответственно, 5,8% и 7% депутатов были представителями этой профессиональной группы (Гаман-Голутвина 2012: 128). По данным нынешнего исследования, хотя существенная доля депутатов имела опыт преподавательской, педагогической деятельности на том или ином этапе своей карьеры, у многих он относится к ранним годам трудовой деятельности и не является определяющим в карьере. Вообще, только у 10% парламентариев перед их первым избранием в Госдуму основное, по данным ЦИК, место работы было в сфере образования и науки. Причем 3% принадлежали к высшему руководству учебных заведений — директора, ректоры, проректоры, которые, конечно, могли совмещать свои функции с преподаванием, еще 3%, по своей основной работе, были учителями школ или относились к профессорско-преподавательскому составу вузов, а около 2% занимали различные должности в научных институтах. Перед избранием в шестой созыв, у 4% депутатов основное место работы было в научно-образовательной сфере: 2% входили в топ-менеджмент учебных заведений и 1%, не занимая высших должностей в них, работали учителями школ или входили в профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений. В частности, два депутата во фракции «партии власти» работали простыми учителями на момент избрания в нынешний созыв — немного, если учесть, что школьные учителя (наряду с врачами, тоже представленными в парламенте) обладают значительным социальным капиталом, являясь одной из тех профессий, к которым российское общество испытывает наибольшее уважение и доверие (Самые уважаемые... 2012).

Можно выделить ряд факторов, способных негативно влиять на присутствие учителей и преподавателей в российском парламенте.

Во-первых, думается, что в нынешней России роль дискурсивных умений или коммуникативных навыков в политическом процессе относительно невелика, сильно уступая значению административных рычагов и финансовых ресурсов. Соответственно, политические преимущества имеют не столько «профессиональные болтуны» (в частности, преподаватели), сколько чиновники и бизнесмены. В условиях существующей в стране авторитарной политической системы возможности политической агитации и дискуссии в период избирательных компаний сильно ограничены даже на формально-юридическом уровне. Так, в соответствии с поправками, внесенными в 2006 г. в Федеральный закон о гарантиях избирательных прав граждан, кандидаты и избирательные объединения не вправе использовать эфирное время на телевидении в целях распространения призывов голосовать против кандидатов, «описания возможных негативных последствий в случае, если тот или иной кандидат будет избран», «распространения информации, в которой явно преобладают сведения о каком-либо кандидате, ... избирательном объединении в сочетании с негативными комментариями», а также информации, «способствующей созданию отрицательного отношения избирателей к кандидату, избирательному объединению, выдвинутому кандидата, список кандидатов» (Федеральный закон 2016). В этой связи, следует упомянуть и ряд других законодательных актов, ограничивающих возможность общественных дискуссий: возвращение в 2012 г. уголовного наказания за клевету, принятые в 2013 г. поправки об ужесточении ответственности за «оскорбление чувств верующих» (Мониторинг... 2016). Кроме того, нужно сказать, что влияние коммуникативных умений и связанной с ним способности убеждать избирателей на шансы прохождения в парламент ограничивается и тем фактом, что выборы носят несвободный и нечестный характер, что избиратели широко подвергаются административным методам воздействия, а официальные результаты выборов лишь отчасти отражают реальное волеизъявление электората. Также востребованность среди депутатов персон, обладающих «дискурсивными умениями», ораторским искусством, снижает и сам характер нынешнего российского парламентаризма. Госдума, которая, по словам ее бывшего спикера Б. Грызлова, не должна быть площадкой для политических баталий (дискуссий), действительно, во многом, напоминает машину для быстрой, не предполагающей длительных обсуждений и согласований штамповки законопроект, инициированных административной властью, контро-

лирующей парламент (см.: Шульман 2014). Наконец, нужно учитывать и характер избирательной системы: при полностью пропорциональной системе, по которой проводились выборы в Госдуму пятого и шестого созывов, когда избиратели голосовали за партийные списки, роль в избирательной борьбе коммуникативных умений и вообще личных качеств кандидатов, при прочих равных условиях, должна быть слабее по сравнению с выборами по одномандатным округам.

Во-вторых, следует отметить, что в Западной Европе учителя школ и преподаватели вузов особенно широко представлены во фракциях исторически тесно связанных с рабочим движением и носивших массовый характер левореформистских, социал-демократических партий [Best, Cromwell, Hausmann, Rush, 2001, p. 77-78]. В современной России такие партии, по существу, отсутствуют.

В-третьих, как уже говорилось, значительное, хотя и ослабевающее, присутствие учителей и преподавателей вузов в парламентах стран Восточной Европы, отчасти, является наследием начального периода постсоциалистической трансформации, когда интеллигенция играла решающую роль. В России, интеллигенция в советское время находилась под гораздо более сильным идеологическим контролем, и ее роль в преобразованиях конца 1980-х — начала 1990-х гг., хотя и весьма заметная, была все же слабее, чем в ряде восточно-европейских стран и бывших советских республик (в частности, в странах Балтии), что, вероятно, нашло отражение и в составе постсоветской элиты.

В-четвертых, возможно, что спрос на высококвалифицированных специалистов, обладающих профессиональными знаниями в тех или иных областях, в частности, из рядов университетской профессуры, в российском парламенте сравнительно невелик, поскольку его роль в управлении государством и обществом (и в частности, как канала рекрутирования правительственной элиты) довольно слаба, второстепенна, во многом, декоративна. Хотя надо подчеркнуть, что и среди высокопоставленных администраторов прямых выходцев из сферы образования и науки немного.

Наконец, надо учитывать и то, что, в сравнении с Западной Европой (особенно периода 1970-80-х гг.), в России преподаватели являются в экономическом отношении гораздо менее преуспевающей группой, в меньшей степени обладают рядом ресурсов, важных для политической карьеры. Прежде всего, в постсоветской России многие из них в материальном отношении принадлежат к малообеспеченным слоям

(показательно, что по итогам первого полугодия 2011 г., зарплата в сфере образования была на треть ниже средней по стране ((Башкатова 2011)). При этом учебная нагрузка преподавателей довольно велика, а гарантии их занятости в условиях авторитарных порядков и неолиберальных реформ в области образования ненадежны.

Нужно в заключении отметить, что по сравнению с обычными преподавателями гораздо больше шансов пройти в федеральный парламент имеет высшее руководство учебных заведений, прежде всего, ректоры и проректоры вузов (кстати, сходная ситуация с медиками: хотя ряд депутатов перед избранием входили в высшее руководство медицинских учреждений, ни один не был рядовым врачом). Это неудивительно, учитывая, что такие персоны контролируют значительные финансовые ресурсы, а также обладают существенным административным потенциалом, возглавляя большие коллективы преподавателей, с помощью которых можно мобилизовать в свою поддержку более широкий круг избирателей — студентов и даже членов их семей (Медведев 2010: 80). Кроме того, как пишет Ю.С. Медведев, существует «традиционная, восходящая еще к советской эпохе установка региональных элит на включение соответствующих позиций в состав представительных органов власти» (Медведев 2010: 79-80). В силу этих преимуществ ректоры вузов являются одной из самых успешных профессиональных групп на выборах в парламенты субъектов РФ (Медведев 2010: 79-80), а, между тем, должность регионального депутата важна в качестве трамплина для попадания в федеральный парламент. Впрочем, не следует переоценивать их заинтересованность в переходе на профессиональную депутатскую работу в Госдуму, который, по крайней мере, для ректоров ведущих вузов чреват утратой части доходов (о размере доходов высшего руководства вузов см.: Доходы в образовании...2014; Национальный рейтинг... 2015) и власти, в отличие от членства в региональном парламенте на непостоянной основе, дающего возможность, не покидая руководящих позиций в вузах, отстаивать интересы своих учреждений в органах власти.

РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ПОСТАВЩИК ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА

Одна из общих и основополагающих характеристик парламентов, формируемых в капиталистических обществах, состоит в том, что их состав не соответствует концепции т.н. «демографического» (Norris,

Lovenduski 1995: 94-95) или «зеркального» представительства, слабо отражая социально-профессиональную структуру населения (в гораздо большей мере ей отвечает состав законодательных органов социалистических государств). Это проявляется в том, что парламентарии непропорционально широко рекрутируются из высокостатусных групп общества (Gallagher 1985: 375) и, напротив, доступ в депутатский корпус членов низших классов, прежде всего рабочего класса, составляющих значительную часть избирателей, крайне ограничен.

Эта тенденция, в общем, неудивительна, и, в значительной мере, связана с тем, что рабочие и вообще члены низших классов слабо обеспечены ресурсами и преимуществами, важными с точки зрения политической, парламентской карьеры, например, такими как финансовые средства, культурный капитал (включая коммуникативные умения), свободное время, необходимое для занятия политической деятельностью, организационные навыки, политический опыт (вообще, исследования показывают, что представители таких классов обычно менее активно участвуют в политической жизни, чем члены более высокостатусных групп (Alford, Friedland 1975: 434-435)). Исторически, однако, эта ситуация отчасти исправлялась посредством коллективного действия рабочих, за счет их организации в профсоюзы и массовые партии, что позволяло им консолидировать свои скудные индивидуальные ресурсы и более успешно участвовать в политической жизни. Массовые левые партии, тесно связанные с рабочим движением, в определенной степени служили социальными и политическими лифтами для представителей рабочего класса. В некоторых из тех стран, где такие партии были электорально успешны, присутствие рабочих в парламенте временами было значительным: например, в Великобритании в 1940-е гг. они составляли более четверти депутатов (Cotta, Verzichelli 2007: 431), почти полностью концентрируясь во фракции Лейбористской партии (Norris, Lovenduski 1995: 97). Если говорить о средних для стран Европы показателях, то пик представительства рабочих в парламентах пришелся на 1940-е гг., когда их доля была близка к 9% (Cotta, Verzichelli 2007: 431). Для сравнения, в Конгрессе США, где не было электорально успешных левых партий, она в течение XX века не поднималась выше 2% (Carnes 2012: 6-7).

Однако если опять же судить по средним для европейских стран цифрам, то примерно с середины XX века существует тенденция сокращения доли выходцев из рабочего класса среди парламентариев

(Cotta, Verzichelli 2007: 431). Отчасти она, вероятно, отражает значительное уменьшение доли «синих воротничков» в населении и электорате по мере развития постиндустриальной экономики. Но, как указывают исследователи, в Европе исчезновение рабочих среди парламентариев было связано с исчезновением среди них лиц с низким уровнем образования (Gaxie, Godmer 2007: 133). Обладание значительным культурным капиталом, засвидетельствованным университетским дипломом, превратилась в необходимое, хотя и негласное, условие парламентской карьеры. Как отмечают авторы, «высокий уровень образования парламентариев ... стал неофициальной политической нормой и составной частью парламентского статуса. В наше время, депутаты с низким уровнем образования часто кажутся странными для своих коллег или журналистов, склонных подчеркивать эту особенность» (Gaxie, Godmer 2007: 115). Прежде всего, этот сдвиг был замечен в социал-демократических партиях. По мере того, как эти партии становились правящими, они все более нуждались в парламентариях с высоким уровнем образования, достаточно компетентных для того, чтобы занимать правительственные посты, вести дискуссии с высшей бюрократией, обсуждать технические вопросы политики в парламенте, СМИ и на международной арене (Gaxie, Godmer 2007: 129). Соответственно, акцент все больше делался на рекрутировании специалистов, способных управлять современным интервенционистским государством, прежде всего, преподавателей, которые в левых фракциях вытесняли парламентариев-рабочих, имеющих сравнительно низкий уровень образования. В итоге, в 2000-е гг. присутствие рабочих в парламентах Западной Европы было едва заметным: в среднем, доля их составляла порядка 3%, хотя в таких странах, как Великобритания и Норвегия она была существенно выше (Cotta, Verzichelli 2007: 431), причем, главным образом, они концентрируются в левых фракциях (больше всего их процент среди коммунистов (Ilonszki 2007: 303)). В постсоциалистических странах Европы (в частности, в странах Балтии), где диплом о высшем образовании даже в большей степени, чем в Западной Европе, является необходимым условием занятия парламентской позиции, рабочие почти не представлены в парламентах (Semenova, Edinger, Best 2014: 288; Kuklys 2013: 66), что контрастирует с их широким присутствием в представительных органах социалистической эпохи, которые формировались по номенклатурно-квотному принципу.

Какова ситуация в РФ? Нужно отметить, что, по сравнению со многими демократическими странами, в нынешней России парламент является маловлиятельным органом, играющим второстепенную роль в качестве канала рекрутирования правительственных чиновников. Между тем, как пишут зарубежные исследователи, «чем выше полномочия и статус, связанные с данной социальной или политической позицией, тем сильнее конкуренция за ее достижение. И чем жестче социальная или политическая конкуренция, чем больше количество ресурсов, которые конкуренты должны инвестировать в конкуренцию. Относительное падение статуса парламентов и парламентских позиций оказывает нисходящее влияние на социальное и профессиональное происхождение и на культурный «уровень» парламентариев» (Gaxie, Godmer 2007: 115). В принципе, слабость российской легислатуры могла бы способствовать тому, чтобы социально-профессиональный бассейн рекрутирования депутатов был относительно широким и демократичным (Верховный совет СССР, кстати, своеобразно подтверждал эту тенденцию). Но, помимо властных возможностей, позиция депутата имеет и ряд других важных характеристик, в частности, размер зарплаты, которая является весьма высокой по российским меркам, во много раз превышая среднюю по стране (а разрыв между депутатской зарплатой и ВВП на душу населения больше, чем в развитых странах) (Матвеева, Ермаков 2013; Rewarding work 2013), что, конечно, делает мандат привлекательным и, вероятно, обостряя конкуренцию за его получение, препятствует «демократизации» бассейна рекрутирования парламентариев. И в реальности мы видим, что за парламентские позиции в России ведется острая борьба между персонами, занимающими ключевые позиции в разных организациях, прежде всего, экономических структурах. Кроме того, конечно, следует сказать, что в постсоветской России отсутствует такая движущая сила подобной «демократизации», как электорально успешные массовые рабочие партии, которые, как уже отмечалось, на Западе некогда служили социально-политическими лифтами для рабочих и вообще членов подчиненных классов. В итоге, неудивительно, что присутствие рабочих в нижней палате Федерального собрания, как показывают исследования, едва заметно: по данным, О.В. Гаман-Голутвиной, в Думах последних трех созывов их доля составляла менее 1% (Гаман-Голутвина 2012: 128). В Госдуме шестого созыва, по данным нынешнего исследования, примерно 1% депутатов

были рабочими непосредственно перед, как своим первым избранием в нижнюю палату, так и избранием в ее шестой созыв. Фактическая исключенность представителей рабочего класса из состава политической элиты тесно связана с ролью высшего образования как необходимого условия занятия парламентской позиции: около 98% депутатов имели соответствующий диплом ко времени избрания в Госдуму шестого созыва.

Говоря о присутствии рабочих в различных фракциях, нужно подчеркнуть, что почти все они (как и, кстати, большинство профсоюзных функционеров) концентрируются во фракции «Единой России», составляя 1–2% ее членов. В основном, они, как и другие «люди из народа», были рекрутированы в рамках ОНФ, созданного для придания «партии власти» имиджа общенародной, и, вероятно, призваны выполнять функцию «символического представительства» (Подвинцев 2015: 181–182) соответствующих социально-профессиональных категорий. В то же время, во фракциях партий, провозглашающих себя левыми или левоцентристскими (КПРФ и СР), нет ни одного депутата, который бы на момент избрания в нынешний созыв парламента или своего первого избрания в Госдуму принадлежал к рабочему классу. Это, наверное, неудивительно, учитывая, что эти партии слабо связаны с рабочим движением, которое в современной России не получило большого развития (стоит отметить, что среди членов КПРФ рабочие составляют всего 12,8%, в то время как пенсионеры — 43,6% (Облик партии... 2013)).

Вообще, присутствие в Госдуме не только рабочих, но и, в целом, выходцев с неключевых позиций в экономических структурах невелико. В частности, судя по основному месту работы, не более 3% депутатов на момент избрания в шестой созыв, занимали неключевую позицию в экономических структурах (рабочие, специалисты, консультанты, низшие и средние менеджеры), причем, нужно учесть, что некоторые из них были одновременно крупными акционерами компаний.

В общем, если судить по приведенным выше показателям (а также и ранее представленным данным о довольно скромном присутствии в Госдуме работников научно-образовательных учреждений, не относящихся к их высшему менеджменту), российскому парламенту, в плане бассейна рекрутирования депутатов, свойственна довольно высокая степень социальной закрытости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ социально-профессионального бассейна рекрутирования депутатов Государственной Думы шестого созыва позволил выявить ряд тенденций.

Во-первых, парламентская элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов Госдумы, особенно представителей фракции КПРФ, номенклатурный опыт (опыт работы в партийных, советских и комсомольских органах) распространен в большей степени, чем среди экономической и административной элиты России.

Во-вторых, политическая профессионализация является доминирующей тенденцией постсоветской карьеры депутатов: большинство парламентариев на момент избрания в шестой созыв были профессиональными политиками, в основном, думскими инкумбентами.

В-третьих, существенной тенденцией рекрутирования депутатского корпуса является бюрократизация. Значительная часть парламентариев шестого созыва, особенно представителей фракции ЕР, в постсоветский период работала в административных структурах. Имеют место динамические переплетения (пересечения) между федеральными административной и политической элитами России, особенно на уровне руководства нижней палаты парламента.

В-четвертых, выражена милитаризация политической элиты: доля выходцев из силовых структур в российском парламенте гораздо выше, чем в легислатурах стран Европы, хотя и ниже, чем в административной элите России. Вместе с тем, следует отметить, что в руководстве Госдумы доля бывших силовиков не выше, чем в среднем по нижней палате, и силовики довольно редко непосредственно рекрутируются в парламент.

В-пятых, бизнес является самым значимым источником рекрутирования парламентской элиты за пределами политико-административных структур. По уровню плутократизации Госдума существенно превосходит парламенты большинства стран Запада. Хотя представителей крупного в общенациональном масштабе капитала немного, но переплетения политической и экономической элит России все же имеют место.

В-шестых, некоторые профессиональные категории, широко представленные в легислатурах западных обществ — юристы (Конгресс США), учителя и преподаватели (парламенты стран Европы), довольно слабо присутствуют в Государственной Думе.

Наконец, прямые выходцы из рабочего класса и, вообще, с неключевых позиций в экономических структурах очень слабо представлены в парламентской элите, которая характеризуется довольно высокой степенью социальной закрытости.

Литература и источники

Баикатова А. Зарплата в сфере образования на треть ниже средней по стране // *Независимая газета*. 2011. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-10-13/4_stats.html (дата обращения: 13.10.2011).

Большинство россиян предпочитают демократии порядок. URL: <http://www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok> (дата обращения: 15.04.2015).

Волкова А. Рейтинг правовых государств: Россия провалилась по всем показателям. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (дата обращения: 25.12.2012).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 12.06.2016).

Во что превратился парламент Франции после выборов. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170619-vo-cto-prevratilsya-parlament-frantsii-posle-vyborov> (дата обращения: 20.06.2017).

Гаман-Голутвина О.В. Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. М.: РОССПЭН, 2012. С. 113–142.

Гаман-Голутвина О.В. (а) Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I) // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 27–39.

Гаман-Голутвина О.В. (б) Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 67–74.

Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 46–58.

Государственная программа «Юстиция». URL: <http://verdicto.livejournal.com/19010.html> (дата обращения: 10.11.2011).

Григорьева М.В. Участие региональных и муниципальных депутатов в выборах законодательных собраний субъектов РФ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 3. С. 13–29.

Дзись-Войнаровский Н. Какая армия досталась Шойгу? URL: http://slon.ru/economics/kakaya_armiya_dostalas_shoygu-848783.xhtml?page=3#pager (дата обращения: 07.11.2012).

Доходы в образовании — национальный рейтинг. URL: <http://обрандзор.рф/действию/рейтингдоходов> (дата обращения: 03.09.2014).

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Завадская М.А. Думские инкубенты и «партия власти»: кросстемпоральный анализ // Полития. 2012. № 3 (66). С. 121–131.

Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 146–164.

Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: политико-правовой анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Казань, 2006.

Зубарев В.М. Порог сокращений достигнут // Независимое военное обозрение. 09.06.2000. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-09/3_threshold.html (дата обращения: 31.12.2016).

Институты власти теряют доверие граждан. URL: <http://www.levada.ru/2012/06/26/instituty-vlasti-terayuyut-doverie-grazhdan/> (дата обращения: 12.12.2012)

Институциональное доверие. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutionalnoe-doverie/> (дата обращения: 07.10.2015).

Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью // Полития. 2010. № 3–4 (58–59). С. 87–120.

Коргунюк Ю., Мелешкина Е. Организационное устройство «Единой России» и партии коммунистов Молдовы: взгляд изнутри // ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 1. С. 95–127.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Крыштановская О.В. (а) Бизнес-элита и олигархии: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 3–60.

Крыштановская О.В. (б) Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 158–180.

Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

Матвеева П., Ермаков Д. Думцы попали в двадцатку URL: http://ww.gazeta.ru/politics/2013/11/06_a_5740477.shtml (дата обращения: 06.11.2013).

Медведев Ю.С. Профессиональный статус как фактор успеха на региональных выборах // Полития. 2010. № 2 (57). С. 75–90.

Мониторинг новых российских законов и их правоприменение в области гражданских прав. Законодательство, ограничивающее свободу слова и выражения мнения. URL: <http://mhg-monitoring.org/zakon4> (дата обращения: 03.06.2016).

Национальный рейтинг доходов руководителей государственных вузов 2015 года. URL: <http://обназдор.рф/на-контроле/доходы-ректоров-2015/> (дата обращения: 16.06.2015).

Нисневич Ю.А., Савинцева М.И. Отчет Transparency International — Russia. Использование административного ресурса на выборах депутатов Государственной думы РФ 4 декабря 2011 года. URL: <http://files.golos.org/docs/5375/original/5375-glava-6.doc?1328118890> (дата обращения: 09.12.2012).

Облик партии перед XV съездом // URL: <http://www.cprfspb.ru/10732.html> (дата обращения: 22.02.2013)

Петров Н. Построение силовиков // Вестник. 25.07.2016. № 4123 URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/25/650380-postroenie-silovikov> (дата обращения: 17.09.2016).

Подвицнев О.Б. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 171–189.

Пресс-выпуск № 706. Россияне хотят видеть в Государственной Думе экономистов и юристов // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8319> (дата обращения: 06.06.2007).

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001.

Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 149–157.

Самые уважаемые профессии в России — врач и учитель. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/05/samyu-uvazhaemye-professii-v-rossii-vrach-i-uchitel> (дата обращения: 05.10.2012).

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой С.-Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. Ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110.

Сводный финансовый отчет политической партии. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (Партия «Единая Россия») за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014)

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия Справедливая Россия за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Соловых С. Ж. Институт квалифицированной юридической помощи как гарантия доступности правосудия // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18). С. 16–18.

Тев Д.Б. Высокопоставленные региональные администраторы: особенности карьеры после ухода с должности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4 (81). С. 37–52.

Тев Д.Б. Городские Думы крупнейших региональных столиц: основные характеристики и тенденции изменения бассейна рекрутирования депутатов // ПОЛИТИКС. 2013. Т. 9. № 3. С. 74–90.

Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (дата обращения: 09.01.2018).

Тев Д.Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПрФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 52–75.

Тев Д.Б. (а) Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130.

Тев Д.Б. (б) Экономическая элита РФ: опыт работы в политико-административной сфере // Полития. 2016. № 2 (81). С. 89–108.

Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/zakon_02_67fz_n/zakon_02_67_full.html (дата обращения: 03.06.2016).

Шлейнов Р. Кто и почему пожертвовал «Единой России» 6 млрд. руб. // Ведомости. 20.12.2010. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (дата обращения: 20.12.2010).

Шульман Е. Суррогаты парламентаризма // Pro et Contra. 2014. Т. 18. № 1–2. С. 124–132.

Alford R.R, Friedland R. Political participation and public policy, *Annual Review of Sociology*, 1975, 1, pp. 429–479.

Best H. *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9-13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (available: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s, *Journal of Legislative Studies*, 2001, 7 (3), pp. 65–91.

Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress, *Legislative Studies Quarterly*, 2005, 30 (1), pp. 85–102.

Borchert J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations, *Regional & Federal Studies*, 2011, 21 (2), pp. 271–282.

Böröcz J., Róna-Tas Á. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 751–781.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Chaisty P. (a) The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia’s Majority in the Sixth Duma, *Russian analytical digest*, 2013, 127, pp. 8–12.

Chaisty P. (b) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma, *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.

Cotta M., de Almeida P.T. From Servants of the State to Elected Representatives: Public Sector Background among Members of Parliament, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 51–76.

Cotta M., Verzichelli L. Paths of Institutional Development and Elite Transformations, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 417–473.

Crowther W.E., Matonyte I. Parliamentary elites as a democratic thermometer: Estonia, Lithuania and Moldova compared, *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, 40 (3), pp. 281–299.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature, *Journal of Politics*, 1959, 21 (3), pp. 408–433.

Derge D.R. The Lawyer in the Indiana General Assembly, *Midwest Journal of Political Science*, 1962, 6 (1), pp. 19–53.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by M. Dogan. Boston: Brill, 2003, p. 17–89.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance, *Journal of Politics*, 1976, 38 (2), pp. 452–456.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis, in: *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*, ed. by H. Best, J. Higley, Leiden: Brill, 2010, p. 129–151.

Erikson R.S. The Advantage of Incumbency in Congressional Elections, *Polity*, 1971, 3 (3), pp. 395–405.

Eulau H., Koff D. Occupational Mobility and Political Career Author, *Western Political Quarterly*, 1962, 15 (3), pp. 507–521.

Faccio M. Politically Connected Firms, *The American Economic Review*, 2006, 96 (1), pp. 369–386.

Frankland E.G. Parliamentary Career Achievement in Britain and West Germany: A Comparative Analysis, *Legislative Studies Quarterly*, 1977, 2 (2), pp. 137–154.

Gallagher M. Social Backgrounds and Local Orientations of Members of the Irish Dail, *Legislative Studies Quarterly*, 1985, 10 (3), pp. 373–394.

Gaxie D., Godmer L. Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 106–135.

Gold D. Lawyers in Politics: An Empirical Exploration of Biographical Data on State Legislators, *The Pacific Sociological Review*, 1961, 4 (2), pp. 84–86.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21 (4), pp. 459–480.

Golosov G.V. (a) Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (3), pp. 397–414.

Golosov G.V. (b) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (4), pp. 623–639.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions, *Western Political Quarterly*, 1973, 26 (3), pp. 440–452.

Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia — Old wine in a new bottle? The circulation and reproduction of Russian elites, 1983–1993, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 639–668.

Hinckley B. Seniority in the Committee Leadership Selection of Congress, *Midwest Journal of Political Science*, 1969, 13 (4), pp. 613–630.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 267–282.

Ilonszki G. Socialist and Communist Members of Parliament: Distinctiveness, Convergence, and Variance, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 284–315.

Ilonszki G., Edinger M. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making, *The Journal of Legislative Studies*, 2007, 13 (1), pp. 142–163.

King A. The Rise of the Career Politician in Britain — And Its Consequences, *British Journal of Political Science*, 1981, 11 (3), pp. 249–285.

Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Élite, *Europe-Asia Studies*, 1996, 48 (5), pp. 711–733.

Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy, *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (4), pp. 289–306.

Kuklys M. *Transformation of Parliamentary Elites: Recruitment and Careers of Legislators in Estonia, Latvia and Lithuania, 1990–2012*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae (Dr. phil.). URL: <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-29087/Dissertation%20Kuklys%202013.pdf> (available: 29.12.2013).

Makarenko B.I. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context, *Russian Social Science Review*, 2012, 53 (4), pp. 27–56.

Matland R.E., Studlar D.T. Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis, *British Journal of Political Science*, 2004, 34 (1), pp. 87–108.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Miller M.C. *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*. Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Moncrief G.F. Recruitment and Retention in U. S. Legislatures, *Legislative Studies Quarterly*, 1999, 24 (2), pp. 173–208.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (available: 15.05.2014).

Podmore D. Lawyers and Politics, *British Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Polsby N.W., Gallaher M., Rundquist B.S. The Growth of the Seniority System in the U.S. House of Representatives, *American Political Science Review*, 1969, 63 (3), pp. 787–807.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics, *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (6), pp. 903–924.

Rewarding work, *The Economist*, 2013.15.07. URL: <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2013/07/daily-chart-12> (available: 17/09/2013).

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, 2006, 22 (2), pp. 125–144.

Roberts S.P. United Russia and the dominant-party framework: understanding the Russian party of power in comparative perspective, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 225–240.

Ruchelman L.I. Lawyers in the New York State Legislature: The Urban Factor, *Midwest Journal of Political Science*, 1966, 10 (4), pp. 484–497.

Sakwa R. Party and power: between representation and mobilisation in contemporary Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 310–327.

Schlesinger J.A. *Ambition in Politics: Political Careers in the United States*. Chicago: Rand McNally, 1966.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Semenova E. (a) Continuities in the Formation of Russian Political Elites, *Historical Social Research*, 2012, 37 (2 (140)), Political and Functional Elites in Post-Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90, pp. 71–90.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009, *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E. (b) Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007, *East European Politics and Societies*, 2012, 26 (3), pp. 538–560.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis, in: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation*, ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London & New York: Routledge, 2014, p. 284–307.

Shabad G., Slomczynski K.M. The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic, *Legislative Studies Quarterly*, 2002, 27 (3), pp. 333–359.

Slider D. How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2010, 26 (2), pp. 257–275.

Stolz K. Moving up, moving down: Political careers across territorial levels, *European Journal of Political Research*, 2003, 42 (2), pp. 223–248.

Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 615–638.

The Making of a Neo-KGB State: Russia under Putin, *The Economist*, 2007.23.08. URL: <http://www.economist.com/node/9682621> (available: 17.11.2007).

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? In: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 353–389.

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization, in: *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*, ed. by Markowski R., Wnuk-Lipiński E. Warsaw: Institute of Political Studies, Polish Academy of Sciences and Friedrich Ebert Foundation, 2001, p. 133–142.

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law ‘on political parties’ made a difference? *Europe-Asia Studies*, 2007, 59 (7), pp. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior, *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

WV6_Results_Russia_2011_v_2016_01_01.pdf. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (available: 23.09.2016).

DEPUTY CORPS: SOCIAL REPRESENTATION

THE STATE DUMA OF THE SIXTH CONVOCATION: SOCIO-PROFESSIONAL CHARACTERISTICS OF THE RECRUITING POOL OF DEPUTIES

D. Tev.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.3>

Abstract. *The article analyzes the socio-professional pool of recruitment of deputies of the sixth State Duma. The empirical basis of research is a database containing biographical information about the 532 parliamentarians. The author identifies a number of trends in recruitment. Russian political elite is essentially rooted in the structures of political and administrative power of the Soviet society: among the deputies of the State Duma, the nomenclature experience is common to a greater extent than in the administrative and economic elites of the country. The dominant trend in the post-soviet career of deputies is political professionalisation: the majority of MPs at the time of the election in the sixth convocation were professional politicians, primarily Duma incumbents. A noticeable trend is bureaucratization of deputy corps, many of whom worked in the post-Soviet period in the administrative structures. There have been dynamic interlocks between the administrative and political elites of the Russian Federation, particularly at the level of parliamentary leadership. Quite pronounced is militarization of the political elite: the proportion of people from the power structures in the Russian Parliament is much higher than in the legislatures of European countries, although lower than in the administrative elite of the country. Business is the most significant source of recruitment of members of Parliament outside the political and administrative structures. In terms of plutocratization State Duma substantially exceeds legislatures in most countries of the West. Although there are few representatives of large nationwide capital, interlocks of the economic and political elites of the country take place. At the same time, some professional categories, is widely represented in the legislatures of Western societies — lawyers (US Congress) and teachers and professors (the parliaments of European countries), rather weakly present in the State Duma. Finally, the direct descendants of the working class and, in general, a non-key positions in the economic structures are very poorly represented in the parliamentary elite, which is characterized by a fairly high degree of social closure.*

Keywords: *State Duma, deputies, pool of recruitment; professionalization, business, administration, nomenclature, force structures, lawyers, educators, workers.*

References

Alford R.R, Friedland R. Political participation and public policy, *Annual Review of Sociology*, 1975, 1, pp. 429–479.

Bashkatova A. Zarplata v sfere obrazovaniia na tret' nizhe srednei po strane. [Bashkatova A. Salaries in education at one-third lower than the national average]. *Nezavisimaa gazeta*. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-10-13/4_stats.html (available: 13.10.2011). (In Russian).

Best H. *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9-13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (available: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s, *Journal of Legislative Studies*, 2001, 7 (3), pp. 65–91.

Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress, *Legislative Studies Quarterly*, 2005, 30 (1), pp. 85–102.

Bol'shinstvo rossiian predpochitaiut demokratii poriadok [Most Russians prefer order to democracy]. URL: <http://www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok> (available: 15.04.2015). (In Russian).

Borchert J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations, *Regional & Federal Studies*, 2011, 21 (2), pp. 271–282.

Böröcz J., Róna-Tas Á. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 751–781.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Chaisty P. (a) The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia's Majority in the Sixth Duma, *Russian analytical digest*, 2013, 127, pp. 8–12.

Chaisty P. (b) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma, *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.

Cotta M., de Almeida P.T. From Servants of the State to Elected Representatives: Public Sector Background among Members of Parliament, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 51–76.

Cotta M., Verzichelli L. Paths of Institutional Development and Elite Transformations, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 417–473.

Crowther W.E., Matonyte I. Parliamentary elites as a democratic thermometer: Estonia, Lithuania and Moldova compared, *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, 40 (3), pp. 281–299.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature, *Journal of Politics*, 1959, 21 (3), pp. 408–433.

Derge D.R. The Lawyer in the Indiana General Assembly, *Midwest Journal of Political Science*, 1962, 6 (1), pp. 19–53.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by M. Dogan. Boston: Brill, 2003, p. 17–89.

Dokhody v obrazovanii — natsional'nyi reiting [Reveneness in education — national rating] URL: <http://обрнадзор.рф/вдействи/рейтингдоходов> (available: 03.09.2014). (In Russian).

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh. [Duka A.V. On the question of military rule: siloviki in regional power elites], in: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniia: Materialy desiatogo Vserossiiskogo seminara «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviakh rossiiskoi transformatsii* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia's transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersotsis, 2012. P. 94–120.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance, *Journal of Politics*, 1976, 38 (2), pp. 452–456.

Dzis'-Voinarovskii N. Kakaia armia dostalas' Shoigu? [Dzis'-Voinarovskii N. What army went Shoigu?]. URL: http://slon.ru/economics/kakaya_armiya_dostalas_shoigu-848783.xhtml?page=3#pager (available: 07.12.2012). (In Russian).

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis, in: *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*, ed. by H. Best, J. Higley, Leiden: Brill, 2010, p. 129–151.

Erikson R.S. The Advantage of Incumbency in Congressional Elections, *Polity*, 1971, 3 (3), pp. 395–405.

Eulau H., Koff D. Occupational Mobility and Political Career Author, *Western Political Quarterly*, 1962, 15 (3), pp. 507–521.

Faccio M. Politically Connected Firms, *The American Economic Review*, 2006, 96 (1), pp. 369–386.

Federal'nyi zakon № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiiakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumakh grazhdan Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law № 67-FZ “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation.”]. URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/zakon_02_67fz_n/zakon_02_67_full.html (available: 15.09.2016). (In Russian).

Frankland E.G. Parliamentary Career Achievement in Britain and West Germany: A Comparative Analysis, *Legislative Studies Quarterly*, 1977, 2 (2), pp. 137–154.

Gallagher M. Social Backgrounds and Local Orientations of Members of the Irish Dail, *Legislative Studies Quarterly*, 1985, 10 (3), pp. 373–394.

Gaman-Golutvina O.V. Parlamentskii korpus sovremennoi Rossii [Gaman-Golutvina O.V. The parliamentary body of modern Russia], in: *Politicheskii klass*

v sovremennom obshchestve [The political class in modern society], ed. By O.V. Gaman-Golutvina. M.: ROSSPEN, 2012. P. 113–142. (In Russian).

Gaman-Golutvina O.V. (a) Rossiiskii parlamentarizm v istoricheskoi retrospektive i sravnitel'noi perspektive (I). [Gaman-Golutvina O.V. Russian parliamentarism in historical retrospective and comparative perspective (I)], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2006, 2, pp. 27–39. (In Russian).

Gaman-Golutvina O.V. (b) Rossiiskii parlamentarizm v istoricheskoi retrospektive i sravnitel'noi perspektive (II). [Gaman-Golutvina O.V. Russian parliamentarism in historical retrospective and comparative perspective (II)], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2006, 3, pp. 67–74. (In Russian).

Gaxie D., Godmer L. Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 106–135.

Gel'man V.Ia. O transformatsii partiinoi sistemy: Ot “besformennogo pliaralizma” — k “dominiruiushchei vlasti”? [Gelman V.Ya. On the transformation of the party system: From “feckless pluralism” — to the “dominant power”?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2006, 1, pp. 46–58. (In Russian).

Gold D. Lawyers in Politics: An Empirical Exploration of Biographical Data on State Legislators, *The Pacific Sociological Review*, 1961, 4 (2), pp. 84–86.

Goloso G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21 (4), pp. 459–480.

Goloso G.V. (a) Russia's Regional Legislative Elections, 2003-2007: Authoritarianism Incorporated, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (3), pp. 397–414.

Goloso G.V. (b) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (4), pp. 623–639.

Gosudarstvennaia programma «Iustitsiia» [The state program “Justice”]. URL: <http://verdicto.livejournal.com/19010.html> (available: 10.11.2011). (In Russian).

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions, *Western Political Quarterly*, 1973, 26 (3), pp. 440–452.

Grigor'eva M.V. Uchastie regional'nykh i munitsipal'nykh deputatov v vyborah zakonodateľnykh sobranii sub'ektov RF. [Grigorieva M.V. Participation of regional and municipal deputies in the elections of the legislative assemblies of the subjects of the Russian Federation], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Politologiya*, 2012, 3, pp. 13–29. (In Russian).

Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia — Old wine in a new bottle? The circulation and reproduction of Russian elites, 1983-1993, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 639–668.

Hinckley B. Seniority in the Committee Leadership Selection of Congress, *Midwest Journal of Political Science*, 1969, 13 (4), pp. 613–630.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 267–282.

Ilonszki G. Socialist and Communist Members of Parliament: Distinctiveness, Convergence, and Variance, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 284–315.

Ilonszki G., Edinger M. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making, *The Journal of Legislative Studies*, 2007, 13 (1), pp. 142–163.

Institutsional'noe doverie [Institutional trust] URL: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutsionalnoe-doverie/> (available: 07.10.2015). (In Russian).

Instituty vlasti terjajut doverie grazhdan [Institutions of power are losing the trust of citizens]. URL: <http://www.levada.ru/2012/06/26/instituty-vlasti-teryayut-doverie-grazhdan/> (available: 12.12.2012). (In Russian).

King A. The Rise of the Career Politician in Britain — And Its Consequences, *British Journal of Political Science*, 1981, 11 (3), pp. 249–285.

Korguniuk Iu.G. *Finansirovanie partii v postsovetsoi Rossii: mezhdubiznesom i vlast'iu*. [Korgunyuk Y.G. Financing of parties in post-Soviet Russia: between business and power], *Politika*, 2010, 3-4 (58–59), pp. 87–120. (In Russian).

Korguniuk Iu., Meleshkina E. Organizatsionnoe ustroistvo “Edinoi Rossii” i partii kommunistov Moldovy: vzgliad iznutri [Korgunyuk Yu, Meleshkina E. Organization of the “United Russia” and the Communist Party of Moldova: Inside view], *POLITEKS*, 2010, 6 (1), pp. 95–127. (In Russian).

Kryshtanovskaia O. *Anatomiia rossiiskoi elity* [Kryshtanovskaia O. Anatomy of the Russian elite]. M.: Zakharov, 2005. (In Russian).

Kryshtanovskaia O.V. (a) Biznes-elita i oligarkhi: itogi desiatiletiia. [Kryshtanovskaia O.V. The business elite and the oligarchs: results of a decade]. *Mir Rossii*, 2002, 4, pp. 3–60. (In Russian).

Kryshtanovskaia O.V. (b) Rezhim Putina: liberal'naia militokratiia? [Kryshtanovskaia O.V. The Putin regime: liberal militocracy?]. *Pro et Contra*, 2002, 4, pp. 158–180. (In Russian).

Kryshtanovskaia O. Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu. [Kryshtanovskaia O.V. Transformation of the old nomenclature to the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995, 1, pp. 51–65. (In Russian).

Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Élite, *Europe-Asia Studies*, 1996, 48 (5), pp. 711–733.

Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy, *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (4), pp. 289–306.

Kuklys M. *Transformation of Parliamentary Elites: Recruitment and Careers of Legislators in Estonia, Latvia and Lithuania, 1990-2012*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae (Dr. phil.). URL: <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-29087/Dissertation%20Kuklys%202013.pdf> (available: 29.12.2013).

Makarenko B.I. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context, *Russian Social Science Review*, 2012, 53 (4), pp. 27–56.

Matland R.E., Studlar D.T. Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis, *British Journal of Political Science*, 2004, 34 (1), pp. 87–108.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Matveeva P., Ermakov D. Dumtsy popali v dvadtsatku. [Matveeva P., Ermakov D. Duma members were in the top twenty] URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/11/06_a_5740477.shtml (available: 06.11.2013). (In Russian).

Medvedev Iu.S. Professional'nyi status kak faktor uspekha na regional'nykh vyborah. [Medvedev Y.S. Professional status as a factor of success in regional elections], *Politiia*, 2010, 2 (57), pp. 75–90. (In Russian).

Miller M.C. *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*, Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Moncrief G.F. Recruitment and Retention in U. S. Legislatures, *Legislative Studies Quarterly*, 1999, 24 (2), pp. 173–208.

Monitoring novykh rossiiskikh zakonov i ikh pravoprimerenie v oblasti grazhdanskikh prav. Zakonodatel'stvo, ogranichivaiushchee svobodu slova i vyrazheniia mneniia [Monitoring of the new Russian laws and their enforcement in the field of civil rights. Legislation restricting the freedom of speech and expression of opinion]. URL: <http://mhg-monitoring.org/zakon4> (available: 03.06.2016). (In Russian).

Natsional'nyi reiting dokhodov rukovoditelei gosudarstvennykh vuzov 2015 goda [National rating income managers of state universities in 2015]. URL: <http://обрудзор.рф/на-контроле/доходы-ректоров-2015/> (available: 16.06.2015). (In Russian).

Nisnevich Iu.A., Savintseva M.I. (2012) Otchet Transparency International — Russia. Ispol'zovanie administrativnogo resursa na vyborah deputatov Gosudarstvennoi dumy RF 4 dekabria 2011 goda [Nisnevich Y.A., Savintseva M.I. Report of Transparency International — Russia. The use of administrative resource in the elections of deputies of the State Duma December 4, 2011]. URL: <http://files.golos.org/docs/5375/original/5375-glava-6.doc?1328118890> (available: 09.12.2012). (In Russian).

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Oblik partii pered XV s'ezdom [The face of the party before the XV Congress]. URL: <http://www.cprfspb.ru/10732.html> (available: 22.02.2013). (In Russian).

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (available: 15.05.2014).

Petrov N. Postroenie silovikov [Petrov N. Forming-up of silovikov], *Vedomosti*, 25.07.2016, 4123. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/25/650380-postroenie-silovikov> (available: 17.09.2016). (In Russian).

Podmore D. Lawyers and Politics, *British Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Podvintsev O.B. Popytka formirovaniia novykh politicheskikh elit v regionakh RF: tseli, mekhanizmy, rezul'taty (2012-2014 gg.). [Podvintzev O.V. Trying to form new political elites in Russia's regions: goals, mechanisms, results (2012–2014)], in: *Vlast' i elity*. [Power and elites], T. 2, ed. by Duka A.V. SPb.: Intersotsis, 2015. P. 171–189. (In Russian).

Polsby N.W., Gallaher M., Rundquist B.S. The Growth of the Seniority System in the U.S. House of Representatives, *American Political Science Review*, 1969, 63 (3), pp. 787–807.

Press-vypusk № 706. Rossiiane khotiat videt' v Gosudarstvennoi Dume ekonomistov i iuristov [Press release number 706. The Russians want to see economists and lawyers in the State Duma]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8319> (available: 06.06.2007). (In Russian).

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Regional'nye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii. [Regional elites of the North-West of Russia: political and economic orientations], ed. by A.V. Duka. SPb.: Aleteiia, 2001. (In Russian).

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics, *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (6), pp. 903–924.

Rewarding work, *The Economist*, 2013.15.07. URL: <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2013/07/daily-chart-12> (available: 17/09/2013).

Rivera S., Rivera D. K bolee tochnym otsenkam transformatsii v rossiiskoi elite. [Rivera S., Rivera D. For more accurate estimates of transformations in the Russian elite], *Polis*. Politicheskie issledovaniia, 2009, 5, pp. 149–157. (In Russian).

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, 2006, 22 (2), pp. 125–144.

Roberts S.P. United Russia and the dominant-party framework: understanding the Russian party of power in comparative perspective, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 225–240.

Safronov V.V. (2010) Konsolidatsiia avtoritarizma ili demokratizatsiia: podderzhka putinskogo rezhima elitoi S.-Peterburga [Safronov V.V. The consolidation of authoritarianism or democratization: support of Putin's regime by elites of St. Petersburg], In: *Usloviia i vozmozhnosti konsolidatsii rossiiskogo obshchestva: Sbornik nauchnykh trudov SI RAN* [Conditions and opportunities of consolidation of the

Russian society: Proceedings of SI RAN], Ed. by. A.V. Duka, I.I. Eliseeva. SPb.: Nestor-Istoriia, 2010. P. 30–110. (In Russian).

Ruchelman L.I. Lawyers in the New York State Legislature: The Urban Factor, *Midwest Journal of Political Science*, 1966, 10 (4), pp. 484–497.

Sakwa R. Party and power: between representation and mobilisation in contemporary Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 310–327.

Samye uvazhaemye professii v Rossii — vrach i uchitel' [The most respected profession in Russia — a doctor and a teacher]. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/05/samye-uvazhaemye-professii-v-rossii-vrach-i-uchitel> (available: 05.10.2012). (In Russian).

Schlesinger J.A. *Ambition in Politics: Political Careers in the United States*. Chicago: Rand McNally, 1966.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Semenova E. (a) Continuities in the Formation of Russian Political Elites, *Historical Social Research*, 2012, 37 (2 (140)), Political and Functional Elites in Post-Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90, pp. 71–90.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991-2009, *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E. (b) Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007, *East European Politics and Societies*, 2012, 26 (3), pp. 538–560.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis, in: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation*, ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London & New York: Routledge, 2014, p. 284–307.

Shabad G., Slomczynski K.M. The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic, *Legislative Studies Quarterly*, 2002, 27 (3), pp. 333–359.

Shleynov R. (2010) Kto i pochemu pozhertvoval «Edinoj Rossii» 6 mlrd. rub. [Shleynov R. Who and why donate to “United Russia” 6 billion. Rub.], *Vedomosti*. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (available: 20.12.2010). (In Russian).

Shul'man E. (2014) Currogaty parlamentarizma. [Shulman E. Substitutes of parliamentarism], *Pro et Contra*, 2014, 18 (1-2), pp. 124–132. (In Russian).

Slider D. How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2010, 26 (2), pp. 257–275.

Solovykh S.Zh. Institut kvalifitsirovannoi iuridicheskoi pomoshchi kak garantiia dostupnosti pravosudiia. [Solovykh S.Z. Institute of qualified legal aid as a guarantee of access to justice]. *Evraziiskaia advokatura*, 2015, 5 (18), pp. 16–18. (In Russian).

Stolz K. Moving up, moving down: Political careers across territorial levels, *European Journal of Political Research*, 2003, 42 (2), pp. 223–248.

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Politicheskaja partija «Kommunističeskaja partija Rossijskoi Federatsii» (KPRF) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party “Communist Party of the Russian Federation” (KPRF) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Politicheskaja partija «Liberal'no-demokratičeskaja partija Rossii» (LDPR) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political Party “Liberal Democratic Party of Russia” (LDPR) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Politicheskaja partija Spravedlivaia Rossiia za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party A Just Russia in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Vserossijskaja političeskaja partija «Edinaia Rossiia» (Partija «Edinaia Rossiia») za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. All-Russian political party “United Russia” (The party “United Russia”) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 615–638.

Tev D.B. (a) Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovanija. [Tev D.B. Federal administrative elite of Russia: career paths and channels of recruitment], *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2016, 4, pp. 115–130. (In Russian).

Tev D.B. Gorodskie Dumy krupnejshih regional'nyh stolic: osnovnye harakteristiki i tendencii izmenenija bassejna rekrutirovanija deputatov. [Tev D.B. City councils of the largest regional capitals: the main characteristics and trends in the recruitment pool of deputies], *POLITEKS*, 2013, 9 (3), pp. 74–90. (In Russian).

Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF VI sozyva: social'no-professional'nye istočniki rekrutirovanija. [Tev D. B. Deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VI convocation: social and professional sources of recruitment], *Jekonomičeskaja sociologija*, 2017, 18 (5), pp. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (available: 09.01.2018). (In Russian).

Tev D.B. (b) Jekonomičeskaja jelita RF: opyt raboty v politiko-administrativnoj sfere [Tev D.B. Economic elite of Russian Federation: work experience in the political-administrative sphere], *Politija*, 2016, 2 (81), pp. 89–108. (In Russian).

Tev D.B. Regional'nyj deputatskij korpus partij «vtorogo jeshelona»: sravnitel'nyj analiz bassejna rekrutirovanija parlamentariev KPRF, «Spravedlivoj Rossii» i LDPR.

[Tev D.B. The regional deputy corps parties “second echelon”: A Comparative Analysis of the recruiting pool of parliamentarians of KPRF, A Just Russia and LDPR], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminar «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia’s transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersocis, 2012. P. 52–75. (In Russian).

Tev D.B. Vysokopostavlennye regional’nye administratory: osobennosti kar’ery posle uhoda s dolzhnosti. [Tev D.B. Senior regional administrators: features of career after leaving office], *Zhurnal sociologii i social’noj antropologii*, 2015, XVIII, 4 (81), pp. 37–52. (In Russian).

The Making of a Neo-KGB State: Russia under Putin, *The Economist*, 2007.23.08. URL: <http://www.economist.com/node/9682621> (available: 17.11.2007).

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? In: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 353–389.

Vo chto prevratilsja parlament Francii posle vyborov [What became the French parliament after the elections]. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170619-vo-chto-prevratilsya-parlament-frantsii-posle-vyborov> (available 20.06.2017). (In Russian).

Volkova A. Reiting pravovykh gosudarstv: Rossiia provalilas’ po vsem pokazateliam [Volkova A. Rating of rule-of-law states: Russia failed on all counts] URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (available: 25.12.2012). (In Russian).

Volkova O. Uchenye nazvali politicheskie sviazi glavnyim istochnikom bogatstva v Rossii [Volkova O. Scientists qualify the political ties as main source of wealth in Russia] URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (available: 12.06.2016). (In Russian).

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization, in: *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*, ed. by Markowski R., Wnuk-Lipiński E. Warsaw: Institute of Political Studies, Polish Academy of Sciences and Friedrich Ebert Foundation, 2001, p. 133–142.

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law ‘on political parties’ made a difference? *Europe-Asia Studies*, 2007, 59 (7), pp. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior, *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

WV6_Results_Russia_2011_v_2016_01_01.pdf. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (available: 23.09.2016).

Zavadskaja M.A. Dumskie inkumbenty i «partii vlasti»: krosstemporal’nyi analiz [Zavadskaja M.A. The Duma’s incumbents and “party of power”: krosstemporalny analysis], *Politiia*, 2012, 3 (66), pp. 121–131. (In Russian).

Zaznaev O.I. Indeksnyi analiz poluprezidentskikh gosudarstv Evropy i post-sovetskogo prostranstva. [Zaznaev O.I. Index Analysis of semi-presidential states of Europe and the post-soviet space], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2007, 2, pp. 146–164. (In Russian).

Zaznaev O.I. Poluprezidentskaia sistema: politiko-pravovoi analiz. [Zaznaev O.I. Semi-presidential system: political and legal analysis]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora iuridicheskikh nauk, Kazan', 2006. (In Russian).

Zubarev V.M. Porog sokrashchenii dostignut [Zubarev V.M. Threshold of reductions is achieved]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 09.06.2000. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-09/3_threshold.html (available: 31.12.2016). (In Russian).

КОРПОРАТИВНЫЕ ДЕПУТАТСКИЕ ГРУППЫ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ МСУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)¹

Т.Б. Витковская

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.4>

Аннотация. *Статья посвящена результатам исследования состава и структуры депутатского корпуса на уровне органов МСУ в городах и районах Пермского края с развитым промышленным производством. В статье представлен анализ состава депутатского корпуса представительных органов МСУ четырех промышленных территорий: Чусового, Лысьвы, Губахи и Соликамска. Показано, как крупный бизнес вовлекается в местные политические процессы, и какие формы политического влияния он выбирает. Рассмотрены корпоративные группы в составе депутатского корпуса как способ политического участия крупного бизнеса. Относительное разнообразие состава корпоративных групп не позволяет составить обобщённый «коллективный портрет» корпоративного депутата, но позволяет выделить типичных кандидатов и депутатов «от предприятия». Дан анализ профессионального состава корпоративных групп: как правило, их составляют работники крупных предприятий, сотрудники муниципальных бюджетных учреждений, представители местного малого бизнеса. Показано, как данные группы отстаивают корпоративные интересы в представительном органе МСУ, обеспечивая работу с местной повесткой и принятие формальных решений. На конкретных примерах показано, как конфликт между крупным предприятием и руководством муниципалитета, и конкуренция между несколькими предприятиями меняют структуру депутатского корпуса и долю корпоративных депутатов в его составе. Отмечена несамостоятельность депутатов, составляющих корпоративные группы в депутатских собраниях.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, представительный орган МСУ, депутатский корпус, неформальные депутатские группы, корпоративные депутатские группы, «коллективный портрет» муниципальных депутатов*

¹ Статья подготовлена и исследование проведено за счет гранта РФФИ, научный проект № 16-46-590376 (p_a) «Депутатский корпус локальных legislatures в Пермском крае: основные характеристики и типологические образы»

Политические ландшафты территорий, на которых расположены крупные и градообразующие предприятия, достаточно специфичны, поскольку в границах подобных территорий представители предприятий зачастую оказываются вовлечены в политические процессы.

Крупные экономические игроки, если имеют политические амбиции, могут успешно конкурировать с политическими игроками, даже с главами с исполнительными полномочиями, за власть и влияние на территории. При этом формы их политического участия и влияния могут быть разными.

Мы сосредоточились на такой форме участия бизнеса в местной политике и управлении, как формируемые в муниципальных депутатских собраниях корпоративные группы. Это неформальные депутатские группы, которые защищают интересы крупных и градообразующих предприятий, или отдельных представителей менеджмента предприятий, в местных легислатурах.

Присутствие таких групп в депутатских собраниях, с одной стороны, соответствует функции легислатуры как института представительства различных местных интересов, с другой стороны — не вполне согласуется с ролью легислатуры как органа местного самоуправления, реализующего интересы местного сообщества.

Корпоративные группы могут значимо влиять на местную повестку и процесс принятия управленческих решений, не только в силу своей численности, но и поскольку представляют значимую в масштабе муниципалитета силу, не обязательно политизированную, но имеющую большой потенциал политического влияния.

Корпоративные депутатские группы обеспечивают представителям крупного и градообразующего бизнеса доступ к реализации локальной политики через представительные органы МСУ.

Корпоративные группы в депутатских собраниях рассмотрены на примере Пермского края — уральского региона с развитым промышленным производством и большим количеством промышленных моногородов на его территории. Выбраны четыре города с крупными промышленными предприятиями — Соликамск, Губаха, Лысьва и Чусовой, — которые показывают примеры вовлеченности, большей или меньшей, крупного бизнеса в политические процессы. Предприятия, которые являются градообразующими для этих территорий, относятся к химической, металлургической и машиностроительной отраслям промышленности. Как правило, для предприятий такого типа харак-

терна социальная и политическая активность, в силу тесной связи завода и города.

Однако в течение последних двух-трех электоральных циклов связь этих предприятий с городом ослабевает. Это во многом связано с тем, что «общие» для городов и заводов коммунальные сети и объекты инфраструктуры были переданы с баланса предприятий на баланс муниципалитетов, финансирование многих объектов социального значения также было поручено муниципальным органам. Не менее важно для предприятий было изменение и усложнение бюджетных схем, благодаря которому они стали меньше контролировать муниципальные финансы, поскольку перестали рассматривать муниципальные бюджеты как наполненные преимущественно за счет их налоговых отчислений (Подвинцев 2017). Названные изменения снизили интерес градообразующих предприятий к муниципальной политике и муниципальному управлению.

Меньшая вовлеченность предприятий в городскую политику в рассмотренных случаях означает слабый интерес, или отсутствие интереса собственников и топ-менеджмента к локальным политическим процессам. Это оставляет местным менеджерам больше свободы в принятии решений об электоральной и политической активности предприятия на городском поле, дает им возможность самостоятельно ориентироваться в локальном политическом ландшафте. Это позволяет им, в отдельных случаях, реализовывать собственные частные интересы наряду с интересами предприятия, или подменять интересы предприятия частными интересами, и они демонстрируют активный интерес к городской политике.

Для представителей предприятий корпоративные группы в легислатурах — один из эффективных способов лоббировать как корпоративные, так и частные интересы в органе МСУ, обладающем нормотворческими полномочиями.

Формируют корпоративные группы в легислатурах и координируют их работу отдельные представители градообразующих предприятий — заместители и советники руководителей, инициативные местные менеджеры, — которые заинтересованы в присутствии своих представителей в депутатских собраниях. Например, в Чусовом роль координатора политических процессов от предприятия, который курировал муниципальные выборы и формировал корпоративные группы в нескольких созывах депутатских собраний, исполняет начальник

отдела по связям с общественностью и общим вопросам ОАО «ЧМЗ» Константин Адаменко. В Губахе функции куратора электоральных и политических процессов от предприятия выполняет заместитель генерального директора ОАО «Метафракс» по персоналу и социальным вопросам Рашид Шакиров.

Координаторы, как правило, не оставляют депутатам, из которых составляются корпоративные группы, больше самостоятельности, чем требует процесс работы представительного органа. Основные задачи корпоративных депутатов носят организационный или технический характер: внесение вопросов в повестку, обеспечение кворума, голосование на заседаниях.

Численность депутатов-заводчан в депутатских собраниях разных территорий различается. Так, в Чусовом в городской Думе работает 20 депутатов; в предыдущем созыве Думы (2013–2016 гг.) прямыми представителями предприятия были десять из них, в действующем (с 2016 г.) — семь (Состав депутатского корпуса Чусовской городской Думы...). Городская Дума Соликамска включает 25 депутатов, почти половина из которых — заводчане: в предыдущем созыве Думы (2011–2016 гг.) их было одиннадцать, в действующем (с 2016 г.) — двенадцать (Состав депутатского корпуса Соликамской городской Думы...). В городских Думах Губахи и Лысьвы число работников градообразующих предприятий меньше: в каждом случае это шесть депутатов из 20 (Состав депутатского корпуса Губахинской городской Думы...; Состав депутатского корпуса Лысьвенской городской Думы...)¹.

Важно отметить, что представлять интересы предприятия в депутатском собрании могут не только работники завода. Поэтому корпоративные группы, как правило, шире, чем группы заводских работников в депутатских собраниях.

По понятным причинам штат предприятия является основным бассейном рекрутирования кандидатов в депутаты, при этом получать депутатские мандаты могут и представители рабочих профессий, и представители заводского менеджмента. Кандидатами от предприятия также часто становятся работники дочерних и других связанных с основным предприятием структур. Например, в Чусовом в выборах депу-

¹ Подсчеты сделаны Т.Б.Витковской на основе материалов базы данных о депутатах представительных органов МСУ Пермского края (данные собраны и систематизированы Т.Б.Витковской).

татов представительного органа 2013 г. участвовали не только работники градообразующего металлургического завода, но работники структуры, созданной для реконструкции на заводе (ОАО «Трубо-деталь»); в выборах 2016 г. приняли участие работники транспортного предприятия, которое раньше было подразделением завода — транспортным цехом («УралЕвроТэк») (Мониторинг выборов в Пермском крае...; Политическая ситуация по итогам выборов...).

Представлять интересы предприятия в легислатуре могут также его прежние работники, которые сохранили лояльность заводу, или как минимум не имеют причин конфликтовать с ним. Например, в Лысьве Городскую Думу с 2004 г., в течение трех созывов, возглавляет председатель Виктор Комаренко, который ранее работал на градообразующем металлургическом заводе. За этот период открытых конфликтов между предприятием и председателем легислатуры не наблюдалось. Еще трое депутатов действующего созыва Лысьвенской городской Думы сейчас трудоустроены в других структурах, но работали на градообразующем предприятии десятилетия и лояльны ему.

Про-заводскими кандидатами зачастую становятся представители местного малого и среднего бизнеса, который зависит от градообразующего предприятия. Например, завод является для небольшого бизнеса основным поставщиком сырья, заказчиком товара или потребителем услуг. В городах с монопрофильной, слабо диверсифицированной экономикой подобные смежно-экономические отношения небольших производственных и обслуживающих структур и крупного бизнеса складываются повсеместно.

Депутатами от предприятия также могут быть представители учреждений социальной сферы (здравоохранения, образования и культуры). Во-первых, это руководители и работники социальных учреждений на балансе градообразующих предприятий, как, например, главный врач лечебного-оздоровительного центра при химическом комбинате в Губахе или директор спортивного клуба при заводе в Лысьве (Витковская, Рябова 2016: 5496).

Во-вторых, лояльными градообразующему предприятию кандидатами зачастую становятся сотрудники бюджетных социальных учреждений. Менеджмент завода не может командировать «бюджетников» в легислатуры, как своих работников. Но менеджеры могут за счет ресурсов предприятия непублично поддерживать их кампании финансово и организационно, и могут снижать конкурентность выборов в их

избирательных округах, не выдвигая там «заводчан». Поддержка в период выборной кампании создает прочную основу для неформальных договоренностей о лояльности между заводскими менеджерами и муниципальными депутатами (Витковская, Рябова 2016: 5497)¹.

Например, в Чусовом в действующем созыве городской Думы доля прямых представителей завода от общего числа депутатов — меньше половины (семь человек из 20), но вместе с про-заводскими депутатами они составляют половину депутатского корпуса (десять человек из 20) и обеспечивают простое большинство голосов. В предыдущем составе городского депутатского корпуса прямыми представителями завода были 10 человек, которые вместе с про-заводскими депутатами обеспечивали квалифицированное большинство в 2/3 голосов (14 из 20)².

В целом, доля корпоративных депутатов в депутатских собраниях зависит от стратегии кураторов политических процессов от предприятия, от мотивов представителей предприятия, которые вовлечены в электоральные, политические и управленческие процессы, и, конечно, от локальных политических ландшафтов.

Доля про-заводских депутатов в депутатском корпусе может быть относительно невелика (половина или меньше половины состава Думы), даже с учетом не прямых представителей предприятия. Показательны приведенные выше примеры — действующие составы представительных органов Губахи и Лысьвы, и в целом такой расклад сил в локальных легислатурах сейчас достаточно распространен.

Это объясняется тем, что менеджмент, если сохраняет интерес к политике, активно использует альтернативные стратегии продвижения бизнес-интересов через органы власти, которые не требуют заполнения легислатуры своими представителями, и которые показывают не меньшую эффективность.

Владельцы и высший менеджмент предприятия, защищая свои интересы, могут действовать через органы государственной власти региона, а не через органы местного самоуправления. Например, председатель совета директоров ОАО «Метафракс», расположенного на территории Губахи, Армен Гарслян является значимым игроком на ре-

¹ Подробнее о ходе, результатах и конкурентности выборных кампаний муниципальных депутатов в данных городах см.: (Ковин, Петрова 2016).

² Подсчеты сделаны О.А.Рябовой на основе экспертного опроса и материалов включенного наблюдения.

гиональном политическом поле, депутатом краевого Законодательного Собрания, и может отстаивать интересы предприятия на уровне региона.

Менеджеры более низкого уровня могут действовать на уровне местного самоуправления, но лоббировать интересы предприятия, или собственные интересы, связанные с его экономической деятельностью, через исполнительный, а не через представительный орган власти. Широта полномочий главы МСУ (или другого руководителя с исполнительными полномочиями) обеспечивает эффективность такого способа защиты и продвижения корпоративных или частных интересов.

Важность присутствия в легислатуре возрастает, когда предприятия не могут лоббировать свои интересы через исполнительный орган власти, и когда не могут «провести» нужные решения через неподконтрольный (им или администрации) представительный орган, то есть легитимировать их.

Большая доля заводчан в представительном органе может быть следствием конфликта руководства предприятия и руководства муниципалитета. В случае такого конфликта менеджмент предприятия не может работать с исполнительной властью и стремится распространить свое влияние на представительный орган.

В настоящее время и в Лысьве, и Губахе нет конфликтов между градообразующим бизнесом и муниципальной властью, которые мотивировали бы предприятия формировать преимущественно про-заводские представительные органы. Но такие конфликты разворачивались в обеих территориях в конце 2000-х гг. и повлияли на составы избранных в тот период представительных органов, которые значительно отличались от действующих.

В Губахе к 2009 г. конфликт между менеджерами градообразующего предприятия — крупного химического комбината, и главой района стал настолько острым, что они отказывались появляться на публичных мероприятиях вместе. Директорат принял активное участие в кампании по выборам депутатов представительного органа, выдвинул пул кандидатов от предприятия с высоким электоральным потенциалом: работников завода, нескольких «бюджетников» (врачей городской и районной больниц, директора школы), бывшего главу района, сохранившего авторитет на территории, — и профинансировал их кампании (Материалы интервью... 2009). По результатам выборов, которые в СМИ назвали «политической зачисткой», заводской менеджмент

обеспечил себе контроль над легислатурой: 11 из 15 депутатов поддерживали завод, глава заявил о поддержке четырех депутатов, но в реальности мог рассчитывать на меньшую поддержку (Армен Гарслян взялся за район 2009; В Губахе Пермского края разгорелись нешуточные предвыборные баталии 2009).

Следующие выборы депутатов в Губахе проходили после того, как пост главы района занял давний партнер предприятия, пост главы районной администрации — директор сервисного предприятия, обслуживающего градообразующий комбинат, пост главы городского округа — лояльный предприятию кандидат. Прошедшая в этот период кампания по выборам депутатов была менее агрессивной и масштабной, и избранный состав представительного органа не стал полностью заводским, поскольку в этом не было практической необходимости. Кроме того, снижение активности предприятия на локальном политическом поле было связано с тем, что к этому времени председатель совета директоров Армен Гарслян вошел в состав регионального политического совета «Единой России» и утвердился на региональной политической сцене как значимая фигура, и возможности градообразующего предприятия лоббировать свои интересы на уровне региона возросли (Материалы интервью... 2009).

На территории Лысьве расположено два крупных предприятия — металлургический и турбогенераторный заводы. В тот же период, что и в Губахе, на территории разворачивался конфликт между муниципальной администрацией и директоратом одного и затем — двух, заводов. Обострение конфликта в 2008 г. мотивировало менеджмент обоих градообразующих предприятий сформировать объединенную команду кандидатов в депутаты, выдвинув кандидата в каждом избирательном округе, и организационно и финансово поддержать их кампании. После успешных для крупного бизнеса выборов менеджмент сформировал объединенную корпоративную депутатскую группу в легислатуре: заводскими депутатами были девять человек из 15, и двое самовыдвиженцев не из заводской команды позже поддерживали их в ходе работы представительного органа (Материалы включённого наблюдения...).

Осознавая важность бесконфликтных отношений с исполнительной властью на территории, где расположено предприятие, менеджмент может использовать формируемые в представительном органе корпоративные группы, чтобы влиять на процесс и результат выборов главы МСУ. Например, в Губахе, когда напряженные отношения заводского

директората и муниципальной администрации переросли в открытый конфликт, одной из целей формирования про-заводского депутатского собрания стало изменение порядка наделения полномочиями главы муниципалитета. Обеспечив себе по итогам муниципальных выборов поддержку большинства депутатов Земского Собрания, директорат реализовал внедрение новой выборной схемы и таким образом лишил главу шанса на переизбрание. Корпоративная депутатская группа обеспечила внесение изменений в Устав муниципального образования: отмену всеобщих прямых выборов главы и введение процедуры выбора главы депутатами из своего состава.

В Чусовом в 2016 г. избрание главы в соответствии с новой конкурсной схемой, которая предполагает активное участие депутатов в процедуре выбора (выбор половины членов конкурсной комиссии депутатами и выбор одного из двух победивших конкурсантов депутатами), также позволило лояльному заводу кандидату занять высший исполнительный пост. Однако в случае с Чусовым интересно, что на этапе изменения процедуры избрания главы оппозиционная заводу группа поддерживала эти нормативные изменения.

Как отмечают местные эксперты, в Губахе и Лысьве уменьшение доли «заводских» депутатов в составе депутатского корпуса действующих представительных органах по сравнению с предыдущими также связано с административно-территориальными преобразованиями. В обоих случаях были сформированы городские округа путем присоединения к городским поселениям районных территорий, в том числе сельских территорий (Материалы экспертного интервью... 2016). Однако в моногородах административный статус территорий все же не является определяющим состав представительного органа фактором, и политические и электоральные стратегии градообразующих предприятий имеют большее значение.

В Лысьве в конце 2000-х гг., как было показано выше, местные «металлурги» и «машиностроители» действовали как партнеры, смогли согласовать свои электоральные амбиции и сформировать объединенную корпоративную группу. Период партнёрских отношений был достаточно коротким, менее одного срока полномочий Земского Собрания, в ходе работы представительного органа проявились сложности в принятии консолидированных решений. В Губахе основное предприятие — крупный химический комбинат, не противодействовало избранию кандидатов от местного коксохимического завода, не выдвигало в «их» округах

своих кандидатов. Позже, в ходе депутатской работы представители коксохимического завода присоединялись к позиции большинства, поддерживая инициативы депутатов от комбината (Материалы интервью с депутатом Земского Собрания Губахинского муниципального района... 2009). В данном случае взаимодействие между предприятиями также можно назвать партнерским, где крупное предприятие брало на себя роль старшего, доминирующего партнера, и они воспроизводились в описанном виде после двух очередных муниципальных выборов.

Нужно отметить, что даже в ситуации конструктивного диалога между менеджментом предприятий корпоративные группы формируются для защиты их интересов, а не интересов отрасли производства или местной экономики в целом.

Крупные и градообразующие предприятия могут конфликтовать и конкурировать на территории, где они расположены. Соперничество предприятий за власть и влияние также может отражаться на составе депутатского собрания, поскольку в этом случае они будут стремиться усилить свое представительство в легислатуре.

Показательный пример подобного соперничества демонстрирует Соликамск, один из промышленных центров пермского региона, на территории которого расположено пять крупных заводов. Два успешных крупных предприятия — «Уралкалий» и «Соликамскбумпром», в течение нескольких электоральных циклов конкурируют за политическое влияние и за представленность в Городской Думе. Город буквально разделен на части — работники заводов живут в разных районах города, и районы голосуют за представителей своих предприятий. Оба предприятия проявили себя на выборах депутатов Думы и в 2011 г., и в 2016 г., организовывали и финансировали кампании своих кандидатов. В итоге и в предыдущем, и в действующем составах депутатского корпуса — две корпоративные группы — «калийщики» и «бумажники» (представители «Уралкалия» и представители «Соликамскбумпрома»), которые вместе составляют половину депутатского собрания. В созыве городской Думы 2011-2016 гг. работало пять «калийщиков» (и три или четыре депутата, которые поддерживают их) и четыре «бумажника», в действующем созыве — восемь «калийщиков» и четыре «бумажника»¹.

¹ Подсчеты сделаны Т.Б.Витковской на основе материалов базы данных о депутатах представительных органов МСУ Пермского края (данные собраны и систематизированы Т.Б.Витковской)

Еще один город, где число заводчан и про-заводских депутатов в депутатском собрании достаточно велико, наряду с Соликамском — это Чусовой. При этом на территории Чусового расположено только одно градообразующее предприятие — металлургический завод, что облегчает консолидацию представительного органа под единым влиянием.

Ситуация в Чусовом — пример того, как поиск экономической выгоды мотивирует отдельных представителей предприятий оставаться вовлеченными в локальную политику, и выдвигать своих кандидатов в представительные органы. В Чусовом один из представителей градообразующего предприятия, действуя совместно с представителем местного малого бизнеса (который в ходе сотрудничества с предприятием и при его поддержке также занял пост с исполнительными полномочиями), могут лоббировать выгодные для бизнеса условия и, вероятно, включаться в распределение коммунальных подрядов, реализацию программ по расселению ветхого жилья и другие городские программы. Реализация подобных схем возможна при объединении ресурсов градообразующего предприятия и исполнительной власти, но также требует формальных решений представительного органа, то есть лояльности большинства депутатов Думы. В составе городской Думы, работавшем до 2016 г., 14 из 20 депутатов были про-заводскими. В действующем созыве Думе про-заводские депутаты — половина состава депутатского корпуса.¹

Нужно отметить, что в подобных случаях определение депутатской группы как корпоративной группы достаточно формально (отражает только профессиональный состав группы и основной бассейн рекрутирования кандидатов), поскольку депутатская группа в итоге лоббирует не только и не столько корпоративные, сколько частные или групповые местные интересы.

Подобная лоббистская схема, предполагающая формирование благоприятных условий для работы местного бизнеса при поддержке муниципального представительного органа, возможно, будет реализована на уровне района. На выборах депутатов районного уровня, которые прошли в Чусовом в 2016 г., отдельные представители градообразующего предприятия проявили не меньшую активность, чем на выборах

¹ Подсчеты сделаны О.А.Рябовой на основе экспертного опроса и материалов включенного наблюдения

депутатов городской Думы. В итоге, в районном депутатском собрании работает 25 избранных депутатов (и ожидаются одни довыборы), из них 17 представляют завод и нового главу — партнера представителя завода, четверо — условно самостоятельны и только четверо — не поддерживают завод¹.

Таким образом, даже если само предприятие, его собственники или головное руководство не получают прямой выгоды от включенности представителей предприятия в локальные политические и управленческие процессы, отдельные инициативные представители местного менеджмента могут быть мотивированы участвовать в локальной политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В легислатурах промышленных территорий с крупными и градообразующими предприятиями представлены корпоративные депутатские группы. Составляющие их депутаты защищают и отстаивают интересы представителей этих предприятий. Они демонстрируют достаточную сплоченность в ходе депутатской работы и голосований, и могут значимо влиять на местную повестку и процесс принятия формальных решений.

Доля корпоративных депутатов в составе депутатского корпуса может отличаться от города к городу, и от созыва к созыву. Снижение численности корпоративных депутатов в последних (избранных в 2010-е гг.) созывах городских Дум отражает изменение электоральных и политических стратегий крупного бизнеса.

Как правило, сегодня директорат крупных предприятий отказывается от стратегии «захвата» местной власти и не стремится полностью заполнить городские Думы своими представителями, поскольку не стремится контролировать повседневную работу органов МСУ. Альтернативные стратегии, которые предполагают лоббирование интересов бизнеса через местную исполнительную власть или на уровне региона, демонстрируют достаточную эффективность. Распространенность неформальных практик взаимодействия на локальном уровне позволяет менеджменту лоббировать интересы предприятия в органах

¹ Подсчеты сделаны О.А.Рябовой на основе экспертного опроса и материалов включенного наблюдения

самоуправления без прямого представительства в них, неофициально и непублично.

Увеличение числа корпоративных депутатов после очередных муниципальных выборов может говорить о конфликте между руководством муниципалитета и менеджментом предприятия, который мотивирует последних действовать на локальном политическом поле через легислатуру.

Конкуренция между несколькими крупными предприятиями, расположенными на одной территории, также может мотивировать менеджмент одного из них к участию в выборах и, затем, в работе представительного органа, когда глава территории непублично поддерживает конкурента. Стремление главы сохранить нейтралитет (чтобы сохранить автономию), в свою очередь, может быть для заводского менеджмента поводом для прямого вмешательства в локальные политические процессы.

В подобных ситуациях корпоративные группы составляют значимую часть депутатского корпуса и обеспечивают предприятиям доступ к формированию политической повестки и реализации локальной политики.

Состав корпоративных депутатских групп не позволяет составить обобщенный «коллективный портрет» корпоративного депутата, поскольку он не обязательно — «синий воротничок», представитель рабочей профессии и работник завода. Зачастую интересы предприятия представляют не только его работники, но и представители социальной сферы — врачи, педагоги и др.

Корпоративные депутаты, как правило, не самостоятельны. Составляемые ими группы выступают проводниками интересов руководства предприятия и обеспечивают их реализацию в представительном органе МСУ с нормотворческими полномочиями.

Отстраненность собственников и высшего руководства предприятий от локальной политики позволяет местным менеджерам отстаивать свои интересы через корпоративные группы наряду с интересами предприятия, или подменять интересы предприятия своими частными интересами. Это ведет к тому, что корпоративные депутатские группы, призванные отстаивать корпоративные интересы, в отдельных случаях становятся проводниками частных или групповых местных интересов.

Литература и источники

Армен Гарслян взялся за район. [Электронный ресурс] // Сайт «Федерал Пресс». 3.03.2009. URL: <http://fedpress.ru/article/578478> (дата обращения: 14.07.2009).

В Губахе Пермского края разгорелись нешуточные предвыборные баталии. [Электронный ресурс] // Сайт «Федерал Пресс». 22.01.2009. URL: <http://fedpress.ru/article/575325> (дата обращения: 18.08.2009).

Витковская Т.Б., Рябова О.А. Корпоративные лоббисты в депутатских собраниях (на материалах моногородов Пермского края) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) / отв. ред. В.А. Мансуров. Электронные данные. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 5488–5499. (DVD ROM) ISBN e978-5-904804-14-5.

Ковин В.С., Петрова Р.И. Методика анализа конкурентности на местных выборах в представительные органы власти (на примере промышленных малых городов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Серия Политология. № 4. 2016. С. 19–43.

Мониторинг выборов в Пермском крае // Официальный сайт комиссии «Честный контроль». URL: <https://permelectionmonitor.wordpress.com/2013/08/25/1-4/> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.06.2016).

Политическая ситуация по итогам выборов главы Чусовского городского поселения и депутатов Чусовской городской думы // Официальный сайт комиссии «Честный контроль». [Электронный ресурс] URL: <https://permelectionmonitor.wordpress.com/category/uncategorized/> (дата обращения: 14.08.2016).

Состав депутатского корпуса Соликамской городской Думы // Официальный сайт города Соликамск. [Электронный ресурс] URL: <http://gorduma.solkam.ru/deputaty/deputaty-po-okrugam/> (дата обращения: 11.06.2016).

Состав депутатского корпуса Лысьвенской городской Думы // Официальный сайт города Лысьва Пермского края. [Электронный ресурс] URL: <http://www.adm-lysva.ru/vlast/> (дата обращения: 16.05.2016).

Состав депутатского корпуса Губахинской городской Думы // Официальный сайт городского округа «Губаха». [Электронный ресурс] URL: http://gubakha.permarea.ru/Organy-vlasti/gubahinskaja_gorodskaja_duma/deputaty_gorodskoj_dumy/ (дата обращения: 11.06.2017).

Состав депутатского корпуса Чусовской городской Думы // Официальный сайт Чусовского городского поселения. [Электронный ресурс] URL: <http://chusovskoj.permarea.ru/chusovskoe/Organy-vlasti/Gorodskaja-Duma/> (дата обращения: 11.06.2017).

Рукописные и архивные материалы

Материалы экспертного опроса, материалы включенного наблюдения, получены О.А. Рябовой в городе Чусовом в период различных муниципальных выборных кампаний.

Материалы включенного наблюдения, получены О.А. Рябовой в городе Лысьва в период различных муниципальных выборных кампаний.

Материалы интервью, апрель 2009 г., получены О.А. Рябовой в Губахинском отделении партии «Единая Россия» (не опубликовано, архив автора).

Материалы интервью с депутатом Земского Собрания Губахинского муниципального района, март 2009 г., проведено О.А. Рябовой (не опубликовано, архив автора).

Материалы экспертного интервью, сентябрь 2016 г., проведено В.С. Ковиным (не опубликовано, архив автора).

Подвицнев О.Б., Рябова О.А. Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края). 2017 (рукопись, архив автора).

**CORPORATE DEPUTIES' GROUPS
OF REPRESENTATIVE BODIES
OF LOCAL GOVERNMENT
(ON THE EXAMPLE OF PERM REGION)**

T. Vitkovskaya.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.4>

Abstract. *The article is devoted to the study of composition and structure of the deputy corps at local government level in cities and districts of Perm region with developed industrial production. The article presents an analysis of the composition of the deputy corps of representative bodies of local government of four industrial territories: Chusovoy, Lysva, Gubakha and Solikamsk. It shows how big business is involved in local political processes, and what forms of political influence it chooses. Corporate groups within the deputy corps as a way of political participation of big business are considered. The relative diversity of the composition of corporate groups does not allow to compile a generalized "collective portrait" of a corporate deputy but allows us to identify typical candidates and deputies "from the enterprise". The analysis of professional composition of corporate groups is given: as a rule, they are made of employees of large enterprises, employees of municipal budgetary institutions, representatives of local small businesses. It shows how these groups defend corporate interests in the representative body of local self-government, providing the work with the local agenda and the adoption of formal decisions. Specific examples show how the conflict between a large enterprise and the leadership of municipal government, as well as the competition between several enterprises, change the structure of the deputy corps and the share of corporate deputies in its composition. The lack of independence of deputies who form corporate groups in deputy assemblies is noted.*

Keywords: *local government, representative body of local government, deputy corps, informal deputy groups, corporate deputy groups, "collective portrait" of municipal deputies.*

References

Armen Garslyan vzyalsya za rayon [Armen Garslyan took over the district], website "Federal Press", 3.03.2009. URL: <http://fedpress.ru/article/578478> (available: 14.07.2009). (In Russian)

V Gubahe Permskogo kraja razgorelis' neshutochnye predvybornye batalii [In Gubaha in Perm region had fierce electoral battles], website "Federal Press", 22.01.2009. URL: <http://fedpress.ru/article/575325> (available: 18.08.2009). (In Russian)

Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. Korporativnye lobbisty v deputatskih sobraniyah (na materialah monogorodov Permskogo kraja) [Corporate lobbyists in Deputy assemblies (on materials of single-industry towns of Perm Krai)], In: Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noye neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'. Materialy V vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa (Yekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 goda) / otv. red. V.A. Mansurov. [Sociology and society: social inequality and social justice Proceedings of the V all-Russian sociological Congress (Ekaterinburg, 19–21 October 2016) ed. by V. A. Mansurov.] Electronic data. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2016, pp. 5488-5499. (DVD ROM) ISBN e978-5-904804-14-5. (In Russian)

Kovin V.S., Petrova R.I. Metodika analiza konkurentnosti na mestnyh vyborah v predstavitel'nye organy vlasti (na primere promyshlennyh malyh gorodov Permskogo kraja) [Methods of analysis of competition in local elections to representative bodies (case of industrial small towns of the Perm region)], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. The Series of Political Science], 2016, 4, pp. 19-43. (In Russian)

Monitoring vyborov v Permskom kraje [Monitoring of elections in the Perm region], *Official website of the Commission "Chestny control"* ["Honest control"]. URL: <https://permelectionmonitor.wordpress.com/2013/08/25/1-4/> [Электронный ресурс] (available: 30.06.2016). (In Russian)

Politicheskaya situatsiya po itogam vyborov glavy Chusovskogo gorodskogo poseleniya i deputatov Chusovskoy gorodskoy dumy [The political situation following the results of elections of the head of the Chusovoy city settlement and deputies of the Chusovoy city Duma], *Official website of the Commission "Chestny control"* ["Honest control"]. URL: <https://permelectionmonitor.wordpress.com/category/uncategorized/> (available: 14.08.2016). (In Russian)

Sostav deputatskogo korpusa Solikamskoy gorodskoy Dumy [The composition of the deputy corps of Solikamsk city Council], *Official website of Solikamsk*. URL: <http://gorduma.solkam.ru/deputaty/deputaty-po-okrugam/> (available: 11.06.2016). (In Russian)

Sostav deputatskogo korpusa Lysvenskoy gorodskoy Dumy [The composition of the deputy corps of Lysva city Council], *Official website of Lusva of Perm krai*. URL: <http://www.adm-lysva.ru/vlast/> (available: 16.05.2016). (In Russian)

Sostav deputatskogo korpusa Gubahinskoy gorodskoy Dumy [The composition of the deputy corps of Gubakha city Council], *Official website of the city district "Gubakha"*. URL: http://gubakha.permarea.ru/Organy-vlasti/gubahinskaja_gorodskaja_duma/deputaty_gorodskoj_dumy/ (available: 11.06.2017). (In Russian)

Sostav deputatskogo korpusa Chusovskoy gorodskoy Dumy [The composition of the deputy corps of Chusovoy city Council], *The official website of Chusovsky city settlement*. URL: <http://chusovskoj.permarea.ru/chusovskoe/Organy-vlasti/Gorodskaja-Duma/> (available: 11.06.2017). (In Russian)

Manuscript and archival materials

Materialy ekspertnogo interv'yū, sentyabr' 2016 g. Provedeno V.S. Kovinym (ne opublikovano, arhiv avtora). [*Materials of expert survey, September 2016*. It was conducted by O.A. Ryabova (not published, author's archive).] (In Russian)

Materialy ekspertnogo oprosa, materialy vklyuchennogo nablyudeniya. Polucheny O.V. Ryabovoy v gorode Chusovom, v period razlichnyh munitsipalnyh vybornykh kompaniy. [*Materials of expert survey, materials of the included supervision*. There were received by O.A. Ryabova in the city Chusovoy during various municipal election campaigns.] (In Russian)

Materialy interv'yū, aprel' 2009 g. Polucheny O.V. Ryabovoy v Gubakhinskom otdelenii partii "Yedinaya Rossiya" (ne opublikovano, arhiv avtora). [*Materials of interview, April 2009*. There were received by O.A. Ryabova in the Gubakha branch of "Yedinaya Rossiya" ["United Russia"] party (not published, author's archive).] (In Russian)

Materialy interv'yū, s deputatom Zemskogo Sobraniya Gubakhinskogo munitsipal'nogo rayona, mart 2009 g. Provedeno O.V. Ryabovoy (ne opublikovano, arhiv avtora). [*Materials of interview with deputy of Zemsky Assembly of Gubakha municipality, March 2009*. It was conducted by O.A. Ryabova (not published, author's archive).] (In Russian)

Materialy vklyuchennogo nablyudeniya. Polucheny O.V. Ryabovoy v gorode Lysva, v period razlichnyh munitsipalnyh vybornykh kompaniy. [*Materials of the included supervision*. There were received by O.A. Ryabova in the city of Lusva during various municipal election campaigns.] (In Russian)

Podvintsev O.B., Ryabova O.A. Tendentsii transformatsii lobbistskih struktur v organah mestnogo samoupravleniya malyh rossiyskih gorodov (na primere Permskogo kraja). 2017. (Rukopis', arhiv avtora). [Tendencies of transformation of lobbying structures in local governments of small Russian cities (by the example of Perm Krai). 2017. (Manuscript, author's archive).] (In Russian)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ: БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ: ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.5>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования социально-структурных характеристик региональных элит и выводы о перспективах влияния властных групп на развитие современного российского общества. При идентификации элит использовался позиционный подход, структурно-биографический метод, в исследование были включены следующие регионы: Санкт-Петербурга, Москвы, Ленинградской, Ростовской, Калининградской, Костромской, Новосибирской областей, Ставропольского и Хабаровского краев, Республики Дагестан (всего 936 анкет, база данных на 2015 год). Предметом исследования выступали характеристики, связанные, по данным литературы, с уровнем консолидации и гомогенности элит.

Зафиксирована значительная разнородность региональных властных групп с точки зрения условий первичной социализации и типа первого выс-

¹ Статья написана в рамках проекта «Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества» Комплексной программы фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Мировоззренческие, социально-политические, правовые, психологические и духовно-нравственные факторы развития современного российского общества» (Номер государственной регистрации: АААА-А17-117030110142-9).

шего образования, что может обуславливать значительную культурную дифференциацию. Вместе с тем, в последнее время отчетливо наблюдается тенденция к гомогенизации. Однородность социально-профессионального бассейна рекрутирования показывает устойчивый тренд плутократизации и профессионализации региональных властных групп, что свидетельствует об их закрытости, а также консолидации вокруг буржуазных ценностей. Общей тенденцией является формирование особой социальной базы властных элит, минимизирующей приход персон из «низших» слоев. Приобретают устойчивость механизмы вертикальной мобильности, что связано со стабилизацией данной социальной группы. Сохраняется значительной роль коррупции как одного из механизмов консолидации элитных групп, фактором их функционирования и солидарности власти и населения. Высокий уровень социальной закрытости, плутократизации и гомогенизации элитных групп позволяет сделать вывод о значительной степени консолидации властного сообщества и стабилизации связанного с ним существующего социального порядка.

Ключевые слова: региональные властные группы, региональные элиты, группы доминирования, администраторы, бюрократы, чиновники, социализация, консолидация плутократизация элиты, социальный порядок.

Зарубежные исследователи в своих работах показывают, что внутриэлитная консолидация в значительной степени зависит от социально-структурных характеристик групп доминирования. Прежде всего, это касается того, насколько они гомогенны. Данная характеристика напрямую связана с устойчивостью этих групп и их специфичностью по сравнению с другими группами. Одновременно эта характеристика выступает существенным фактором их политики. В социологических и политологических текстах на сей счет фиксируется зависимость политических ценностей и установок политических властных акторов от их социального происхождения и связанных с ним условий социализации. Понятно, что эта закономерность действует отнюдь не динамически, но статистически. Помимо этого, контекстные факторы могут значительно скорректировать эту связь. Надо отметить, что вторичная и третичная социализации также оказывают влияние, как и образцы рекрутирования в правящий слой и общие характеристики бассейна рекрутирования.

Исследование французских и западногерманских элит, проведенное еще в 1964 году Льюисом Эдинджером и Дональдом Сирингом, продемонстрировало связь явных и латентных аттитюдов членов элит-

ного сообщества с большинством переменных социального происхождения. Существенно, что для германских властных персон важным фактором для прогнозирования их установок оказалась деятельность в предшествующие года [Edinger, Searing 1967]. Гарольд Кербо и Ричард Делла Фэйв, касаясь рассматриваемого вопроса, зафиксировали, что, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением, с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим это направление исследования» [Kerbo, Della Fave 1979: 6].

Вполне правомерно можно утверждать, что гомогенность социально-структурных характеристик, включающих социальное происхождение, социально-профессиональный бассейн рекрутирования членов элитного сообщества является важным и статистически значимым фактором, влияющим на сходство, однородность политических и социальных взглядов, а в конечном счете консенсуса в отношении базовых ценностей властных элит. Чонг Лим Ким и Самуэль Паттерсон отмечали, что «социальная гомогенность, возможно, не является «ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции», но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты» [Kim, Patterson 1988: 380]. Важно отметить, что выводы исследователей базировались на данных шести очень различных стран — Бельгии, Швейцарии, Италии, Кении, Южной Кореи и Турции. В уже упоминаемом исследовании Л. Эдинджера и Д. Сиринга есть эмпирические подтверждения на французско-германском сравнительном материале. Хотя, конечно, к этим данным надо подходить с осторожностью, в виду невозможности прямой экстраполяции выводов и специфики контекста, о котором писал Ральф Дарендорф [Dahrendorf 1969: особенно 353-359]. Итак, исследователи разделили западногерманскую элиту на две подгруппы с противоположными позициями по ряду вопросов, и установили, что связь между характеристиками социального происхождения и аттитюдами сильнее в этих дихотомических, внутренне сплоченных подгруппах, чем среди общенациональной элиты в целом [Edinger, Searing 1967: 441-444].

Энтони Гидденс писал, что закрытая система рекрутирования создает относительную однородность характеристик социального происхождения и обеспечивает доступ в элиту, прежде всего, представителям привилегированных слоев и лишая его выходцев из «низов», и, «вероятно, обеспечивает тип согласованной социализации, производящий высокий уровень интеграции между (и внутри) элитными группами» [Giddens 1974: 6]. Вместе с тем, он подчеркивает и относительность этой зависимости, указывая на случаи, в которых закрытый паттерн рекрутирования сочетается с низким уровнем внутриэлитной интеграции («учрежденная элита») и где, напротив, разнообразие характеристик социального происхождения элиты совмещается с высоким уровнем интеграции (т.н. «солидарная элита», характерная, например, для социалистических стран) [Giddens 1974: 6].

Помимо этого, как указывал Р. Дарендорф, «социальная гомогенность способствует продуктивному конфликту, потому что она исключает правила игры из круга вопросов как относящихся к сути дела; кроме того, социальная гомогенность безусловно исключает представительство различных интересов. Представительное правление в либеральном устройстве не только может, но и должно иметь устоявшийся политический класс» [Dahrendorf 1969: 261].

Иерархические структуры играют фундаментальную роль в стабилизации общественных порядков. Как показано в литературе, именно властные группы задают параметры консолидации общества и государства. Другое дело, что консолидация может осуществляться авторитарно и демократически. Значимым здесь является контекст и исторический путь, что обычно концептуализируется через зависимость от пройденного пути. В этом отношении консолидация элит и общества имеет свои ограничения.

В условиях российской незавершенной трансформации данное обстоятельство приобретает особенно большое значение как для активности властных структур и возможных перспектив развития российского общества и государства, так и для оценки тенденций институционализации социального порядка.

Авторский коллектив уже обращался к проблеме социально-структурных характеристик властных групп, их рекрутирования, становления и институционализации. Ранее (в 2009-2010 гг.) мы исследовали возможные факторы консолидации власти и общества в России. Данная работа на основании новых материалов продолжает это направле-

ние исследований. Помимо чисто эмпирической новизны следует отметить новый концептуальный ракурс анализа.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ: ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Исследование направлено на прояснение вышеуказанных характеристик российских региональных властных элит. В рамках этой задачи был проведен анализ биографических, включая карьерные, данных, собранных по десяти регионам России на 2015 год. При идентификации элит мы использовали позиционный подход.

Объектом исследования выступали региональные политико-административные элиты (властные группы, группы доминирования), к которым относятся: высшие региональные чиновники (администраторы, бюрократы) — глава региона, его заместители, члены регионального правительства, главы региональных министерств, комитетов и приравненных к ним административно-управленческих структур; депутаты (политики) региональных legislатур и члены Федерального Собрания Российской Федерации от данных регионов.

Предметом нашего исследования были структурные характеристики региональных элит, особенности их бассейна рекрутирования, образования, профессиональных карьер, позволяющие сделать заключение о гомогенности или гетерогенности групп доминирования.

При анализе мы применяли *структурно-биографический метод*, который предполагает изучение структуры властных групп в связи с биографией их членов. В качестве источников информации использовались справочники, официальные сайты правительств и legislатур десяти регионов (Санкт-Петербург, Москва, Калининградская, Костромская, Ленинградская, Новосибирская, Ростовская области, Ставропольский и Хабаровский края, Республика Дагестан), сайты Государственной Думы и Совета Федерации, материалы СМИ и другие интернет-ресурсы. Сначала создавались полнотекстовые файлы с биографической и прочей информацией по каждому представителю региональной политико-административной элиты, затем эта информация упорядочивалась в персональных файлах-анкетах. После этого осуществлялись кодировка и ввод данных для статистической обработ-

ки в пакете SPSS. Кроме машинной обработки формализованных данных, проводился и анализ индивидуальных карьер на основе неформализованных биографических данных.

Было собрано и введено в базу данных 936 анкет (табл. 1). Поскольку депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации от регионов являются политиками не только федерального уровня, но и активно, подчас, действуют на в самом субъекте Федерации, выступая важными региональными акторами, мы их включили в общее число региональных политиков. В ряде случаев количество депутатов legislатур превышает число мест. Это объясняется переходом политиков на другую работу или их смертью. Но в базе данных мы их оставили, добавив новых депутатов.

Таблица 1

База данных по региональной властной элите (человек)

Регион	Элитная группа		Итого
	администраторы	Политики*	
Санкт-Петербург	30	62 (50)	92
Ленинградская область	46	57 (50)	103
Ростовская область	37	67 (51)	104
Калининградская область	32	46 (41)	78
Костромская область	37	40 (34)	77
Хабаровский край	28	35 (27)	63
Москва	84	65 (36)	149
Новосибирская область	36	83 (74)	119
Ставропольский край	0	50 (50)	50
Республика Дагестан	0	101 (90)	101
Итого	330	606 (503)	936

* Дается общее число депутатов представительных органов власти субъектов РФ, депутатов ГД от данных субъектов и представителей в СФ. В скобках указано сколько из них депутатов региональных legislатур.

Наши предыдущие исследования в шести регионах Российской Федерации¹ позволили выявить ряд тенденций рекрутирования регио-

¹ Проект «Условия и возможности консолидации российского общества», входившего в программу фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе» (2009–2011 гг.). Результаты опубликованы в: [Условия и возможности консолидации... 2010].

нальных властных групп, их социально-структурные характеристики. Среди них: относительно закрытый бассейн рекрутирования, низкая вертикальная мобильность, плутократизация элит, их укорененность во властных группах советского общества.

Накопленный эмпирический материал позволяет проверить устойчивость выявленных тенденций на более широком и более разнообразном круге регионов (включая столицу РФ и одну из национальных республик), а также во временной динамике.

УСЛОВИЯ ПЕРВИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Следует отметить, что в отношении условий первичной социализации региональные элиты остаются достаточно гетерогенными. Они достаточно разные. Во-первых, существует значительное расхождение между администраторами и депутатами региональных legislatures (рис. 1 и 2). В целом, политики в большей мере периферийны. Если среди

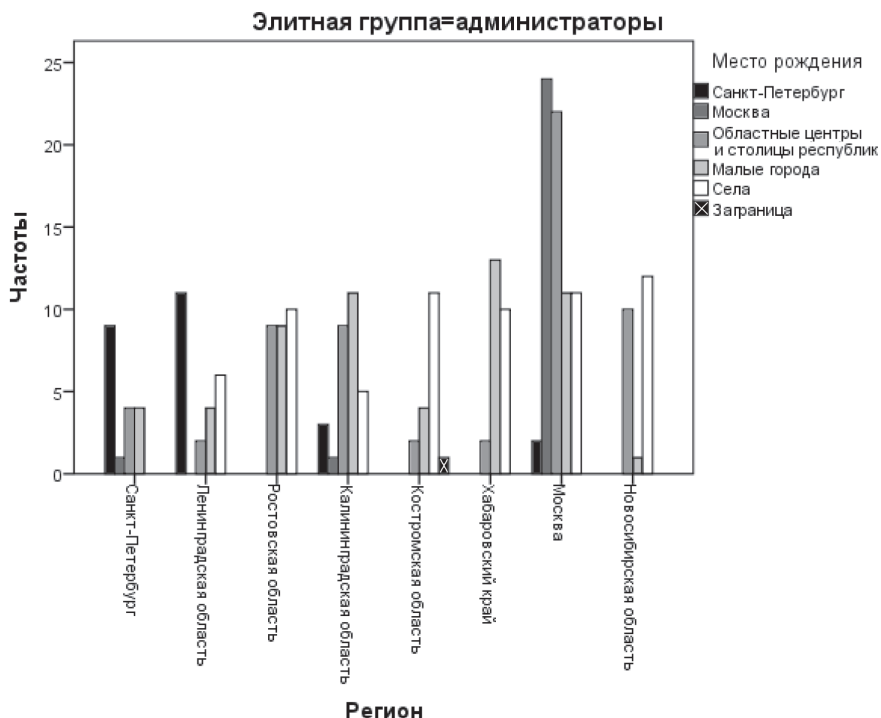

Рис. 1. Место рождения региональных администраторов (N=234)

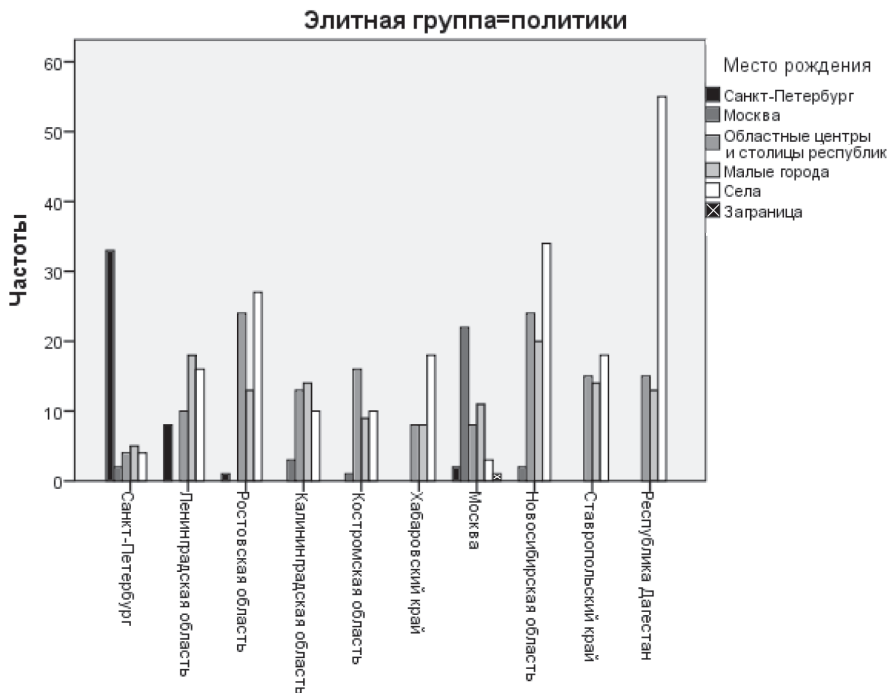

Рис. 2. Место рождения региональных политиков (N=532)

администраторов 48 % родились (и, как мы можем предположить, провели свои ранние годы) в столичных городах и областных центрах, то у политиков эта доля всего 35 %. Доля же родившихся в сельской местности у депутатов достигает 52%. По сравнению с 38% у бюрократической части региональной элиты — это существенное различие.

Во-вторых, различия наблюдаются и по регионам. Полюсами здесь являются питерские бюрократы и хабаровские депутаты. Первые — все горожане по рождению (и, скорее всего, по воспитанию). Из них более двух третей родились в Санкт-Петербурге или Москве. Вторые — на 76% уроженцы села, при том, что 82% населения региона — жители городов [Численность населения... 2017: Табл.3. Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации]. Ясно, что депутаты в значительной степени более «народны», поскольку они по политическому происхождению являются народными избранниками. Однако, в устойчивых политических системах властные элиты значительно отличается от основной массы населения. В российских условиях недавность перехода к капиталистической системе отражается

и на социальном происхождении властных групп. Хотя, административная элита в большей степени, чем политическая отбирается из более социально «продвинутых» групп.

Вместе с тем, существует ярко выраженная тенденция снижения доли уроженцев малых городов и сельской местности в зависимости от возраста членов элитных групп. И дело здесь не только в процессе урбанизации, но и в изменении бассейна рекрутирования. Получение необходимого образования и возникновение возможностей для продвижения вверх становится всё меньше у выходцев из периферии.

На рисунках видно, что в части регионов существует если не гомогенность, то доминирование определенных групп. Можно предположить, что это обеспечивает стабилизацию властных элит.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БАСЕЙНА РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРЫ КАК ФАКТОРЫ ВНУТРИЭЛИТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В какой мере социально-профессиональный бассейн рекрутирования российской политической и административной элит регионального уровня характеризуется однородностью, благоприятствующей внутриэлитной сплоченности и консолидации вокруг общих ценностей? В первую очередь, надо подчеркнуть, что бассейн рекрутирования высокопоставленных администраторов и депутатов в исследуемых регионах не отличается значительной социально-классовой поляризацией (что, кстати, показывали и наши предыдущие исследования [см.: Быстрова и др. 2008; Тев 2010]). Об этом свидетельствует анализ представленности во властных группах двух противоположных экономических категорий: рабочих и крестьян, с одной стороны, и руководителей экономических (коммерческих) организаций, то есть членов экономически доминирующего класса, с другой. Ни один член нынешней административной элиты указанных регионов не принадлежал в постсоветское время, 1993-2010 гг., к низшим классам. Только 1% политиков в 1993 г., а также по своей предпредшествующей позиции, относился к категории рабочих. В то же время, экономически доминирующий класс является основным источником рекрутирования депутатов и чиновников за пределами самой политико-административной сферы. Бизнес составляет большую долю региональных чиновников и политиков, чем все остальные источники их «внешнего» рекрутирования вме-

сте взяты. Как видно из таблиц 2 и 3, предпредшествующая должность у примерно четверти (24%) администраторов и почти 40% депутатов была связана с руководством экономическими структурами.

Таблица 2

**Работа в 1993–2010 гг., а также предшествующая
и предпредшествующая работа членов административной элиты
(в процентах)**

Работа	Руководители экономических структур	Админи- страторы	Депутаты	Три властных сегмента вместе
В 1993 г. (n=237)	21	24	1	46
В 1995 г. (n=235)	24	31	1	56
В 2000 г. (n=257)	25	47	1	73
В 2004 г. (n=271)	22	62	1,5	85,5
В 2008 г. (n=282)	19	71	3	93
В 2010 г. (n=289)	13	81	2	96
Предпредшеств. (n=289)	24	63	2	89
Предшеств. (n=312)	16	78	1	95

Таблица 3

**Работа в 1993–2010 гг., а также предшествующая
и предпредшествующая работа членов политической элиты
(в процентах)**

Работа	Руководители экономических структур	Депутаты	Админи- страторы	Три властных сегмента вместе
В 1993 г. (n=405)	37,5	14	10	61,5
В 1995 г. (n=423)	44	12	14	70
В 2000 г. (n=453)	44	21	13	78
В 2004 г. (n=467)	38	36	10	84
В 2008 г. (n=501)	23	61	8	92
В 2010 г. (n=497)	14	75	7	96
Предпредшеств. (n=478)	39	33	11	83
Предшеств. (n=519)	24	56	9	89

Для сравнения, специалистами, работниками науки, культуры и образования, медиками и юристами (их, по крайней мере, отчасти можно отнести к средним, промежуточным слоям или профессиональным группам) были, по своей предпредшествующей позиции, всего 5% администраторов и 8% депутатов. Вместе с тем следует отметить, что степень плутократического рекрутирования политико-административной элиты существенно варьируется по регионам. Наиболее высокие показатели плутократизации высокопоставленного чиновничества характерны для Петербурга. Здесь почти каждый четвертый (23%) администратор непосредственно перед тем, как занять нынешнюю должность, был бизнесменом, и у 38% членов административной элиты с руководством компаниями связана работа, предпредшествующая нынешней должности. В то же время в Хабаровском крае только 11% администраторов пришло непосредственно из бизнеса, а в Ростовской области лишь у 12,5% чиновников с руководством предприятиями была связана работа, предпредшествующая нынешней должности. Что касается политической элиты, то самые низкие уровни плутократизации демонстрирует депутатский корпус Петербурга, Москвы и Дагестана, где, соответственно, 5%, 10% и 12% парламентариев непосредственно перед избранием руководили компаниями. Напротив, наиболее широко представлены бизнесмены среди политической элиты Ростовской и Калининградской областей, где, соответственно, 38% и 35% депутатов занимали ключевые должности на предприятиях различных форм собственности перед тем, как вступить в нынешнюю должность. Однако нужно учитывать также то, что многие члены властной элиты, которые сами никогда не работали на ключевых должностях в экономических структурах, имеют родственников, занимающих позиции руководителей и нередко и владельцев различных фирм. В связи с этим можно предположить, что большинство всей политико-административной элиты исследуемых регионов было в разное время связано с бизнесом, экономически доминирующим классом, либо непосредственно, имея опыт руководства компаниями, либо косвенно, через членов семьи.

Конечно, кроме плутократизации существует и тенденция профессионализации региональных властных групп, которая, по крайней мере, среди высокопоставленного чиновничества является доминирующей. Вообще, большинство нынешних администраторов и политиков непосредственно пришло не из экономических структур, а с руководящих позиций в самой политико-административной сфере. Так, таб-

лица 2 показывает, что в целом по восьми регионам примерно четыре пятых административной элиты непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность уже работали чиновниками, и почти у двух третей предпредшествующая должность была административной (следует, впрочем, отметить, что наблюдаются существенная вариативность выраженности профессионализации административной элиты в региональном разрезе). Что касается депутатов, то среди них плутократизация вполне может соперничать с профессионализацией. Как мы видим из Таблицы 3, по своей предпредшествующей работе, только треть членов политической элиты были депутатами, но почти 40% — бизнесменами. Впрочем, и среди региональных политиков более половины на момент занятия нынешней должности уже работали депутатами, причем наиболее профессионализированным является депутатский корпус Санкт-Петербурга и Дагестана. Однако, в некотором отношении, и руководители предприятий, и высокопоставленные администраторы, и законодатели могут быть отнесены к одной и той же категории «руководителей» со сходными, привилегированными, условиями труда и жизни, существенно отличающимися от условий рабочих и рядовых служащих. Как видно из Таблиц 2 и 3, в 1993-2010 гг., а также по своей, как предшествующей, так и предпредшествующей позиции к этой, руководящей страте общества принадлежало подавляющее большинство членов нынешней политической и административной элиты рассматриваемых субъектов РФ.

В общем, высокий уровень плутократизации властной элиты; почти полное отсутствие в ней персон, принадлежавших, с точки зрения своей профессиональной позиции, в постсоветский период к низшим классам, интересы которым коренным образом отличаются от интересов бизнеса; сравнительно слабое присутствие представителей промежуточных, «средних» социально-профессиональных групп и абсолютное доминирование выходцев из «руководящей страты», позволяют говорить о довольно высоком уровне социальной закрытости и однородности бассейна рекрутирования политико-административной элиты. Эти характеристики рекрутирования могут благоприятствовать внутриэлитной социальной сплоченности и консолидации вокруг буржуазных, по существу, ценностей: общей приверженности капиталистической системе, неприятия не только радикальных преобразований, но и серьезных реформ в интересах подчиненных классов, восприятия интересов капитала как «всеобщих» и приоритетных в региональной

политике. Впрочем, некоторые другие факторы, такие как, например, социализация в советский период и номенклатурный опыт, могут работать в ином направлении. Кроме того, надо отметить, что интенсивные, как одновременные, так и динамические, переплетения политико-административной и экономической элит также могут способствовать их сплочению в единую, хотя и дифференцированную, в функциональном и институциональном плане, «властвующую» или «правлящую» элиту, о которой в свое время писали Ч.Р. Миллс [Миллс 1959] и В. Домхофф [Domhoff 1983].

Однако выраженная плутократизация региональной политико-административной элиты может иметь и противоположный эффект, способствуя дезинтеграции. Политики и чиновники, пришедшие в государственный аппарат из бизнеса или имеющие родственные связи с бизнесменами, могут преследовать не только «общеклассовые», но и особенные, нередко находящиеся в противоречии друг с другом экономические и политические интересы, обусловленные спецификой условий накопления капитала тех компаний и отраслей, которые они представляют. В этом смысле, плутократизация может способствовать дезинтеграции, разобщению политико-административной элиты, которую раздрает соперничество конкретных коммерческих интересов. В частности, тесная связь конкретных политиков и чиновников с определенными экономическими структурами, из которых они пришли на государственные посты, может подрывать способность политико-административной элиты формулировать и осуществлять политику в интересах бизнеса в целом, поскольку такая политика нередко требует обуздания эгоизма особенных интересов отдельных фирм и отраслей. Неслучайно К. Оффе отмечал, что «государство, которое <...> должно быть «идеальным коллективным капиталистом» <...> должно быть <...> структурой, выступающей по отношению к особенным и узким интересам индивидуальных капиталистов и их политических организаций как надзорная, опекающая сила, — во всяком случае, такая сила, которая является отчужденной и суверенной властью» [Offe 1993: 108].

ОБРАЗОВАНИЕ

Роль образования в процессе формирования элитных групп многократно изучалась отечественными и зарубежными исследователями. Еще П. Сорокин отмечал, что «многие социальные сферы и ряд про-

фессий практически закрыты для человека без соответствующего диплома» [Сорокин 1992: 252]. Более того, различные модели формирования элит основываются на специфике систем образования в той или иной стране¹. Из недавно вышедших работ упомянем публикацию Лаурен Ривера [Rivera 2015], где также рассматривается роль элитного образования. Для региональных элитных групп в наше время пока ещё значение получения высшего образования в определённых учебных заведениях не является таким уж важным фактором, но в то же время определяет гомогенность / гетерогенность социально-структурных характеристик этих групп. Однако некоторая тенденция прослеживается. Ярким примером на региональном, а затем и на федеральном уровне политико-административных элит является группа выпускников СПбГУ (ЛГУ) или Политехнического института. Конечно, дело здесь было не только и не столько в качестве образования, но в личных связях конкретных персон.

Таблица 4

Тип первого высшего образования членов региональной административно-политической элиты, в процентах (7 регионов, N=566)

Регион	Фин-экон.	Упр-полит.	Гуманит.	Технич.	Юридич.	Военное	Военно-медицин.	Медиц. и ветеринар.	Другое
Санкт-Петербург	18	-	7	36	12	15	2	3	7
Ленинградская область	18	2	5	48	6	12	-	7	2
Ростовская область	13	1	8	46	5	17	-	8	2
Калининградская область	18	4	11	36	7	20	-	4	-
Костромская область	25	2	18	30	2	12	-	9	2
Хабаровский край	16	3	13	38	7	7	-	11	5
Новосибирская область	15	1	13	45	6	8	-	7	5
Итого	17	2	10	41	6	13	> 1	7	3

¹ См., например, работы М. Хартмана: [Hartmann 2010; Хартманн 2012].

Обращаясь к эмпирической биографической базе, созданной в секторе социологии власти и гражданского общества СИ РАН, отметим, что, как и в более раннем исследовании, в составе политико-административной элиты велика доля лиц, получивших в качестве первого высшего технического образование. Хотя можно отметить некоторое уменьшение этой доли: по административно-политической элите в целом до 41%; по политической элите снижение до 43%. Лидерами в сохранении высокой доли первого высшего технического образования являются Ростовская и Ленинградская области (55% и 53% соответственно в политической элите, и 46% и 48% в административно-политической элите в целом). Роль военного образования характеризуется следующими показателями: в административно-политической элите в целом 13% лиц, имеющих первое высшее военное образование (лидеры — Калининградская и Ростовская области — 20% и 17% соответственно); в политической элите около 14% (лидеры — Калининградская область с 24% и Санкт-Петербург — 21%). По-прежнему невелика доля тех, кто получил управленческо-политическое образование. Второе образование в какой-то мере восполняет этот недостаток. Однако качество второго высшего образования, нередко получаемого без отрыва от основной работы и в более короткие сроки, может быть не очень высоким.

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ВНУТРИСЕКТОРАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Степень внутрисекторальной, в частности, горизонтальной мобильности является одним из важных аспектов формирования элиты, определяющих ее относительную гомогенность/гетерогенность. Анализ последней по времени части эмпирической базы сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН демонстрирует появление тенденции горизонтальных перемещений внутри административно-политической элиты (в большей мере это относится к ее административной части). Перемещение чиновников высокого ранга из одного региона в другой происходит и по принципу профессионализма (приглашение эффективного руководителя), и по принципу реализации прежних связей, как деловых, так и личных, по принципу лояльности. Видимо, нередко эти принципы сочетаются. Из наиболее ярких примеров: приглашение на работу в Правительство Карелии отставного чиновника Правительства Ленинградской области, который потерял

должность по причине нарушений законодательства о проведении конкурсов на госзакупки. На чиновника был наложен довольно крупный штраф. В восприятии приглашающей стороны это не испортило его репутации. Как представляется, более существенное значение имело то, что первое лицо Карелии ранее работало на высоких должностях в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Сами по себе горизонтальные перемещения являются способом обновления корпуса элиты, повышения эффективности государственных институтов, укреплению внутриэлитных взаимодействий. Кроме того, позволяет конкретным персонам получить дополнительный стимул к активной деятельности. Важным является также то, что горизонтальные перемещения позволяют при прочих равных условиях предотвратить или разорвать коррупционные связи.

УКОРЕНЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Другой стороной мобильности региональных элит является их связь с местным сообществом. В разных регионах доля лиц, родившихся в тех регионах, где они занимают элитные позиции, существенно различается (рис. 3).

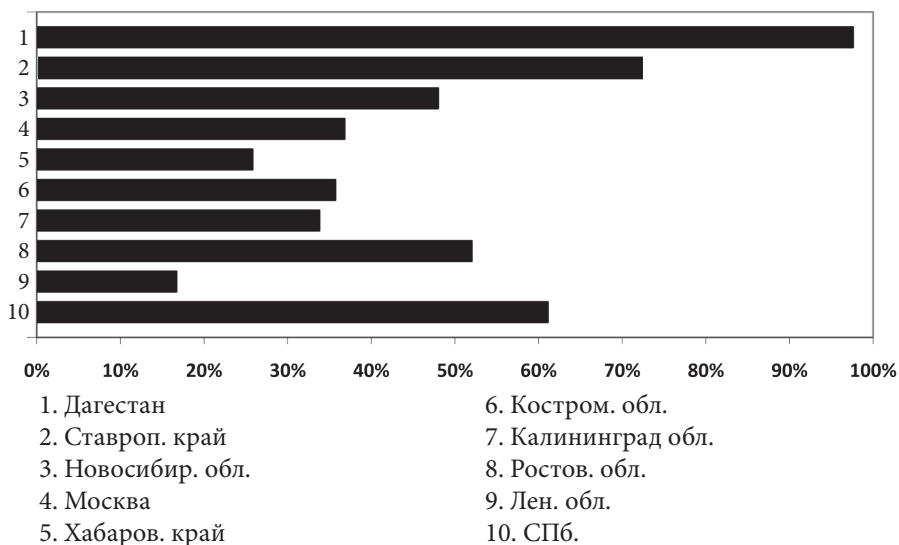

Рис. 3. Доля членов региональных элитных групп, родившихся в том же регионе (в процентах, N=842)

С точки зрения сохранения устойчивости властных групп межрегиональное перемещение персон, претендующих на начальственные посты, не совсем функционально. Формирование собственной социальной базы, форматирование социально-политического пространства для элит чрезвычайно важно. Укоренение в регионе, включение в его социальные сети и интересы создает не только основания для коррупции, но и для заинтересованности в развитии данного региона, что способствует консолидации элитного сообщества. Здесь ситуация достаточно амбивалентна.

Элитная иммобильность имеет разные основания. В Дагестане это в значительной степени связано с сохранением традиционных связей, в Ставрополье с большим удельным весом сельского населения и сельскохозяйственного производства. Санкт-Петербург, как вторая столица, в определенной степени является «конечной остановкой». Здесь с точки зрения карьеры возможно только перемещение в Москву. Серьезная образовательная база способствует подготовке энергичных акторов на уровне выше среднего по стране. Ресурсы для сохранения себя в регионе и недопущения чужаков достаточно большие. Ранее мы обращали внимание на тенденцию плутократизации. В Петербурге достаточно развитая экономика, мощные финансовые, строительные, риэлтерские и промышленные группы, которые стремятся влиять на внутригородскую политику. Амбиции находят здесь достаточно возможностей для реализации при наличии хорошего потенциала.

Необходимо сказать специально о Ленинградской области. Сам регион сильно связан с Санкт-Петербургом, который одновременно является центром области, где расположены все административно-политические учреждения региона. И если уроженцев Ленобласти в руководстве субъекта Федерации 17%, то родившихся в Петербурге оказывается 25%, вместе это уже 42%. Показатель выше, чем у Хабаровского края, Калининградской и Костромской областях и Москве.

КОРРУПЦИЯ

Говоря о гомогенности/гетерогенности элитных групп и оценке степени внутриэлитной вертикальной и горизонтальной интеграции, невозможно обойти вопрос коррупции. В последние годы власти демонстрируют довольно активные действия в «борьбе» с этим явлением.

Отстраняются от должности в связи с утратой доверия высокие должностные лица, часть их арестована и обвинена в нарушениях закона, которые могут быть квалифицированы как коррупционные деяния. По-прежнему продолжается практика устранения политических конкурентов по такого рода обвинениям. По сути это процесс гомогенизации элитного корпуса, восстановление иерархии полномочий и возможностей кормления (чтобы «брали по чину»). С точки зрения сплочения элитных групп на региональном уровне применяются действенные средства. Подчеркнем, что включение властных персон в солидаристические взаимодействия в форме коррупционных связей в рамках неписаных правил делает их поведение предсказуемым.

Следует обратить внимание еще на один аспект коррупционных солидаристических взаимодействий: региональная власть — население. Этот аспект приобрел публично-криминальную окраску в одном из эпизодов, связанных с арестом и отстранением от должности губернатора Кировской области. Пока ситуация *выглядит* следующим образом: губернатор взял деньги у предпринимателя не на свои нужды, а на постройку храма (или другие общественные надобности). То есть коррупционная по внешнему виду и характеру связь по существу способствует поддержанию нормальных отношений с населением, поскольку помогает решить власти важный для населения вопрос. Аналогичных примеров не счесть в процессе осуществления так называемой «социальной ответственности бизнеса» в регионе. То есть коррупционные взаимодействия являются сферой установления солидарности власти и населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе наших данных мы можем предположить, что региональные элиты достаточно культурно дифференцированы, что создает эффект «разночинности». Это связано как с разными условиями первичной социализации и образовательной гетерогенностью. Данное обстоятельство может несколько затруднить элитную консолидацию, так как культурно-социально-психологическое единство будет неполным. Данное состояние элиты Р. Дарендорф назвал «абстрактным», то есть статистически фиксируемое, но отсутствующее как часть реального социального структурирования воспроизводящегося социального порядка [Dahrendorf 1969: 219–220].

Вместе с тем, в последнее время отчетливо наблюдается тенденция к гомогенизации властных групп. В сфере образования особенно это очевидно у чиновничества, что связано с обязательной переподготовкой и повышением квалификации. Общей тенденцией является постепенная урбанизация бассейна рекрутирования. Также мы фиксируем устойчивый тренд плутократизации региональных властных (особенно политических) элит, что также способствует созданию гомогенности. Административная элита, поскольку она, в отличие от политической (исключением являются депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга), повседневно рутинно профессионально занимаются управленческой деятельностью, пополняет свои ряды в большей степени посредством бюрократического продвижения. Поэтому у политиков и чиновников бассейны рекрутирования различаются.

Тем не менее, общей тенденцией является формирование особой социальной базы властных элит, исключаящей (или, по крайней мере, минимизирующей) приход персон из «низших» слоев. Данное обстоятельство связано с автономизацией региональных элит, что свидетельствует о значительной стадии их институционализации. Помимо приобретения устойчивости механизмами вертикальной мобильности, можно говорить (пока осторожно) о некотором опривычивании горизонтальной мобильности членов административного элитного сообщества. Что связано со стабилизацией социальной группы чиновничества регионального высшего уровня. Это несколько напоминает номенклатурные механизмы циркуляции административных персон. Остается значительная роль коррупции как одного из механизмов консолидации элитных групп и солидарности власти и населения. Коррупция остается также важным фактором функционирования властных групп. Вышеизложенное может свидетельствовать о значительной степени институционализации как элитного сообщества, так и российского социального порядка.

Литература и источники

Быстрова А.С., Дука А.В., С., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Отв. ред. И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Миллс Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959. 543 с.

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 184–269.

Тев Д.Б. Региональная политико-административная элита: бассейн рекрутирования и консолидация // Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 111–125.

Условия и возможности консолидации российского общества: Сб. науч. тр. / отв. ред.: А.В. Дука и И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 280 с.

Хартманн М. Модели образования элит в Европе // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 10–39.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2017. [Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafс3а6fcе; доступно 15.11.2017.]

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi, 457 pp.

Domhoff W.G. Who Rules America Now? A View for the '80s. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1983. ix, 203 pp.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, № 2. P. 428–445.

Giddens A. Elites in the British class structure // Elites and Power in British Society / Ed. by Stanworth P. and Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Hartmann, M. Elites and Power Structure // Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century Berlin; New York: Springer, 2010. P. 291–323.

Kerbo H.R., Della Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research // Sociological Quarterly. 1979. Vol. 20, № 1. P. 5–22.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // Comparative Politics. 1988. Vol. 20, № 4. P. 379–399.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions // The State: Critical Concepts / Ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1. P. 104–129.

Rivera, Lauren A. Pedigree: How Elite Students Get Elite Jobs. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 2015. xvi, 375 pp.

REGIONAL ELITES: POOL OF RECRUITMENT

REGIONAL POWER GROUPS: BASIC SOCIAL AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS AND A ROLE IN DEVELOPMENT OF TODAY RUSSIAN SOCIETY

A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka, D. Tev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.5>

Abstract. *This article represents the results of the research of basic socio-structural characteristics of regional elite and some conclusions about the prospects of their influence on development of today Russian society. Methodological frame includes the position approach to identification of elites and the structural and biographic method. The research concerned following regions: St. Petersburg, Moscow, Leningrad, Rostov, Kaliningrad, Kostroma, Novosibirsk regions, the Stavropol and Khabarovsk regions, the Republic of Dagestan (936 persons, the database for 2015). The subject of investigation was the characteristics associated, according to literature, with the level of consolidation and homogeneity of elite.*

The results demonstrate considerable heterogeneity of regional power groups in conditions of primary socialization and type of the first higher education that could cause considerable cultural differentiation. From the other hand, the tendency to homogenization is distinctly observed recently. The uniformity of the social and professional pool of recruitment shows a steady trend of a plutocratization and professionalizing of regional power groups, that demonstrates their closeness as well as their consolidation around capitalistic values. Formation of the special social base of power elite, which minimizes arrival of persons from the «lowest» layers, has become an evident tendency. Mechanisms of vertical mobility became stable, which can signify the stabilization of this group.

The corruption remains a mechanism of consolidation of elite groups, a factor of their functioning and solidarity of the power and the population. High level of social closeness, plutocratization and homogenization of elite groups allows drawing a conclusion about high extent of consolidation of power community and stabilization of Russian social order.

Keywords: *regional power groups, regional elites, groups of domination, administrators, bureaucrats, socialization, consolidation, plutocratization of elites, social order.*

References

Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Rossiyskiye regional'nye elity: innovatsionny potentsial v kont3ekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization], In: Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve [*Globalization in Russian society*] / ed. By I.I. Yeliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008, pp. 99-242. (In Russian)

Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2017 goda [*Population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2017*] / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). Moscow: Rosstat, 2017. [URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce; available: 15.11.2017.] (In Russian)

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969.

Domhoff W.G. *Who Rules America Now? A View for the '80s*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1983.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // *American Political Science Review*. 1967. Vol. 61, № 2. P. 428-445.

Giddens A. Elites in the British class structure, In: *Elites and Power in British Society* / Ed. by Stanworth P. and Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974, pp. 1-21.

Hartmann M. Modeli obrazovaniya elit v Yevrope [Models of the education of the elites in Europe], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya [Power structures and domination groups]* / ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 10-39. (In Russian)

Hartmann, M. Elites and Power Structure, In: *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* Berlin; New York: Springer, 2010. pp. 291-323.

Kerbo H.R., Della Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research // *Sociological Quarterly*. 1979. Vol. 20, № 1. P. 5-22.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // *Comparative Politics*. 1988. Vol. 20, № 4. pp. 379-399.

Mills, R. Vlasvuyushchaya elita [Mills, Charles Wright. *The Power Elite*.] / Transl. from English to Russian. Moscow: Inostyrannaya literature, 1959. (In Russian)

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions // *The State: Critical Concepts* / Ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1. pp. 104-129.

Rivera, Lauren A. *Pedigree: How Elite Students Get Elite Jobs*. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 2015. xvi, 375 pp.

Sorokin P.A. Sotsial'naya stratifikatsiya i mobil'nost' [Social stratification and mobility], In: Sorokihn P.A. Chelovek, Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [*Human being*].

Civilization. Society] / Ed. and coll. by A.Yu. Sogomonov; transl. from English to Russian. Moscow: Politizdat, 2002, pp. 184–269. (In Russian)

Tev D.B. Regional'naya politico-administrativnaya elita: basseyn refrutirovaniya i konsolidatsiya [Regional political and administrartive elite: pool of recruitment and consolidation], In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [*Conditions and opportunities for consolidation of Russian society*] / ed. by A.V. Duka, I.I. Yeliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. pp. 111–125. (In Russian)

Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [*Conditions and opportunities for consolidation of Russian society*] / ed. by A.V. Duka, I.I. Yeliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. (In Russian)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА НА ПОСТРОЕНИЕ КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ: КАРЬЕРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Быстрова А.С.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.6>

Работа посвящена исследованию карьер представителей политических поколений региональной административной элиты. Анализ карьер представителей политических поколений в отличие от поколений крупных возрастных групп в наибольшей степени соответствует реальности постсоветских и других стран, в которых наблюдаются кардинальные изменения в политике, экономике, социальной жизни. Поскольку в этих странах весьма велико влияние социального контекста на самоидентификацию людей различных поколений, их социализацию и ресоциализацию, формирование установок и ценностей. Это именно те самые сильные факторы, которые определяют взаимодействие отдельной личности и социальных групп с профессиональной, социальной средой и таким образом формирование карьер представителей различных политических поколений. Основные характеристики карьер представителей различных политических поколений могут сильно дифференцироваться или плавно изменяться, но они достаточно отчетливо проявлены.

Ключевые слова: *карьера, политические поколения, бассейн рекрутирования, региональная административная элита России, социальный контекст.*

Вертикальную мобильность и выстраивание карьерных траекторий рассматривают в нескольких аспектах, связанных друг с другом:

1. уровень индивида и его жизненных планов, карьерных притязаний и их обеспеченности соответствующими ресурсами;

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № государственной регистрации АААА-А17-117030110144-3).

2. управление карьерами наемных работников, осуществляемое в рамках организаций различного профиля и назначения;
3. исследование социального контекста, который создает, поддерживает, ограничивает возможности индивидов, представителей различных социальных слоев и групп, осуществлять свои жизненные стратегии, выстраивать те или иные типы карьер.

Мы не ставим своей задачей изложение, даже краткое, достигнутых результатов и научных проблем, требующих своего решения, по первым двум позициям. Отметим лишь следующее. На уровне индивида решающее значение имеют разработки специалистов и исследователей в области психологии. Ими созданы блестящие теории карьер, в том числе профессионального выбора, развития карьер, основанные на практике консультирования индивидов и кадровых служб. Разработанные тонкие методики позволяют консультанту, самому индивиду и кадровикам оценить особенности личности и таким образом помочь одним построить свою карьеру, а другим найти адекватных задачам конкретной организации работников. В нашей стране наиболее распространены психологические концепции Дж. Холланда и Е.А. Климова [Климов 2004]. Пожалуй, наиболее яркое имя в ряду исследователей-психологов Дж.Л. Холланд, американский исследователь и практический консультант, разработавший профессиональные типы личности, создавший несколько методик, помогающих в выборе карьеры и т.д. [Holland 1996]

Особенно важным, на наш взгляд, является то, что он считал карьерные достижения индивида результатом не только личностных качеств человека, но и его окружения, домашнего и профессионального и в этом смысле значение конгруэнтности, то есть соответствие, непротиворечивость типов личности и профессионального окружения [Holland 1997]. О вкладе Дж.Л. Холланда написано немало за рубежом [Award 1995, 2008; Lackey 1975; Lumsden, Sampson, Jr., Reardon, Lenz, & Peterson 2004 и др.]. Мы же приведем мнение отечественного исследователя А.Б. Седых, который считает продуктивным использование наследия и подходов Дж.Л. Холланда в современной России и постсоветских странах, обосновывая это дефицитом комплексных подходов и в исследовании, и в профессиональном консультировании. А именно такие подходы, как у Дж.Л. Холланда, соответствуют периодам, когда карьерные изменения, потеря и смена работы связаны с разного рода кризисами и переходными процессами в странах, что наблюдается сейчас в упомянутых странах [Седых 2009, 64].

Исследователи карьер, работающие в разных научных дисциплинах, уже более двух десятилетий обращают внимание своих коллег на необходимость междисциплинарного подхода и стремятся его осуществить. Междисциплинарный подход, стремление объединить усилия исследователей карьер в рамках различных дисциплин выводит на взаимодействие социального контекста и личности, социальной группы. Так, некоторые авторы показывают, как большие социальные теории (например, П. Бурдье) могут «описать и объяснить функционирование и динамику данного общественного порядка» [Chudzikowski, Mayrhofer 2011]. В этом смысле интересен подход к анализу «ответственных карьер» людей, которые стремятся отвечать на вызовы социальной среды посредством исполняемой роли, стратегическим подходом к своей деятельности и т.д. [Tams, Marshall 2011].

Представляется, что для элитных и околоэлитных персон Российской Федерации на первый план выходят исследования именно социального контекста, определяющего структуру возможностей, как карьерных притязаний, так и их реализацию. Случай РФ и других посткоммунистических стран показывают, видимо, специфическую важность социального контекста ввиду более или менее масштабных реформ всех сфер жизни, включая фактические контрреформы и архаизацию жизнедеятельности общества и государства в последние годы. Косвенный признак верности этого суждения — широкое распространение так называемых социальных карьер в среде административно-политической элиты регионов.

Опираясь на исследования Н.А. Головина, результаты которых изложены им в ряде публикаций [Головин 2004, 2011, 2014], и обсуждения в секторе социологии власти и гражданского общества, выделены несколько политических поколений. Действительно, в анализе процессов политической социализации и ресоциализации можно выделить два типа динамики. Один связан с частыми изменениями общественной системы в той или иной стране. Это именно случай России и других постсоветских, посткоммунистических стран. Н. Головин добавляет к ним также и новые федеральные земли Германии. Эти общества переживали серьезные и частые трансформации на протяжении сравнительно коротких исторических периодов. В связи с чем в них и формировались большое число политических поколений, различающихся, в том числе жизненными стратегиями и карьерами. В отличие от другого типа, когда политические поколения сменяются крупными возраст-

ными группами, различающимися в результате постепенной смены ценностей, описанной Р. Инглехартом. В таблицах 1 приведены количественные характеристики массива административной элиты восьми регионов-субъектов РФ, анализируемого в работе. Поскольку в ряде случаев в поле внимания оказываются политики данных регионов, мы сочли целесообразным привести сведения относительно массива политической элиты.

Таблица 1

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год:
Администраторы/Политики, чел.**

Регион	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
Санкт-Петербург	30	62	92
Ленинградская область	46	57	103
Ростовская область	37	67	104
Калининградская область	32	46	78
Костромская область	37	40	77
Хабаровский край	28	35	63
Москва	84	65	149
Новосибирская область	36	83	119
Итого	330	606	936

Итак, выделены следующие политические поколения: военное поколение (индивидуы 1919–1933 годов рождения), поколение оттепели (1934–1952 годов рождения), поколение застоя (1953–1964 годов рождения), поколение перестройки (1965–1971 годов рождения) и поколение кризиса (1972–1990 годов рождения).

Наиболее многочисленная группа — это представители поколения застоя, то есть люди, родившиеся в диапазоне 1953–1964 гг., социализация которых пришлась на годы застоя. Их около 45% в массиве в целом, почти половина среди администраторов и 43,5% среди политиков. Далее следуют поколения оттепели и перестройки у политиков (соответственно с долей более 25% и более 18%), кризиса и перестройки у администраторов (соответственно с долей более 20% и 19%). Военное поколение представлено одним человеком среди администраторов и двумя седи политиков, поэтому рассмотрение этого поколения как самостоятельной группы в данном массиве не имеет значения.

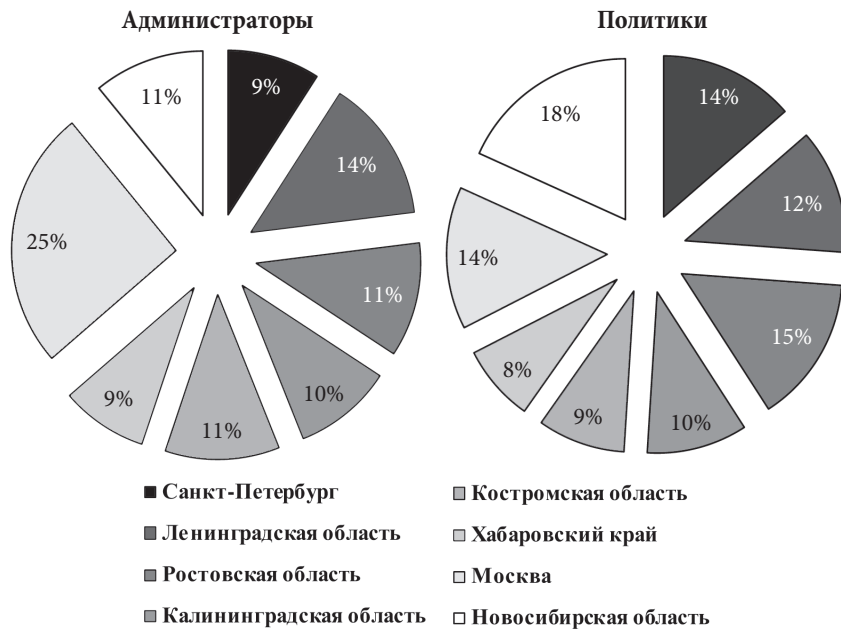

Рис. 1. Территориальный срез массива в форме диаграммы

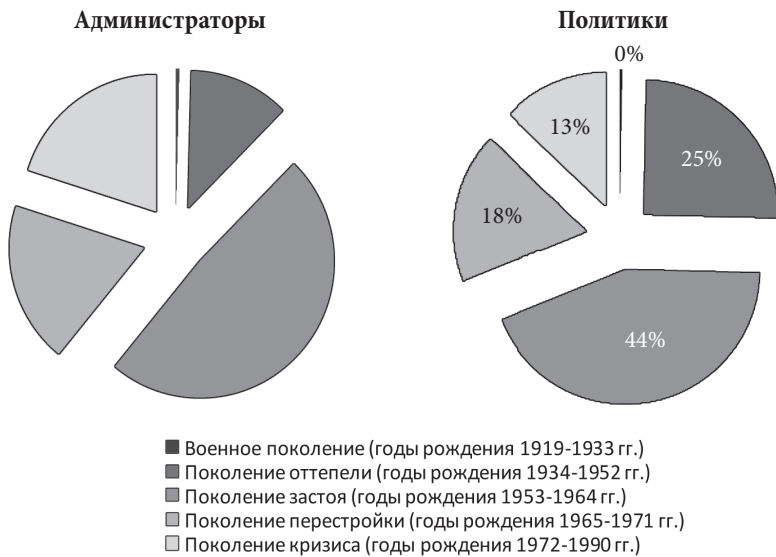

Рис. 2. Политические поколения региональной административной и политической элиты

Чтобы выполнить задачу исследования специфики карьерных траекторий индивидов, относящихся к различным политическим поколениям, мы проанализировали следующие характеристики:

- возраст и место рождения
- первое и второе высшее образование, а также место получения первого высшего образования, наличие ученой степени
- чем занимались наши герои до занятия первой элитной должности
- как двигались по ступеням карьерной лестницы.

Местом рождения большей части и администраторов и политиков в нашем массиве являются сельские поселения (табл. 2): около 38% администраторов и почти половина (более 48%) политиков родились в селах. Еще около трети и администраторов и политиков родились в нестоличных городах. То есть административно-политическая элита рассматриваемых восьми регионов РФ является **периферийной по своему происхождению**. Только около 30% представителей административной элиты и менее 20% представителей политической региональной элиты родились в столичных городах, Москве и Санкт-Петербурге. В разрезе политических поколений административной элиты выходцы из сельских районов страны наиболее представлены в поколениях оттепели (56%) и застоя (40%), хотя, как видим, в последнем случае существенно меньше. Уроженцы нестоличных городов лидируют

Таблица 2

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год: Место рождения:
Столичные и нестоличные города Администраторы/Политики**

Место рождения: Столичные и нестоличные города	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
Столичные города (Москва, Санкт-Петербург)	51	74	125
	29,5%	18,2%	21,6%
Нестоличные города	57	137	194
	32,9%	33,7%	33,4%
Село	65	196	261
	37,6%	48,2%	45,0%
Итого	173	407	580
	100,0%	100,0%	100,0%

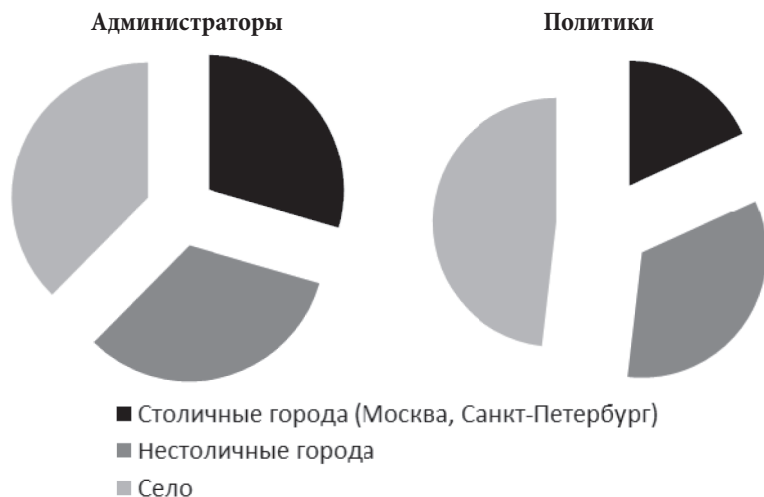

Рис. 3. Периферийный характер региональной административно-политической элиты

в поколении перестройки (48%), в то же время их довольно много в поколениях застоя и кризиса (около трети) и совсем немного в поколении оттепели (8%).

Обратимся теперь к данным, характеризующим **первое высшее образование** наших администраторов. Мы выделили три укрупненные группы профессионального образования, в четвертую вошли все прочие. В последнюю группу вошло техническое образование, которое до сих пор широко представлено в среде региональной административно-политической элиты. Так, его имеет 34% представителей административной элиты и более 43% политической элиты. Именно поэтому группа «другое» имеет такой вес. Каждый десятый и у администраторов и у политиков имеет военное образование, столько же и тех, кто имеет в качестве первого профессионального юридическое образование. Примерно пятая часть администраторов и шестая часть политиков являются специалистами в области экономики и финансов по первому высшему образованию. Очень невелика доля тех представителей административно-политической элиты, кто имеет управленческо-политическое образование.

В разрезе политических поколений картина следующая. Доля наиболее часто встречающегося технического образования неуклонно снижается на нашем континенте от военного поколения до поколения

Таблица 3

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год:
первое высшее образование, администраторы/политики**

Первое высшее образование	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
Финансово-экономическое	58	81	139
	21%	16%	18%
Управленческо-политическое	7	12	19
	3%	2%	2%
Силовое: юридическое и военное	62	100	162
	22%	19%	20%
Другое	150	331	481
	54%	63%	60%
Итого	277	524	801
	100,0%	100,0%	100,0%

кризиса — от 100% (это один человек в военном поколении) и 45% в поколении оттепели до 21% в поколении кризиса. Роль финансово-экономического образования, напротив, возрастает: от 19% в поколении оттепели до 33% в поколении кризиса. То же можно сказать и об управленческо-политическом образовании. Доля лиц, имеющих его в качестве первого высшего, возросла почти от нулевых значений до 8% в поколении кризиса. Положительная динамика значений этих двух укрупненных групп первого высшего профессионального образования может быть связана с изменением бассейна рекрутирования и появлением крупных вузов, готовящих специалистов данного профиля, в ответ на потребности, заявленные институтами власти. Военное образование довольно существенно представлено в двух поколениях: 20% представителей поколения застоя и 16% представителей поколения перестройки имеют военное образование как первое высшее профессиональное.

Основным местом получения первого высшего образования являются столичные города вне зависимости от принадлежности его обладателя к определенному поколению или элитной группе (табл. 4): 54–56% (поколение застоя). Только в поколении перестройки этот показатель несколько ниже — 48%. Небольшая часть региональной административно-политической элиты получила первое высшее профес-

Таблица 4

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год: место получения
первого высшего образования: столицы и провинция,
администраторы/политики**

Место получения высшего образования: столицы и провинция	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
Столичные города (Москва и Санкт-Петербург)	71	113	184
	54%	54%	54%
Нестоличные города	44	77	121
	33%	37%	35%
Заграница	17	19	36
	13%	9%	11%
Итого	132	209	341
	100,0%	100,0%	100,0%

сиональное образование за рубежом. Доля довольно стабильна во всех поколениях администраторов: от 12% до 15%. Остальные получили первое высшее образование в нестоличных городах: их доля составляет 29% в поколении застоя, 33% в поколении кризиса, 38% в поколении оттепели и 40% в поколении перестройки. Таким образом, периферийность региональной элиты по показателю места получения первого высшего образования выражена слабее.

Сведения о наличии **второго высшего профессионального образования** имеются по 46% у администраторов и 38% политиков. Потребность во втором высшем образовании, судя по его наличию у данных персон, наиболее отчетливо выражена в отношении управленческо-политического, финансово-экономического и юридического образования. Управленческо-политическое образование в качестве второго высшего имеется у довольно большого числа представителей региональной элиты, имеющих таковое. Например, в поколении оттепели 82% всех имеющих второе высшее образование. Значительно скромнее доля тех, кто имеет такое образование, в поколении застоя (37%), перестройки (36%) и поколении кризиса — 44%. В отношении управленческо-политического, представляется, второе высшее исправляет ситуацию с этим образованием в качестве

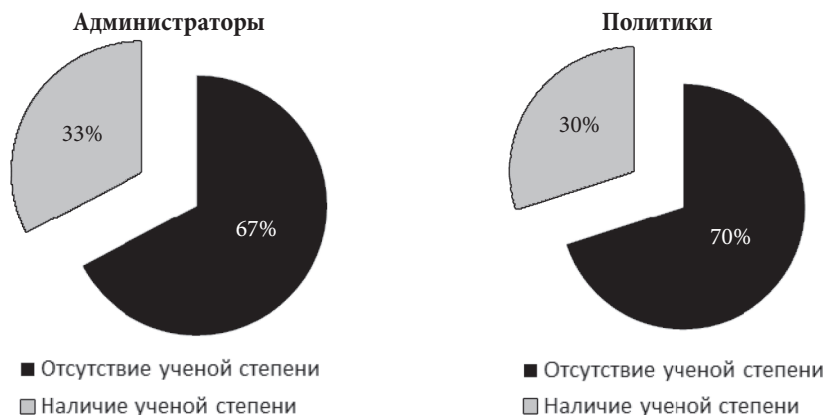

Рис. 4. «Остепененность» региональной административной и политической элит

первого высшего (им обладали весьма немногие представители административной элиты). Второе образование в области экономики и финансов получили 21% представителей поколения застоя, 36% поколения перестройки и 31% поколения кризиса. Второе юридическое образование наиболее распространено в поколениях перестройки и оттепели (25% и 18% соответственно).

Наличие ученой степени отмечено у 33% администраторов и 30% политиков. На диаграмме рис. 4 хорошо видно, что «остепененность» двух элитных групп практически одинакова. Что касается «остепененности» представителей поколений, то меньше всего обладателей степеней среди представителей поколения кризиса (30%), больше всего в поколении застоя (41%).

Траектория карьеры администраторов отслеживается нами с **момента занятия предэлитной должности** (табл. 5). Предэлитную должность администраторы и политики занимают преимущественно в молодом возрасте — до 40 лет, 73% и 63% соответственно. Только 2% политиков вступили в предэлитную должность в пенсионном возрасте. Эта ступенька карьеры появляется в жизни администраторов гораздо раньше, если они относятся к поколению кризиса: все представители поколения кризиса заняли свою предэлитную должность в возрасте до 40 лет, при этом 45% этих людей заняли предэлитные должности в возрасте до 30 лет. Что касается поколений оттепели и застоя, то здесь предэлитную должность удалось занять значительно позднее: 52% и 61% соответ-

ственно в возрасте до 40 лет (лишь 7 и 12% соответственно заняли эту должность до 30 лет). В карьере администраторов поколения перестройки происходит существенный сдвиг в сторону более раннего занятия предэлитной должности. В этом поколении уже ни один человек не занимает предэлитную должность после 50 лет, а после 41 и до 50 лет таких людей всего 14%, остальные 86% оказались на предэлитной должности в возрасте до 40 лет.

Таблица 5

Элита восьми регионов РФ, 2012 год: возраст вступления в предэлитную должность, администраторы/политики

Возраст вступления в предэлитную должность/поколения	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
Молодые (до 40 лет)	149	202	351
	73%	63%	67%
Средний возраст (от 41 до 60 лет)	54	113	167
	27%	35%	32%
Пенсионеры (старше 61 года)	0	7	7
	0,0%	2%	1%
Итого	203	322	525
	100,0%	100,0%	100,0%

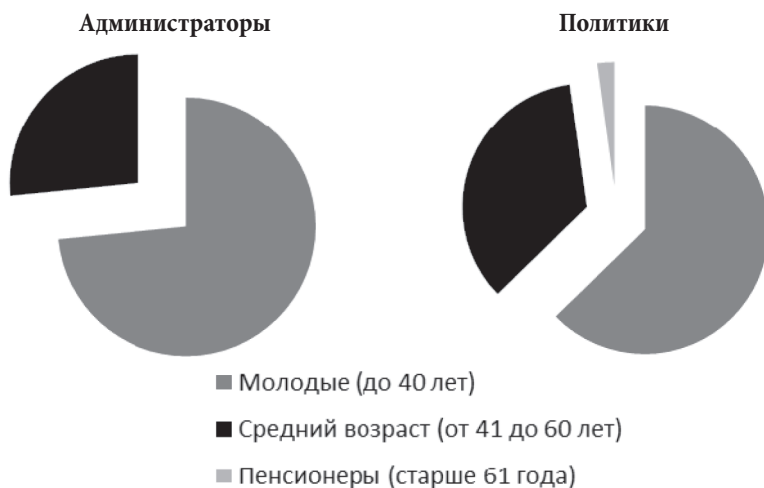

Рис. 5. Возраст вступления в предэлитную должность, администраторы/политики

Сфера **предэлитной активности** демонстрирует основные бассейны рекрутирования индивидов в элиту. Так, основным бассейном рекрутирования для администраторов нашего массива данных является политико-административная сфера — 50% администраторов были заняты политико-административной деятельностью. В отличие от политиков, 43% которых занимались вовсе не политикой, а хозяйственно-экономической деятельностью. Так что пришли они в политику в основном из бизнеса. Хозяйственно-экономическая сфера на втором месте у администраторов — 26%. У политиков же обратная картина — второй по значению сферой рекрутирования элиты является политико-административная деятельность. Наконец, третьей по значению является сфера силовой деятельности: 10% у администраторов и на треть меньше (7%) у политиков. В разрезе политических поколений представителей региональной административной элиты: во всех поколениях на первом месте по значимости политико-административная сфера, при этом наибольшее значение показателя для поколения кризиса — 72%, затем следует поколение оттепели — 50%; в поколении перестройки и застоя политико-административная сфера как предэлитная сфера деятельности имела меньшее значение — 48% и 42% соответственно. Хозяйственно-экономическая деятельность во всех поколениях на втором месте, наименьшее значение — в поколении оттепели (17%), наибольшее — в поколении застоя (32%), в поколении перестройки и поколении кризиса — 25% и 20% соответственно.

Что касается уровня предэлитной позиции, то около 90% будущей политико-административной элиты трудились на региональном уровне, 2–3% — на местном остальные — на федеральном уровне, без каких-либо существенных различий между поколениями администраторов.

Из данных таблицы 7 следует, что **продолжительность времени занятия предэлитной должности** у администраторов и политиков характеризуется очень похожими величинами. Более или менее заметна разница в величине показателей только в диапазоне 10 лет и более. Среди политиков несколько больше тех, кто засиделся на предэлитной должности — 22% по сравнению с 14% у администраторов. Большая схожесть данных характеристик администраторов и политиков хорошо видна на рис. 6. Время пребывания на предэлитной должности самое короткое у лиц из поколения кризиса: 64% проводят на ней 2 года и менее, еще 22% — от 3 до 5 лет, 9% — 6–7 лет. Лица из других поколений проводят здесь гораздо больше времени: 58% представителей

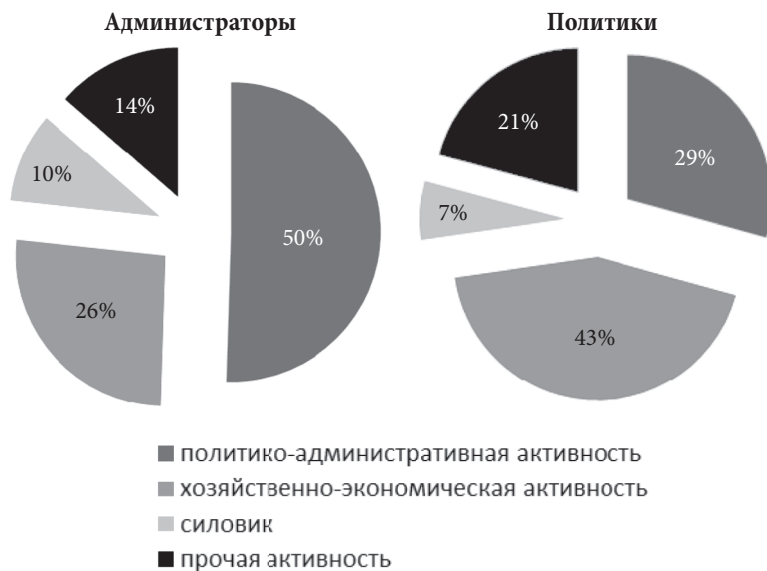

Рис. 6. Предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности), администраторы/ политики

Таблица 6

Элита восьми регионов РФ, 2012 год: предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности), администраторы/ политики

Предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности)	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
политико-административная активность	141	131	272
	50%	29%	37%
хозяйственно-экономическая активность	73	194	267
	26%	43%	37%
силовик	27	29	56
	10%	7%	8%
прочая активность	38	93	131
	14%	21%	18%
Итого	279	447	726
	100,0%	100,0%	100,0%

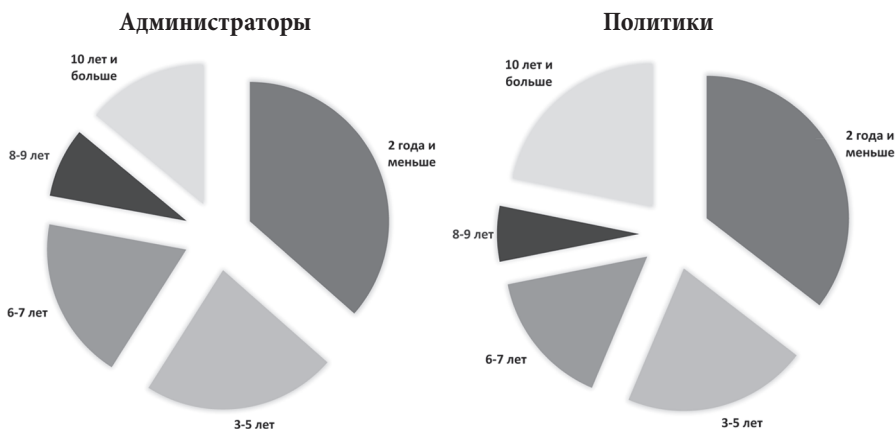

Рис. 7. Продолжительность времени занятия предэлитной должности

Таблица 7

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год:
продолжительность времени занятия предэлитной должности,
администраторы/политики**

Продолжительность времени занятия предэлитной должности	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
2 года и меньше	81 36%	112 35%	193 35%
3–5 лет	50 23%	66 21%	116 22%
6–7 лет	42 19%	49 16%	91 17%
8–9 лет	18 8%	20 6%	38 7%
10 лет и больше	31 14%	69 22%	100 19%
Итого	222 100,0%	316 100,0%	538 100,0%

поколения оттепели и 51% представителей поколения застоя просидели на предэлитной должности от 6 до 10 лет и более. Но уже в поколении перестройки таких лиц только 43%. В целом все-таки время пребывания на предэлитной должности невелико.

Продолжительность времени занятия первой элитной должности (см. таблицу 8) также не велика. Около 80% персон (в целом по администраторам) проводят на ней не более 5 лет, в том числе 48% не более 2 лет. У политиков 61% занимают первую элитную должность менее 5 лет и только 20% — не более 2 лет. Лидерами и по этой позиции оказываются представители поколения кризиса: 62% работают на первой элитной должности менее 2 лет, еще 27% не более 3–5 лет. Итого 89% представителей поколения перестройки занимали первую элитную должность менее 5 лет против 77% в поколении застоя и 52% в поколении оттепели. Засидевшихся на первой элитной должности только два человека: по 20 лет каждый — 1 в поколении оттепели и 1 в поколении застоя.

Таблица 8

Элита восьми регионов РФ, 2012 год: продолжительность времени занятия первой элитной позиции, администраторы/политики

Продолжительность времени занятия первой элитной позиции	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
2 года и меньше	106	65	171
	48%	20%	31%
3–5 лет	71	138	209
	31%	41%	37%
6–7 лет	21	28	49
	9%	8%	9%
8–9 лет	12	24	36
	5%	7%	6%
10 лет и больше	16	79	95
	7%	24%	17%
Итого	226	334	560
	100,0%	100,0%	100,0%

На рис. 8 хорошо видны различия во времени занятия первой элитной должности администраторами и политиками.

Данная, ныне занимаемая элитная позиция является первой в карьере у 28% администраторов и 49% политиков. То есть «новичков» почти в два раза больше среди политиков. При этом среди администраторов в поколении кризиса она является первой у 39% лиц. У некоторых в карьере это уже четвертая или более ступенька (поколения застоя, оттепели, и перестройки — от 38% до 33%). Таких лиц в поколении кризиса

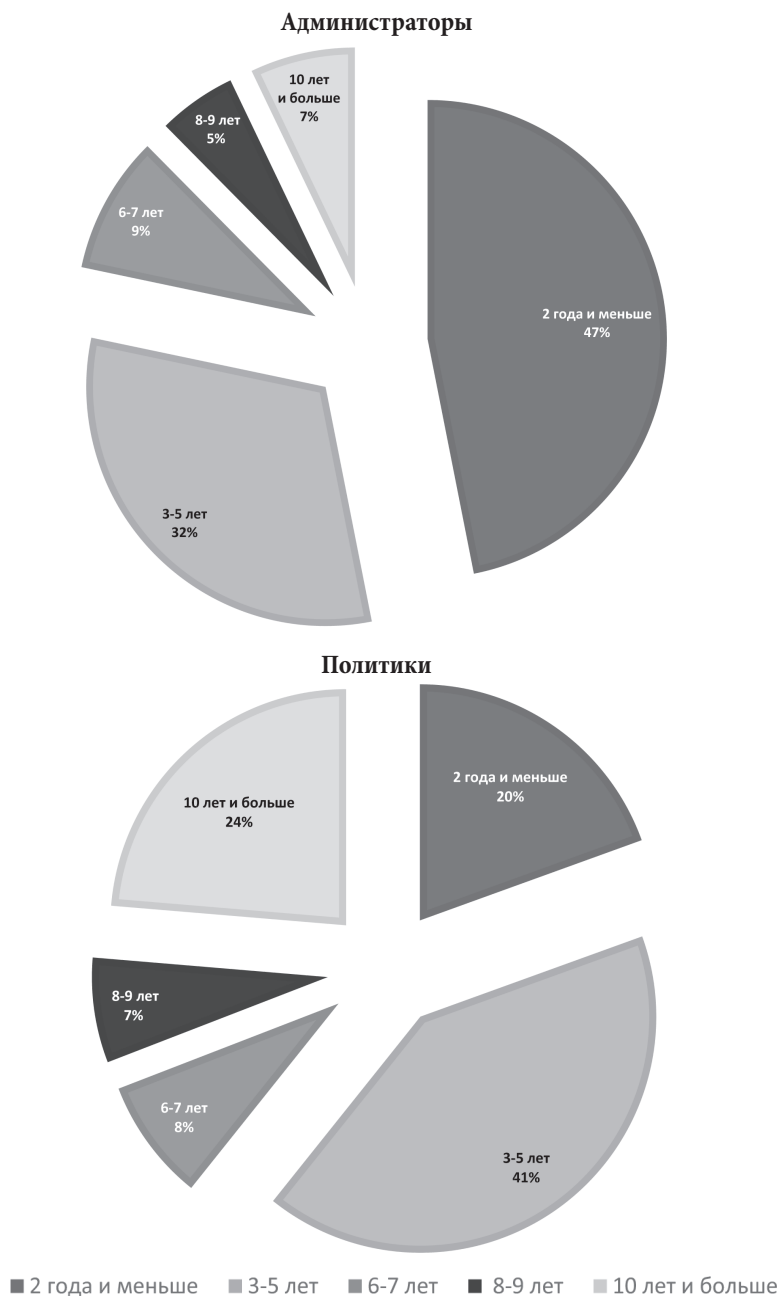

Рис. 8. Продолжительность времени занятия первой элитной позиции

пока еще 16%. 32% лиц поколения кризиса находятся на второй в их карьере элитной позиции. Почти столько же в поколении оттепели (33%).

Важным для оценки траекторий карьер безусловно является исследование **предшествующей и предпредшествующей работы**. По этим данным можно оценить, к какому типу относится карьера (напомню, что они могут быть профессиональными или социальными в зависимости от траектории их развития).

Наши наблюдения показывают, что **основной предшествующей работой** (табл. 9) чиновников является работа администратором (78%) в отличие от политиков, у которых основной работой было депутатство (56%) и ведение бизнеса или другая хозяйственная деятельность (24%). На третьем месте у политиков — административная деятельность. Ведение бизнеса также является вторым по значимости видом предшествующей работы у региональных администраторов (16%). На рис. 8 графически представлены эти данные. Административная деятельность на первом месте у представителей всех поколений: 91% и 80% в поколении оттепели и застоя; несколько ниже — 74% и 79% в поколениях перестройки и кризиса. На втором месте во всех поколениях бизнес и хозяйственная деятельность, хотя величина показателя разнится. Так, она наименьшая в поколении оттепели — 6% и наибольшая в поколении перестройки 18%. Резкий рывок наблюдаем в поколении застоя, что связано с возрастанием в этом поколении экономики как бассейна рекрутирования административной элиты (с 6% до 15%). У поколения кризиса несколько возрастает значение сферы административной деятельности (до 79%) и несколько снижается значение хозяйственной сферы как предшествующей работы.

Основной **предпредшествующей работой** (табл. 10) у административной части региональной элиты является работа администратором, однако ее значение меньше (63%) В то время как у политической части региональной элиты таковым является не депутатство, как ожидалось, а хозяйственная деятельность (39%). На втором месте у региональных чиновников хозяйственная деятельность (23%), у региональных политиков — депутатство (34%). Административная деятельность является предпредшествующей работой у 11% представителей региональной политической элиты. Остальные сферы деятельности имеют незначительные доли в несколько процентов или вовсе не представлены. В разрезе политических поколений административная деятельность и в качестве предпредшествующей работы является основной. Тенденция характер-

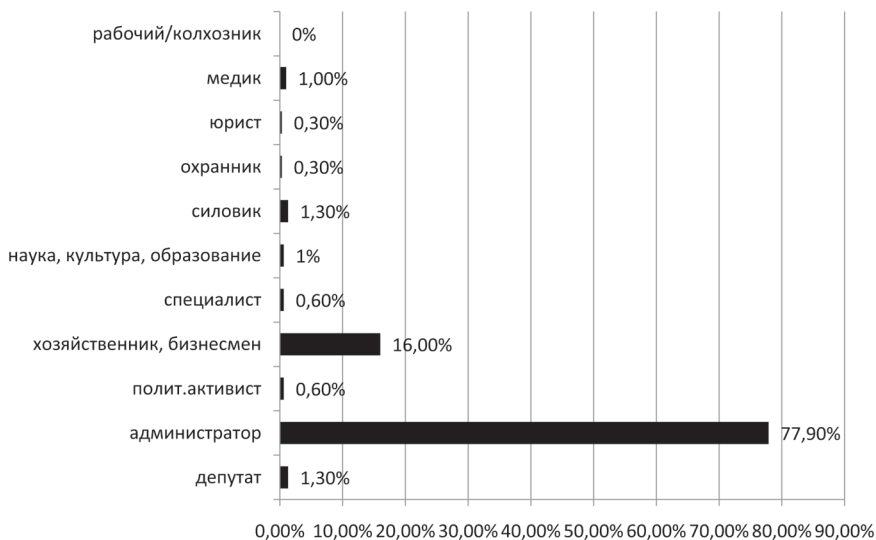
Таблица 9

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год:
предшествующая работа, администраторы/политики**

Предшествующая работа	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
депутат	4	290	294
	1%	56%	35%
администратор	243	49	292
	78%	9%	35%
полит.активист	2	27	29
	1%	5%	3%
хозяйственник, бизнесмен	50	127	177
	16%	24%	21%
специалист	2	2	4
	1%	0,4%	0,5%
наука, культура, образование	2	13	15
	1%	2%	2%
силовик	4	3	7
	1%	1%	1%
охранник	1	0	1
	0,3%	0,0%	0,1%
юрист	1	4	5
	0,3%	1%	1%
медик	3	3	6
	1,0%	1%	1%
рабочий/колхозник	0	1	1
	0,0%	0,2%	0,1%
Итого	312	519	831
	100,0%	100,0%	100,0%

на для всех поколений региональных чиновников, хотя проявляется с разной силой. Наиболее четко она видна на представителях поколения оттепели В поколениях застоя, перестройки и кризиса удельный вес этой сферы деятельности примерно на четверть меньше (57% в поколении перестройки, 61% в поколении застоя и кризиса). Наиболее **профессиональными** выглядят карьеры представителей поколения оттепели, несколько в меньшей степени — поколения застоя, кризиса и перестройки.

Администраторы

Политики

Рис. 9. Предшествующая работа: администраторы/политики

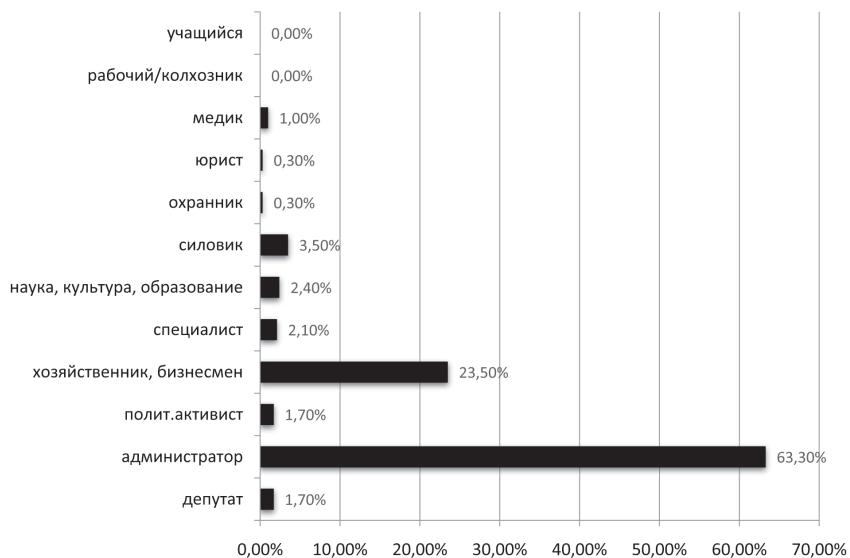
Таблица 10

Предпредшествующая работа членов элитного сообщества (N=767)

Предпредшествующая работа	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
депутат	5	159	164
	2%	34%	21,4%
администратор	183	54	237
	63%	11%	30,9%
политический активист	5	24	29
	2%	5%	3,8%
хозяйственник, бизнесмен	68	187	255
	23%	39%	33,2%
специалист	6	6	12
	2%	1%	2%
наука, культура, образование	7	26	33
	2%	5%	4%
силовик	10	11	21
	4%	2%	3%
охранник	1	1	2
	0,3%	0,2%	0,3%
юрист	1	3	4
	0,3%	1%	0,5%
медик	3	4	7
	1%	1%	1%
рабочий/колхозник	0	2	2
	0,0%	0,4%	0,3%
учащийся	0	1	1
	0,0%	0,2%	0,1%
Итого	289	478	767
	100,0%	100,0%	100,0%

В более ранних наших исследованиях определенное значение имел **номенклатурный опыт администраторов**. Теперь по естественным причинам значение его минимально (табл. 11). Так, только о 13% наших респондентов известно, что они имеют какой-либо номенклатурный опыт времен СССР. При этом имеющие номенклатурный опыт относятся в основном к поколению оттепели, застоя и перестройки. Имеющие опыт деятельности в партийных органах уровня райком и выше

Администраторы

Политики

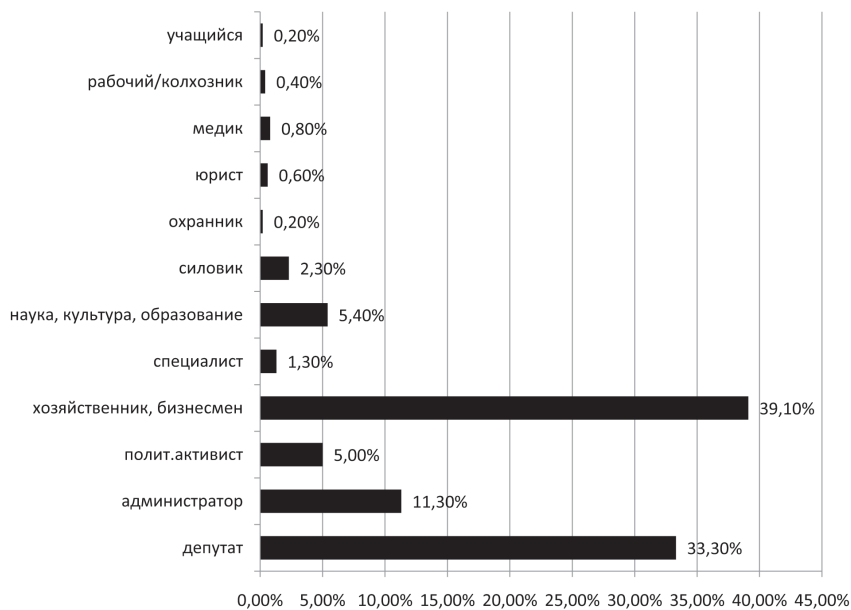

Рис. 10. Предпредшествующая работа, администраторы/политики

составляют примерно одинаковые доли среди региональных администраторов и политиков высокого уровня — 46% и 49% соответственно. Немного отличаются доли, имеющих опыт работы в советских органах — 15% среди администраторов и 12% среди политиков. В то же время бывших работников органов ВЛКСМ уровня райкома и выше существенно больше, особенно среди чиновников, — 39%, среди политиков — 23%, то есть намного меньше, но также немало. В разрезе поколений администраторов: лица, имеющие опыт работы в партийных органах уровня райком и выше, составляют почти 2/3 среди представителей поколения оттепели -61%; немного меньше половины (44%) в поколении кризиса и в поколении перестройки таких людей нет.

Таблица 11

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год:
наличие номенклатурного опыта
(КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ — до 1991 г.,
советы СССР — до 1989 г., прочие Советы — до 1990 г.),
администраторы/ политики**

Наличие номенклатурного опыта	Администраторы/ политики		Итого
	Администраторы	Политики	
Партийные органы (райком и выше)	19	40	59
	46%	49%	48%
Советские органы	6	10	16
	15%	12%	13%
Профсоюзные органы	0	3	3
	0,0%	4%	2%
Комсомольские органы (райком и выше)	16	18	34
	39%	23%	28%
Парткомы на предприятиях	0	7	7
	0,0%	9%	6%
Профкомы на предприятиях	0	1	1
	0,0%	1%	1%
Комсомольские органы на предприятиях	0	2	2
	0,0%	2%	2%
Итого	41	81	122
	100,0%	100,0%	100,0%

Что касается уровня номенклатурного опыта представителей региональной административно-политической элиты, то практически

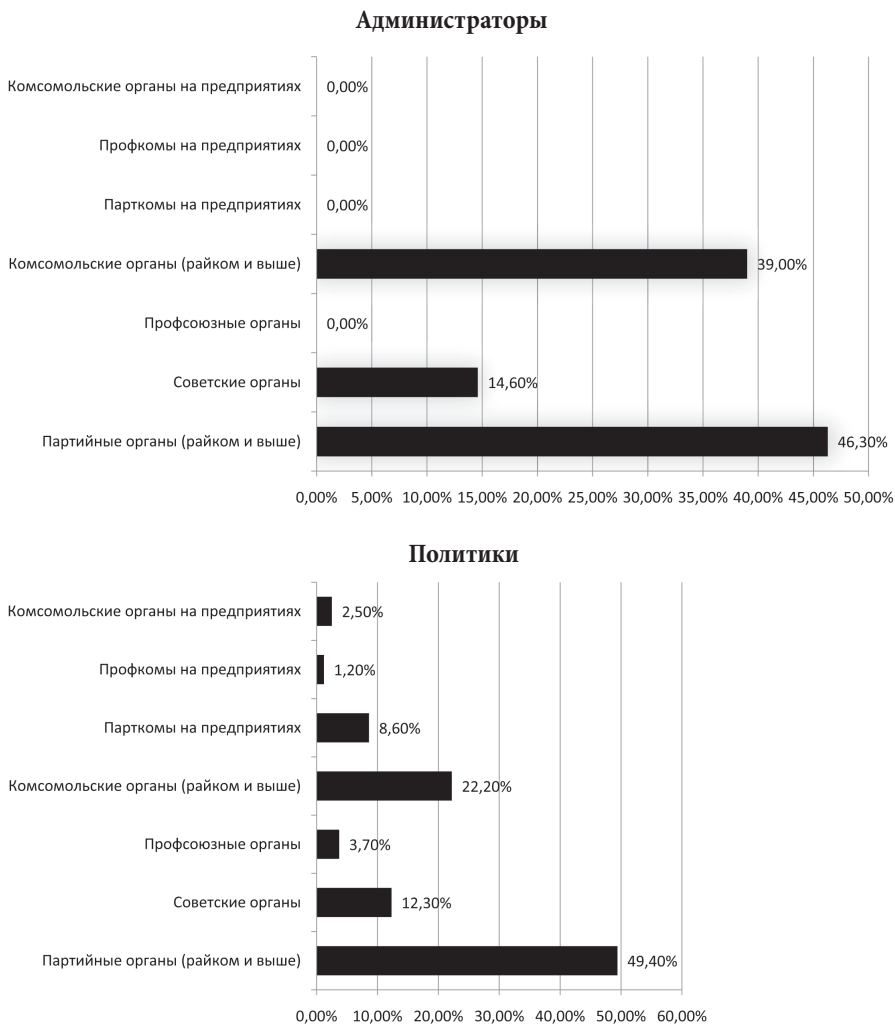

Рис 11. Наличие номенклатурного опыта (КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ — до 1991 г., советы СССР — до 1989 г., прочие Советы — до 1990 г.), администраторы/ политики

все администраторы имеют опыт уровня райкома и выше, среди политиков 88%, а остальные 12% имеют опыт номенклатурной работы только на уровне предприятий (рис. 12).

Вокруг роли в карьере административных и политических деятелей **службы в силовых ведомствах** существует давний диалог [Дука

Рис. 12. Уровень номенклатурного опыта, администраторы/ политики

2012]. В первых же исследованиях элит федерального и регионального уровня были сделаны выводы о большой роли и влиянии выходцев из силовых структур. Их довольно массовое появление в административно-политических элитах всех уровней было связано со многими причинами, и среди них — сокращение и перестройка, реформирование силовых органов. Однако процесс был растянут во времени, и вопреки распространенным представлениям о милитаризации элиты в путинское президентство, факты этого не подтверждают. Особые профессиональные качества бывших силовиков нередко делали их хорошими организаторами и исполнителями решений вышестоящих органов. К тому же многие прошли гражданскую ресоциализацию после окончания службы.

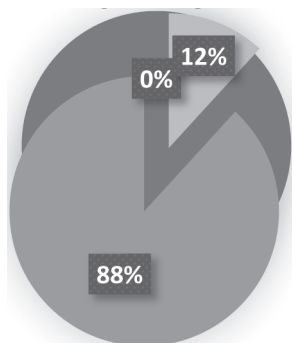
Силовой опыт (табл. 12 и рис. 13) в карьере имеет всего 10% представителей рассматриваемой регионально-административной элиты, причем эта доля одинакова у администраторов и политиков. Среди тех, кто имеет опыт службы в силовых ведомствах, 79% пробыли в них 10 лет и более. При этом лиц, имеющих стаж службы в силовых ведомствах 10 и более лет, 88% от числа всех служивших, в то время как у политиков их несколько меньше — 73%. В разрезе поколений администраторов: основная часть тех, кто служил 10 и более лет, сосредоточена в поколении застоя. Их 22 человека, и они составляют 88% администраторов поколения. Максимальное количество лет, которое прослужили наши элитные персоны, таково: 26 лет 1 человек в поколении оттепели, 39 лет 1 человек из поколения застоя.

Таблица 12

Элита восьми регионов РФ, 2012 год: служба в силовых ведомствах, администраторы/политики

Служба в силовых ведомствах	Администраторы/Политики		Итого
	Администраторы	Политики	
5 лет и меньше	0	7	7
	0,0%	12%	7%
6-9 лет	4	9	13
	12%	15%	14%
10 лет и больше	30	44	74
	88%	73%	79%
Итого	34	60	94
	100,0%	100,0%	100,0%

Администраторы

Политики

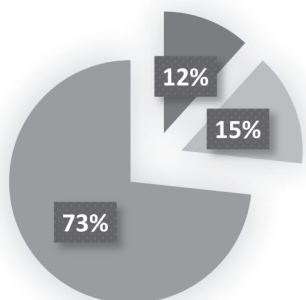

Рис. 13. Служба в силовых ведомствах, администраторы/политики

Анализ карьер представителей административной элиты в разрезе их принадлежности к определенным политическим поколениям позволил утвердиться в предположении о целесообразности такого подхода. Поскольку удалось выявить достаточно отчетливо характеристики поколений, по которым они дифференцируются или напротив сближаются.

ВЫВОДЫ

1. Судя по динамике данных о предэлитной, предпредшествующей и предшествующей работам (ступеням карьеры) карьеры представителей региональной административной элиты, относящихся к поколени-

ям оттепели и застоя, выглядят более профессиональными, нежели карьеры лиц, относящихся к поколениям перестройки и кризиса. Карьеры представителей поколений перестройки и кризиса имеют в своих траекториях больше «зигзагов», связанных с переменной сфер деятельности.

2. В карьерах представителей администраторов из поколения кризиса совершенно отсутствуют силовой и номенклатурный опыт. Номенклатурный опыт — по естественной причине — молодости, силовой — скорее всего по причине ускорения времени делания карьеры, специфики работы в силовых структурах и др.

3. Для делания административной карьеры возросло значение финансово-экономического, управленческо-политического и юридического образования. Это четко проявляется у лиц из поколения кризиса. Недостаток специальных профессиональных знаний восполняется за счет второго высшего образования. Падает значение технического образования.

4. В поколениях перестройки и кризиса существенное значение приобрело место первичной социализации — в них больше удельный вес уроженцев городов. В этих двух поколениях он достигает $\frac{3}{4}$.

Литература и источники

Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 288 с.

Головин Н.А. Поколения российского общества (Статья на корейском языке) // *Russia-CIS Focus*. Журнал Института исследований России Корейского университета Иностранных языков. 2011. № 114. С. 1–5. (на корейском языке)

Дука А.В. К вопросу о мелитократии: силовики в региональных властных элитах // *Властные структуры и группы доминирования* / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: МГУ, 2004. 197 с.

Седых А.Б. Вклад Джона Льюиса Холланда в психологию профессий и карьеры (к 90-летию со дня рождения известного ученого) // *Человек. Общество. Управление*. 2009. № 4. С. 54–67.

Arthur M.B., Hall D.T. and Lawrence B.S. (1989) Generating new directions in career theory: The case for a transdisciplinary approach. In: Arthur MB, Hall DT and Lawrence BS (eds) *Handbook of Career Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 7–25.

Arthur M.B. (2008) Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry. *Human Relations* 61(2): 163–186.

Award for Distinguished Professional Contributions: John L. Holland. (1995). *American Psychologist*, 50, 236–238.

Award for Distinguished Scientific Application of Psychology: John L. Holland. (2008). *American Psychologist*, 63, 672–674.

Chudzikowski K. and Mayrhofer W. (2011) In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice. *Human Relations* 64(1).

Nikolaj A. Golovin: Zwei Typen der Generationsdynamik in Russland und in Deutschland // Hofmeister, Heimo / Mikirtumov, Ivan (Hrsg.) *Krise der lokalen Kulturen und die philosophische Suche nach Identität*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2014.

Holland, J. L. (1959). A theory of vocational choice. *Journal of Counseling Psychology*, 6, 35–45.

Holland, J. L. (1996). Exploring careers with a typology: What we have learned and some new directions. *American Psychologist*, 51, 397–406.

Holland, J. L. (1997). *Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments* (3rd ed.). Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc.

Gottfredson, G., & Holland, J. (1996). *Dictionary of Holland occupational codes* (3rd ed.). Odessa, FL: PAR.

Khapova SN, Arthur MB and Wilderom CPM (2007) The subjective career in the knowledge economy. In: Gunz H and Peiperl M (eds) *Handbook of Career Studies*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 114–130.

Lackey, A. (1975). An annotated bibliography for Holland's theory, the Self-Directed Search, and the Vocational Preference Inventory (1972–1975). *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*, 5, 352. (Ms. No. 1149)

Lumsden, J. A., Sampson, J. P., Jr., Reardon, R. C., Lenz, J. G., & Peterson, G. W. (2004). A comparison study of the paper and pencil, personal computer, and Internet versions of Holland's Self-Directed Search. *Measurement & Evaluation in Counseling & Development*, 37, 85–94.

Mount, M., & Muchinsky, P. (1978). Person-environment congruence and employee job satisfaction: A test of Holland's theory. *Journal of Vocational Behavior*, 13, 84–100.

Reardon, R. C., Bullock, E. E., & Meyer, K. E. (2007). A Holland perspective on the U. S. workforce from 1960–2000. *Career Development Quarterly*, 55, 262–274.

Ruff, E. A., Reardon, R. C., & Bertoch, S. C. (2008, June). Holland's RIASEC theory and applications: Exploring a comprehensive bibliography. *Career Convergence*. Retrieved January 21, 2009, from TCSLINKTONEWS [5483, nca.org, layout_details]

Tams S. and Marshall J. (2011) Responsible careers: Systemic reflexivity in shifting landscapes. *Human Relations* 64(1).

References

Golovin N.A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii // SPb.: Izd-vo SPbGU. 2004. 288 s [Golovin N.A. Teoretiko-methodological bases of research of political socialization // St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2004. 288 p.]

Golovin N.A. Pokoleniya rossiyskogo obshchestva (Stat'ya na koreyskom yazyke) // Russia-CIS Focus. Zhurnal Instituta issledovaniy Rossii Koreyskogo universiteta Inostrannykh yazykov na koreyskom yazyke), 2011. Nr. 114. S. 1–5. [Golovin N.A. Generations of Russian society (Article in Korean)] // Russia-CIS Focus. Journal of the Institute of Russian Studies, Korean University of Foreign Languages in Korean), 2011. Nr. 114. pp. 1–5.

Duka A.V. K voprosu o melitokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh// Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya/ Pod red. A.V. Duki.SPb.: Intersotsis, 2012. S. 94–120. [Duka A.V. On the question of melitocracy: the siloviki in the regional power elite / / Power structures and domination groups / Ed. A.V. Duki. SPb: Intersotsis, 2012. P. 94–120.]

Klimov Ye.A. Vvedeniye v psikhologiyu truda. M.: MGU, 2004. 197 s. [Klimov E.A. Introduction to the psychology of labor. Moscow: MSU, 2004. 197 pp.]

Sedykh A.B. Vklad Dzhona Lyuisa Khollanda v psikhologiyu professiy i kar'yery (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya izvestnogo uchenogo)// Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye. 2009. № 4. S. 54–67. [Sedykh A.B. Contribution of John Lewis Holland to the psychology of professions and career (to the 90th anniversary of the birth of a famous scientist) // Man. Community. Control. 2009. № 4. P. 54–67.]

Arthur M.B., Hall D.T. and Lawrence B.S. (1989) Generating new directions in career theory: The case for a transdisciplinary approach. In: Arthur MB, Hall DT and Lawrence BS (eds) *Handbook of Career Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 7–25.

Arthur M.B. (2008) Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry. *Human Relations* 61(2): 163–186.

Award for Distinguished Professional Contributions: John L. Holland. (1995). *American Psychologist*, 50, 236–238.

Award for Distinguished Scientific Application of Psychology: John L. Holland. (2008). *American Psychologist*, 63, 672–674.

Chudzikowski K. and Mayrhofer W. (2011) In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice. *Human Relations* 64(1).

Nikolaj A. Golovin: Zwei Typen der Generationsdynamik in Russland und in Deutschland // Hofmeister, Heimo / Mikirtumov, Ivan (Hrsg.) *Krise der lokalen Kulturen und die philosophische Suche nach Identität*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2014.

Holland, J. L. (1959). A theory of vocational choice. *Journal of Counseling Psychology*, 6, 35-45.

Holland, J. L. (1996). Exploring careers with a typology: What we have learned and some new directions. *American Psychologist*, 51, 397–406.

Holland, J. L. (1997). Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments (3rd ed.). Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc.

Gottfredson, G., & Holland, J. (1996). Dictionary of Holland occupational codes (3rd ed.). Odessa, FL: PAR.

Khapova SN, Arthur MB and Wilderom CPM (2007) The subjective career in the knowledge economy. In: Gunz H and Peiperl M (eds) *Handbook of Career Studies*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 114–130.

Lackey, A. (1975). An annotated bibliography for Holland's theory, the Self-Directed Search, and the Vocational Preference Inventory (1972–1975). *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*, 5, 352. (Ms. No. 1149)

Lumsden, J. A., Sampson, J. P., Jr., Reardon, R. C., Lenz, J. G., & Peterson, G. W. (2004). A comparison study of the paper and pencil, personal computer, and Internet versions of Holland's Self-Directed Search. *Measurement & Evaluation in Counseling & Development*, 37, 85–94.

Mount, M., & Muchinsky, P. (1978). Person-environment congruence and employee job satisfaction: A test of Holland's theory. *Journal of Vocational Behavior*, 13, 84–100.

Reardon, R. C., Bullock, E. E., & Meyer, K. E. (2007). A Holland perspective on the U. S. workforce from 1960-2000. *Career Development Quarterly*, 55, 262-274.

Ruff, E. A., Reardon, R. C., & Bertoch, S. C. (2008, June). Holland's RIASEC theory and applications: Exploring a comprehensive bibliography. *Career Convergence*. Retrieved January 21, 2009, from TCSLINKTONEWS [5483, nca.org, layout_details]

Tams S. and Marshall J. (2011) Responsible careers: Systemic reflexivity in shifting landscapes. *Human Relations* 64(1).

Приложение 1

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год:
основные характеристики политических поколений**

Характеристика		Поколен- ные оттепели	Поколен- ные застоя	Поколе- ние пере- стройки	Поколе- ние кризиса
Место рождения:	Столичные города	36	27	26	40
	нестолличные города	8	33	48	36
	село	56	40	26	24
	Итого (чел.)	25	92	27	25
Первое высшее образование	Финансово-экономическое	19	15	22	33
	Управленческо-политическое	0	2	0	8
	Силовое: юридическое и военное	10	25	18	31
	Другое	71	58	61	29
	Итого (чел.)	31	126	51	52
Место получения высшего образования	Столичные города (Москва и Санкт-Петербург)	50	56	48	54
	Нестолличные города	38	29	40	33
	Заграница	12	15	12	13
	Итого (чел.)	16	61	25	24
Возраст вступления в предэлитную должность/поколения	Молодые (до 40 лет)	52	61	86	100
	Средний возраст (от 41 до 60 лет)	48	39	14	0
	Пенсионеры (старше 61 года)	0	0	36	0
	Итого (чел.)	21	100		45
Предэлитная активность	политико-административная активность	50	42	48	72
	хозяйственно-экономическая активность	17	32	25	20
	силовик	7	15	8	2
	прочая активность	27	12	19	6
	Итого (чел.)	30	129	48	51

Приложение 1 (продолжение)

**Элита восьми регионов РФ, 2012 год:
основные характеристики политических поколений**

Характеристика		Поколение оттепели	Поколение застоя	Поколение перестройки	Поколение кризиса
Предшествующая работа	депутат	3	1	2	2
	администратор	91	80	74	79
	хозяйственник, бизнесмен	6	15	18	14
	специалист	0	1	0	0
	наука, культура, образование	0	1	2	2
	Силовик, охранник, юрист	0	1	2	0
	Итого (чел.)	32	137	54	57
Предпредшествующая работа	депутат	3	3	0	0
	администратор	80	61	57	61
	хозяйственник, бизнесмен	10	26	29	22
	специалист	0	1	2	6
	наука, культура, образование	0	2	6	2
	Силовик, охранник, юрист	3	6	2	2
	Итого (чел.)	30	134	52	54
Силовой опыт	5 лет и меньше	0	0	0	0
	6-9 лет	0	12	20	0
	10 лет и больше	100	88	80	0
	Итого (чел.)	3	25	5	0

THE INFLUENCE OF THE SOCIAL CONTEXT ON THE CONSTRUCTION OF CAREER TRAJECTORIES: CAREERS OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT POLITICAL GENERATIONS OF ADMINISTRATIVE ELITES IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. Bystrova

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.6>

Abstract. *The work is dedicated to the research of careers of representatives of political generations of the regional administrative elite. The carrier analyses of representatives of political generations in contrast to generations of big age groups in greater degree coincides the reality of post-soviet and other countries, in which cardinal changes in political, economic and the social life are observes. So far in these countries very far reaching influence of the social context is on the self-identification of people in different generations, their socialization and resocialization, the formation of attitudes and values. These are precisely the strongest factors, which determine the interrelation of a separate person and social groups with the professional, social environments and so far the forming careers of representatives of different political generations. Essential characteristics of careers of representatives of different political generations can strongly differentiate or smoothly change but they are distinctly shown.*

Keywords: *career, political generations, recruitment pool, the Russian regional administrative elite, the social context.*

References

Golovin N.A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii // SPb.: Izd-vo SPbGU. 2004. 288 s [Golovin N.A. Teoretiko-methodological bases of research of political socialization // St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2004. 288 p.]

Golovin N.A. Pokoleniya rossiyskogo obshchestva (Stat'ya na koreyskom yazyke) // Russia-CIS Focus. Zhurnal Instituta issledovaniy Rossii Koreyskogo universiteta Inostrannykh yazykov na koreyskom yazyke), 2011. Nr. 114. S. 1–5. [Golovin N.A. Generations of Russian society (Article in Korean)] // Russia-CIS Focus. Journal of the Institute of Russian Studies, Korean University of Foreign Languages in Korean), 2011. Nr. 114. pp. 1–5.

Duka A.V. K voprosu o melitokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh// Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya/ Pod red. A.V. Duki.SPb.: Intersotsis, 2012. S. 94–120. [Duka A.V. On the question of melitocracy: the siloviki in the

regional power elite // Power structures and domination groups / Ed. A.V. Duki. SPb: Intersotsis, 2012. P. 94–120.]

Klimov Ye.A. Vvedeniye v psikhologiyu truda. M.: MGU, 2004. 197 s. [Klimov E.A. Introduction to the psychology of labor. Moscow: MSU, 2004. 197 pp.]

Sedykh A.B. Vklad Dzhona Lyuisa Khollanda v psikhologiyu professiy i kar'yery (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya izvestnogo uchenogo)// Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye. 2009. № 4. S. 54–67. [Sedykh A.B. Contribution of John Lewis Holland to the psychology of professions and career (to the 90th anniversary of the birth of a famous scientist) // Man. Community. Control. 2009. № 4. P. 54–67.]

Arthur M.B., Hall D.T. and Lawrence B.S. (1989) Generating new directions in career theory: The case for a transdisciplinary approach. In: Arthur MB, Hall DT and Lawrence BS (eds) *Handbook of Career Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 7–25.

Arthur M.B. (2008) Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry. *Human Relations* 61(2): 163–186.

Award for Distinguished Professional Contributions: John L. Holland. (1995). *American Psychologist*, 50, 236–238.

Award for Distinguished Scientific Application of Psychology: John L. Holland. (2008). *American Psychologist*, 63, 672–674.

Chudzikowski K. and Mayrhofer W. (2011) In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice. *Human Relations* 64(1).

Nikolaj A. Golovin: Zwei Typen der Generationsdynamik in Russland und in Deutschland // Hofmeister, Heimo / Mikirtumov, Ivan (Hrsg.) *Krise der lokalen Kulturen und die philosophische Suche nach Identität*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2014.

Holland, J. L. (1959). A theory of vocational choice. *Journal of Counseling Psychology*, 6, 35–45.

Holland, J. L. (1996). Exploring careers with a typology: What we have learned and some new directions. *American Psychologist*, 51, 397–406.

Holland, J. L. (1997). *Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments* (3rd ed.). Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc.

Gottfredson, G., & Holland, J. (1996). *Dictionary of Holland occupational codes* (3rd ed.). Odessa, FL: PAR.

Khapova SN, Arthur MB and Wilderom CPM (2007) The subjective career in the knowledge economy. In: Gunz H and Peiperl M (eds) *Handbook of Career Studies*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 114–130.

Lackey, A. (1975). An annotated bibliography for Holland's theory, the Self-Directed Search, and the Vocational Preference Inventory (1972–1975). *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*, 5, 352. (Ms. No. 1149)

Lumsden, J. A., Sampson, J. P., Jr., Reardon, R. C., Lenz, J. G., & Peterson, G. W. (2004). A comparison study of the paper and pencil, personal computer, and Internet versions of Holland's Self-Directed Search. *Measurement & Evaluation in Counseling & Development*, 37, 85–94.

Mount, M., & Muchinsky, P. (1978). Person-environment congruence and employee job satisfaction: A test of Holland's theory. *Journal of Vocational Behavior*, 13, 84–100.

Reardon, R. C., Bullock, E. E., & Meyer, K. E. (2007). A Holland perspective on the U. S. workforce from 1960-2000. *Career Development Quarterly*, 55, 262–274.

Ruff, E. A., Reardon, R. C., & Bertoch, S. C. (2008, June). Holland's RIASEC theory and applications: Exploring a comprehensive bibliography. *Career Convergence*. Retrieved January 21, 2009, from TCSLINKTONEWS [5483, ncca.org, layout_details]

Tams S. and Marshall J. (2011) Responsible careers: Systemic reflexivity in shifting landscapes. *Human Relations* 64(1).

ОСНОВАНИЯ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕМ

ФЕНОМЕН ВИЗАНТИНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Швая А. Ю.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.7>

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка оценить влияние византийского прошлого на политическую культуру современной России. Для этого используется феноменологический конструктивистский подход, позволяющий рассматривать политическую культуру через рутинизированные действия, периодическое осуществление которых символически значимыми представителями сообщества (главой государства и главой церкви) позволяет достигать солидарности. В рамках избранного методологического направления создается аналитическая модель рассмотрения политической культуры, выделяются три компонента процессов легитимации и идентификации: практики повседневности, институциональная стратификация и вероятностные конструкции. Они находят свое выражение в церемониальных практиках, их институционализации и ролевом распределении между главой государства и главой церкви, а также в мифических представлениях, определяющих символическую значимость тех или иных действий. Так, чтобы проследить эволюцию культурных форм и смыслов, исследуется сначала византийская религиозно-политическая культура, затем усвоение византийской традиции российской политической культурой и дальнейшая трансформация первой, и наконец рассматриваются практики легитимации и идентификации властной элиты современной России.

Ключевые слова: политическая культура, практики, церемония, символ, легитимация, идентификация, церковное, светское, Византийская империя, Россия.

В постсоветский период перед гражданами России в достаточно обостренной форме встал вопрос о поиске оснований культурной идентичности. Население страны, ориентированное на построение демократического порядка, было неоднородно в силу как идейно-политических противоречий, так и существенного социально-экономического расслоения. В таких условиях трудно осуществить модернизацию общества, поскольку отсутствует консенсус по поводу наиболее значимых ценностей. При этом проблема несогласия не ограничивается перманентной плюральностью, требующей нахождения процедуры, которая удовлетворит всех. Так, гетерогенность общества в России в конце XX в. обнажает глубинные пласты культуры, имеющие возможность непосредственного проявления в силу утраты телесной предрасположенности к действиям своей смысловой ауры. Вследствие этого практическая деятельность становится более вариативной, а категории легитимации, выстраивающиеся в ходе социального взаимодействия, более общими, чем ранее. Это зачастую приводит к изменению траекторий эволюции привычных действий и появлению новых институтов. Вследствие развития последних формируется система представлений, которая может быть дешифрована лишь при обращении к историко-культурным основаниям общества.

Для политической культуры современной России характерными свойствами выступают такие тенденции, как увеличение роли церкви и усиление значимости церемониала в практиках легитимации власти, а также формирование цивилизационной идентификации, противопоставленной западноевропейской. В этой связи автору представляется перспективным исследование византийской традиции, оказавшей наиболее сильное влияние на формирование российской политической и религиозной культуры.

Вместе с тем следует отказаться от логики прямой каузальности, порождающей рассмотрение политической культуры через призму аксиологических схем, и вслед за сторонником интерпретивизма С. Уэлчем признать релевантность применения феноменологического подхода. Данный ракурс, по мнению ученого, позволяет уйти от бесполезных споров о том, что лежит в основании «значений политической жизни»: культура и интерес или структура (Формизано 2002: 122, 123). Этой же точки зрения придерживается историк Роберт Келли, указывающий на то, что каузальность для политической культуры становится вторичной проблемой, так как выделение основополагающих факторов

позволяет лишь «лучше понять ситуацию» конструирования смыслов (см. там же: 128). Родственным такому подходу к пониманию социальных проблем является и взгляд Г. Блумера. Ученый отмечает вторичность социологического «распознавания проблемы» перед её общественным признанием. Представитель символического интеракционизма отрицает релевантность в области социологической теории исследований «социальных условий» и предлагает изучать сам процесс общественного признания и легитимации социальной проблемы (Блумер 2007: 12–14, 24).

В этом смысле важно отказаться от эссенциалистских положений и воспользоваться феноменологической и постструктуралистскими трактовками политической культуры. Таким образом, для рассмотрения политико-культурной динамики следует обратиться к изучению практик политической легитимации, символических структур и «генерализирующих кодов», опосредующих восприятие первых (Завершинский 2002: 25).

Ключевой концепт исследования, феномен византизма, используется для определения предметной области. Выступающее его составным элементом понятие византизма (византизма) является продуктом рефлексии в позднеславянофильском дискурсе философии истории XIX в. Такими мыслителями, как К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, П. Е. Астафьев, Ф. П. Федотов выделялась проблема влияния византийской традиции на русское государственное и церковное устройство. К примеру, говоря о государственном измерении такового влияния, Леонтьев утверждает, что отечественная самодержавная традиция утверждена крепче, чем византийская в связи с диктаторской природой последней (Леонтьев 2007: 7). Вместе с тем мыслитель указывает, что Россия усваивает «византийскую выправку», церковное чувство покорности правителю (см. там же: 16).

Альтернативное понимание природы российской государственности отстаивал В. С. Соловьев. По его утверждению, с IX в. церковной властью перестали созываться соборы, и тем самым произошли поглощение «вселенских патриархов» властью светской и приобретение императорами священнических качеств. Россия же усвоила именно византийское понимание христианства, что, по мнению мыслителя, воплощалось в централизованной власти царя и в стремлении к обособлению религиозного учения (Соловьев 2014: 18, 33, 34).

В данной работе понятие «византизм» используется для обозначения генетического свойства тех практик и идей российских граждан,

что порождают идентификацию с византийским прошлым. При этом, учитывая разнообразие проявлений византизма в политической культуре современной России, в исследовании используется понятие «феномен». Концепт позволяет наиболее ёмко описать то сокровище, которое проявляется в повседневном опыте и которому нам предстоит придать смысл, а также дает возможность выдержать дистанцию между позицией исследователя и языком описания объекта.

КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНСТРУКТИВИСТСКОМ РАССМОТРЕНИИ

Выбирая феноменологический конструктивистский подход в исследовании политической культуры, нельзя не учитывать «неразрывную связь» между понятиями «легитимация» и «идентификация». Определить каждое из них можно лишь друг через друга (Barker 2001: 34), коль скоро социальный субъект «превращает внешний мир в свой, а свой внутренний мир выносит во вне, пытаясь придать ему всеобщее значение» (Дука 2000: 260, 261). При этом концепт «легитимация» точнее отражает специфику политической коммуникации, чем «идентификация», поскольку первое понятие описывает практическую область взаимодействия элиты и не-элиты, тогда как идентификация подразумевает реактивное создание производных от таковой области модификаций «Я» (ibid.: 28, 29). Вместе с тем эти модификации становятся исходным хабиитуализированным основанием легитимации, в силу того, что последняя приобретает свою актуальность, когда идентичность не отвечает действительности. Таким образом, идентификация в данном исследовании понимается как процесс конструирования области индивидуальных значений субъекта, которая в результате социального взаимодействия приобретает как институциональные, так и «медийные» (не вписанные) формы. Легитимация же подразумевает процесс оправдания власти и вместе с тем конструирование ее смысла, что осуществляется в первую очередь на индивидуальном уровне, а затем на институциональном (Luckmann 1987: 110–116). Так, эти две взаимосвязанные траектории рассмотрения политической культуры, сводимые к очерчиванию пределов собственного «Я» и к поддержанию веры в их «правильность», позволяют выявить симметричные компоненты осуществления легитимационных и идентификационных процессов.

Таким образом, компонентами двух вышеописанных процессов можно назвать практики повседневности, институциональную стратификацию и вероятностные конструкции — все три прослеживаются как в идентификации, так и в легитимации. Первый отсылает к области «рабочих операций», в которой люди путем взаимных типизаций и опривычивания действий создают овеществленные модели идентичности, легитимируемые практическим воспроизводством. Вторым компонент политической культуры — внутренняя стратификация таких практик и закрепляющее её социальное распределение знания. Третьим же выступают вероятностные структуры как элементы идентичности, осознание которых становится стимулом для легитимации. Иными словами, практическая область «Я» подразумевает близость к контакту лицом к лицу с Другим. В то время как второй компонент обращает внимание на вписанность опыта такого контакта в институционализированную систему представлений о себе и о Другом. Завершающим элементом представляется построение вероятностных конструкций, не вписанных областей субъективной идентичности, требующих признания своей реальности.

Уместность выделения трех компонентов в поле идентификации и легитимации объясняется циклическим описанием этих двух процессов. Так, в поле идентификации сфера практик взаимодействия лицом к лицу может быть обозначена как соотнесение себя с Другим, второй же компонент проявляется в обнаружении своей индивидуальности субъектом в классифицированной социальной среде. Вероятностные конструкции в свою очередь становятся следствием развития «осажденного», непризнанного опыта, а потому подразумевают возможную ресоциализацию и институциональное обновление. В области легитимации первый компонент будет пониматься как уровень обыденного оправдания идентичности посредством устоявшихся языковых формул. Второй уровень подразумевает теоретическую институционализацию смысла власти. Наконец, вероятностные структуры являются областью конструирования символических универсумов, в которых вырабатываются сентенции, используемые во взаимодействии лицом к лицу. Важно отметить, что описываемая модель политической культуры является аналитической конструкцией, состоящей из современных концептов, что подразумевает её применимость к исследованию византийской политической культуры лишь с предварительными оговорками.

В этом смысле три компонента не исключают друг друга, но предстают взаимообуславливающими процессами, проявляющимися в качестве отдельных областей субъективной реальности. Такой циклический ракурс рассмотрения легитимации и идентификации как составных частей политической культуры позволяет сделать еще один важный шаг: проследить «долю» субъективного и объективного в каждом из вышеописанных компонентов. Областью субъективных актов обозначения собственной индивидуальности в поле идентификации в большей степени является взаимодействие лицом к лицу, в то время как в процессе легитимации доля субъективного наиболее полно выражается в конструировании смысловых универсумов. Кроме того, следует обозначить, что в исследовании не будет употребляться понятие «политическое сознание» в связи с отсутствием двойственности сознательного и бессознательного в феноменологическом ракурсе рассмотрения.

ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Первичной областью интерсубъективного взаимодействия и производства опыта в рамках феноменологического подхода в социологии является «мир рабочих операций». Именно в нем «Я» действующего представляется как тотальное, а «Я» другого может быть воспринято в своей полноте (Шюц 2003: 8–9, 11). Так, сфера практического освоения действительности является исходной для построения модификаций пережитого опыта («Я» частичного) и вместе с тем её можно назвать средой верификации таковых конструкций идентичности (см. там же: 12, 13). Сами практики вырабатываются в сфере «рабочих операций» через столкновения телесных движений с действительностью, что приводит к обнаружению границ досягаемости и «стандартных размеров» вещей (см. там же: 15). Такое знание в ходе частого взаимодействия хабиитуализируется, что позволяет его обобщить и типизировать в процессе коммуникации (Бергер, Лукман 1995: 90–92). Следуя за М. Хайдеггером, опривыченное умение можно назвать «подручным», что указывает на его незаметность и механистичность, а потому на растворенность в среде других умений, составляющих возможный диапазон операций и представление об обстановке (Волков, Хархордин 2008: 51–53).

В этом смысле знание становится автономным атрибутом вещи, определенной пространственно-временной и коммуникативной ситуа-

ции, т. е. институционализируется. Вытекающая отсюда функция контроля в практической деятельности выражается в базовом консенсусе взаимодействующих сторон, как в поддержании аудиторией предлагаемой исполнителем видимости (И. Гоффман), так и в «коллективном непризнании» значимости экономических и классовых реалий (П. Бурдьё) (Гоффман 2000: 83, 278; Бурдьё 2001: 270, 309–311). При этом, по утверждению М. Полани, опривыченное знание не требует эксплицитной формулировки для применения, поскольку в его основании лежит практический опыт и сопутствующие схемы описания его воспроизводства (Волков, Хархордин 2008: 76). Взгляд Полани на процесс социализации как практического освоения реальности схож с трактовкой взаимных типизаций П. Бергера и Т. Лукмана, поскольку позволяет описать разработку актуального знания через вымещение повторяющихся действий на периферию, в область «фона». Причем под фоном ученый понимает «случайную систему» практических знаний, опосредующих восприятие социальных явлений (Полани 1985: 67). В этом смысле инструмент, нагруженный повседневным практическим смыслом и тем самым вытесненный на периферию сознания, становится продолжением тела, в котором человек «экзистенциально существует» (Там же: 92–94). Подход М. Полани и Г. Райла позволяет лучше понять проблематику традиции, ее наследуемости и вариативности (Волков, Хархордин 2008: 81). В этой связи представляется возможным описание «фонового знания» византийской и российской политических культур через рассмотрение практик легитимации и идентификации.

Близким к данному подходу является взгляд Р. Баркера на проблему политической легитимации, автор ее рассматривает как эндогенный процесс самооправдания и конструирования знания о самом себе. Таким образом, как было указано ранее, ученый сближает концепты легитимации и идентификации, предлагая использовать драматический ракурс рассмотрения (Barker 2001: 30, 31). В этом смысле концепция И. Гоффмана, полагающая фундаментальную асимметрию коммуникаций (преимущество зрителя перед исполнителем), представляется перспективной для описания практик легитимации и идентификации (Гоффман 2000: 148, 179, 180, 248, 249). Наследуемый от символического интеракционизма и феноменологического подходов способ бинарного рассмотрения «Я» американский ученый использует для обозначения переднего и заднего планов исполнения в поле идентификации. Первое «Я» — драматургическое, «маска», оно «испытывает пределы» спо-

собности восприятия аудитории для наиболее яркого ее впечатления и признается Гоффманом более истинным, нежели представление исполнителя о себе (см. там же: 52, 254, 273). В этом смысле задний план является более реактивным по отношению к практической деятельности на переднем плане, чем в обратной зависимости, поэтому в «закулисной» зоне имеет место командная сплоченность, ориентированная на успешное выступление перед значимыми другими. При этом базовое отличие заднего плана исполнения состоит в осознании ложности самого представления («цинизме»), что позволяет создавать другие реальности в связи с переосмыслением релевантных групп. Таким образом, социальный субъект нуждается в поиске лучшего проявления своего «Я» перед аудиторией и в то же время в «закулисной солидарности» и успокоении (Гоффман 2000: 148, 179, 180, 248, 249). В этом смысле подход И. Гоффмана позволяет изучать практики легитимации политической элиты через церемониальные действия, трансформации состава аудитории и закулисной команды.

Следующим важным звеном теоретического осмысления проблематики в рамках выбранного концептуального направления является подход М. де Серто, в котором он, полемизируя с М. Фуко, предлагает политическую плоскость рассмотрения практик. Заимствуя идею Л. Витгенштейна о возможности творческого присвоения авторитетного дискурса путем его «практического перетолковывания», французский ученый выделяет тех, кто овладевает пространством, языком в рамках своих практических возможностей и таким образом символизирует свое господство. А также тех, кто посредством практик потребления дисциплинирует и адаптирует себя к установкам существующей символической системы (Волков, Хархордин 2008: 197). При этом, по мнению де Серто, как только господствующие практики возвращают широкий круг категорий объектов, имеющих исключительное неопределенное значение, они «растворяются в фоне» ввиду нерелевантности описания действительности и способствуют продвижению на передний план других. Подобно «заднему плану» И. Гоффмана, де Серто определяет фоновые практики как второстепенные, накапливающие «остатки» действующих дискурсов и способствующие возникновению новых (Certeau 1984: 48). Так, М. де Серто позволяет сделать фоновые практики более распознаваемыми в дискурсе через рассмотрение объема не определенных доминирующей символической системой контингентов и специфики их практик адаптации.

Развивая тему фоновых практик и вновь обращаясь к концепции натурализованной инструментальности практического знания М. Полани, представляется актуальным подход Л. Болтански и Л. Тевено. Авторы предлагают отойти от критической позиции П. Бурдьё и рассматривать объяснительные траектории «вовлеченных игроков», интерпретирующих ситуацию (Волков, Хархордин 2008: 228). Попутно следует отметить, что в данной работе не предоставляется описание практик через габитусные схемы П. Бурдьё, поскольку таковая концепция имплицитно содержится в описанных в настоящем параграфе подходах (в том числе в критических). Болтански и Тевено выделяют «6 градусов оправдания», в основании которых лежит практическое знание и повседневный опыт (см. Болтански, Тевено 2000). Доля того или иного «града» в обосновании идентичности определяется, по мнению Тевено, «режимом вовлеченности» объясняющего и аудитории в области расположения «личностных вещей» друг друга. Таким образом, практики легитимации обращены к овеществленным компонентам идентичности, составляющим ближний круг повседневного социального взаимодействия людей.

В этом ракурсе актуализируется следующая фаза социального конструирования реальности — реификация, т. е. овеществление продуктов собственной деятельности, отчуждение от них (Бергер, Лукман 1995: 146). Так, описанные Л. Тевено личностные вещи, лежащие в основании легитимации идентичности, являются реифицированными практиками, которым придается онтологический статус (см. там же: 148-149). В этом смысле таковые овеществленные действия имеют довольно устойчивую институциональную структуру в силу их отчужденности от социального субъекта и воплощенности в структурированных действиях, церемониях.

За рамками рассмотрения остается подход Б. Латура, предлагающий изучать фоновые практики как действия ученых, а также сопутствующих им других актантов по пересборке заднего плана, ведущего к появлению новых феноменов на переднем плане (см. Латур 2007; Волков, Хархордин 2008: 261). Также в силу отклонения от выбранной методологической стратегии и в связи с обособленным положением среди подходов к изучению практик, не была рассмотрена концепция А. Макинтайра, в рамках которой предлагается исследовать практики не как рутинные действия социального субъекта, но в значении «сознательных действий, ориентированных на вехи и стандарты» (Волков,

Хархордин 2008: 218). Таким образом, данная попытка рассмотреть феноменологическое объяснение повседневных практик легитимации и идентификации совместно с «теорией практик» как отдельно оформившимся теоретическим направлением представляется продуктивной для исследования политической культуры.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Прежде всего социальная дифференциация связана с разделением труда и последующим расширением областей ролевого запаса практического знания. Это позволяет человеку глубже усваивать нормы социального устройства и конструировать более глобальные и устойчивые проекты реальности (Бергер, Лукман 1995: 127, 128). Вместе с тем исполнители некоторых ролей оказываются в большей степени способными представить таковую реальность в ее целостности, чем другие. Такие ролевые действия, заключающиеся в символическом описании важнейших явлений в жизни общества, приобретают стратегическое значение и способствует дальнейшей институционализации доминирующего положения их исполнителей (см. там же: 126).

Отдельно следует сфокусировать феноменологическую оптику на процессе изменения конфигураций самого собой разумеющегося знания под воздействием внутреннего интереса субъекта, а именно на формировании релевантных систем знания (Шютц 2003: 226). Само собой разумеющееся, по словам А. Шютца, «дано таким, каким оно мне является», предстает нерелефлексивной областью фоновых практик. В свою очередь релевантные системы знания, в которых сосредоточен интерес субъекта, берут истоки во взаимодействии лицом-к-лицу. Разделяемые на внутренние (конструируемые субъектом) и внешние (навязанные, сами собой разумеющиеся) системы релевантности выстраиваются иерархически, отводя наиболее привилегированным ролям передний край производства значимости (см. там же: 227, 229). Сам же процесс выделения зон различной релевантности осуществляется под действием «седиментированного» знания социального субъекта, его осажденного опыта, концентрирующего вокруг себя наиболее актуальные знаки (Бергер, Лукман 1995: 113, 114).

Таким образом, чем более значима социальная роль, тем доля реифицированного знания в ее смысловом репертуаре меньше и тем больше зона ее «первичной релевантности» проникает в релевантные

системы знания исполнителей других ролей (см. там же: 128). Приобретая благодаря статусному пиетету качество само собой разумеющегося, таковое знание становится координатором вкуса («внутреннего интереса») исполнителей менее значимых ролей. Помимо этого, институционализация доминирования ролей обусловлена тем, насколько полноценно задействуется ее исполнителями социальный запас знания: ориентируются ли они на построение «логически завершенной» легитимационной модели, либо на «признание» их интерпретаций уже имеющейся аудиторией (см. там же: 164, 165). При этом чем выше статус исполнителя, тем меньше людей в его закулисной зоне для фамильярного общения. Тем меньше времени он проводит «за сценой», а потому на личном переднем плане он более уважителен и последователен (Гофман 2000: 125, 148, 157, 170, 179, 180). В этом смысле фигура правителя становится подверженной реификации, что порождает благоговейный трепет перед его статусом, «социальную дистанцию» (см. там же: 102-103).

П. Бергер и Т. Лукман определяют легитимацию как смысловую объективацию «второго порядка», направленную на то, чтобы «сделать объективно доступными и субъективно вероятными объективации “первого порядка”» (Бергер, Лукман 1995: 151). При этом таковая интеграция символов в социетальном масштабе имеет структурный характер, а именно осуществляется на четырех уровнях: дотеоретическом, околотеоретическом, теоретическом и геологическом. Венчающей сферой интеграции смыслов выступает последний, уровень символических универсумов, под которым социологи понимают область мета-теоретических построений, нарративов, отсылающих к архаичному опыту и формирующихся под действием успешных практик легитимации. Такие символические действия выходят за рамки повседневной жизни, обращаясь к сакральному и конструируя его значение (Бергер, Лукман 1995: 157, 158). Но вместе с тем символический универсум задает смысловое пространство для разворачивания событий как в сфере повседневного взаимодействия, так и в ролевой коммуникации. Таким образом, предлагая адекватное реальности видение диспозиций социальных групп и овеществленных элементов политического пространства, символическая власть производит доверие — символический капитал. Проявления же и утверждения таковых актуальных смыслов также кодифицируются как символы ранее полученного признания (Бурдье 1994: 203–205).

Наконец, важно отметить, что накопление контрастирующего с реальностью чувственного опыта в мире повседневной жизни и дальнейшая актуализация его диссонансного характера на более высоких уровнях сознания позволяют сделать таковой опыт понятным лишь через придания ему «необходимой степени респектабельности» и последующую символическую легитимацию элитарными группами (Блумер 2007: 19, 20). Таким образом, легитимируется и сама институциональная система (Бурдьё 1994: 153). Теперь же нужно обратиться к рассмотрению временного аспекта идентификации, процесса конструирования представлений о прошлом и будущем, через которое легитимируется настоящее.

ВЕРОЯТНОСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Для избежания сомнений в собственном понимании действительности, среди которых следует выделить главную экзистенциальную угрозу реальности — смерть, социальный субъект вынужден создавать вероятностные конструкции прошлого, настоящего и будущего (Бергер, Лукман 1995: 165, 166, 252). Временное измерение субъективной реальности выражается во внутреннем времени *durée*, которое берет истоки в седиментированном знании, и в ходе взаимодействия лицом к лицу трансформируется в «стандартное время», включая в себя объективные изменения и институционализованные представления о динамике жизненных процессов (Шюц 2003: 8, 12).

Вместе с тем вероятностные структуры можно считать конечными областями смысла, а также вслед за А. Шютцем признать множественность последних. Такие тесно связанные между собой миры можно разделить на сферу «рабочих операций», выступающую в качестве верховной реальности, и вероятностные, «медийные» конструкции, имеющие также собственный когнитивный стиль и стремящиеся к «освобождению от практики» (Шюц 2003: 17–20; Бергер, Лукман 1995: 251). При этом последняя конечная область значения является «модификацией верховной реальности», возникающей путем вымещения практически значимых явлений, не вписанных концептуально в картину реальности. Конечным областям смысла свойственно специфическое *erosché*, которое в отличие от «*erosché* естественной установки» подразумевает умение подвергать сомнению саму склонность к сомнению в реальности кажущегося. Таким образом, интеграция

вероятностных конструкций символическим универсумом подразумевает два пути преодоления «медийных ситуаций»: терапию и аннигиляцию. Причем если первый способ подразумевает бдительность к происходящему и объяснение новых явлений, то второй — противопоставление и углубление в уже существующую виртуальную реальность (Бергер, Лукман 1995: 184–187). Однако вместе с тем отдаление от сферы рабочих актов приводит к тому, что более обширные пласты повседневной жизни подвергаются сомнению и вскоре отвергаются, приобретая новый смысл фантазийного описания (Шюц 2003: 16, 19).

Переход между конечными областями смысла мгновенен и потому субъективно представляется тотальным. Впоследствии человек ресоциализируется, в процессе чего на иных основаниях выстраивается релевантная система знания. Однако индивид сохраняет фундаментальные характеристики своей идентичности, поскольку «субъективная реальность никогда не бывает тотально социализированной, а потому... не может претерпеть тотальной трансформации от социальных процессов» (Бергер, Лукман 1995: 254, 255; Шюц 2003: 18). Это же доказывает и тезис А. Шютца о том, что несмотря на несовместимость миров область фантазий производит логически упорядоченные символы, обыгрывая их содержание и расширяя вероятностный смысловой спектр через фактическое несоответствие (Шюц 2003: 22). В этом смысле для изучения легитимации социальной реальности помимо практик и ролевых структур следует рассмотреть символические конструкции и проявления их релевантных систем в языке, принадлежащем к интерсубъективной области рабочих операций (см. там же: 19).

Таковые символические конструкции, согласно П. Бурдьё, представляют собой нормализованные, кодифицированные практики легитимации, которые упрочняют системы взаимных ожиданий между элитой и не-элитой, тем самым ведут к наращиванию символического капитала (Бурдьё 1994: 123, 124, 126–128). В этом отношении релевантным представляется обращение к концепции культурной памяти Я. Ассмана, в рамках которой автор утверждает, что символические коды идентичности основаны на трактовке прошлого, а значит на актах воспоминания, мифическом связывании символических фигур культурной памяти и ритуальном их воспроизводстве. Так, культурная идентичность обращена к событиям явленности сакрального, торжественности, преваляру-

ющих над повседневностью, которые могут быть наиболее полно изучены путем исследования мифа (Ассман 2004: 55, 153, 154).

Резюмируя сказанное, можно дать определение политической культуре, которая в настоящем исследовании будет пониматься как практики нахождения себя социальным субъектом в структурированном и сегментированном пространстве коммуникаций по поводу получения и распределения власти, дальнейшая институционализация изменений таковых практик и придание им функциональной роли в символической системе.

Для рассмотрения самой политической культуры в феноменологическом ракурсе автор посчитал важным обозначить теоретическое соотношение между понятиями «легитимация» и «идентификация». Так, если второй концепт подразумевает конструирование смысла субъективной индивидуальности, то первый обращен к оправданию того, «что есть в терминах того, что должно быть», учитывая дальнейшее выстраивание знания о должном (Luckmann 1987: 111). Два данных процесса предоставляют два взаимосвязанных и в то же время альтернативных друг другу пути рассмотрения политической культуры. Согласуясь с этим, было выделено три компонента в рамках циклического описания легитимации и идентификации: практики повседневности, институциональная стратификация и вероятностные конструкции.

В рамках первой были выделены следующие аспекты рассмотрения: степень практической освоенности реальности (М. Полани), личностные вещи ближнего круга повседневного взаимодействия как овеществленные компоненты практик идентификации и легитимации (Л. Болтански и Л. Тевено). Вместе с тем были отмечены трансформации состава аудитории и «закулисной команды» в процессе исполнения церемониальных действий (И. Гоффман), а также подход к описанию фоновых практик через объем исключённых из доминирующей системы представлений групп (М. де Серто).

Рассматривая институты распределения социального запаса знания, можно выявить зависимость между степенью автономизации властвующей элиты и организацией переднего и заднего планов (И. Гоффман). Кроме того, следует проследить ролевое выстраивание зон различной релевантности и долю нерефлексируемого их компонента (А. Шютц).

Обращаясь к изучению вероятностных структур, не вписанных в институциональные параметры социального статуса субъективной

идентичности, следует рассмотреть временной аспект идентификации, пути преодоления «медийных ситуаций» в исследуемом историческом периоде.

ВИЗАНТИЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Теперь следует рассмотреть церемониальные практики Византии додинастического периода и их дальнейшую трансформацию. При этом сами практики будут пониматься как институционализованные ролевые действия в исполнении культа Божественного. Обоснование значимости церемониальных действий в политической культуре можно найти в аргументации Клиффорда Гирца, который утверждал, что «в политическом центре любого сложно организованного общества находятся правящая элита и набор символических форм, выражающих, что она действительно правящая... Все эти — короны и коронации, лимузины и конференции —, которые обозначают центр как центр, передают, что там происходит, его ауру, и являются не только важными, но и в некоторой странной манере связанными с тем, как устроен мир» (Geertz 1983: 124).

Также следует обозначить, что процессы идентификации в средневековом византийском обществе основывались на более коллективном самосознании, чем в современной социально-политической жизни. Поэтому, приступая к рассмотрению византийского общества, следует очертить контекст цивилизационной идентификации, являющейся более устойчивым основанием самосознания византийцев. В этом смысле важно проследить различия западно-христианской и восточно-христианской моделей. Они имеют место в связи с целым комплексом причин, из которых можно выделить несколько ключевых. Во-первых, наличие принципиальных различий между греческой и римской культурами, на основе чего и развивались две традиции христианства. Во-вторых, исходная этническая и религиозная многосоставность Византии в отличие от тех условий, в рамках которых формировался Рим и последующие за ним государственные образования с центром на Апеннинском полуострове. При этом гетерогенность населения отечественный историк-византинист А. П. Каждан выдвигает как особенность византийской культуры, утверждая, что этническая различность порождала развитие централистских тенденций политической власти,

воспроизводившей социально-политическую нестабильность (Каждан 2006: 68, 69). В-третьих, западная христианская традиция приобретает опыт совмещения властных полномочий священства и светской власти, в связи с чем уже ко времени Великой Схизмы осуществляется явное разграничение церкви и светского государства как отдельных корпораций. Последнее, по утверждению С. Рансимена, связано с тем, что после падения Римской империи институт папства предстаёт в качестве единственной до известной степени устойчивой властной структуры (Рансимен 1998: 21–23). А именно являющейся наиболее жизнеспособной легитимирующей инстанцией в условиях раннесредневековой нестабильности и несформированности институциональных и символических систем у возникших государственных образований.

Наконец, в-четвертых, следует отметить кардинальное отличие правовой культуры Византии от западноевропейской традиции. Так, по утверждению отечественного историка И. П. Медведева, уже в раннем средневековье под действием «патримониального обычного права варварских прав» в государствах Западной Европы выхолащивается римское публичное право. Это приводит к выдвиганию личных отношений на передний план вместо абстрактных институтов общественно-политического взаимодействия, смена категорий *res publica* на *res privata* (Медведев 2001: 10, 11). В это же время византийское общество усваивает римскую традицию ненаследственной централизованной монархии, что выражается в сочетании теократического и демократического принципов, а именно в опосредованном восприятии Божьей воли, осуществляемой через императора с одной стороны и с другой — через народ в моменты кризиса власти первого (см. там же: 10, 47, 48). При этом важным фактом является отсутствие всеохватывающего характера у законов (особенно в додинастический период), что выражалось в невключенности таких институтов, как «подчинение императора благочестивым законам» (Кекавмен 2003: 291) и «право на бунт» (Вальденберг 2008: 84, 85¹) в систему письменного законодательства. Вместе с тем факты отсутствия рефлексии по поводу революционных движений, этих временных дисфункций закона (Медведев 2001: 36), а также избирательный характер законотворческой деятельности императора в зависимости от расположения сил социально-политических

¹ Применимость к Византии определения Рима Т. Моммзена как «автократию, смягченную правом революции».

групп в столице и в государстве в целом дают основания полагать отсутствие устойчивой письменной правовой традиции и фундаментальность «обычного конституционного права» (см. там же: 30, 31). Вместе с тем данные факты свидетельствуют и о том, что эти практики являлись фоновой средой, не вписанной в релевантную систему знания. Идея экуменизма, наследуемая из Рима и подкрепляемая централистским управлением в многосоставном обществе империи, оформляет усвоение христианского идеала и этики, а также ветхозаветных образов израильских царей. Так, живя во всеохватывающем «вечном» символическом универсуме, византийцы полагали присутствие Бога в их повседневной жизни, что позволяло им несмотря на законопослушную ориентацию и почитание императора восставать и короновать нового государя. Таковые практики способствовали утверждению православия как политической ортодоксии, а церемонии венчания на царство и дачи императором клятв как гражданских ритуалов (Медведев 2001: 67, 68; Чичуров 1991: 28, 29).

Так, фоновые системы практического знания вследствие институционализации представляли в повседневной жизни византийцев в реифицированных формах, обособлялись и приобретали сакральное значение через участие в церемониале (Агамбен 2014: 78–80). К таким овеществленным действиям следует отнести и «личностные вещи», взаимодействие с которыми, согласно Л. Тевено, лежит в основании как идентификации, процессе узнавания себя в повседневной деятельности, так и легитимации, предельной области обоснования коллективных построений.

В византийском обществе можно выделить следующие элементы символического тела правителя: корона императора, церемониальные одежды, Евангелие (литургическое и императорское), статуи императоров, Большой дворец, а также ипподром и собор св. Софии. Эти овеществленные практики взаимодействия императора и жителей Константинополя были сильно укоренены в повседневности горожан, в связи с чем их ритуальное воспроизводство являлось необходимым основанием достижения солидарности. Одним из ярких примеров символической легитимации, ставшей следствием совершения действий, отходящих от церемониальных установок, можно назвать маневр Анастасия I, который в ходе восстания, направленного на его свержение, вышел в кафизму ипподрома (императорское ложе) без царственных одежд и короны, с Евангелие в руках. Такой символический прием

привел к дезориентации восстававших масс и просьбам к императору облачиться в царственные инсигнии (Чекалова 1997: 274). Данный пример иллюстрирует вместе с тем ключевую роль ипподрома, символически упорядоченного пространства, делавшего возможным двустороннюю коммуникацию императора и народа. Это взаимодействие принимало концентрированный политико-религиозный смысл, коль скоро ристания олицетворяли реальную жизнь, а обращения прасинов и венетов (партий ипподрома) выкрикивались созвучными аккламациями и имели молящий о милости характер (см. там же: 167, 188). В случае же, когда милость не была оказана, представители партий либо начинали биться друг с другом, либо единодушно покидали ипподром и, порой, поджигали его, что отражает реифицированность практики коммуникации (Чекалова 1997: 201, 202). Восстания в Константинополе были довольно частым явлением в додинастический период, поэтому их динамика и стихийная активность социальных низов позволяет наблюдать магические практики деструкции «личностных вещей» для преодоления народом социальной дистанции с правителем. Одним из наглядных примеров является разрушение статуй августейшего, осуществлявшееся сначала на ипподроме, затем по всему городу (см. там же: 269, 273).

Теперь же следует обратить внимание на политический ракурс рассмотрения практик М. де Серто. Попытки присвоения дискурса путем его «практического перетолковывания» осуществлялись довольно часто как вследствие органической институционализации церемониальных действий, так и в связи со стремлением императора или патриарха расширить свое влияние. В первом случае это переход от процедуры признания императора армией, сенатом и народом (разные варианты оглашения, в зависимости от условий пришествия к власти) к обряду венчания на царство, осуществляемому патриархом в соборе св. Софии и непродолжительному общению с сенатом и народом. Ко второму же примеру следует отнести запреты Юстиниана на ристания, что исключало возможность традиционной коммуникации народа с императором (см. там же: 245, 246, 269), а также отстранение им партии прасинов от участия в повседневном церемониале Большого дворца (см. там же: 184, 185). Таковые действия приводили к росту протестной активности в отличие от адаптации граждан и конструированию ими новых форм взаимодействия в первом случае. Вместе с тем с увеличением роли церкви и патриарха в церемонии венчания на царство предрасполо-

женность димов к осуществлению коронации не трансформировалась окончательно в символическую среду, но продолжала реализовываться в ходе восстаний, когда представители партий облачали новоявленного «правителя» в царские одежды и возлагали золотую цепь.

Как уже говорилось, византийцы идентифицировали себя со все-ленским вечным царством, в то же время существовала региональная, городская, сельская, а также семейная идентичность. Причем последняя была довольно устойчивой (Каждан 2006: 66), но, несмотря на римскую традицию и распространенность родственных связей в империи, не гарантировала солидарной поддержки между членами семьи. Она несла в себе лишь ценность происхождения, которую в силу развитой мобильности можно было приобрести матримониальным путем (Чекалова 1997: 74, 79). Более значимым продуктом идентификации граждан оказывается деление на партии ипподрома, оформившихся как церемониальные группы болельщиков, но в дальнейшем получивших политическое значение. Вместе с тем таковое деление охватывало почти всё население столицы и распространялось за его пределы, в силу того, что в Константинополе более ярко выражались и те конфликтные ситуации, которые складывались за его пределами (Острогорский 2011: 109–110). Так, партии имели неоднородный классовый состав, но устойчивую ориентацию в зависимости от элитных групп, относившихся к ним (прасины — торгово-ростовщический слой, венеты — аристократия, сенаторы) (см. там же: 153). При этом, несмотря на столь часто декларируемую «партийную» идентичность, в повседневной жизни граждане тесно переплетены друг с другом, что в частности видно по неоднородному расселению в кварталах столицы, а также в гомогенности социальных низов, присутствующих в обеих группах (см. там же: 155, 156, 165, 166).

Классовая многосоставность партий выражалась и в ролевом распределении церемониальных и литургических практик. Так, назначения на должность старшего представителя дима, присутствовавшего во Дворце, в основном осуществлялись из верхних социальных слоев. Соответственно большая часть населения, как уже говорилось, придавала Дворцу, собору св. Софии и прочим символически значимым объектам более овещественное, сакральное значение. Распределение социального запаса знания в данном случае ярко иллюстрирует ситуация в ходе восстания Ника, когда, собравшись на форуме Константина, представители двух партий размышляли о том, как утвердить импера-

торский статус Ипатия. Так, сенаторы, архонты и аргиропраты предложили обосноваться во дворце Елены, в то время как большая часть восставших видела необходимым захватить Большой дворец (Чекалова 1997: 225–227). Фоновые практики высших слоев более адаптивны в силу большего опыта работы с символически значимыми вещами. Еще одно подтверждение этому можно увидеть и в том, что после восстания Ника аристократы прощались императором легче и быстрее нежели низшие в иерархии (см. там же: 245, 246). Сам же акт помилования не воспринимался как милосердие, но был ожидаемым в связи с институционализированностью бунта (Медведев 2001: 71, 72).

Теперь же, указав на различный состав партий и вместе с тем на базовый консенсус по поводу благочестия императора, следует рассмотреть представления о справедливости византийцев. Так, основополагающим считалось совмещение античного принципа «геометрической справедливости» и христианского — эвергетизма и филантропии (см. там же: 86, 87). В целом же византийское понимание справедливости состояло в равенстве всех граждан независимо от их социального положения, а также в соразмерности наград и наказаний заслугам человека. Так, Юстин II говорит о необходимости сохранения за богатыми их капитала, в Василиках же указано, что нужно «воздавать каждому принадлежащее ему право». Все эти предписания являются выражением идеи гражданского и религиозного равенства (*aequitas*), но при этом постулируют равенство возможностей, выносящего «заботу о бедных» за пределы проблемы справедливости, называя эту деятельность «милосердием» (см. там же: 98–101; Кекавмен 2003: 69).

В этой связи становится очевидным то, насколько глубоко была интериоризирована византийцами политически нестабильная социальная среда. Чиновничья стезя, начиная с V в., становилась доступной не только для аристократии, но и для обретавшего корпоративную идентичность торгово-ростовщического слоя, что привело к борьбе внутри элиты за должностные позиции и возможности реализации через них своих интересов. Вместе с увеличением числа акторов усложняется и бюрократический аппарат, становясь центром юридического исполнения, а также концентратом материального капитала, символа благосостояния (Каждан 2006: 66–69). Это способствует выдвиганию денежного измерения ценности государственных постов, их покупаемости. Кроме того, велика была и роль клира в чиновном аппарате и в интеллектуальной элите. Так, важно отметить,

что рекрутирование в административную среду, а затем и в политическую элиту выходцев из широких слоев населения утверждало тотальность и неисключаемость власти императора. В поздний династический период Византии растущие местные аристократические образования автономизировались и вынуждали правителей заново внедрять свой управленческий аппарат. Таким образом, император должен был лично контролировать уже разросшуюся самостоятельную структуру, отождествляемую напрямую с его деятельностью (Чичуров 1991: 47, 149).

Специфику этого центрального положения императора можно обнаружить в церемонии венчания на царство, которая включает в себя торжественное шествие государя по Дворцу, облакающегося во все возможные инсигнии мирской власти, посещение гробниц предков, выход в сторону собора Святой Софии, торжественная «встреча» с народом (представителями димов, партий ипподрома, «Голубых» и «Зеленых»), вхождение в собор, обряд помазания (принято считать, что практиковался начиная с 1204 г.) и коронация. Важно отметить, что все основные моменты данного церемониала претерпевали заметную трансформацию сообразно дальнейшему развитию византийской культуры. Так, обряд помазания по утверждению Ж. Филезака и Ж. Дагрона таинством не являлся (Дагрон 2010: 338), поскольку не подразумевал никакого сообщения правителю Божественной благодати, коль скоро он онтологически предстаёт избранником Бога. Скорее данное действие является процедурой освящения, подобно ветхозаветному сюжету «помазания камня Иаковом» как акта запечатления Божественного присутствия. Также, согласно пророку Нафану, царь после помазания становится «другим человеком» в том смысле, что утрачивает свои социальные связи и приобретает новый тип родства, духовного родства с Богом (см. там же: 340).

Таким образом, сакральный статус правителя как избранника Божьего не сопровождался обожествлением. Усваивая представление о праведном царе из Ветхого Завета и наследуя римскую культуру обожествления императоров, традицию совмещения полномочий правителя и верховного понтифика, византийская религиозность вырабатывает ключевые легитимационные практики и символические конструкции уже во время правления Константина I. В данном временном периоде можно проследить тенденции к уподоблению как апостолам, так и самому Христу, что отразилось на особенностях захоронения

императора¹ и заветах императрицы Елены. Таковые тенденции можно трактовать как раннюю стадию адаптации религиозно-политической культуры к трансцендентности Божественного по средствам возвышения роли апостолов, выделения различности их качеств, а также окружения властного статуса их сакральной атрибутикой. Признание первого императора равноапостольным является ключевым моментом византийской религиозно-политической культуры, несовместимость персонального обожествления с единобожием разрешилась практически с последующим развитием концепции «Давидова священства» (Вальденберг 2008: 123). Такой символический статус содержал в своем основании Божественное происхождение власти и сакральную избранность императора. Правитель тем самым становился объектом гражданского почтения (*adoratio*), в котором признавали Божественное присутствие, но не Богом (см. там же: 126–129). В этом смысле проясняется причинность такого морального принципа, как «учительское достоинство», произнесение литургических речей и наставлений, ведение праведного образа жизни, которое воспринималось в качестве добродетели императора и в дальнейшем патриарха (Дагрон 2010: 329).

Так, литургические практики становились новым символическим центром, средой, на которую распространялись практики гражданского участия в признании или непризнании действий императора, символическим полем, генерализирующим религиозный и политический компоненты общественной жизни византийцев. Проводником таких практических предрасположенностей стал патриарх, исполнявший культ совместно с августейшим (Медведев 2001: 67, 68). Обращаясь вновь к теме роли «обыденного конституционного права» в правовой культуре Византийской империи, следует обратить внимание на процесс интеграции канона и номоса при Юстиниане I, а также на дальнейшее выделение из юрисдикции полномочий императора и дук (правителей в провинциях государства) «как корней закона и канона» (см. там же: 80, 82, 83). Таковое расширение законодательной системы можно назвать следствием универалистской идентичности жителей империи, а также гражданской роли православия, получившего статус «политической ортодоксии» (Чичуров 1991: 28, 29). Оно приводит не только к формальному подчинению священства императору, но

¹ В притворе храма св. Апостолов в усыпальнице.

и к ограничению власти последнего под действием усиления роли норм «неписанной конституции».

Вместе с тем после увеличения роли патриарха в церемонии коронации (впервые при Анастасии I) (Вальденберг 2008: 77) церковь также была моральной референцией, осуществлявшей до IX–X вв. публичное осуждение деятельности государственных служащих и даже императора, выступая в защиту социальных «низов» (Литаврин 2014: 102). При этом основная роль церкви состояла в обслуживании харизмы императора, выступавшего в качестве главного исполнителя культа Бога. Патриарх венчает на царство государя, августейший же принимает участие в поставлении главы церкви. Так, корона как главный священный символ власти хранится исключительно в стенах собора Святой Софии, где и осуществляется процесс венчания. В этом отношении примечательным является совместное шествие императора и патриарха от нартекса собора к алтарю, что явно символизирует взаимное сдерживание, а точнее синхронию («симфонию») обоих «источников власти». Особый интерес в этой связи представляет практика «целования любви» патриарха и императора (Савва 2012: 54–56).

Вместе с тем теоретическая сложность и практическая вариативность данной модели взаимодействия императорской и патриаршей властей под действием динамичного многосоставного общества способствовали развитию множества христологических учений. Следует отметить, что таковые вероятностные конструкции зарождались зачастую на периферии империи, но становились проблематичными уже в Константинополе в межпартийном и внутриэлитном взаимодействии. В этом смысле такие ереси, как арианство, павликианство, иконоборчество и монофизитство в основном исходили из потребности императора преодолеть символическую опосредованность, поддерживаемую церковью (Каждан 2006: 134–136, 144, 145). Притом этот мотив утверждался на основе недовольств, накапливаемых представителями других этносов и конфессий в процессе осмысления концепции богочеловека.

Так, Лев III, будучи иконоборцем, придерживался принципа «Аз есмь император и иерей» (Дагрон 2010: 235). Тем самым, развивая идею личного императорского священства и принуждая сановников церкви приносить клятву верности императору, правитель провоцирует осуждение как среди народа, так и среди церковнослужителей. В этой связи явные нарушения церемониала Львом III побуждают граждан, опира-

ясь вновь на ветхозаветную традицию, конструировать образ «царя-антихриста» (см. там же:235-238) для поддержания устойчивости существующей картины мира. Так, обретая практический смысл, институционализируется мифическое представление об императоре как о ставленнике Божьем, который совмещает в себе как возможность праведного правления, так и возможность отхождения от такового. На этой основе воссоздается такой ключевой элемент данного представления, как покаяние, т. е. осуществление процедуры прощения грехов, что в дальнейшем становится обязательным компонентом инициации правителя, осуществляемой через символическую практику помазания.

В эпоху укрепления Македонской династии и последующего усиления аристократии происходит секуляризация политической жизни и отведение религиозности второстепенной роли. Это выражается в символическом усложнении ритуала коронации и превращении его в исключительную сферу деятельности церкви, постепенно лишая церемонию гражданских смыслов (Дагрон 2010: 114). Так, в своих трудах патриарх Фотий усложняет Божественную природу императорской власти, определяя её как «естественную монархию и владычество Троицы», что направлено на легитимацию согласованности власти и православия (Чичуров 1991: 65). Однако при этом данная концепция отражает уменьшение роли народа в политической жизни государства и в исполнении культа Божественного. Легитимируя свою политику практиками «естественной монархии», Василий II лишает власти местную аристократию, осуществляет манипуляции в распределении привилегий между родами, а также расширяет бюрократический аппарат государства (Пселл 1978: 15). Вследствие таких изменений происходят принципиальные трансформации в церемониале. Так, ритуал помазания становится таинством и стремится к большей сакрализации, что выражается в замене елѣя миром (благовонным составом масел).

В дальнейшем, при Мануиле Комнине, глава государства получает титул «эпистемонарха», покровителя церкви, сопровождающийся клятвой верности, приносимой ему патриархом (Дагрон 2010: 315, 332). В то же время сан главы священства занимают все менее образованные люди, избираемые монархом (Савва 2012: 46). Это приводит к еще большему символическому усложнению церемониальных практик в связи с обособлением литургического статуса императора. Данные трансформации можно проследить путем наблюдения за изменением роли ключевого эстетического принципа византийской культуры — иконо-

мии. Если ранее он, вопреки регламентации законом (аквирии), применялся в ходе принятия повседневных решений гражданами, в том числе в церемонии избрания императора, то в поздней империи он практиковался в основном императором.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Усвоение византийской традиции. Основные закономерности эволюции

Принято считать, что наиболее активная миссионерская деятельность византийского православия осуществлялась во время патриарха Фотия, к этому этапу относится также просветительская работа братьев Солунских, Константина и Мефодия, которые переводили канонические тексты на языки различных этносов. Таким образом, широкое распространение византийской культуры и усвоение в той или иной степени её языческими народами, влекло за собой также и широкое развитие тенденции к «закреплению», «окостенению» таковой, что отражалось в энциклопедизме и эрудитстве как главных категориях просветительской деятельности (Экономцев 1992: 188, 189). Таким предстает «Фотиевский ренессанс» в описании игумена Иоанна Экономцева, который выделяет также следующий этап «Византийского возрождения»: отказ от компиляций, стремление к первоисточникам, личным глубинным переживаниям, схизме (исихазм).

В то же время процесс русского усвоения византийской религиозной культуры значительно реформирует последнюю, создавая новую религиозность также на основе уже существовавших паттернов и социально-политических установок. Качественно иные исходные основания формирования русской религиозности приводят к практикам идентификации, выразившимся в постоянных интерпретациях византийских источников, что в дальнейшем находит свое отражение в анахроничных, несопоставимых с предыдущей традицией ритуальных практиках. Таковая тенденция привела к многократной критике Константинопольскими патриархами русского церемониала, а также к выявлению Иеремией II Траносом ряда принципиальных расхождений между двумя традициями, что побудило русских церковных иерархов к решению о сохранении отличий и развитии собственной религиозно-политической культуры (Успенский 1998: 85).

В этой связи важно отметить, что заимствовался поздний византийский церемониальный порядок, способствовавший передаче институционализированных форм сакрализации власти династического государства. Вместе с тем наряду с хаотичностью преемства ритуальной традиции происходит более раннее усвоение главой церкви символических релевантных характеристик византийского патриарха, чем наследование Великим князем литургического статуса императора. Таковая особенность приводит к усилению харизмы митрополита (с 1589 г. — патриарха), а также к более явному проявлению «покаяния» правителя (свойственному византийским императорам) и возвышению образа старца.

В поздний княжеский и великокняжеский этапы символизации статуса правителя церемония венчания на царство усваивается в качестве хиротонии кесаря (владельца провинции), а не императорской коронации, что отражает подчиненную роль русского государя перед августейшим (Савва 2012: 74–77). Данная тенденция проявляется и в титулатуре как языковой форме институционализированных ритуальных практик. Так, наиболее распространенным званием правителя было «князь», не отсылающим напрямую к византийскому понятию «кесарь», но содержащим в себе священное значение в силу иноязычности слова. Эта конфликтность традиций наименования наряду с другими причинами приводит к утверждению автохтонного характера русской власти, не вписанной в систему координат соседствующих цивилизаций полностью (Филюшкин 2006: 15–18). Указанные особенности наиболее ярко проявились в церемонии венчания на Великое княжение Дмитрия Иоанновича, внука Иоанна III. Возложение «шапки и барм» на юного наследника, отсылающее к обряду хиротонии архонтов (кесарей), сопровождалось рядом исключительных действий, например, поучением митрополита (Савва 2012: 73–75, 78, 79).

В то же время складываются два основных направления относительно ключевого вопроса в церковном церемониале: процедуры поставления митрополита, в дальнейшем патриарха. Первым предстает принцип избрания главы церкви епископами диоцеза, а в дальнейшем выдвижением таковыми трех кандидатов, одного из которых выбирает государь. Данный принцип совершенно схож с процедурой избрания патриарха в Византии. При этом наличие отличительной от всех сановников священства харизмы позволяет главам церкви использовать Четырнадцатое апостольское правило о приравнивании поставления

на митрополию епископа к смене кафедры (практика была запрещена в Византии (см. прим. 66. Дагрон 2010: 328; см. Экскурс Х. Успенский 1998: 347–349), что подразумевало повторное проведение хиротонии, а потому придавало еще большее харизматическое качество главе церкви (Успенский 1998: 77–79, 81, 82, 84, 108). В этом смысле с обретением автономного авторитетного статуса, митрополит мог назначать преемников из архиереев, что выражало принцип икономии и было до известной степени сопоставимо с традицией «византийского преемства» императоров. Второй же путь не подразумевал повторного осуществления хиротонии, потому уступал место первому на стадии формирования харизмы митрополичьего, патриаршего статуса вплоть до суда над Никоном (1666 г.), после которого усиливается тенденция к угасанию статуса главы церкви. Так, Иов, первый русский патриарх, прошел хиротонию три раза, что обусловило дальнейшее развитие патриаршего церемониала (см. там же: 78, 79, 95, 510–512). Также централизованную направленность на концентрацию харизмы патриарха отражает ритуал «шествия на осяти вокруг народа», заимствованный у греков. Однако, если там он относился к обязательному обряду, выполняемому епископами верхом на лошади, то на Руси он был воспринят в качестве ритуала вхождения в Москву в день Вербного Воскресенья во главе с митрополитом, поскольку проводится явная аналогия с Христом (см. там же: 84–85; Савва 2012: 102).

Параллельно с ростом символической роли главы священства наращивалась и литургическая значимость светского правителя, что выражалось в приближении к императорской практике церемоний венчания Василия III, а затем и Ивана IV (Савва 2012: 88–89). Этот процесс можно проследить, обращаясь к семантическим трансформациям понятия «царь». Здесь важно обозначить два ключевых направления сигнификации идентичности русской элиты и правителя в отдельности: во-первых, царь как образ василевса, имеющий сакральное значение, во-вторых, царь как рядовой правитель (в том числе хан Золотой Орды), что очерчивало секулярный смысл концепта (Филюшкин 2006: 74). Так, согласно А.И. Филюшкину, стать царем можно было лишь победив хана, а синхронное этому процессу унаследование символического статуса Византии в православном мире позволяло уравнивать содержания понятий русского «царя» и европейского «императора» (см. там же: 75). При этом, опираясь на различие церемоний Вербного Воскресенья в византийской традиции, где император раздавал ветви пальмы и кре-

сты, благословляя подданных, и русского ритуала, где «шествие на осляти» осуществлял глава священства (Савва 2012: 100, 101), можно говорить не столько о размежевании властей и отхождении от принципа «политической ортодоксии», сколько об отсутствии устойчивой республиканской традиции и умалении однозначного первенства в христианском мире. В связи с этим происходит фундаментальное расхождение традиций: церемониальная культура Византии, направленная на возвышение императора как «царя всех христиан», переориентируется на углубление благочестия правителя и достижение святости, выставляя государя в качестве «отца семейства государственного» (см. там же: 65).

Можно проследить, что в процессе развития политической культуры харизма царя отходит от византийской традиции включенности «Давидова священства» в церковный иерархический порядок, и государь выступает в качестве автономного властителя как в светской, так и в церковной сфере (Успенский 1998: 24). В этой связи становится очевидной поверхностность утверждения о революционной новизне церковной реформы Петра I. Так, в церемониале венчания на царство изменяется порядок процедур в сравнении с византийской традицией: первоначально осуществляется коронация, после помазание, а затем причастие. Касательно проблематики организации Божественного культа и сообразных ему изменений в социально-политическом устройстве следует уделить внимание двум последним элементам ритуала.

В отличие от византийской традиции, которая была разобрана выше, русская религиозно-политическая культура усваивает помазание в качестве таинства, отождествимого с миропомазанием как крещением и сообщаемого государю Божественную благодать, «печать и дар Святого Духа» вместо византийского «Свят, Свят, Свят» (см. там же: 17). Неправедных же царей и императоров, как свидетельствует С. С. Аверинцев, сравнивали с «Антихристом» (см. Аверинцев 1991, 1992), т. е. ранняя предрасположенность к сравнению с образами царей Израильских реформируется в отождествление с Христом. В этом отношении причастие правителя обретает значение «перерождения», приобретения царем «Силы Святого Духа», что по утверждению Б. А. Успенского, подразумевает причащение государя в новом качестве (Успенский 1998: 15, 16, 24, 26, 27). Таким образом, генерализирующим показателем пространственной и чувственной отдаленности, явно ощущаемого верующим противопоставления себя «Божественной

силе» правителя, является открытое или закрытое состояние «Царских врат» в алтаре в момент таинства миропомазания и причастия (см. там же: 175). Таковые практики, по мнению Р. С. Уортмана, легитимировались через символические построения «героической истории» правящей династии и мифы о чужеземном, сверхъестественном происхождении власти и династии (Уортман 2002: 20, 21).

Легитимация и идентификация символического ядра властвующей элиты современной России

Теперь же, раскрыв византийскую традицию и её российское усвоение, следует попытаться проследить тенденции развития политической культуры современной России. Прежде всего нас, конечно, интересует практическое проявление процессов идентификации и легитимации, находящихся своё выражение в церемониях инаугурации президента РФ и интронизации патриарха РПЦ Кирилла (1 февраля 2009 г.) (см. Телеканал СССР 2016; Салтыков 2015; Салтыков 2014а; Салтыков 2014б; Салтыков 2014в; Салтыков 2016; Russianchurch 2010), а также в похоронах Б. Н. Ельцина (24 апреля 2007 г.) (см. Mia000000 2013) и погребении Алексия II (6-9 декабря 2008 г.) (см. Niknikolay 2008). В то же время нужно обозначить, что практики легитимации и идентификации несмотря на их разнонаправленность, описанную в аналитической модели политической культуры, довольно трудно различать в деятельности представителей властвующей элиты. Так, действия, направленные на обозначение себя в социально-политическом пространстве сопровождаются встраиванием такового представления в символический универсум общества.

В обществе, где основные практики коммуникации элиты и неэлиты утверждаются как демократические институты, выборы также являются ритуалом, событийное содержание которого разворачивается в церемонии «вступления в должность». В российской политической культуре выборная традиция не имела устойчивых оснований и определенного практического смысла. Усваиваемой из Византии идеи Божественного происхождения правителя сопутствует скорее практика признания избранного государя. В этой связи культурная предрасположенность к участию в процессе инаугурации и воспроизводству социальной дистанции способствует большему акценту внимания граждан на церемониале, чем на процессе избрания. О данном явлении ярко свидетельствует преемственность лидеров и их взаимное выдвигание.

Так, бывший президент Б. Н. Ельцин 7 мая 2000 г. на инаугурации избранного президента В. В. Путина (и вместе с тем исполняющего обязанности первого лица государства) представляет и наставляет ранее им выдвинутого преемника. В свою очередь В. В. Путин выдвигает кандидатуру Д. А. Медведева на выборы 2008 г., также и в обратной последовательности в 2012 г.

Несмотря на прослеживаемую предрасположенность к церемониалу, в новообразованном государстве большое внимание уделялось гражданами и демократическому ритуалу выборов. Это выражается и в инаугурации. Так, в качестве активных участников гражданского обряда предстают председатели верхней и нижней палат парламента, глава избирательной комиссии и председатель конституционного суда. Столь яркое оформление принимает вторая инаугурация президента Б. Н. Ельцина (9 августа 1996 г.). Церемония проходит в Государственном Кремлевском Дворце с участием избранного президента, патриарха Алексия II и вышеописанных лиц (см. Салтыков 2015). Данный порядок частично воспроизводится и в акте инаугурации В. В. Путина (7 мая 2000 г.), однако начиная с 7 мая 2004 г. в церемонии «вступления в должность» происходят существенные изменения. Так, в указанном году на инаугурации президента отсутствует глава избирательного комитета (см. Салтыков 2014б), и уже 7 мая 2008 г. председатель конституционного суда лишается возможности помещать на трибуну конституцию и знак президента, принесенные гвардейцами (см. Салтыков 2016). Таким образом, скорое уменьшение символизации гражданственности церемонии позволяет обосновать отсутствие фоновой предрасположенности россиян к избранию главы государства.

Возвращаясь к теме реифицированных практик легитимации и дальнейшей идентификации, следует отметить, что в ходе церемониальных действий таковые «личностные вещи» властной коммуникации приобретают удостоверяющее материальное измерение. Например, такие символически значимые вещи как штандарт президента, личный экземпляр конституции и знак президента с орденом «За заслуги перед отечеством» I степени, который не является государственной наградой. Здесь интересен последний, так как, будучи впервые надет на Б. Н. Ельцина в 1996 г., он больше не использовался как венчающий символ в дальнейших инаугурациях.

Как можно заметить, описание воспроизводства и оформления фоновых практик «вступления в должность» правителя позволяет задать

ключевой вопрос: какое же действие является центральным в церемониале? Актом «превращения» в этом смысле следует назвать клятву избранного президента, после произнесения которой председатель конституционного суда провозглашает его президентом РФ. Однако на этом церемония не заканчивается, произносится инаугурационная речь. Примечательно, что её содержание, неся традиционно и личный и официальный компоненты, выражает ярко выделенное обещание, т. е. продолжение клятвы. Здесь можно усмотреть продолжение византийской традиции клятвы императора народу в ходе ритуала венчания на царство, однако такие сравнения представляются не достаточно обоснованными и требуют более широкого описания репертуара церемониальных практик.

Так, еще одним элементом императорского (в том числе применимо к Российской Империи) церемониала, воспроизводимым в инаугурации президента, является военный ритуал смотра президентского полка, следующий за церемонией в Андреевском зале Дворца начиная с 2000 г. Интересным оказывается то, что сама инаугурация происходит в день возникновения полка, а потому каждый новый приход к власти президента сопровождается новым рождением его полка, который в свою очередь символизирует историчность всей армии в целом, неся форму разных временных периодов.

Описав светский компонент церемонии, следует обратиться к рассмотрению участия главы церкви в практиках легитимации получения власти. Так, в последние годы существования СССР происходит усиление института патриарха, что выражается как в свободном избрании (одного из трех кандидатов) Алексея II в отличие от безальтернативного выбора высших иерархов ранее, так и в активном участии патриарха в легитимации власти президента РСФСР и Российской Федерации в дальнейшем. Дополнительным элементом, оформляющим такую тенденцию, является принятие главой церкви порядкового звания, символизирующего преемственность, институционализацию патриаршества.

Участие верховного иерарха в церемонии инаугурации эволюционировало от произнесения речей, перекрещивания президента и рукопожатия с ним в 1991 и 1996 годах к присутствию среди почетных гостей (рядом с женами В. В. Путина и Д. А. Медведева) в последующих процессиях. Кажущееся уменьшение значимости главы церкви как носителя символически выраженных сакральных смыслов опровергается

тем фактом, что начиная с 2000 г. сразу после инаугурации патриарх в присутствии президента проводит молебен в Благовещенском соборе, связанным со зданием Большого Государственного Дворца, а также дарует свое благословение (см. Информационное агентство РИА 2008; «Православие и Мир» 2012; «Православие.Ru» 2012; «Вести.ru» 2012). Эти практики позволяют говорить о вымещении ряда символически значимых действий в менее публичную (во всех случаях, кроме 2012 г. отсутствует видеозапись в свободном доступе) часть церемонии в Благовещенском соборе. При этом таковые практики можно называть фоновыми. Не только потому, что они осуществляются в непубличном пространстве, но и в связи с тем выборочным усвоением исторической традиции, легитимирующим предрасположенность.

Теперь же рассмотрим ролевые практики самого патриарха. Верховный иерарх в обращении к президенту и в церемониальных действиях идентифицирует себя с народом страны в целом. Причинами такого соотношения можно назвать две тенденции. Во-первых, это мессианская устремленность церкви, ее ориентация на возрождение и сохранение культурных и религиозных ценностей, необходимых для укрепления национальной идентичности и дальнейшей модернизации страны (см. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский 2006). В этом смысле представители церкви, вынужденные мириться с принципом «свободы совести» и мировоззренческим нейтралитетом государства, выступают за необходимость «указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих... к разрушению личной, семейной или общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств, нанесению ущерба культурно-духовной самобытности народа или возникновению угрозы священному дару жизни» (см. Церковь и государство III. Основы социальной доктрины Русской Православной Церкви. 2008). Этот фрагмент показывает пространственную неопределенность таковых требований свободы т. е. отхождение от концепции «естественных прав» человека. Во-вторых, подобная идентификация верховного иерарха связана с появлением института патриаршества, не имевшего развития в Российской Империи. Так, к примеру, после проведения молебна в честь инаугурации В. В. Путина 7 мая 2012 г. глава церкви произнес речь, церемониальная значимость которой состоит в напутствии, даруемом перед благословением. В этой речи патриарх сказал, что «способность различать духов и слышать голос народа — это залог успеха служения главы госу-

дарства», при этом под «духами», заглушающими «голос народа», верховный иерарх понимает «хорошо организованные группы людей, которые нередко готовы свое мнение отождествить с мнением народа» (см. Russianchurch 2012). Таким образом, понятие «народ» становится гностически постижимым овеществленным конструктом, сакрализация которого сопутствует символическому усложнению практик легитимации президента и патриарха. Дистанцирование властвующей элиты способствует приданию массовых характеристик гражданам (Манхейм 2010: 220–228).

Так, глава церкви предстает «хранителем» ценностей и символов «народа», требующих ритуального усвоения массами людей. Тем самым происходит сведение знания о политической культуре к онтологизированным духовно-нравственным глубинным свойствам «народа». В этой связи происходит «сужение коммуникативных горизонтов до “вечной повседневности”», что выражается в возрастании роли имперских политических практик, в частности в «назначении доверенного лица». Такое состояние свидетельствует также и о бюрократизации, о присвоении представителями исполнительных структур политического капитала, конвертирующегося в вышеописанные символические формы преемственности (см. Завершинский 2008: 111–115).

Постараемся рассмотреть этот этап производства вероятностных конструкций более прицельно. Эволюция представления о прошлом в современной России берет начало с негативной идентификации по отношению к советскому времени. Так, если в начале последнего десятилетия XX века такое противопоставление выражается в вычленении угнетенных предшествующей системой символов (знаков, героев, достижений и пр.), то уже к концу 1990-х гг. происходит «декоммунизация» символов советских, которым придавался смысл «подвига народа» или стойкости русского человека. В то же время на заднем плане такой идентификации осуществлялось конструирование образа «глубинной истории» народа России и обращения к «прерванному наследию» (Малинова 2013: 117–121, 124). Когда в начале второго десятилетия современной России негативная идентификация истощается, на авансцену выходит модель «тысячелетней истории» России, которая, однако, оказывается трудно артикулируемым символическим ресурсом. В этой связи культурная идентификация осуществлялась «по случаю», комбинируя различные символические конструкции для оправдания и объяснения политической реальности (см. там же: 116, 124,

125). Сами же практики легитимации, достижения этого «механического единства» дискурсов, привели к усилению роли президента и властвующей элиты в целом. Таким образом в условиях неструктурированного символического пространства на процесс легитимации большее влияние оказывали как абстрактные мифические построения, так и практическая предрасположенность граждан. Наибольшую устойчивость в объяснении реальности через легитимные смысловые сегменты проявили представители РПЦ, постепенно включавшиеся в связи с этим во властвующую элиту. Сужение поля идентификации россиян, выражавшегося в выделении роли лидера, в цивилизационном противопоставлении России Западу, легитимировалось под влиянием символических систем представителей церкви.

Возвращаясь к ролевому распределению церемониальной активности президента и главы церкви, важно отметить, что взаимным присутствием на инаугурациях друг друга их символическое взаимодействие не ограничивается. Наряду с ним существует устойчивая практика посещения главой государства, председателем правительства и мэром Москвы пасхального и рождественского ежегодных богослужений в Храме Христа Спасителя, осуществляемых патриархом (см. Russianchurch 2010; D2Yurik 2011; TVanalystRU 2012; RT на русском 2013a; Мезецкий 2014; RT на русском 2015; Свет Православия 2016; RU HD 2017 2017; Russianchurch 2011; RT на русском 2013b; RT на русском 2014; RT на русском 2016b). Здесь интересны три сюжета: во-первых, практика взаимного целования главы церкви и почетных представителей светской власти, во-вторых, дарение подарков во время пасхальной службы, а в-третьих, паломнические поездки В. В. Путина в ночь Рождества Христова. Так, первые действия отсылают нас напрямую к византийской практике «целования любви» патриарха и императора. Это же выражает иерархическая последовательность исполнения практики главой священства. Вместе с тем данный элемент церемониала не всегда осуществляется равномерно. К примеру, на интронизации патриарха Кирилла (1 февраля 2009 г.) президент Д. А. Медведев выступает с поздравительной речью после которой пожимает руку верховному иерарху, в то же время В. В. Путин поздравляет главу церкви, совершая жест рукопожатия и дальнейшего взаимного целования. Этот факт позволяет выделить литургический статус В. В. Путина, выходящий за границы юридического измерения. Институционализация выделяющей роли данного политика проявляется и в форме паломнических

поездок на рождественскую службу в региональные храмы. Причем такие посещения имеют не только стратегическое значение как, например, в Сочи в 2013 и 2014 гг. (см. RT на русском 2013б; RT на русском 2014), но и привносят личные смыслы о происхождении семьи президента (поездки в село Тургиново Тверской области в 2011 и 2016 гг.) (см. Russianchurch 2011; RT на русском 2016).

Отдельно следует остановиться на взаимных актах дарения, для интерпретации которых можно использовать антропологический подход. Так, иерархичность выражается не только в очередности предоставления подарков патриархом, но и в различности их размеров. Соглашаясь со взглядом М. Мосса, дар можно считать овеществленным душевным состоянием, а сам акт дарения — институционализированной практикой обмена соразмерными по смыслу символами, что отражает статусное соотношение участников (Мосс 2011: 165–166, 169–170). Так, в пасхальные воскресенья 2010, 2011 и 2012 гг. патриарх получает ответные подарки от президента РФ Д. А. Медведева, однако в последующем при президентстве В. В. Путина ответное публичное дарение в этот день отсутствует. Это позволяет двойно интерпретировать данную коммуникацию: либо получение подарка главой церкви уходит в неформальную сферу, либо обмен разворачивается в более широком символическом поле и акты дарения со стороны патриарха являются ритуальным признанием подчиненного положения.

Вспомогательной деталью здесь могут стать сами подарки. Глава священства каждый год предоставляет ювелирные пасхальные яйца (размеры отличаются только по отношению к мэру, но не между президентом и председателем правительства), в то время как Д. А. Медведев дарит менее типизированные и, как можно судить по видеозаписи, в большей степени демонстрирующие праздность символы. Пока что представляется уместным остановиться на этом двойственном значении практики и рассмотреть еще один элемент церемонии. Такой составной частью является особая роль жен Д. А. Медведева и В. В. Путина в пасхальном ритуале. Они также совершают «целование любви» с патриархом вслед за мужьями (Л. А. Путина лишь один раз, в 2011 г.), однако не получают от него подарков вплоть до 2014 г. В последующем отношения обмена расширяются и тем самым отражают расширение статусной идентичности.

Таким образом, ролевые практики патриарха выражают не возвышение его символического статуса над президентским в силу высокой

литургической опосредованности политических ритуалов, но скорее усложнение легитимационных формул самого правителя. Ориентация на «благочестие» президента, выступающая основной характеристикой его статуса, отсылает нас к ранее описанной русской традиции отнесения церемониального исполнения к ведению церкви. Эта особенность российской политической культуры не подразумевает разделения светской и религиозной властей, а потому не лишает церемониальные практики гражданского смысла. Так, опираясь на результаты исследований Фонда общественного мнения и Левада-центра, можно констатировать, что в России в с 2012 по 2013 гг. от 79% до 64% причисляют себя к православной конфессии, при этом воцерковленных среди них 12% (см. Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр» 2012) и лишь 3% строго соблюдают Великий пост (см. Фонд общественного мнения. ФОМ 2013б). Кроме того, следует обратить внимание на еще один важный для обобщений показатель: популярность праздников Рождества Христова (63% за 2012 г.) (см. Фонд общественного мнения. ФОМ 2014) и Пасхи (79% за 2012 г.) (см. Фонд общественного мнения. ФОМ 2013а). Согласно данным, существует большая доля православного населения, не поддерживающего свою религиозную идентичность ритуальными практиками, на основе чего можно говорить о наличии фонового знания о православной культуре у таковых граждан. Это утверждение, а также значимость двух рассматриваемых в работе праздников дают дополнительные основания полагать совмещенность религиозных и гражданских символов в поле политической идентификации большинства населения.

Теперь, проследив основные закономерности институционализации практик и их ролевого распределения, следует более прицельно рассмотреть действия президента, способствующие легитимации его особого символического статуса. В первую очередь следует выделить широко развитый бюрократический аппарат, что характерно для российской политической культуры. Это можно констатировать в связи с разрастанием исполнительных структур и увеличением их вооруженных формирований. В данных условиях роль главы государства проявляется в попытках нахождения баланса между конкурирующими группами, что необходимо для однонаправленного исполнения воли высших слоев политической элиты, а именно в постоянной «пересборке» исполнительных (в том числе силовых) ведомств. Подобные претензии на регулирование со стороны президента проявляются и по

отношению к судебной системе. Так на публичном заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 8 декабря 2016 г. глава государства подверг критике компетентность липецкого суда, опираясь на текст приговора 2009 г (см. RT на русском 2016). Подобные практики идентификации президента в качестве главы всех ветвей власти предстают следствием практик легитимации, вписывающих господствующее положение лидера в символический универсум общества. Таким образом, глава государства оказывается вне системы «разделения властей», что прежде всего характерно для византийской политической культуры. Данный принцип исходит из ветхозаветного представления о человеке, как «по природе греховном» существе, требующем ограничения (Судьбы православия в современном мире. Одоление смуты: Слово к рус. народу 1995: 199-200), что в корне противоположно новозаветному духу религиозно-политической традиции Византии эпохи расцвета. В этом смысле в данной тенденции к концентрации социального и символического капитала в статусе президента прослеживается византийский образ «пантократора» (императора-вседержителя).

Наиболее ярко данная символическая конструкция проявляет себя в практиках широкомасштабного публичного общения с народом, проходящего в форме часовой «пресс-конференции» президента. Основной смысл такой коммуникации состоит в сообщении правителем своего «всевластия» и «всезнания», что в высшей степени демонстрирует стабильность политического процесса и упрочнение символического капитала лидера, выражающегося в привыкании граждан к безынициативной повседневной жизни. Так, президент приводит конкретные цифры, произносит резкие речи в адрес государственных деятелей, шутит — все это воссоздает эмоциональный спектр, способствующий сведению политической реальности к привычным узнаваемым переживаниям, и вместе с тем придает чертам лидера сакральный смысл имманентного присутствия.

Одним из оснований принятия символической моделью «пантократора» описанных эволюционных форм можно считать героизацию создателя нового свободного государства, Б.Н. Ельцина, которая позволяла ему генерализировать влияние посредством таких качеств авторитета, как доблесть, избранность и благочестие. Так, несмотря на поведение политика, интерпретация его значения отсылала к этим смыслам, ключевым из которых оказалось последнее. Это в наиболее

яркой форме проявилось после смерти первого президента России, ставшей началом конструирования благоверного и благочестивого образа Б.Н. Ельцина. Фигура лидера отождествляется с началом нового государства, а потому должна быть освящена. Для этого осуществляется всеобщая похоронная церемония, где утверждается образ праведного правителя, а в дальнейшем строится Ельцин-Центр, направленный на поддержание сакрального статуса первого президента через символическое размещение повседневных атрибутов его жизни. В дальнейшем В.В. Путин, будучи выдвинутым Ельциным кандидатом, не нуждался в трансляции благочестия, но лишь в его ритуальном воспроизводстве, поэтому президент в силу увеличения значимости сигнификации суверенитета страны легитимировал свой статус через символизацию «военной доблести». Так, глава государства участвовал в разрешении чеченского конфликта, ярко демонстрировал свою роль во внешнеполитическом процессе и пр. Обоснованием же таких действий становится идентификация с Восточной православной цивилизацией, противопоставляемой Западноевропейской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение эволюции практик политической легитимации и идентификации в византийском и в российском обществах через предложенную аналитическую модель в русле феноменологического конструктивистского подхода позволяет сделать некоторые обобщения о проявлении византийской традиции в символических формах и содержании политической культуры современной России. Наиболее значимым здесь оказывается наличие размытых представлений россиян о национальной идентичности в связи с отсутствием драматичных и целостных коллективных конструкций прошлого. Вместе с тем создается образ «благочестивого» президента как борца за свободу граждан нового государства и продолжателя «прерванного наследия» дореволюционной эпохи. Оба этих содержательных момента трансформации российской политической культуры находят выражение в востребованности православной символической системы в описании референтного прошлого и ритуальном оправдании политического господства. Вследствие этого идентификация россиян с православием приобретает столь же размытый характер, не подразумевая в большинстве случаев полноценной ритуальной активности, а представлению о прошлом

придается священный ореол, допуская все меньше критики былых государей и правительств.

Таким образом, происходит институционализация практик, в том числе коммеморативных. В свою очередь возвышение литургического статуса В. В. Путина, переход некоторых ритуальных практик взаимодействия его с патриархом в непубличное поле сопутствуют усилению властных позиций президента во внутриэлитной среде. Эта направленность институционализации практик в сопровождении более детальных процедур во многом отсылают к византийской и российской моделям легитимации власти. Вместе с тем подобная автономизация символического статуса президента находит выражение в церемониальной роли патриарха как «хранителя ценностей и символов народа», а также в идентификации с Восточной православной цивилизацией, отводящая спорам о деталях событий «тысячелетней истории» России незначительную роль. Таким образом, представляется возможным утверждать, что наиболее очевидные проявления византийской традиции в практических предрасположенностях российской властвующей элиты обнаруживаются в процессе идентификации последней с наиболее общими и мифологичными цивилизационными моделями. Именно в этом релевантном смысловом сегменте широкий пласт фоновых практик переструктурируется в комбинацию символических действий.

Литература и источники

Аверинцев С. Антихрист // Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. 1991–1992. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Mifologia/184.php (доступно 29.09.2017).

Агамбен Дж. Похвала профанации. Агамбен Дж. Профанации. — М.: Гилея, 2014.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И.Г. Ясавеев. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007.

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. — С. 66–83.

Бурдьё П. Начала: [Сборник: Пер. с фр.] / Пьер Бурдьё. — М.: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1994.

Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001.

Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII века / Подг. изд. В. И. Земскова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

В день инаугурации президента Российской Федерации В. В. Путина Святейший патриарх Кирилл совершил молебное пение в Благовещенском соборе московского Кремля. // портал «Православие.Ru». 7 мая 2012. URL: <https://pravoslavie.ru/53368.html> (доступно 29.09.2017).

Великий пост. В чем смысл Великого поста? Зачем люди постятся? // Фонд общественного мнения. ФОМ. 05.04.2013. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10879> (доступно 29.09.2017).

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. (Серия «Прагматический поворот»; Вып. 2).

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.

Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме» / пер.и науч. ред. А. Е. Мусина; под общей ред. чл-корр. РАН И. П. Медведева. — СПб.:Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010.

Дука А. В. Политическая культура // Политология: Проблемы теории: [Монография] / [В.А. Ачкасова, В.А. Ачкасова, В.А. Гуроров и др.]; [Отв. ред. В.А. Гуроров]. — СПб.: Лань, 2000. С. 247–282.

Завершинский К. Ф. «Имперский» ритуал в политико-культурной динамике современного российского социума // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2008.

Завершинский К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. — С. 19–30.

Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.) / А. П. Каждан. — СПб.: Алетейя, 2006.

Кекавмен Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Подготовка текста, введение, пер. с греч., комментарий Г. Г. Литаврина. — Изд. 2-е, перераб., доп. — СПб.: Алетейя, 2003. (Серия «Византийская библиотека. Источники»).

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. От результата диалога политического мира с Церковью будет зависеть наше будущее. Публичная лекция, прочитанная в РГУ 26.06.2006. // Интерфакс-религия. 26.06.2006. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=454> (доступно 29.09.2017).

Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение 2007. Том 6. № 2. 79–96 pp.

Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007.

Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / отв. ред. А. П. Каждан. — СПб.: Алетейя, 2014.

Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2013. — № 1. — С. 114–130.

Манхейм К. Эссе о социологии культуры. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. — М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010.

Масленица и Великий пост // Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр» 03.03.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/03/maslenitsa-i-velikij-post/> (доступно 29.09.2017).

Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. — СПб.: Алетейя, 2001.

Мезецкий Ю. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя 20 апреля 2014 г. [телевизионная запись] // YouTube. 20 апреля 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mfvDS0uGV2Y&t=5820s> (доступно 29.09.2017).

Молебен о Президенте: для чего? // портал “Православие и Мир”. 05. мая 2012. URL: <http://www.ppravmir.ru/moleben-o-prezidente-dla-chego/> (доступно 29.09.2017).

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. Статья, комментарии А. Б. Гофмана. — М.: КДУ, 2011.

Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. с нем.: М. В. Грацианский; ред.: П.В. Кузенков. — М.: Сибирская Благовонница, 2011.

Патриарх Кирилл благословил Путина на служение Отечеству. // Информационное агентство «Вести.ru». 7 мая 2012. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=788767&tid=97514#> (доступно 29.09.2017).

Патриарх совершит молебен после инаугурации Медведева в Кремле. // Информационное агентство РИА новости 7 апреля 2008. URL: <https://ria.ru/society/20080407/103916916.html> (доступно 29.09.2017).

Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

Праздник Пасхи. В чем суть праздника Пасхи? И что в этот день будут делать россияне? // Фонд общественного мнения ФОМ. 04.05.2013. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10909> (доступно 29.09.2017).

Пселл Михаил. Хронография. Краткая история / Пер. Я. Н. Любарский, Д. А. Черноголазов, Д. Р. Абдрахманова. М.: Наука, 1978.

Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. Пер. с англ. — М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.

Рождество. Как люди празднуют рождество? // Фонд общественного мнения ФОМ. 16.01.2014. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11293> (доступно 29.09.2017).

Россияне о религии и церкви. // Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр». 11.10.2012. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/11/rossiyane-o-religii-i-tserkvi/> (доступно 27.09.2017).

Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. — М.: Кучково поле; Лавандр, 2012.

Салтыков А. Инаугурация Б. Н. Ельцина 9 августа 1996 г. [телевизионная запись] // YouTube. 11 марта 2015 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ivYRMOr1m0g&t=29s> (доступно 29.09.2017).

Салтыков А. Инаугурация В. В. Путина 7 мая 2000 г. [телевизионная запись] // YouTube. 21 мая 2014 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g0Jp0KHTVN8&t=1226s> (доступно 29.09.2017)

Салтыков А. Инаугурация В. В. Путина 7 мая 2004 г. [телевизионная запись] // YouTube. 19 мая 2014 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u2ji2YzI9q8&t=22s> (доступно 29.09.2017).

Салтыков А. Инаугурация В. В. Путина 7 мая 2012 г. [телевизионная запись] // YouTube. 19 мая 2014 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tPRHJA3gobY&t=2822s> (доступно 29.09.2017).

Салтыков А. Инаугурация Д. А. Медведева 7 мая 2008 г. [телевизионная запись] // YouTube. 20 сентября 2016 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2OjWYsdVENY> (доступно 29.09.2017).

Свет Православия. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя 1 мая 2016 г. [прямая трансляция] // YouTube. 30 апреля 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QuK_fm-vkSk (доступно 29.09.2017).

Соловьев В. С. Византизм и Россия. М.: издательство «Проспект», 2014.

Судьбы православия в современном мире. Одоление смуты: Слово к рус. народу: [Сборник] / Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. — СПб.: Царское дело, 1995. — 347 с.

Телеканал СССР. Инаугурация Б. Н. Ельцина 10 июля 1990 г. [телевизионная запись] // YouTube. 11 июля 2016 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KAрj6-RkLz4&t=19s> (доступно 29.09.2017).

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8). — М.: ОГИ, 2002. — Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.

Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. — М., СПб.: «Альянс-Архео», 2006.

Формизано Р. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. — С. 111–146.

Ценности: религиозность. Сколько россиян верят в Бога, посещают храм и молятся своими молитвами? // Фонд общественного мнения. ФОМ. 14.06.2013. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10953> (доступно 29.09.2017).

Церковь и государство III. Основы социальной доктрины Русской Православной Церкви. Архиерейский собор 2000 г. // Официальный сайт Московского Патриарха. 9 июня 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (доступно 29.09.2017).

Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. — Спб.: Алетейя, 1997.

Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). — М.: Наука, 1991.

Шюц А. О множественности реальностей. / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологической обозрение. 2003. Том 3. № 2. — С. 3–34.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Экономцев И. Н. Православие, Византия, Россия. — М.: Христианская литература, 1992.

Barker R. Legitimizing Identities: The Self-Presentations of Rulers and Subjects. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Certeau Michel de. The practice of everyday life. Berkeley: University of California Press, 1984.

D2Yurik. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя 24 апреля 2011 г. Ч. 4. [телевизионная запись] // YouTube. 22 мая 2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5GT274N9XFM&t=392s> (29.09.2017).

Geertz Clifford. Local knowledge: further essays in interpretive anthropology. New York: Basic Books, 1983.

Luckmann T. Comments on legitimation, Current Sociology 35, 2 (1987). 109–117 pp.

Mia000000 Похороны Б. Н. Ельцина Часть 1. [телевизионная запись] // YouTube. 18 февраля 2013 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1MKiNQdPeok&t=1s> (29.09.2017).

Niknikolay Отпевание патриарха Алексия II Часть 2. [телевизионная запись] // YouTube. 9 декабря 2008 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZQ6kgRk0mcQ&t=22s> (29.09.2017).

RT на русском. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя 5 мая 2013 г. [прямая трансляция] // YouTube. 4 мая 2013. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SG_1B7UMtKs&t=6116s (29.09.2017).

RT на русском. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя 12 апреля 2015 г. [прямая трансляция] // YouTube. 11 апреля 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8bmV8LNMqg&t=4156s> (29.09.2017).

RT на русском. Путин о переданном ему постановлении суда: «Волосы дыбом встают». [запись] // YouTube. 9 декабря 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mcF0uO__kb0 (29.09.2017).

RT на русском. Рождественское богослужение в Храме Христа Спасителя 2013 [прямая трансляция] // YouTube. 6 января 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ORFAqT7Hwek&t=4346s> (29.09.2017).

RT на русском. Рождественское богослужение в Храме Христа Спасителя 2014 [прямая трансляция] // YouTube. 6 января 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=q_NMOMzi4SQ&t=3909s (29.09.2017).

RT на русском. Рождественское богослужение в Храме Христа Спасителя 2016 [прямая трансляция] // YouTube. 6 января 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8MVhd60onHk&t=3403s> (29.09.2017).

RU HD 2017. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя 16 апреля 2017 г. [прямая трансляция] // YouTube. 15 апреля 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=55-MDW5jmLg&t=3852s> (29.09.2017).

Russianchurch Интронизация патриарха Кирилла 1 февраля 2009 г. Часть 2. [телевизионная запись] // YouTube. 25 июня 2010 URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ws1U9QZG_e0 (29.09.2017).

Russianchurch. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя. 4 апреля 2010 г. Ч. 1. [телевизионная запись] // YouTube. 29 июня 2010. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WvrW3ADSkug> (29.09.2017).

Russianchurch. Рождественское богослужение в Храме Христа Спасителя 2011 [телевизионная запись] // YouTube. 7 января 2011. URL: https://www.youtube.com/watch?v=16eGjrkjQ_8 (29.09.2017).

Russianchurch. Фрагменты молебна по случаю инаугурации президента РФ 7 мая 2012 [запись] // YouTube. 7 мая 2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I0JT8dmuFEs> (29.09.2017).

PAST FOUNDATIONS IN THE PRESENT

THE PHENOMENON OF BIZANTINISM IN THE POLITICAL CULTURE OF CONTEMPORARY RUSSIA

A. Shvaya

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.7>

Abstract. *In this article an attempt is made to evaluate the influence of the Byzantine past on political culture of contemporary Russia. For this, a phenomenological constructivist approach is used that allows us to view political culture through routine actions, the periodic implementation of which by symbolically meaningful representatives of society (by the head of state and the head of the church) makes it possible to achieve solidarity. Within the limits of the selected methodological direction, an analytic model for the studying of political culture is created, three components of legitimation and identification processes are singled out: everyday practices, institutional stratification and plausibility constructions. They find their expression in ceremonial practices, their institutionalization and role distribution between the head of state and the head of the church, as well as in mythical representations that determine the symbolic significance of certain actions. So, to trace the evolution of cultural forms and meanings, first the Byzantine religious-political culture is studied, then the assimilation of the Byzantine tradition by Russian political culture and the further transformation of the first one are studied, and, finally, the practices of legitimization and identification by the power elite of contemporary Russia are reviewed.*

Keywords: *political culture, practices, ceremony, symbol, legitimation, identification, church, secular, Byzantine Empire, Russia.*

References

Averintsev S. Antikhrisť // Mify narodov mira: entsiklopedia v 2 t. [Averintsev S. Myths of the Peoples of the World in 2 volumes.] 1991-1992. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Mifologia/184.php (available: 29.09.2017). (In Russian).

Agamben G. Pokhvala profanatsii / Agamben G. Profanatsii. [Agamben G. In Praise of Profanation / Agamben G. Profanations.] / Transl. from Italian to Russian. Moskva: Gileya, 2014. (In Russian).

Assman J. Kulturnaya pamyat': Pismo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vyocikikh kulturakh drevnosti [Assman J. Cultural Memory and Early

Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination.] / Transl. from German to Russian. M. M. Sokolskoy. –Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. (In Russian).

Barker R. Legitimizing Identities: The Self-Presentations of Rulers and Subjects. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Berger L. P., Luckmann T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. [Berger L. P., Luckmann T. Social construction of reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge] Moscow: Medium, 1995. (In Russian).

Blumer G. Sotsialnye problemy kak kollektivnoye povedeniye. [Blumer G. Social problems as collective behavior] In: YAsaveev I. Social problems: constructionist reading / Compiled. — Kazan: Kazansk. University press, 2007. (In Russian).

Boltanski, L., Thévenot, L. Sotsiologiya kriticheskoy sposobnosti. [Boltanski, L., Thévenot, L. Sociology of critical capacity] // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2000. Tom III. № 3. (In Russian).

Bourdieu P. Nachala. Choses dites. Transl. s fr. N.A. Shmatko [Bourdieu Pierre. Choses dites. Paris, Minuit, 1987]. Moscow: Socio-Logos, 1994. (In Russian).

Bourdieu P. Prakticheskij smysl [Bourdieu P. The Logic of Practice] / Transl. from French to Russian: A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; Saint-Petersburg: izd. Aleteyya, 2001. (In Russian).

Certeau Michel de. The practice of everyday life. Berkeley: University of California Press, 1984.

Chekalova A. A. Konstantinopol v VI veke. Vosstanie Nika. [Chekalova A. A. Konstantinople in VI century. Nika revolt] / Saint-Petersburg: izd. Aleteyya, 1997. (In Russian).

Chichurov I. S. Politicheskaya ideologiya srednevekoviya (Vizantiya i Rus). [Chichurov I. S. Political ideology of the middle ages (Byzantium and Rus)] / Moscow: izd. Nauka, 1991. (In Russian).

Dagron G. Imperator i svyashchennik: etyud o vizantiyskom «tsezarepapizme» [Dagron G. *Emperor and priest*] / Transl. from English to Russian by A. E. Musina. Saint Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg University; Izd. Nestor-Istoriya, 2010. (In Russian).

Duka A. V. Politicheskaya kultura. [Duka A. V. Political culture]. In: *Political science: Problems of theory* / Ed. by V. A. Gutorov. Saint Petersburg: Izd. Lan, 2000, pp. 247–282. (In Russian).

D2Yurik. Paskhalnoye bogosluzheniye v Khrame Khrista Spasitelya 24 aprelya 2011 g. Ch. 4. [D2Yurik. Easter service in Cathedral of Christ the Savior 24 April 2011, Part 4] [TV recording] // YouTube. 22 May 2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5GT274N9XFM&t=392s> (29.09.2017).

Ekonomtsev I. N. Pravoslaviye, Vizantiya, Rossiya. [Ekonomtsev I. N. Orthodoxy, Byzantium, Russia] / Moscow: izd. Khristianskaya literatura, 1992. (In Russian).

Filyushkin A. I. Tituly russkikh gosudarey. [Filyushkin A. The titles of Russian rulers] — Moscow; Saint-Petersburg: izd. «Alyans-Arkheo», 2006. (In Russian).

Formizano R. Ponyatie politicheskoy kultury [Formizano R. Concept of political culture] // Pro et Contra. 2002. V. 7. № 3. 111–146 pp. (In Russian).

Geertz Clifford. Local knowledge: further essays in interpretive anthropology. New York: Basic Books, 1983.

Goffman E. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni [Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life] / Transl. from English to Russian A. Kovalev. Moscow: izd. «KANON-press-TS», «Kuchkovo pole», 2000. (In Russian).

Kazhdan A. P. Vizantiyskaya kultura (X–XII vv.) [Kazhdan A. P. Byzantine culture] / Saint-Petersburg: izd. Aleteyya, 2006. (In Russian).

Kekavmen Sovety i rasskazy: Pouchenie vizantiyskogo polkovodtsa XI veka [Kekavmen Tips and stories: teaching the Byzantine commander] / Transl. from Greek to Russian by G. G. Litavrina. — 2nd ed. Saint-Petersburg: izd. Aleteyya, 2003. (In Russian).

Kirill, mitropolit Smolenskiy i Kaliningradskiy. Ot rezultata dialoga politicheskogo mira s Tserkovyu budet zaviset nashe budushchee. [Kirill, Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad. From the result of the political dialogue with the Church world will depend on our future] Public lecture in RSUH 26.06.2006. // Interfaks-religiya. 26.06.2006. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=454> (available 29.09.2017). (In Russian).

Latour B. Ob interobektivnosti [Latour B. On Interobjectivity] // The Russian Sociological Review 2007. V. 6. № 2. 79–96 pp. (In Russian).

Leontiev K. N. Vizantizm i slavyanstvo. [Leontiev K. N. Byzantinism and The Slavs] / Moscow: isd. AST, AST Moscow, Khranitel, 2007. (In Russian).

Litavrin G. G. Kak zhili vizantiytsy [Litavrin G. G. how lived Byzantines] / resp. ed. by A. P. Kazhdan. Saint-Petersburg: izd Aleteyya, 2014. (In Russian).

Luckmann T. Comments on legitimation, Current Sociology 35, 2 (1987). 109–117 pp.

Malinova O. Yu. Problema politicheski «prigodnogo» proshlogo i evolyutsiya ofitsialnoy simbolicheskoy politiki v postsovetskoy Rossii [Malinova O. Yu. The problem politically «suitable» past and the evolution of the official symbolic policy in post-Soviet Russia] // Political conceptology. Rostov-on-Don, 2013. № 1. 114–130 pp. (In Russian).

Mannheim K. Esse o sotsiologii kultury. [Mannheim K. Essay on the sociology of culture] In: Mannheim K. Izbrannoe: Diagnoz nashego vremeni / Transl. from German and English to Russian. Moscow: izd. «RAO Govoryashchaya kniga», 2010. (In Russian).

Maslenitsa i Velikiy post [Carnival and Lent] // Analytical center Yuriya Levady «Levada-tsentr» 03.03.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/03/maslenitsa-i-velikij-post/> (available 29.09.2017). (In Russian).

Medvedev I. P. Pravovaya kultura Vizantiyskoy imperii. [Medvedev I. P. Legal culture of Byzantine Empire] — Saint-Petersburg: izd. Aleteya, 2001. (In Russian).

Mezetskiy Yu. Paskhalnoe bogosluzhenie v Khrame Khrista Spasitelya [Mezetskiy Yu. Easter service in Cathedral of Christ the Savior] 20 April 2014 [TV recording] // YouTube. 20 April 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mfvDS0uGV2Y&t=5820s> (available 29.09.2017). (In Russian).

Mia000000. Pokhorony B. N. Eltsina Chast 1. [Mia000000. The Funeral of B. N. Yeltsin, part 1] [TV recording] // YouTube. 18 fevralya 2013 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1MKiNQdPeok&t=1s> (29.09.2017).

Moleben o Prezidente: dlya chego? [A prayer for President: for what?] // portal «Pravoslavie i Mir». 05. May 2012. URL: <http://www.pravmir.ru/moleben-o-prezidente-dla-chego/> (available 29.09.2017). (In Russian).

Moss M. Obschestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoy antropologii [Moss M. Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology] / Transl. from French to Russian by A. B. Gofmana. Moscow: izd. KDU, 2011. (In Russian).

Niknikolay. Otpevanie patriarkha Aleksiya II Chast 2. [Niknikolay. The funeral of Patriarch Alexy II, part 2.] [TV recording] // YouTube. 9 December 2008 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZQ6kgRk0mcQ&t=22s> (29.09.2017).

Ostrogorsky G. A. Istoriya Vizantiyskogo gosudarstva [Ostrogorsky G. A. History of the Byzantine state] / Transl. from German to Russian by M.V. Gratsianskiy; ed. by P.V. Kuzenkov. Moscow: izd. Sibirskaya Blagozvonitsa, 2011. (In Russian).

Patriarkh Kirill blagoslovil Putina na sluzhenie Otechestvu. [Patriarch Kirill has blessed Putin in the service of the Fatherland] // Informational agency «Vesti.ru». 7 May 2012. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=788767&tid=97514#> (available 29.09.2017). (In Russian).

Patriarkh sovershit moleben posle inauguratsii Medvedeva v Kremle. [The Patriarch will make a prayer service after the inauguration of Medvedev in the Kremlin] // Informational agency RIA novosti 7 April 2008. URL: <https://ria.ru/society/20080407/103916916.html> (available 29.09.2017). (In Russian).

Polanyi M. Lichnostnoe znanie. [Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy] / Moscow: izd. Progress, 1985. (In Russian).

Prazdnik Paskhi. V chem sut prazdnika Paskhi? I chto v etot den budut delat rossiyane? [The Feast of the Passover. The essence of Easter? What will the Russians do?] // Fond social meaning FOM. 04.05.2013. URL: <http://fom.ru/Obrazzhizni/10909> (available 29.09.2017). (In Russian).

Psell Mikhail. Khronografiya. Kratkaya istoriya [Psellos Michael. Chronographia. Short history] / Transl. Ya. N. Lyubarskiy, D. A. Chernoglazov, D. R. Abdrakhmanova. Moscow: izd. Nauka, 1978. (In Russian).

Runciman S. Vostochnaya skhizma. Vizantiyskaya teokratiya. [Runciman S. The Eastern schism. The Byzantine theocracy] / Transl. from English to Russian Moscow: izd. Nauka; «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. (In Russian).

Rozhdestvo. Kak lyudi prazdnuyut rozhdestvo? [Christmas. How do people celebrate Christmas?] // Fond social meaning FOM. 16.01.2014. URL: <http://foMoscowru/Obraz-zhizni/11293> (available 29.09.2017). (In Russian).

Rossiyanе o religii i tserkvi. [Russians about religion and church] // Analytical center Yuriya Levady «Levada-tsentr». 11.10.2012. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/11/rossiyanе-o-religii-i-tserkvi/> (available 27.09.2017). (In Russian).

RT na russkom. Paskhalnoe bogoslužhenie v Khrame Khrista Spasitelya 5 maya 2013 g. [RT in Russian. Easter service in Cathedral of Christ the Savior may 5, 2013] [live broadcast] // YouTube. 4 May 2013. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SG_1B7UMtKs&t=6116s (29.09.2017).

RT na russkom. Paskhalnoe bogoslužhenie v KHrame KHrista Spasitelya 12 aprelya 2015 g. [RT in Russian. Easter service at the Cathedral of Christ the Savior, April 12, 2015] [live broadcast] // YouTube. 11 April 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8bmV8LNHMqg&t=4156s> (29.09.2017).

RT na russkom. Putin o peredannom emu postanovlenii suda: «Volosy dybom vstayut». [RT in Russian. Putin referred to it about the position of the court: “Hair stand on end”] [zapis] // YouTube. 9 December 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mcF0uO__kb0 (29.09.2017).

RT na russkom. Rozhdestvenskoe bogoslužhenie v Khrame Khrista Spasitelya 2013. [RT in Russian. Christmas service at the Cathedral of Christ the Savior 2013] [live broadcast] // YouTube. 6 January 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ORFAqT7Hwek&t=4346s> (29.09.2017).

RT na russkom. Rozhdestvenskoe bogoslužhenie v Khrame Khrista Spasitelya 2014. [RT in Russian. Christmas service at the Cathedral of Christ the Savior 2014] [live broadcast] // YouTube. 6 January 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=q_NMOMzi4SQ&t=3909s (29.09.2017).

RT na russkom. Rozhdestvenskoe bogoslužhenie v Khrame Khrista Spasitelya 2016 [RT in Russian. Christmas service at the Cathedral of Christ the Savior 2016] [live broadcast] // YouTube. 6 January 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8MVhd60onHk&t=3403s> (29.09.2017).

RU HD 2017. Paskhalnoe bogoslužhenie v Khrame Khrista Spasitelya 16 aprelya 2017 g. [RU HD 2017. Easter service in Cathedral of Christ the Savior 16 April 2017] [live broadcast] // YouTube. 15 April 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=55-MDW5jmLg&t=3852s> (29.09.2017).

Russianchurch Intronizatsiya patriarkha Kirilla 1 fevralya 2009 g. Chast 2. [Russianchurch Patriarch Kirill's Enthronement on 1 February 2009, Part 2] [TV recording] // YouTube. 25 June 2010 URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ws1U9QZG_e0 (29.09.2017).

Russianchurch. Paskhalnoe bogoslužhenie v Khrame KHrista Spasitelya. 4 aprelya 2010 g. CH. 1. [Russianchurch. Easter service at the Cathedral of Christ the Savior. 4 APR 2010 Part 1.] [TV recording] // YouTube. 29 June 2010. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WvrW3ADSkug> (29.09.2017).

Russianchurch. Rozhdestvenskoe bogosluzhenie v Khrame Khrista Spasitelya 2011 [Russianchurch. Christmas service at the Cathedral of Christ the Savior 2011] [TV recording] // YouTube. 7 January 2011. URL: https://www.youtube.com/watch?v=16eGirkjQ_8 (29.09.2017).

Russianchurch. Fragmentsy molebna po sluchayu inauguratsii prezidenta RF 7 maya 2012 [Russianchurch. Fragments of prayer on the occasion of inauguration of the President of the Russian Federation] [recording] // YouTube. 7 May 2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lOJT8dmuFEs> (29.09.2017).

Savva V. I. Moskovskie tsari i vizantiyskie vasil'evsy: K voprosu o vliyaniy Vizantii na obrazovanie idei tsarskoy vlasti moskovskikh gosudarey. [Savva V. I. Moscow tsares and Byzantine Vasilevsky: To the question about the power of Byzantium in the formation of idea of tsarists authority of Moscow states] / Moscow: Kuchkovo pole; Lavandr, 2012. (In Russian).

Saltykov A. Inauguratsiya B. N. Eltsina 9 avgusta 1996 g [Saltykov. A. Inauguration of B. N. Eltsin 9 august 1996] [TV recording] // YouTube. 11 Mart 2015 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ivYRMOOr1m0g&t=29s> (available 29.09.2017). (In Russian).

Saltykov A. Inauguratsiya V. V. Putina 7 maya 2000 g [Saltykov A. Inauguration of V. V. Putin 7 May 2000] [TV recording] // YouTube. 21 May 2014 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g0Jp0KHTVN8&t=1226s> (available 29.09.2017). (In Russian).

Saltykov A. Inauguratsiya V. V. Putina 7 maya 2004 g [Saltykov A. Inauguration of V. V. Putin 7 May 2004] [TV recording] // YouTube. 19 May 2014 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u2ji2YzI9q8&t=22s> (available 29.09.2017). (In Russian).

Saltykov A. Inauguratsiya V. V. Putina 7 maya 2012 g. [Saltykov A. Inauguration of V. V. Putin 7 May 2012] [TV recording] // YouTube. 19 May 2014 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tPRHJA3gobY&t=2822s> (available 29.09.2017). (In Russian).

Saltykov A. Inauguratsiya D. A. Medvedeva 7 maya 2008 g. [Saltykov A. Inauguration of D. A. Medvedev 7 May 2008] [TV recording] // YouTube. 20 September 2016 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2OjWYsdVENY> (available 29.09.2017). (In Russian).

Shyuts A. O mnozhestvennosti realnostey. / Transl. from English to Russian by A. M. Korbut // The Russian Sociological Review. 2003. V. 3. № 2. 3–34 pp. (In Russian).

Schutz A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii [Schutz A. The semantic structure of everyday word: essays on phenomenological sociology] / Comp. by A.Ya. Alkhasov; Transl. from English to Russian by A.Ya. Alkhasov, N. Ya. Mazlumyanova; Moscow: Institut Fonda izd. «Obshchestvennoe mnenie», 2003. (In Russian).

Svet Pravoslaviya. Paskhalnoe bogoslužhenie v KHrame KHrista Spasitelya 1 maya 2016 g. [The Light Of Orthodoxy. Easter service in Cathedral of Christ Savior 1 May 2016] [live broadcast] // YouTube. 30 April 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QuK_fm-vkSk (available 29.09.2017). (In Russian).

Soloviev V. S. Vizantizm i Rossiya. [Soloviev V. S. Byzantinism and Russia] Moscow: izd. «Prospekt», 2014. (In Russian).

Sudby pravoslaviya v sovremennom mire. Odolenie smuty: Slovo k rus. narodu. [The fate of Orthodoxy in the contemporary world. Overcoming the troubles: Word to russian people] / Vysokopreosvyashchennyshiy Ioann, mitropolit Sankt-Peterburgskiy i Ladozhskiy. — Saint-Petersburg: izd. Tsarskoe delo, 1995. (In Russian).

Telekanal SSSR. Inauguratsiya B. N. Eltsina 10 iyulya 1990 g. [Telekanal SSSR. Inauguration of B. N. Eltsin 10 June 1990] [TV recording] // YouTube. 11 June 2016 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KApj6-RkLz4&t=19s> (available 29.09.2017). (In Russian).

TSennosti: religioznost. Skolko rossiyan veryat v Boga, poseshchayut kham i molyatsya svoimi molitvami? [Values: religion. How many Russians believe in God, attend Church and pray their prayers?] // Fond social meaning. FOM. 14.06.2013. URL: <http://foMoscowru/TSennosti/10953> (available 29.09.2017). (In Russian).

Tserkov i gosudarstvo III. Osnovy sotsialnoy doktriny Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Arkhiereyskiy sobor 2000 g. [Church and state III. The foundations of social doctrine of the Russian Orthodox Church. The bishops Council 2000 y.] // Official website of the Moscow Patriarch. 9 June 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (available 29.09.2017). (In Russian).

TVAnalystRU. Paskhalnoe bogoslužhenie v Khrame KHrista Spasitelya 15 aprelya 2012 g. [Easter service in Cathedral of Christ the Savior 15 April] [TV recording] // YouTube. 15 April 2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mkAEc-YE1IM&t=3921s> (29.09.2017).

Uspensky B. A. Tsar i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiyskaya model i ee russkoe pereosmyslenie). [Uspensky B. A. The Tsar and the Patriarch: charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian rethinking)] / Moscow: izd. Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1998. (In Russian).

Valdenberg V. E. Gosudarstvennoe ustroystvo Vizantii do kontsa VII veka. [Valdenberg V. E. The state system of Byzantium until the end of the VII century] / Podg. izd. V. I. Zemskova. Saint-Petersburg.: izd. SPbU, 2008. (In Russian).

V den inauguratsii prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina Svyateyshiy patriarkh Kirill sovershil molebnoe penie v Blagoveshchenskom sobore moskovskogo Kremlya. [On the day of inauguration of the President of the Russian Federation, Vladimir Putin, his Holiness Patriarch Kirill celebrates a prayer service in the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin] // portal «Pravoslavie.Ru». 7 May 2012. URL: <https://pravoslavie.ru/53368.html> (available 29.09.2017). (In Russian).

Velikiy post. V chem smysl Velikogo posta? Zachem lyudi postyatsya? [Great post. What is the meaning of lent? People and why?] // Fond social meaning. FOM.

05.04.2013. URL: <http://foMoscowru/TSennosti/10879> (available 29.09.2017). (In Russian).

Volkov V. V., Kharkhordin O. V. Teoriya praktik. [Volkov V. V., Kharkhordin O. V. Theory of practices] / Saint-Petersburg: Publishing house of the European University in Saint-Petersburg. 2008. (In Russian).

Wortman R. S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii. [Wortman R. S. Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian Monarchy]. / Moscow: izd. OGI, 2002. — V. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. (In Russian).

МОНАРХИЧЕСКИЙ СОБЛАЗН РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ¹

Дука А.В.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.8>

«Призрак монархизма явно бродит по России».
(Протоиерей Геннадий Беловолов [Беловолов 2017])

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов и практик российской элиты после 1991 года в отношении монархии. Показывается, что за прошедшие 25 лет они претерпели изменения, что связано как с процессом институционализации властных групп, так и переформатированием социального порядка. На первоначальной стадии (1991-1992 гг.) происходит взаимное знакомство монархистов и претендентов на престол с новой российской элитой. Второй этап (1993-1997) связан, во-первых, с попыткой одной из групп Романовых (Кирилловичей) встроиться в ельцинский режим. Во-вторых, попыткой Б.Н. Ельцина и его окружения использовать Романовых в своих интересах. В-третьих, совмещением политики и бизнеса. На третьем этапе (1998-2010) происходит символическое и организационное закрепление монархического потенциала. Четвертый этап (2011-2013) связан с юбилеем Дома Романовых. Произошла естественная активизация светских монархических организаций и православных активистов. Но одновременно всё сильнее обсуждается вопрос о возможности кандидатуры в цари не из Романовых. Пятый этап (2014-2015) характеризуется мобилизацией общественных и политических сил в связи с конфликтом с Украиной и присоединением Крыма к России. Часть федеральных элит открыто обсуждает вопрос о смене формы правления. Продолжающийся и сейчас шестой этап (с 2016 года) с одной стороны, является продолжением предыдущего. С другой стороны, в этот период монархическая проблематика становится частью повестки для широкой публики. Также расширяется использование монархических символов, начинает работать монументальная пропаганда — появление в городе памятников царям и деятелям, связанным с монархией.

Ключевые слова: монархия, реставрация монархии, российская элита, Россия, властные группы, монархическое движение.

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № государственной регистрации АААА-А17-117030110144-3).

Существенным для анализа институциональных реформ является стремление части новой российской элиты в том или ином виде восстановить монархию. В 2017 году монархические реминисценции части российской публики и властных групп достаточно проявились. Начался «монархический» год с соболезнования, направленного президентом России вдове князя Дмитрия Николаевича Романова, правнука Николая I и председателя Объединения потомков Романовых, скончавшегося в последний день 2016 года [Путин 2017]. Через два дня новозеландское радио сообщило о договоренности «российского монархиста» с правительством Кирибати о разрешении использования трех необитаемых островов для возрождения Российской империи [Russian monarchist... 2017], а закончился год выдвижением лидера Монархической партии России кандидатом в президенты РФ [Монархическая партия... 2017]. Героем новостей во втором и последнем случае был Антон Баков, бывший депутат Государственной Думы IV созыва (2003–2007 гг.) от «Партии возрождения России — Российской партии жизни» (избирался по одномандатному округу). Сначала он был независимым депутатом, но в 2005–2006 годах вошел во фракцию «Единая Россия». А с 2006 г. по 2008 г. был членом федерального политсовета партии «Союз правых сил». В 2012 г. создает Монархическую партию РФ и становится ее председателем [Биография российского... 2017]. В промежутке между этими событиями в той или иной степени многие политики и аналитики обсуждали монархию и связанные с ней проблемы, и не только маргиналы российской политики принимали в этом участие. Как заметил, автор эпиграфа к этой статье: «Вопрос о восстановлении монархии вошел в политическую повестку дня и, судя по всему, не на один день» [Беловолов 2017].

Тяга к монархии у современной российской элиты возникла с начала самоновейшей истории Российской Федерации, и можно выделить несколько этапов в эволюции этих устремлений. Причем, монархический «искус» элиты слабо связан (за несколькими исключениями) с существовавшим и существующем монархическим движением — будь то в Советском Союзе, современной России или среди эмигрантской публики¹. Он как бы существует отдельно. И это демонстрирует собствен-

¹ О монархическом движении и организациях см.: [Лакёр 1994: 262–275; Фоменков 2011; Молотов 2017], обзор зарубежных монархических изданий см.: [Паламарчук 1993].

ные для российской элиты ориентации на монархию. Помимо этого, существуют и фундаментальные идеологические и теологические проблемы. Например, не так прост вопрос о монархе и существовании монархии. В литературе ставится проблема личности царя в связи с его легитимностью: «Монархия является Богоустановленной, следовательно, законной формой государственного устройства, но не нужно ее идеализировать. Если царь благочестивый, любящий свой народ и делающий все для процветания государства и укрепления веры православной, тогда с уверенностью можно сказать, что в лице данного государя мы имеем «власть от Бога». Но остается ли «власть от Бога», если царь впадает в ересь?» [Смирнов 2015: 171. Также см.: Иоанн 1993: 170]. Остается актуальным для отечественных монархистов классификация монархий Льва Тихомирова в связи с нравственно-религиозными основаниями власти [Тихомиров 1992: 94–101]. Все эти далеко не праздные для православных монархистов вопросы остаются в стороне от проблемы политической целесообразности установления монархии. Обсуждение остается в большинстве своем светским и, можно сказать, инструментальным.

Нужно иметь в виду, что монархическое движение в постсоветской России достаточно разнородно и в нем нет единства. В связи с этим монархический публицист В. Невярович особо подчеркивает «необходимость строгого разграничения святомонархистов от монархистов вообще (то есть выступающих только лишь за единодержавие и сильную централизованную власть), а также от монархистов-соборян (соборников), монархистов-конституционалистов, выступающих за декоративную конституционную форму монархии, монархистов альтернативного толка и прочих «монархистов», а также от так называемых «непредрешенцев» («что Бог пошлет, та власть и будет»)» [Невярович 2004: 2]. Часть монархистов пытается как-то установить «мосты» с властными группами, другие делают ставку на невластные силы — общественные движения, партии, третьи ориентируются на тех или иных представителей Дома Романовых, четвертые — на неизведанное нечто или Провидение. Как пишет публицист В.Е. Шамбаров о появлении царя: «Когда, какими путями — мы не знаем». Но: «Он грядет реально» [Шамбаров 2017: 54]. Данный текст не о монархическом движении во всем его многообразии, но о той его части, что связана с действиями постсоветской российской властной элиты. Более точно это можно определить как монархические устремления элиты. Причем,

важным для анализа будут и искренние поступки, основанные на личной вере (как это мы видим у Н.В. Поклонской), и политическая прагматика, очевидная в высказываниях и действиях, например, Б.Н. Ельцина или В.В. Жириновского.

В процессе изменения социальных и политических порядков в условиях социетальной неопределенности выбор новых оснований структурирования общества неочевиден. Он связан, в том числе, с задачами, которые решает группа, пришедшая к власти и стремящаяся конституировать себя в качестве властной элиты общества и государства. К этим задачам можно отнести следующие: консолидация новых властных групп, обеспечение вертикальной и горизонтальной интеграции, обеспечение социальной поддержки и, соответственно, социальной базы воспроизводства, создание политической системы, обеспечивающей упрочение власти, получение максимальной автономии [см., напр.: Robins 1976; Дука 2009, 2017]. Помимо этих структурных задач существенным является определение и форматирование общественной и политической повестки дня.

В процессе становления новой системы властных отношений в России группы, стремящиеся закрепить за собой доминирующее положение, сталкиваются с проблемой несистемной активности в процессе консолидации элит и необходимостью в дистанцировании от демократического движения. По большому счету, недемократические движения также потенциально опасны для упрочения власти. Если они ею не контролируются. Но опасность несистемных демократов в российских условиях связана с тем, что первоначально новые российские элиты, часть которых вышла из советской номенклатуры, выдвигает демократические лозунги, говоря о демократии как цели. Демократия в первоначальный период смены власти легитимна. В этом отношении демократические активисты вполне обоснованно стремятся совместно с новыми элитами строить новое демократическое российское общество. Они предлагают свои рецепты, свои силы и энергию, они хотят и потенциально могут участвовать в выработке, принятии, реализации и контроле решений. Тем самым, они стремятся демократизировать власть. Однако, задачи закрепления во власти принципиально не совпадают с задачами ее демократизации. Власть является производной социальной дифференциации. И как верно заметил Никлас Луман: «Стратификация возникает не посредством разделения целого <...>, но через отдифференциацию и замыкание высшего слоя»

[Луман 2006: 106]. В последующем, 2010-х годах дистанцирование властных групп от консервативных движений станет актуальным, поскольку они будут действовать в схожих идейных и семантических пространствах.

Одним из существенных аспектов этой проблемы является социальная дистанция, присущая всем властным отношениям и существованию властных институтов. Конечно, как заметил К. Манхейм: «Современная культура характеризуется радикальным отрицанием «дистанции» как в социальных отношениях, так и в области культуры» [Манхейм 2000: 211]. Но необходимо иметь в виду культурное различие стран, в частности по дистанции власти. Россия принадлежит к странам с высоким индексом дистанции власти [Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010: 57]. Это важное обстоятельство, безусловно, сказывается на специфике дистанционных практик и соответствующих интенций. Персоны, оказавшиеся на верху, ощущают необходимость в увеличении социального расстояния между ними и остальными. Монархия и, более конкретно, царство обладает важным потенциалом символического, институционального и организационного дистанцирования. Кроме того, история Царства и Империи (особенно визуальный ряд, ритуалы и празднества) помогает легитимировать весь комплекс демонстративного отличия и практической реализации максимального доминирования.

Помимо указанных резонансов существуют очевидные плюсы для властных групп. Во-первых, возможность консолидации на относительно нейтральном основании (внепартийность монарха) и элитного сообщества, и населения. Данная традиция монархического дискурса идет от Бенжамена Констана [Шмитт 2010: 163-164; Кельзен 2013: 364–365]. В этом отношении монархия реализует символические основания своего существования — «В репрезентации политического единства заложен политический принцип монархии» [Шмитт 2010: 156]. Однако, как верно отмечает Ганс Кельзен, это является функцией любого главы государства [Кельзен 2013: 397–398]. Но здесь важна именно видимость нейтральности, интерпретируемой как предикат монарха, поскольку для него подданные принципиально неразличимы. Отсюда в том числе патримониальный дискурс. Во-вторых, монархия может быть вполне «респектабельным» авторитаризмом или его прикрытием. В-третьих, возможное обеспечение определенности и стабилизации.

Вместе с тем, существуют и негативные моменты. Прежде всего, это конфессиональная определенность (православие) российского монар-

ха. Как заметил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Сычев): «Монархия в России может быть восстановлена только как православная государственная власть» [Иоанн 1994: 341]. Отсюда возникает потенциальный конфликт с иноверцами. Но иначе — конфликт с РПЦ, частью верующих и монархистов.

Вторая проблема касается всего элитного сообщества, объемлющего как правящие элиты, так и фракции непосредственно не входящие в институты управления, но влияющие на принятие решений, а также контрэлиты. Монархия может представлять угрозу элиминации фракций элит, не вошедших в правящий пул. Это связано с возможностью реализации не парламентской формы, а единовластной, тем более, что традиционно в отечественной монархической мысли и монархическом движении существовало два основных направления: либеральное и консервативное. Показательно, что представители последнего (К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин) в большей степени переиздаются и комментируются. А труд Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность» (1905 г.) в постсоветский период издавался шестью издательствами.

Проблема выхода из авторитаризма в XX веке решалась по-разному. В Испании, например, большую роль сыграла монархия. Как выразился один монархический публицист: «Любая действительная перестройка государственного режима требует какого-то общего знаменателя. Больше того, она требует какой-то страховки и даже пожарного. В испанской перестройке такой страховкой и таким пожарным оказалась монархия, заблаговременно восстановленная генералом Франко» [Александров 1991: 1]. Король Хуан Карлос обеспечивал символическое единство нации, воплощая суверенитет народа, и, тем самым, выступал гарантом общенациональных интересов. В этом отношении его роль в переходный период была выдающейся. В последующем, выполнение функций обеспечения легитимности и стабильности [Полякова 2012] натолкнулось на череду коррупционных скандалов в королевской семье [см., напр.: Tremlett 2012; Torres Reyes 2014; Manresa 2014; Слободчук 2016]. Это существенно подорвало легитимность монархии. Впрочем, в некоторых регионах, например, Каталонии, она и так была низка.

При переходе от социализма к капитализму (а иногда и к феодализму или более ранним формам) в зависимости от историко-культурного пути и достигнутого социального развития степень автономности властных групп от населения и уровень авторитаризма оказывается

различным. Существенным оказывается наличие монархического прошлого. Где были соответствующие традиции, там — возрождение монархических движений или, по крайней мере, монархических сантиментов [см., напр.: Лукьянов 2001]. Опора на твердое прошлое величие оказывается важным для стабилизации настоящего при большой социальной неопределенности. Отсюда — создание и возрождение мифа о позитивной монархии, куда желательно вернуться. Конечно, не всё население оказывается вовлеченным в этот поиск светлого прошлого.

Стратегии новых властных групп в отношении монархии и сохранившихся династий могут сильно различаться. Также и стремление особ бывших царствующих фамилий оказываются разными. Но почти все выбирают *путь лояльности и коллаборационизма* с существующими властными группами. *Привилегии и символическая негосударственная роль* вполне устраивают большинство бывших суверенов и потомков монарших фамилий. Некоторые пытаются встроиться в современный политический процесс, но строго придерживаются правил игры. Элиты получают стабильность, символическую связь с традицией и историей, что усиливает легитимность режима. Россия в этом отношении не является исключением. Проявляемая особенность не столько российская, сколько постсоветская. Она связана с большей ориентацией и населения, и властных групп на авторитарные механизмы властвования, меньший демократизм и больший этатизм.

В отношении постсоветских стран исследователи пишут о «выборном» самодержавии, подчеркивая не столько нормативную сторону политической системы, сколько складывающийся политический режим [см., напр.: Кулябин 2012]. В отличие от квази-монархий [см., напр.: Пушкарев 2011; Ярмонова 2016], здесь реальная власть сосредотачивается вопреки конституционным республиканским принципам.

В августе 1991 года в Буэнос-Айресе на встрече с белой эмигрантской общественностью писатель Владимир Солоухин сказал, что отношение к монархии в Советском Союзе постепенно меняется. Идея «шажок за шажком» постепенно овладевает умами и сердцами [Идея монархии 1991]. Поэтому и предлагаемая здесь эволюция отношения российской элиты к монархии меряется «шагами». Приведут ли они в конечном счете к установлению царства — вопрос открытый. Конечно, границы между этапами несколько условны, но, тем не менее, качественно определены. В какой-то мере предлагаемая периодизация

соотносится с той, что предложил Фёдор Бармин, чья работа представляется очень важной [Бармин 2013], но есть и отличия, включая временные границы.

ПЕРВЫЙ ШАГ К МОНАРХИИ (ПРОБНЫЙ ШАЖОК) — «ПРЕЛЬЩЕНИЕ И ПРИОБЩЕНИЕ» (1991–1992)

Фёдор Бармин назвал первый этап рецепции монархических идей и включения Романовых в российскую общественно-политическую жизнь «Романтической монархией» [Бармин 2013]. Действительно, первое серьезное знакомство *уже* элиты со своими «предшественниками», носителями великолетия прошлого носило слегка экстатический характер. Одновременно и члены семьи Романовых также в этот период пребывали в некотором предвкушении будущего медового месяца, тем более, что их на исторической родине встречали в основном доброжелательно. Это время взаимных знакомств и взаимного анализа на предмет возможного взаимодействия.

Разные элитные группы пытались ориентироваться на различные течения. Одним из первых активность в этом направлении проявил еще в 1991 г. мэр Санкт-Петербурга и сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР Анатолий Собчак, затем включились и другие политики [Бармин 2013].

В 1991 г. Анатолий Собчак, находясь в Париже, встретился с Великим князем Владимиром Кирилловичем и сказал ему: «Ваше Величество! Россия ждет Вас!» [Бармин 2013]. После провала ГКЧП председатель Русской национальной партии Алексей Брумель сообщает, что особое заседание левоцентристского радикального блока политических партий и движений провозгласило Владимира Кирилловича царем. Правда, Зураб Чавчавадзе, выступивший от имени Главы Императорского Дома, заявил, что Великий князь не давал согласия занять престол [Алексей Брумель 1991]. 27 августа Владимир Кириллович направил Б.Н. Ельцину письмо, где обещал Президенту России всяческую поддержку [Назаров 2004: 59]. Этот шаг встретил неоднозначную реакцию в среде монархистов. Одни его критиковали потому, что он вступил в переговоры, как сказал архиепископ Лос-Анджелосский Антоний, «с разрушившими и вконец разорившими Великую Православную Россию» [Назаров 2004: 59]. И это несмотря на то, что Антоний был многие годы духовником Великого Князя и крестил его внука, «наслед-

ника престола» Георгия Михайловича [Подвалов 2011]. Другие — потому что были по другую сторону баррикад. Лидер «Русского Национального Единства» Александр Баркашов вспоминал: «Строго говоря, в 1991 году я поддержал ГКЧП не потому, что за коммунистов, а потому, что с противоположной стороны просто отморозенная, махровая русофобская мразь. Впрочем, в 1993-м то же самое. И при этом эта русофобская мразь была креатурой США и Западной Европы. «Память» исходила из того, что за коммунистов нельзя. А я не мог себе позволить отсидеться. Вопрос не в том, с кем, а вопрос в том, против кого» [Молотов 2017: 182]. Однако, Владимир Кириллович вопреки сомневающимся и недоброжелателям шёл к казавшейся близкой цели. 30 августа в газете «Известия» появилось интервью с Великим Князем. На прямой вопрос журналиста «Вы хотели бы стать царем?» претендент на престол ответил: «Все это очень сложно. Конечно, если бы меня пригласили в Зимний дворец, я бы не отказался. Царь мог бы играть роль лица, сплывающего россиян, направляющего людей на добрые дела, вносящего согласие в межнациональные споры. Но для меня не столь важен трон, как желание быть полезным своей стране» [Шмыгановский 1991]. Ответ, как видно, в духе представлений о монархе как выразителя общих интересов, его нейтральности и умиротворителя. 5 ноября 1991 г. по приглашению А.А. Собчака состоялся первый визит членов царской семьи в только что переименованный Санкт-Петербург на торжества в честь возвращения городу его имени.

Попытки встроиться в российский общественно-политический процесс со стороны Владимира Кирилловича носили по преимуществу «дистанционный» характер. Претендент на престол застал сложившуюся советскую традицию, с которой приходилось считаться. Показательно в этой связи обращения к Армии и молодежи в преддверии для Советской Армии: 8 февраля 1992 года появились оба обращения [Обращение <...> к Армии 1992; Обращение <...> к российской молодежи 1992].

Смерть Великого Князя в апреле 1992 года прервала этот поход за монаршим наследством. Усилившаяся после этого борьба внутри семьи Романовых и монархического движения за право быть претендентом на престол несколько отодвинула взаимное сближение российской элиты и наследников трона. Свидетельством внутренних конфликтов служит «Заявление» Леониды Георгиевны, вдовы Владимира Кирилловича, 5 ноября 1992 года о престолонаследии [Заявление 1992]. С боль-

шим текстом о необходимости сплотиться вокруг Кирилловичей выступил и директор Канцелярии Дома Романовых А.Н. Закатов [Закатов 1992]. Позиция противоположной стороны достаточно аргументированно изложена в книге М.В. Назарова «Кто наследник Российского престола?» [Назаров 2004].

ВТОРОЙ ШАГ — «ПРАГМАТИКА» (1993–1997)

Этот этап был характерен, во-первых, попыткой Кирилловичей встроиться в ельцинский режим. Во-вторых, попыткой Б.Н. Ельцина и его окружения использовать Романовых в своих интересах. В-третьих, совмещением политики и бизнеса.

Важное предварительное соображение, связанное с типом властвования, реализуемым начиная с государственного переворота 1991 года в России. Б.Н. Ельцин стремился компенсировать нормативные лакуны и недостаточный контроль над законодательной властью президентскими указами. Как пишет венгерский исследователь Акош Силади: «Ельцин за последние два с половиной года чаще и эффективнее всего предстает перед обществом и внешним миром не в политических «ипостасях» *переговоров, компромиссов, сделок, а в указах (приказах, распоряжениях, поручениях), ультиматумах и воззваниях, то есть в ипостасях политической конфронтации, и именно таким, демонстрирующим силу, обещающим непосредственные и безотлагательные политические меры*» [Силади 1993: 34–35]. В связи с этим уместно будет обратиться к типологии государства Карла Шмитта. В зависимости от нахождения «центра тяжести решающей воли», то есть суверена, и соответствующего этоса, он различал законодательное государство с разновидностью парламентского законодательного государства, государство правосудия, государство правительства и государство управления [Шмитт 2013а, 2013б]. Последние два ориентируются на авторитаризм. Но в государстве управления есть обостренность своеобразия, специфическим выражением этого государства «является *мера*, обусловленная лишь положением дел, принимаемая в зависимости от конкретной ситуации и целиком по соображениям предметно-практической *целесообразности*» [Шмитт 2013а: 225]. Этот способ бюрократического властвования имеет широкий диапазон: от большевизма до эффективного менеджмента. «Государство управления может ссылаться на объективную необходимость, существующее положение, давле-

ние обстоятельств, требования времени, находить другие оправдания, определяемые не нормой, а ситуацией. В соответствии с этим, принцип его существования заключается в целесообразности, полезности и, — в отличие от ориентации на норму у законодательного государства, основывающегося на установлении норм, — в непосредственно конкретной *объективности* его решений, распоряжений и приказов» [Шмитт 2013а: 229]. Политическая целесообразность как принцип ельцинского правления натывалась всё время на законодательные ограничения и противодействия двух других ветвей власти. Разрешение этой проблемы путем государственного переворота 1993 года было лишь временной. Даже принятие Конституции, узаконившей суперпрезидентскую республику, не в полной мере обеспечивало будущее властной группы, оказавшейся на вершине. Обоснование единоначалия в российском монархизме вполне вписывается в представления о созидаемом благе для народа, о чем постоянно говорил Б.Н. Ельцин. Риторика легитимации весьма схожая: «Общественное благо не может быть ни верно достигаемо, ни прочно сохраняемо без Самодержавной Власти. Ибо государство есть политическое тело, а тело должно иметь одну главу, один ум, одну волю, одно сердце. Все противное единству вредно и пагубно. Где нет правителя в одном лице, там многоначалие; а где много начальников, там общество страдает от разделения членов на разные партии, там бедные и немощные остаются часто без защиты и покрова, подобно тому, как дитя, если имеет у себя много пестунов, бывает иногда без глаза» [Закатов 1992].

Поставленная таким образом задача функционирования единоличной власти существенно подрывает принципы политической деятельности и самой политики, низводя ее до внутриворцовых межгрупповых взаимодействий. При Ельцине так и складывалось. Бывший начальник Службы Безопасности Президента А.В. Коржаков пишет: «Вся содержательная жизнь Кремля проходит «под ковром» и в кулуарах» [Коржаков 2017: 73]. Но это как раз и устраивало группы, попавшие во власть. Для их институционализации необходимо было спокойствие и значительное снижение конкуренции.

Как и в предыдущий период в это время возрастает позитивное отношение к монархии среди населения [Собчак 1995: 77; Собчак 1999: 167]. Элита тоже не остается в стороне. Как вспоминает Александр Баркашов: «В первой половине 90-х только ленивый не стал монархистом. Опять же, про Чубайса и Немцова, которые, как с писаной торбой, пры-

гали и с наследниками Гошей и Машей, и с царевубийством, обыграв все по-своему. И типа, они белые, а все остальные красные, если против них» [Молотов 2017: 179].

В 1993–1997 гг. Б. Ельцин и его окружение рассматривали возможность реставрации в России монархии с провозглашением царем одного из членов Российского Императорского дома в эмиграции — правнука Великого князя Кирилла Владимировича — Георгия Михайловича. Но среди российских и зарубежных приверженцев Романовского дома не было согласия относительно легитимности этой ветви [см., напр.: Назаров 2004], поэтому просто решить эту проблему было затруднительно.

Конфликт между ветвями высшей российской власти в 1993 году разрастается. Дополнительная поддержка и легитимация со стороны представителей исторического традиционного института власти для каждой из сторон конфликта важна.

Летом проходит несколько важных монархических мероприятий. Семью Романовых встречают в России на официальном уровне. 1 июля 1993 года проходит торжественный прием в Колонном зале Дома Союзов по случаю приезда в Россию Леониды Георгиевны, Марии Владимировны и Георгия Михайловича. В Москве открывается выставка «Россия державная», посвященная 380-летию Дома Романовых и 125-летию со дня рождения Николая II [Россия державная 1993]. В Санкт-Петербурге проходит 1-й съезд Христианско-Монархического Союза [Съезд монархистов 1993]. Генеральным секретарем избран Александр Закатов (директор Канцелярии Дома Романовых). Во многих городах 17 июля проходят шествия монархистов, посвященные 75-летию гибели царской семьи [Тысячи за царя 1993].

Осенью происходит государственный переворот. Власть сосредотачивается у президента. Он начинает претворять в жизнь свой проект державного величия, дистанцируясь от советского прошлого. Поворот Кремля в сторону национализма в этот период фиксируют наблюдатели разной ориентации [Кловер 2017: 326]. Указом Президента России от 30 ноября 1993 г. № 2050 «О Государственном гербе Российской Федерации» Россия получает новый герб — двуглавый орел [Указ 1993]. Но это был временный нормативный акт. Соответствующий Федеральный конституционный закон был принят только в декабре 2000 года. В двух нормативных актах различаются описания герба. В частности, в 1993 году короны над орлом описывались как «Три исторические короны

Петра Великого (над головами — две малые и над ними — одна большего размера)» [Приложение 1993: ст.1], что подчеркивает имперскую преемственность. В 2000 году ситуация в стране несколько изменилась и описание нейтральное: «Орёл увенчан двумя малыми коронами и — над ними — одной большой короной, соединёнными лентой» [Федеральный конституционный закон 2000: ст.1].

Каждая из сторон могла рассматривать движение вперед к прошлому как свой выигрыш.

Ответные реверансы были символически сильными. На выборах в Государственную Думу I созыва (декабрь 1993 г.) в Париже Леонида Георгиевна, а в Мадриде Мария Владимировна агитируют и голосуют за гайдаровскую партию «Демократический выбор России» [Бармин 2013].

После референдума о новой Конституции и принятия ее, значительно облегчился нормативный путь реставрации монархии [Андрюхин 2017]. Между тем, часть российских монархистов, на волне фактического поражения Ельцина на выборах, ожидали его ухода «через год-полтора» и установления монархии [Россия будет монархией 1993]. Но у властной элиты были несколько другие планы.

В 1994 году председатель Совета Федерации Владимир Шумейко заявил в телеинтервью о возможности перехода к монархической форме правления, которое было бы благом для страны [Невский 2013; Андрюхин 2017]¹. Б.Н. Ельцин при таком развитии событий мог стать регентом. Таким образом, проблема неопределенности выборов вполне «легитимно» снималась [Платонов 1997: 812-823; Назаров 2004: 5; Сергей Лебедев 2010; Невский 2013]. Одновременно, как отмечалось в прессе, данный проект имел своей стратегической целью «всемерное сращивание лидеров новой демократической России с царской семьей и затыкание таким образом ртов особенно активным национал-патриотам» [Панорама 1996]. В это время вопрос о возможности монархии активно обсуждался в связанных с властными элитами СМИ [см. об этом: Минкин 1997; Андрюхин 2017]. С начала 1994 года Ельцина как бы в шутку стали называть царем [Млечин 2015: 133]. Пресс-секретарь президента позже писал: «Если раньше фразу

¹ Александр Минкин так описывал роль Шумейки: «Должность последнего состояла в том, чтобы озвучивать нечто противозаконное, антиконституционное, дабы власть могла посмотреть на реакцию общества: проглотит ли?» [Минкин 1997: 268]

«не царское это дело» в отношении Ельцина я слышал только в исполнении его первого помощника В.В. Илюшина, заведующего Канцелярией В.П. Семенченко и личного фотографа, то позднее ее стал повторять и сам президент. Чаще всего он делал это в форме шутки» [Костиков 1997: 340].

22-23 июля 1995 г. в Москве проходит III Всероссийский Монархический съезд. Происходит реорганизация Высшего монархического совета [Фокин 1995]. Примечательно, что съезду направили приветствия патриарх Алексей II (но без упоминания о монархии), Великая Княгиня Мария Владимировна, Никита Михалков. Учреждается благотворительный фонд «Высший монархический совет». Учредителями выступают глава Российского Фонда культуры Никита Михалков, писатель Владимир Солоухин, князь Зураб Чавчавадзе и Сергей Скоробогатов. Главным бухгалтером фонда становится сотрудник Службы безопасности Президента Алексей Милованов [Бармин 2013]. Соединение зарубежных монархистов, близких к Российскому Императорскому Дому, общественности и президентского круга. Но при этом внутренние конфликты в монархическом движении не утихают [Владимиров 1993].

Осень проходит под знаком ожидаемого сретенья трагического прошлого и светлого будущего. В сентябре в Москве происходит перезахоронение останков Великого Князя Сергея Александровича, сына Александра II, градоначальника Москвы, прозванного народной молвой «князем Ходынским», активным противником каких-либо либеральных и конституционных реформ, и убитого в 1905 году эсером Иваном Каляевым. В октябре ожидаются важные переговоры Б.Н. Ельцина и Леониды Георгиевны, которые могут существенно сдвинуть ситуацию в сторону легитимации монархической семьи в новой России. Но что-то не срастается.

Тем не менее, в начале 1996 года Леонида Георгиевна опять помогает Борису Николаевичу. В Париже был создан Комитет поддержки Бориса Ельцина, а в России она в регионах агитирует за Ельцина во время выборной кампании [Бармин 2013].

По слухам, в 1996 году был готов проект Указ Президента о восстановлении монархии, но конфликт внутри элиты, а конкретно, между А.В. Коржаковым и А.Б. Чубайсом сорвал это событие [Владимиров 2005]. Но сама идея осталась. «Куратором» ее после отставки Коржакова стал Чубайс.

Как указывают исследователи, именно «с 1996 г. в России идет конституционный ползучий переворот, который завершился превращением всенародно избираемого президента — из гаранта прав и свобод граждан в автократора с неограниченными возможностями по подавлению гражданского общества» [Кочетков 2013: 23].

В апреле 1997 г. состоялось Собрание активистов Союза православных граждан. На нем Виктор Аксючиц (советник вице-премьера Бориса Немцова и лидер Российского христианско-демократического движения) заявил: «Немцову поручено подготовить проект указа президента о признании официального государственного статуса Российского Императорского Дома. Это дело он перепоручает мне» [Бармин 2013]. Конкретно имелось в виду, что во время своего визита в июне 1997 года в Россию наследника престола» Георгия Михайловича и посещение им Ипатьевского монастыря («колыбель династии Романовых»), будет принесена им присяга «на верность России, православной Вере и Российскому Императорскому Дому». Опять конфликт внутри элит, а также среди отечественных и зарубежных монархистов, сорвал подписание Указа, и визит не состоялся. [Бармин 2013].

Показательно, что именно в это время Борис Немцов рассуждает о достоинствах Б.Н. Ельцина как царя: «Русский царь должен концентрировать в себе и внешне, и внутренне основные черты характера русского человека. Причем не всегда эти черты характера должны быть позитивными. Например, Ельцин. С одной стороны, такой огромный беспечный человек, часто храбрый, часто, как медведь, спящий. Это все характеризует русского человека... Ельцин — настоящий русский царь. Вот и все, со всеми плюсами и минусами. С бесшабашностью, с загулами, с решительностью и отвагой, иногда с робостью — хотя редко. В отличие от «злых» русских царей Ельцин — «добрый» русский царь. И незлопамятный совсем. Все-таки его комплекция играет роль: такой огромный мужик, уральский» [цит. по: Щуплов 1999: 53].

Одновременно в этот период завязываются деловые контакты Кирилловичей с бизнес-структурами. В СМИ указывается, что отнюдь не светские интересы преследовала казачья корпорация «Континент-VI» и акционерное общество закрытого типа «Русское Золото», участвуя в июльском торжественном приеме 1993 г. [Бармин 2013]. За ними стоит самопровозглашенный казачий «генерал» и атаман, имевший судимость за должностной подлог и позже задержанный за попытку про-

воза драгоценностей через границу [Вот такая... 2009; Вниманию... 2010; Казачий самолет-штурмовик 2016]. Кстати, эта персона и сейчас достаточно активна в публичном пространстве [Александр Дёмин 2016]. Это можно было бы и не упоминать, но здесь существенно, во-первых, неразборчивость в контактах «царской семьи», обусловленная, конечно, слабым знанием российской действительности и желанием установить важные контакты, во-вторых, стремление использовать Романовых в различных целях совершенно разными группами и персонами, инструментализировать их и контакты с ними, в-третьих, разношерстность промонархических организаций. Всё это говорит о хаотичности монархической политической активности со всех сторон. Нет структурированности, а, тем более, институционализированности. Но есть еще один аспект — сугубо деловой. Леонида Георгиевна также была замечена в поддержке американской водки «Pierre Smirnoff» в ее продвижении на российский рынок. Для этого использовалась Нижегородская ярмарка 1996 г., за что и был получено соответствующее вознаграждение [Бармин 2013]. В этом отношении сама Великая Княгиня пыталась инструментализировать монархическую идею, конвертировать ее в устойчивые активы.

ОСТАНОВКА В ПУТИ (1998–2011).

СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ МОНАРХИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Внешне как будто мало, что происходит. Но в этот период происходит фактическая организационная подготовка, если даже она не мотивирована субъективно, теми или иными группами, к введению монархической формы правления, что фиксируется экспертным сообществом. Одновременно идет идеологическое и социально-психологическое (на уровне смены диспозиций) внедрение идеи монархизма в российское общество.

17 июля 1998 года происходит важное символическое событие — захоронение останков Николая II, членов его семьи и приближенных в Санкт-Петербурге в Петропавловской крепости, что подкрепляло легитимацию реставрации монархии. Но в самой монаршей семье Б.Н. Ельцин и его окружение уже не нуждались. Власть в достаточной мере укрепилась и стабилизировалась: институционализация пошла. Причин беспокоиться особо не было. Тем более, что конкуренты в по-

Рис. 1. Почтовая марка «История Российского государства. Император Николай II (1868–1918)».

Источник: Каталог почтовых марок России и СССР [Каталог 1998]

литическом и символическом пространстве были явно излишни. Патриарх Алексей II и президент Б.Н. Ельцин объявили, что на церемонию не придут. Но в последний момент Ельцин появился. Как писал оппозиционный писатель и публицист Александр Проханов: «Итак, «Монархический проект», рожденный в угрюмых извилинах сатаровых и киселевых, потерпел крах» [Проханов 1998: 251], хотя всё было готово, все ожидали. Но не столько проект потерпел крах, сколько от него элиты отказались. На некоторое время деятельность властных групп по восстановлению Империи и имперства затихла.

В этом же году 30 июня выпускается почтовая марка с купоном, посвященная 80-летию гибели царской семьи (рис. 1).

Реформы по консолидации и централизации власти в начальный период президентства В.В. Путина реанимировали монархические идеи. Судья Конституционного Суда В.О. Лучин отмечает: «Граждан России навязчиво приучают к идее монархического (самодержавного) переустройства. <...> важно разобраться и в том, как скипетр и держава согласуются с 1-й статьей Конституции» [Лучин 2002: 294–295]. Поворот от федерализма и демократических принципов был столь очевиден, что среди части общественности, экспертного сообщества и элит возникли определенные ожидания. Они были весьма четко сформулированы директором Института стратегических исследований Байкаль-

ского региона М.П. Рачковым: «Начатый по инициативе Президента РФ В.В. Путина процесс укрепления «вертикали» власти, создания федеральных округов и активного противодействия центробежным тенденциям со стороны субъектов Российской Федерации может быть логично завершен переходом к *цивилизованной конституционной монархии*» [Рачков 2002: 96].

Но 19 декабря 2002 г. президент России Владимир Путин в прямом теле- и радиозэфире, отвечая на вопрос о возможности перехода к конституционно-монархической форме правления в стране, заявил, что монархия в России невозможна. Хотя, как пошутил В. Путин: «Так хочется ответить, что в России все возможно, даже абсолютная монархия». Но тут же сказал: «Если же говорить серьезно, то нет никаких сил, чтобы свернуть Россию с демократического пути развития». Вариант конституционной монархии не подходит по причине того, что здесь монарх наделен исключительно представительскими полномочиями, а реальная власть сосредоточена в руках правительства, которое формируется парламентским большинством. «В России нет устойчивой многопартийной системы, и я с трудом представляю, как будет формироваться основное звено исполнительной власти» [Владимир Путин 2002; Президент 2002]. Но тогда остается открытым вопрос об установлении монархии после приобретения партийной системой устойчивости.

В последующем к этой теме возвращались политики и публицисты [Кувалдин 2004; Пестрецова 2005]. Показательно в этом отношении высказывание в то время губернатора Санкт-Петербурга Валентины Матвиенко. Она сказала: «По менталитету русскому человеку нужен барин, царь, президент... Словом, единоначалие» [Ванденко 2004].

Социологические опросы показывали, что в обществе существуют монархические ориентации, но они не очень распространены. Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в сентябре 2006 г. в случае проведения референдума 10 % опрошенных проголосовали бы за восстановление монархии. В то же время «за монархию в России» и «в принципе не против монархии» уже 22 %, а в Москве и Санкт-Петербурге таких ориентаций придерживалось 31 % респондентов [Пресс-выпуск № 538 2006].

Рассматривать монархические ориентации вне связанных с ними ориентаций на авторитарную форму правления неправомерно. Это в свою очередь корреспондирует с существующей практикой право-

вого произвола и правового нигилизма¹. Хотя следует различать беззаконие, как принцип персонального и группового поведения с целью получения определенных преференций для себя, и отрицание основополагающих правовых принципов, заложенных в основание государственного устройства. К последним, безусловно, относятся призывы расширения сферы компетенции исполнительной власти с выведением высшего должностного лица фактически за рамки ответственности перед законом. Это было сделано достаточно очевидно первым Указом В.В. Путина при вступлении его в должность исполняющего обязанности Президента [Указ 1999]. (Конечно, расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года — более сильный пример, но это акция прямого действия и принципиально внеправовая, хотя чрезвычайно воздействующая на правовое сознание.) Это именно тот нормативный акт, который существенно влияет на конституционное право и реальное правовое положение Президента. Но и не только его. Правовая система едина. Но отсюда и возникают представления, что выведенное за рамки закона лицо находится над законом, а сам закон не столь важен [см., напр.: Карпец 2006; Чесноков, Тюренков 2006]. Такого рода настроения подпитывают монархическую идею, причем не в конституционном ее варианте.

В связи с этим следует сказать о важной публикации, в которой резко критиковалась демократия, и которая предлагала монархический проект для России. Первоначально книга была издана в 2005 году без указания издательства и места издания и разослана в различные правительственные учреждения. «Бесхозностью» книги воспользовалось издательство «ОЛМА-Пресс» в 2006 году, выпустившее ее. Но уже с 2007 года права на издание получило издательство «Эксмо». Изданный анонимно трёхтомник «Проект Россия» вызвал большую дискуссию [см.: Андрущенко 2006; Гольфарб 2005, 2006; Ширяева 2007; Савельев 2008]. В 2010 году вышел четвертый, уже авторский, том. Как указывалось, Ю.В. Шалыганов — один из авторов этих книг [Шалыганов 2010]. Юрий Викторович с 2002 года возглавляет Фонд «Институт стратегической безопасности», занимается разработкой политических программ. Как пишут издания, он служил в КГБ, с 1990-х активен в общественной жизни, с 2000-х занимается политикой [Веленгуринов 2010;

¹ Исторический аспект см. «Правовой нигилизм как инвариант российского правосознания» в: [Драма... 1996: 80-87].

Проект Россия 2010; Садовод 2012; Юрий Шалыганов 2012; Проект Россия (книги) 2017]. Существенно, что направленный в первую очередь российским элитам и идеологам, он обсуждался людьми разных социальных групп. Через два года все четыре книги были изданы под одной обложкой под авторством Ю.В. Шалыганова [Шалыганов 2012]. Еще через пять лет — новое издание книги. Спрос на высказанные в книге идеи сохраняется, что подтверждается ее переизданием и большими тиражами. По сути, этот большой текст представляет собой манифест определенной группы, которая, тем не менее, не вполне четко идентифицируется.

Посыл этого текста достаточно радикальный: «У России нет ни единого шанса сохранить свою целостность в условиях демократии» [Проект Россия 2007а: 37]. Возможность изменения ситуации только сверху: «Спаси Россию можно через изменение позиции элиты» [Проект Россия 2007b: 165]. Предлагаема цель политического и социального строительства однозначна: «Наша цель — Православное Царство. Главное требование к новой конструкции — ключевые узлы системы должны отторгать представителей податного сословия» [Проект Россия 2007b: 227]. Это связано с внутренним, сущностным разделением людей: «Каждый человек является представителем одного из трех сословий. Первое сословие духовное, второе служивое, третье податное. Принадлежность к сословию определяет природа человека. Кто к чему стремится, тот к тому и относится. Духовное сословие стремится служить Богу. Служивое сословие стремится служить Родине. Податное сословие стремится к прибыли» [Проект Россия 2007b: 42]. Вполне естественно, что когда «податное сословие проникало во власть, после чего начинались разлагающие структуру процессы» [Проект Россия 2007b: 227]. Как видно, довольно архаичная умозрительная конструкция. Но помимо естественных коннотаций с сословными и кастовыми обществами древности и Средневековья, данные рассуждения напоминают знаменитый текст Виктора Черкесова «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев», относящийся к тому же времени [Черкесов 2007; также см.: Черкесов 2004].

«Проект Россия» был не одинок. В этом же году вышла немаленьким тиражом книга члена экспертного совета Комитета Госдумы РФ по безопасности в 2003-2004 гг. А.А. Звягина, в которой также предлагался монархический вариант строительства новой России — «Россия Великодержавная» [Звягин 2007]. В Введении автор указывает, что его книга —

экспертный ответ на статью тогдашнего заместителя главы Администрации Президента В.Ю. Суркова «Национализация будущего». Основным несущим каркасом страны должна быть триада Государь-народ-элита. Автор полагает, что «элита страны нуждается в структуризации. Институтом структуризации в предлагаемой нами государственной конструкции может стать вновь учрежденный орден Святого апостола Андрея Первозванного, в котором учредитель и глава ордена — это первое лицо государства, Государь» [Звягин 2007: 102]. Показательно, что А.А. Звягин отдает себе отчет в том, что значительная часть элементов предлагаемого им проекта взята из ушедших времен. Та часть книги, где развертываются идеи будущего социально-политического устройства так и называется — «Назад в будущее» [Звягин 2007: 80–122].

Тексты Ю.В. Шалыганова, А.А. Звягина и В.В. Черкесова были предназначены элите. Последний автор — сам член элитного сообщества, что говорит о сословно-монархических настроениях у части российских властных групп. Но не только. В этом контексте речь Президента России в Мюнхене в этом же году может свидетельствовать об определенном властном синдроме.

В 2007 году произошло важное для Русской Православной Церкви событие — 17 мая было восстановлено евхаристическое общение между Русской Православной Церковью Московского Патриархата и Русской Церковью Заграницей с центром в Нью-Йорке. Как у российских, так и у зарубежных монархистов укрепилась надежда на восстановление монархии [Протоиерей Андрей Филлипс 2015]. Консолидация церкви для сторонников православного царства является необходимым шагом по пути реставрации. Но, как было отмечено ранее, отечественные монархисты не однородны.

Примыкает к проблеме монархии в России дискуссия вокруг Византийского наследия. На телеканале «Россия» 30 января 2008 года состоялась премьера документального фильма «Гибель империи. Уроки Византии». Здесь я не буду вдаваться в подробности и отошлю к статье А.Ю. Швай в этом томе нашего Альманаха «Власть и элиты».

Весной и летом 2009 года активно обсуждается вопрос о возвращении Императорского дома в Россию и признание его «как исторической институции» [Возвращение в Россию 2009; Возвращение Императорского дома 2009]. Переговоры не завершились чем-то позитивным для Романовых. Всё же они гораздо полезнее для существующей властной группы на расстоянии.

ТРЕТИЙ ШАГ К МОНАРХИИ — «ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ» (2011–2013)

Очередной всплеск интереса властной элиты к реставрации монархии возник 2010-х годах. Но кандидатуры в возможные цари были уже другие. Непосредственным поводом было празднование 400-летия дома Романовых [Зубков, Полунин, Пряников 2011; Александр Боханов 2011; Невский 2013]. Произошла естественная активизация светских монархических организаций и православных активистов. Устанавливаются памятники [см., напр.: Анатолий Степанов 2013]. Вместе с тем, данное событие было слишком далёким и, прежде всего, абстрактно-символическим. Оно на первый взгляд мало было связано с актуальной политической жизнью страны.

В Государственной Думе в 2012 году создается по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Межфракционная депутатская группа Государственной Думы по защите христианских ценностей. Как промонархическая структура эта внутривластная депутатская группа проявит себя позже — в 2017 году, уже в другом созыве [Ставицкий 2017].

Социологические опросы показывают некоторый рост монархических настроений, но, по-прежнему, они в меньшинстве. Мартовский опрос ВЦИОМа 2013 г. выявил 28 % монархистов. Причем, 13 % считают, что царя надо искать среди российских политиков или общественных деятелей, а не среди потомков Романовых [Пресс-выпуск № 2256 2013].

По данным Левада-Центр за восстановление монархии в России «определенно да» и «скорее да» в апреле 2013 г. высказалось 10 % опрошенных [Россияне о Николае II 2013]. Можно предположить, что сравнительно низкий запрос на монархию среди населения страны является сдерживающим фактором для монархически настроенной части властной элиты.

Однако, в то же время доверие к представительным органам чрезвычайно низкое. Ноябрьские опросы 2013 года фиксируют, что только 39% считают, что «России нужна Государственная Дума». 43 % полагают, что «Жизнь страны может быть с тем же успехом организована указами Президента» [Общественное мнение 2013]. В данном случае мы имеем дело, скорее всего, с ориентацией на государство управления с сильным лидером, принимающим кардинальные решения, но при

этом в республиканско-демократической форме. В истории были примеры подобного сочетания: принципат в Древнем Риме. Об этом аналитики и эксперты пишут [см., напр.: Чесноков, Тюренков 2006; Груднев 2007; Колташов 2007; Лунин 2012]. Причем, часть из них рассматривает существующее состояние российской политики как подобие принципата, а часть видит в российском принципате определенный способ перехода от республики к монархии.

Официальная позиция Православной церкви остается неактивной, но промонархической. В публичном пространстве допускаются заявления о возможности монархии, но они носят не императивный характер. Так, в то время глава синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, протоиерей Всеволод Чаплин заявил радиостанции «Business FM», что РПЦ считает монархию предпочтительной формой правления для России, но «вряд ли это вопрос ближайшего времени, общество должно духовно к этому созреть» [РПЦ не исключает... 2013].

В этот период проходят телевизионные дискуссии о монархии в России. В них участвуют наряду с деятелями культуры, учеными и экспертами также политики, депутаты Государственной Думы. Но высказываемое со стороны политиков отношение к возможной реставрации монархии довольно скептическое.

В.В. Жириновский выступает резко отрицательно: «Всё человечество идет вперед. И мы не можем как белая ворона среди стаи черных ворон пятиться назад. Ну какая монархия может быть сейчас. Прошло 100 лет. Ну зачем? Кого объединит православный царь? Когда население росло в атеистическом угаре. Потом, что дает монархия? Еще одна бюрократическая ступень. Еще огромная расходность содержания монархического двора. Поэтому никакой монархии не надо. Полномочия есть и у главы государства больше, чем у царя. Сегодня ни один монарх не обладает большими полномочиями, чем есть у главы российского государства» [Монархия в России 2013]. Здесь же он достаточно резко отозвался и о потомках Романовых. Депутат Государственной Думы от ЛДПР Михаил Дегтярев в этой же передаче сделал несколько иные акценты, но в том же направлении: «На сегодняшний день монархия в православном понимании невозможна. С другой стороны, <...> у нас сегодня de facto монархия. Полномочия Президента, Владимира Владимировича Путина больше чем у любого царя, у любого государя в мире. Проблема в том, что он, конечно, не является духовным отцом нации,

русской нации». [Монархия в России 2013]. Большинство же других участников дискуссии стояли на иных позициях. Но они не принадлежали к правящей элитной группе.

Летом того же года уже на телеканале ТВ Центр в программе «Право голоса» был поставлен вопрос «Нужна ли нам монархия?» [Нужна ли нам монархия? 2013]. Участвовали представители руководства Канцелярии Главы Российского Императорского Дома, руководства Российского Дворянского Собрания и ряда известных традиционалистов.

Региональные власти также проявляли инициативу. Так, тюменский губернатор Владимир Якушев выступил с инициативой создания в регионе музея царской семьи. Обсуждение этой идеи прошло с княгиней Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой, вдовой племянника Николая II [В Тобольске может появиться музей царской семьи 2013]. Открытие музея намечено на весну 2018 года [Музей царской семьи 2017].

Заканчивался юбилейный год символически значимым событием: с 4 по 24 ноября 2013 года в Москве в Манеже проходила XII Церковно-общественная выставка-форум «Православная Русь — к Дню народного единства. Моя история. Романовы». Открывалась выставка Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом совместно с министром культуры РФ В.Р. Мединским, при участии потомка династии Романовых и председателя Межрегионального фонда «Романовский юбилей» Марии Владимировны Романовой. Несколько позже приехал президент В.В. Путин. Примечателен список организаторов — Министерство Культуры РФ, Московская Патриархия, Патриарший Совет по культуре, Правительство Москвы, Роснефть, Военно-историческое общество, Межрегиональная общественная организация «Романовский юбилей» [Сеньчукова, Гальперина 2013; Удальцова 2014].

ЧЕТВЕРТЫЙ ШАГ — «ОСОБОСТЬ РОССИИ» (2014–2015)

Для этого этапа характерна мобилизация общественных и политических сил в связи с конфликтом с Украиной и присоединением Крыма к России. Противоречия с Западом перерастают в открытый конфликт. Возрастающие экономические проблемы, которые можно списать на западные санкции, усиливают внимание публики к идее сильной защищающей их и страну власти. Это дает дополнительный импульс росту патриотических настроений и усилению имперских сантиментов.

Одновременно, возрастает ощущение особости России, отличия ее от прочего, в особенности Западного, мира [Дубин 2014]. Часть федеральных элит открыто обсуждает вопрос о смене формы правления.

Несколько факторов влияли на возрастание позитивного отношения к монархической форме правления у элит и населения и возможности ее продвижения. Во-первых, слабая эффективность существующего государства, характеризуемого как «демократическое», или, по крайней мере, имеющего некоторые демократические признаки. То есть, дискредитация демократии и демократизма.

Во-вторых, подъем патриотизма и возможные представления массовой и элитной публики о начале возрождения былой мощи и славы России мог способствовать принятию идеи монархического переустройства государства.

В-третьих, конфликт с Западом создавал благоприятные условия для игнорирования мнения международной общественности и властных кругов западного демократического мира. Как говорится, семь бед — один ответ.

Помимо этого, опросы показывают высокую оценку населением проводимой экономической, социальной, внутренней и внешней политики. По сравнению с предыдущими замерами в 2014 году наблюдается рост позитивных оценок [Оценка властей 2017]. Одновременно фиксируется положительное отношение к сильному лидерству. В марте в опросе «Левада-центра» на вопрос «Бывают ли, по вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, “сильная рука”?» 31 % респондентов выбрало ответ «Нашему народу постоянно нужна “сильная рука”». 46 % согласилось с тем, что «бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках» [Россияне о сильном лидере 2014]. В октябре этого же года в опросе ВЦИОМ 53 % респондентов согласилось с утверждением «Нашему народу постоянно нужна “сильная рука”», а 32 % с тем, что «Бывают такие ситуации, когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках» [Пресс-выпуск № 2694 2014].

Остро чувствующий веяния в российской центральной элите и улавливающий изменения в настроении публики, В.В. Жириновский первый из видных политиков публично отрекся от своих предыдущих республиканских слов (про взгляды этого лавирующего политика говорить сложно). Первоначально он высказался против демократии и за

монархию на Всероссийском молодежном форуме на Селигере 4 августа 2014 года, а потом 14 августа в Ялте на встрече Президента с лидерами фракций Госдумы, депутатами, общественными и политическими деятелями. Он сказал следующее: «Любая республика — советская, федеративная, народная, демократическая — это губительно. Поэтому пока мы не определим форму государства, может быть, даже поставить вопрос о восстановлении империи» [Встреча 2014]. Особость России просто требует этого: «Она [Россия] себя плохо чувствует в формате республики» [Встреча 2014]. В контексте событий того времени и триумфального присоединения Крыма это звучало вполне в духе возможного будущего. Понятно, что учреждение новой формы государственности требует и иной символики: «Мы не можем жить под этим флагом бело-красно-синим. Это флаг торговли, флаг Власова, Керенского. Нам нужен черно-желто-белый флаг Российской империи. Под этим флагом мы достигли максимума успеха» [Встреча 2014]. Дальше уже непосредственное обращение к Президенту В.В. Путину: «Нам нужно другое название государства, другое название вашей должности — верховный правитель. Не хотите императором — давайте верховный правитель. Хотя император Владимир Первый — звучало бы хорошо. Тогда будут уважать. Может, и гимн вернуть «Боже, царя храни». Великолепный был гимн, гимн о том, что нужно хранить своего руководителя, хранить свою страну, она единственная, страна твоя. И с этим гимном действительно русская армия шла вперед и побеждала» [Встреча 2014]. Здесь существенно и весьма показательно, что гарант Конституции (Конституция РФ, ст. 80, часть 2) не напомнил депутату Государственной Думы и лидеру парламентской партии об основах конституционного строя Российской Федерации (Конституция РФ, ст.1, часть 1). Основываясь на наблюдаемых практиках российского политического класса, трудно предположить, что это заявление В.В. Жириновского могло состояться без согласования с кремлевской администрацией и одобрения В.В. Путина.

Позже, 17 августа В.В. Жириновский в передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1». Повторил свои тезисы, несколько их углубив: «100 лет уже с 17-го года на Россию одели те одежды, которые нам тесноваты. Мы в них развиваться не можем. Это режим республиканский. Режим народной демократии или сегодня, там, буржуазная или какая. Выборы — это профанация. Это ложь. Во всем мире. Зачем же мы ложь переносим на свои, так сказать, вот

земли. То есть форма государств может быть для России только имперская. <...> Ничего не пойдет, пока мы не снимем с себя эти дурацкие республиканские одежды. <...> Никаких партий. Никаких профсоюзов. Никаких выборов» [Г.А. Зюганов 2014]. Таким образом, речь не идет даже о конституционной монархии.

Август 2014 года оказался в чем-то поворотным. Евгений Федоров, член комитета ГД по бюджету и налогам, фракция ЕР озвучил осторожную позицию: «Коль скоро те или иные граждане поднимают вопрос о восстановлении в России монархии, значит, запрос на нее, естественно, существует. И я думаю, что желающих использовать государственный и культурный опыт института монархии сегодня немало: возможно, к ним относятся миллионы наших сограждан. Поэтому вопрос этот надо обсуждать» [Нельзя установить монархию... 2014]. Другими словами, вопрос о монархии стал вполне легитимным и может быть включен в политическую повестку дня.

Атаки на республику продолжились и в сентябре того же года: «Только монархия нас спасёт» [Из выступления 2014; также см.: Zhirinovsky 2014]. Можно предположить, что определенный сдвиг в высшей элите России в сторону рассмотрения возможности реставрации института монархии произошел. Часть аналитиков обсуждают проблему устойчивости власти через ее максимальную персонификацию, что и заложено было в предложениях В.В. Жириновского [Frolov 2014]. Однако, это не означало, что движение идет в сторону восстановления прав прошлой царствующей фамилии. Это, скорее всего, чувствуют и основные претенденты на корону — члены бывшего Императорского дома. Помимо этого, существует и конкуренция внутри семьи Романовых [см.: Воловатов, Казанцева 2015; В Объединении Романовых 2015; Дом Романовых 2015].

Однако дань уважения бывшим царям отдается. 20 ноября 2014 года у стен Кремля в Александровском саду открывается монумент Александру I. На церемонии присутствуют Президент, выступившей с речью о заслугах монарха, мэр Москвы, министр культуры, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл [Открытие памятника 2014; Bovt 2014]. Примечательно, что Патриарх в официальном сообщении на сайте Президента упомянут после В.В. Путина. Конечно, здесь не только уважение, но и особое положение иерарха православной церкви: он впереди светских начальников. Тем более, что русский царь — это, прежде всего, Православный Царь. Но и само действие имеет значение, скорее,

сакральное, демонстрирующее симфонию — единение светской и духовной власти.

30 апреля 2015 года в Москве перезахоронили останки Великого Князя Николая Николаевича Романова (внука Николая I) и его жены Анастасии Николаевны. На церемонии в том числе присутствовали Патриарх Кирилл, председатель Государственной Думы Сергей Нарышкин, мэр Москвы Сергей Собянин, заместитель министра обороны Николай Панков (Николай Николаевич был верховным главнокомандующим российским войсками в начале Первой мировой войны, поэтому и захоронение проводилось в часовне Преображения Господня на Братском воинском кладбище Москвы) [Останки... 2015]. Как видно, представительство центральной российской элиты достаточно солидное. Одновременно она включала великокняжескую чету в свой круг, и сама этим символическим актом включалась в имперский истэблшмент. Таким образом, еще один дополнительный камешек в основание ее внешней легитимации.

В этом же году открыто заявила себя как сторонница монархии и почитательница последнего царя Наталья Поклонская. Тогда еще прокурор Крыма, а в последующем — депутат Государственной Думы и один из лидеров монархического движения внутри российской элиты, Наталья Владимировна в генеральской форме вышла на акцию «Бессмертный полк» в Симферополе 9 мая с иконой царя-мученика Николая II [Наталья Поклонская пронесла... 2015]. В то время это было достаточно необычно, что вызвало дискуссию в обществе. Здесь существенно, что, в отличие от описанных перед этим событий, во-первых, данное действие происходило в рамках неофициальных церемоний. Во-вторых, официальное лицо (форма подчеркивала официальный статус) публично демонстрировало свои религиозно-монархические ориентации. В-третьих, эта манифестация политических чувств не планировалась и не санкционировалась центральной властью. В связи с этим в блогосфере высказывалась мысль, что прокурор скоро перестанет им быть. Однако, судьба Н.В. Поклонской оказалась счастливее.

Помимо символических акций представители российских региональных элит позволяли себе и практические шаги. Летом депутат Законодательного Собрания Ленинградской области Владимир Петров написал письма потомкам царского дома Романовых с предложением вернуться в Россию. Причем, в письмах говорилось, что планируется разработать законопроект «Об особом положении представителей цар-

ской фамилии» для создания правовой основы возвращения в Россию Романовых [Змановская 2015]. Вскоре после этого в СМИ появилось сообщение, что Дом Романовых решил просить у властей России официальный статус, защиту от самозванцев и резиденцию. В этот же день последовало опровержение, причем в обоих случаях ссылки были на одно и то же лицо — директора канцелярии главы Дома Романовых Александра Закатова [Воловатов, Казанцева 2015; Дом Романовых решил 2015; Потомки царской семьи 2015; Дом Романовых не обращался 2015]. По всей видимости, проблема заключалась в позиции Кремля, который не определился окончательно с тем, что делать с Романовыми и с какими Романовыми. Пространственная дистанция с наследниками в лучшей степени обеспечивала возможность разыгрывать эту карту с минимальными рисками.

В ноябре 2015 года в опросе «Левада-центра» 32 % согласилось, что «Нашему народу постоянно нужна “сильная рука”», а 39 % — что «бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках» [Сильная рука 2015]. Как видим, результаты несколько ниже, чем за полтора года до этого. Но всё равно большая часть склоняется к авторитарным методам управления. Кроме этого, около половины (48 %) на вопрос «Как Вы считаете, какой президент нужен сейчас России?» считают, что это должен быть «Лидер, способный твердой рукой направлять работу правительства, парламента, судебных органов, региональных органов власти» [Там же]. То есть разделение властей, их автономность и независимость для этих соотечественников не существует, что, впрочем, отражает российские практики.

В этом же месяце в Москве прошел XIX Всемирный Русский Народный Собор по теме «Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси». На нем прозвучали приветствия от Президента Российской Федерации В.В. Путина, председателя правительства РФ Д.А. Медведева, мэра г. Москвы С. С. Собянина, председателя Государственной Думы С. Е. Нарышкина, секретаря Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушева, министра культуры РФ В.Р. Мединского. На Соборе выступил и председатель ЛДПР В.В. Жириновский. Он опять коснулся темы монархии, ее символов и достижений: «И посмотрите, какой прекрасный гимн был в царской России — как раз это имеет отношение — Боже, царя храни! Сильный, державный, властвуй на славу нам, властвуй на страх врагам, царь православный! Четыре строчки и вся идеология, и весь

призыв к народу, и вся страна видна, руководитель есть» [Из выступления 2015]. Остановившись на принципах устройства государства, он сказал: «Русское слово «самодержавие» только в нашем языке, значит, наши предки определили, какое может быть государственное устройство — никакая не федерация, конфедерация, никакой союз республик — самодержавие! И централизованная страна, и православная страна вместе со всеми остальными конфессиями» [Из выступления... 2015]. Достаточно ловко он смог объединить казалось противоположные понятия и исторические периоды: «Именно самодержавная стала самой великой страной в мире. И однопартийный советский режим это тоже было самодержавие, и тоже была великая страна. И сейчас, когда мы начинаем подтягиваться к самодержавию, к нам стали возвращаться наши территории» [Из выступления... 2015].

Собор при всем своем негосударственном статусе, тем не менее, является площадкой, где вполне официальные лица заявляют свою позицию в отношении принципиальных вопросов политического, социального и идейного порядка. Более того, в 2005 году Всемирному Русскому Народному Собору был предоставлен специальный консультативный статус при Организации Объединенных Наций. В руководство Собора входят общественные деятели и политики России и русского зарубежья. Поэтому слова лидера одной из парламентских фракций могут восприниматься как сигнал, что внутри российского элитного сообщества ведется обсуждение вопроса реставрации монархии. Тем более, что Владимир Вольфович неоднократно выполнял функцию «сигнальщика».

Несколько странное событие произошло 1 декабря 2015 года. Во время поздравления В.В. Путиным Г.В. Хазанова с 70-летием, последний сделал ответный подарок — вручил президенту копию императорской короны [Егорова 2015]. Комментарии по поводу этого события в СМИ были прямо противоположными: злая или добрая шутка, издевательство или верноподданничество. Такая амбивалентность в основном была связана с личностью дарителя — сатирика и комика. Однако, зная ориентацию артиста на власть и предполагая, что пронести достаточно громоздкую вещь на встречу с президентом невозможно без согласования и согласия канцелярии и ФСО, можно сделать вывод, что подарок имел непосредственный смысл. Разыгранная потом президентом и Хазановым мизансцена с водружением короны на голову артиста, целью своей имела, скорее, снятие излишней серьезности со-

бытия. Но вброс идеи произошел, видеособытие свершилось. Оно стало еще одним сюжетом о возможном царстве, позволяющем измерить реальное отношение к нему, посредством анализа дискуссии.

Этот период породил уверенность части монархического и экспертного сообщества, что реставрация имеет перспективы. Главное здесь активность элит, а уж народ подтянется: «При восстановлении монархии у нас все сразу станут монархистами» [Морозов 2015].

ПЯТЫЙ ШАГ — «ПОВЕСТКА ДНЯ» (2016–2017)

2016 год в преддверии 100-летия русских революций стал временем обсуждения не только прихода к власти Временного правительства и большевиков, а как метко отметил протоиерей Геннадий Беловолов: «Спустя 100 лет мы думаем не о достижениях революции, а о потерянной монархии» [Беловолов 2017]. Конечно, повестка дня не рождается вдруг. Предыдущий период сыграл важную роль. Оказалось, что в российском властном (а не только культурном) элитном сообществе о монархии можно и нужно открыто говорить. Это говорит, с одной стороны, о достаточном уровне институционализации элиты, поскольку она может себе позволить говорить о смене политической системы, и ей за это ничего не будет. С другой стороны, как это не парадоксально, это также свидетельствует об определенной слабости элиты: она не чувствует себя в полной уверенности в рамках существующей политической системы. Это означает, что она не вполне институционализировалась. Также можно наблюдать внутреннюю дифференциацию консервативного крыла российской элиты. Монархисты активизировались, но им противостоит республиканская фракция.

Наиболее публично-ярким событием этого периода, растянувшимся по времени на полтора года, заставившим говорить совершенно разных людей, явилась борьба против художественного фильма режиссера Алексея Учителя «Матильда». Кинофильм должен был выйти в прокат осенью 2017 года, но уже летом 2016 года начались протесты монархической общественности. В годовщину убийства царской семьи 17 июля 2016 года в Москве на Суворовской площади состоялось монархическое молитвенное стояние, организованное Союзом «Христианское Возрождение», Союзом Православных Братств, Союзом Русского Народа и Движением «Сопrotивление Новому Мировому Порядку». На нем, в том числе, потребовали привлечь к ответственности А. Учи-

теля, фильм которого, по квалификации собравшихся, клеветнический, антиправославный и разжигает ненависть. Соответствующее обращение было направлено генеральному прокурору РФ [Осипов 2016; Захаров 2016]. Среди православно-патриотических организаций протест против фильма постепенно расширялся и осенью организация «Царский крест» обратилась к заместителю председателя комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Н.В. Поклонской с просьбой провести проверку кинофильма на предмет содержания в нем недостоверных сведений и угрозы национальной безопасности. 2 ноября соответствующий депутатский запрос к генпрокурору Юрию Чайке с просьбой проверить фильм был отправлен [Споры по «Матильде» 2016; Захаров 2016]. С этого времени в дискуссию о фильме, фигуре царя Николая II стало включаться всё больше членов элитного сообщества, представителей властных структур, творческих кругов, широкой публики. Не обошло своим вниманием эту проблему и феминистское движение [Феминистки окропили... 2017].

СМИ довольно широко освещали всю эту историю в подробностях. Можно даже сказать, что это стало повседневым фоном. Только РИА Новости в рубрике «Скандал вокруг фильма «Матильда»» разместило на своем сайте за 14 месяцев (ноябрь 2016 — декабрь 2017) 317 сюжетов [Скандал... 2017b]. Компания «Диалогия» сделала анализ упоминаемости Н.В. Поклонской и кинофильма «Матильда» в российских СМИ с января по октябрь 2017 года. Всего найдено 67,9 тыс. сообщений с упоминанием депутата, из них в контексте обсуждения фильма — 44,6 тыс. сообщений [Пресс-выпуск № 3500 2017]. Максвелл МакКомб и Дональд Шоу выделили такую функцию СМИ, как постановка повестки дня [McCombs, Shaw 1972], что можно наблюдать в конфликте вокруг фильма. Включение публики и активная роль части элит уже формируют эту повестку, делая ее устойчиво существующей. В данном случае промонархический и антимонархические дискурсы вместе в процессе коллективного определения создают проблематизацию монархии как потенциальную возможность переструктурирования политического порядка.

Вместе с тем, опросы показывают, что включенность публики в проблемы вокруг «Матильды» не столь велика. Августовский опрос Фонда «Общественное мнение» показал, что 69 % опрошенных не слышали ничего о конфликте вокруг фильма [О ситуации 2017]. В октябре, перед началом проката фильма, согласно данным ВЦИОМ, 39 % ничего

не слышали о нём [Пресс-выпуск № 3500 2017]. Опрос «Левада-Центра» показал, что 44 % впервые слышат о конфликте вокруг фильма [Скандал... 2017а]. При этом в августе не одобряли «решение Министерства культуры разрешить прокат фильма» 10 % опрошенных [О ситуации 2017]. В октябре по результатам исследования ВЦИОМ 17 % одобряло «позицию Натальи Поклонской о запрете показа фильма», 48 % не одобряло и 35 % затруднились с ответом [Пресс-выпуск № 3500 2017]. Более общая постановка вопроса «Левада-Центра»: «Как Вы считаете, как стоит поступать с произведениями искусства — фильмами, выставками, картинами, спектаклями — если они могут оскорблять чувства верующих?» дала 23 % ответивших «Показ таких произведений искусства нужно запрещать» [Скандал... 2017а]. Сторонники запрета, как видно, в меньшинстве. Но их достаточно для поддержания устойчивого консервативного давления.

Почти незамеченным оказалось изменение металлических монет достоинством 1, 2, 5 и 10 рублей (см. рис. 1) [Монеты 2017]. С точки зрения рассматриваемой здесь проблемы, это значимое символическое событие. Заявлено о выпуске новых монет в конце 2015 года, выпуск начат в 2016 [На монетах появится изображение герба РФ 2015]. Прежде (с 1992 г.) на аверсе монет использовалась эмблема Банка России (двуглавый орел с опущенными крыльями). Она схожа с эмблемой Российской республики 1917-1918 гг. В свою очередь, за основу последней был взято изображение на царской печати Ивана III (XV век), но без царских регалий. Замена устаревшего республиканского орла на имперский была вполне легитимна, тем более, что в новой трактовке императорские короны символизировали «в новых условиях суверенитет как всей Российской Федерации, так и ее частей, субъектов Федерации» [Герб Российской Федерации 2017; Государственный герб РФ 2017]. Во всех случаях делается ссылка на Интернет-портал «Российская символика», являющийся «официальным государственным информационным ресурсом, формируемым под контролем Геральдического совета при Президенте Российской Федерации и Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации». Но этот ресурс в конце 2017 года был недоступен. Википедия [Герб России 2017] ссылается на сайт «Государственная символика», на котором также отсутствует данная информация. Скорее всего, «новая» интерпретация корон в гербе утратила свою актуальность, тем более, что суверенность субъектов Федерации закончилась.

Рисунок 2. Монеты номиналом 1 рубль образца 2009 и 2016 гг.

Источник: Сайт Центрального Банка Российской Федерации [Монеты 2017]

Символам монархии и связанным с монархией в этот период уделялось большое внимание. Важной частью символического форматирования повестки в этот период стала «монументальная пропаганда». Здесь есть различие между культурно-историческим аспектом установления памятников, памятных знаков и тому подобных артефактов и собственно монархическим. В одном и другом случае установка памятников и прочих мемориальных знаков в публичных местах происходит с разрешения органов государственной или муниципальной власти. То есть действие в любом случае официальное (непосредственное или опосредованное). Различие можно найти в ритуальной части церемонии. Прежде всего, это присутствие тех или иных официальных персон, использование государственной символики, произнесенные слова и речи при закладке или открытии памятника, а также политический, исторический и культурный контекст. Так, например, установка памятника Николаю II в Белграде в 2014 году в присутствии российских офи-

циальных лиц была приурочена к столетию начала Первой мировой войны и роли Российской империи в защите Сербии [Освящение памятника Николаю II в Белграде 2014; Памятник царю Николаю II... 2014; Святейший Патриарх Кирилл... 2014]. Монархический смысл здесь был вторичным. Тем более, что создание и установка памятника находилась под покровительством президента Республики Сербия Томислава Николича [Панов 2014].

Памятники последнему императору Николаю II имеют к рассматриваемой теме наибольшее отношение. Обращение к последнему монарху связывает прошлое царство и сегодняшний день, создает непрерывность и преемственность. Для части российской элиты это существенно. Особое значение имеет канонизация царя в 2000 г. В его лице соединяется и православие, и монархия. На начало 2016 года по свидетельству сайта «Николай II — достояние России» в стране имелось 25 памятников этому царю [25 памятников... 2016].

В 2016 году памятники Николаю II установили в Тамбове [В Тамбове установлен памятник 2016], Ростове-на-Дону [Бюст Государя 2016], Евпатории [В Евпатории... 2016], Симферополе [Часовня будет... 2016], Волгодонске [В Волгодонске... 2016], Владивостоке. В следующем году такое же событие произошло в Новосибирске. Последние два отличаются от предыдущих. Во Владивостоке событие было приурочено к 125-летию посещения Приморского края цесаревичем Николаем Александровичем [Памятник императору... 2016]. Завершил процедуру открытия оркестр штаба Тихоокеанского флота, который исполнил марш «Прощание славянки» [Во Владивостоке торжественно... 2016]. Очевидно, что самовольно оркестр на мероприятии играть не будет.

В Новосибирске в июле 2017 г. открытие и освящение памятника императору Николаю Александровичу и наследнику цесаревичу Александрию происходило под гимн Российской империи «Боже, Царя храни!». Памятник освятил митрополит Новосибирский и Бердский Тихон [В Новосибирске открыли... 2017]. Инициатором выступила РПЦ. Примечательно, что памятник не был согласован с властями, а мэр города выступал против [Анатолий Локоть 2017]. Сторонники монумента ссылались на то, что он сооружен на территории православного храма, хотя поставлен памятник за оградой, непосредственно в публичном пространстве.

Примечателен бюст в Ростове-на-Дону. Он открыт в государственном образовательном учреждении — Кадетской школе «Второй Дон-

ской Императора Николая II кадетский корпус» Донского государственного технического университета. Она создана в 1993 году и в 2001 стала государственным общеобразовательным учреждением. Нынешнее официальное название школа получила в 2013 году [Кадетская школа... 2017b; Положение... 2013]. Эта государственная школа замечательна отмечаемыми праздниками — День возрождения корпуса (10 января) и День рождения Государя Императора Николая II (19 мая) [Воробьев 2010; Кадетская школа... 2017a]. Проникновение в государственное образование консервативных идей и пропаганда там монархических идеалов, конечно, не массовое явление. Тем не менее, существенен сам факт такого рода и наличие, хоть и слабой, но тенденции в определенных кругах.

Инициатива губернатора Тюменской области 2013 года (о чем говорилось выше) получила развитие. Министерство культуры РФ совместно с областными властями начали реализовывать туристический проект «Императорский маршрут», связанный с памятными местами царской семьи. Тюменская область стала регионом-куратором [К столетию гибели... 2017; Власти Тюменской области... 2017].

Помимо последнего императора монументальная активность коснулась и других царственных персон. В августе 2016 года в Симферополе восстановили памятник Екатерине II, демонтированный в 1921 году. Руководство республики Крым присутствовало на церемонии открытия [Памятник Екатерине II... 2016].

В том же году в День народного единства в центре Москвы открывается памятник князю Владимиру. Участниками мероприятия стали Президент, Председатель Правительства, Министр культуры, мэр Москвы, члены Правительства, депутаты, Патриарх Московский и всея Руси [В День народного единства 2016]. Это действо, безусловно, не является чисто монархическим. Оно в большей степени имеет консолидирующий и державно-строительный смысл. Тем более, что на наследие Владимира претендует достаточно активно недружественное соседнее государство. Как сказал на открытии В.В. Путин: «Князь Владимир навсегда вошёл в историю как собиратель и защитник русских земель, как дальновидный политик, созидавший основы сильного, единого, централизованного государства, объединившего в результате в одну огромную семью равные между собой народы, языки, культуры и религии» [Там же]. Но, находясь в одном ряду с подобными событиями, установление и освящение памятника легендарному князю приоб-

ретает значение в том числе и свойственное царским монументам. Оно дополняет галерею образов чтимых самодержцев.

Определенной неожиданностью, однозначно не воспринятой внутри элитного сообщества стало воздвижение памятника Ивану Грозному в Орле в октябре 2016 года [В Орле открыли... 2016а; В Орле открыли... 2016б]. Протесты части горожан, и негативная реакция в стране задержали открытие памятника на три месяца. В торжественной церемонии приняли участие представители региональной и федеральной элиты — губернатор Орловской области, председатель Орловского областного Совета народных депутатов, член Совета Федерации от области, члены регионального Правительства, руководство города, лидеры общественных организаций, депутат Госдумы РФ, сопредседатель Общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России» Николай Земцов, председатель Изборского клуба Александр Проханов, лидер движения «Суть Времени» Сергей Кургинян, основатель байкерского клуба «Ночные волки», президент Российской ассоциации байкеров Александр Залдостанов. Министр культуры России направил приветственное письмо. Не всякий памятник привлекал столько важных персон. Символичность этого события связана с прорывом в восприятии средств и методов власти в прошлом (и Иван Грозный здесь не одинок). В царской России имя этого царя никогда не воспринималось на официальном уровне вровень с положительными героями. Аналогичную позицию занимала и РПЦ. Лишь при И.В. Сталине этот самодержец стал презентоваться государственной историографией, искусством и публицистикой как один из строителей русского государства. Риторика позитивных сторон и «неоднозначности» с этого времени стала частью характеристик царя. В своем письме министр культуры В.Р. Мединский написал: «Установка монумента Ивану Грозному в городе Орле сегодня — это не только дань памяти царю и воину, но и признание преемственности всех этапов нашей истории» [Министр культуры... 2016]. Преемственность в данном случае рассматривается в контексте сильной централизованной власти и необходимости в ней.

С 2001 года уже было три попытки установить памятники царю Ивану IV в России — в Вологде, Любиме Ярославской области и Александрове Владимирской области [Инициативы 2016]. В последнем случае открытие монумента несколько раз откладывалось. Несмотря на то, что большинство горожан бывшей столицы опричны были за памят-

ник, в конце концов, он установлен не был, хотя и простоял час на отведенном месте 27 апреля 2017 года [Памятник Ивану Грозному 2017; Губернатор 2017]. А за 12 лет до этого в Ярославской области активно против памятника Ивану Грозному выступила Ярославско-Ростовская епархия Русской православной церкви. Архиепископ Кирилл (Наконечный) обратился с письмом к губернатору. В результате инициатива с монументом не была реализована.

Конфликты вокруг увековечивания памяти Ивану Грозному приобрели, в том числе, символический характер. В городе Канске под Красноярском в октябре 2016 года на берегу реки Кан был установлен заостренный кол, верхняя часть которого была окрашена в красный цвет [Кол-памятник 2016]. Через несколько дней, как незаконно установленный, власти его снесли [Самовольно установленный памятник 2016]. Случай этот показательный. Борьба вокруг царской истории России идет как на элитном, так и на неэлитном уровне.

Царь Иван III не вызывал разногласий в обществе и среди элит. Открытие ему памятника при участии министра культуры В.Р. Мединского в Калуге в ноябре 2017 года прошла торжественно и без конфликтов [Мединский открыл памятник 2017].

Менее значимые члены монаршей семьи Романовых также удостоились памяти и внимания высших элитных персон в этот период. В Кремле 4 мая 2017 года на месте гибели Великого Князя Сергея Александровича в 1905 году был открыт памятник-крест с участием Президента России Владимира Путина и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Открытие памятника Великому князю... 2017; Путин открыл... 2017].

Особняком стоят «царско-мистические чудеса». В начале марта 2017 года сообщалось о «мироточение» бюста Николая II в Симферополе. В рассматриваемом контексте существенно, что не церковь, но депутат Госдумы явилась ньюсмейкером [Поклонская поведала... 2017]. Патриархия, как раз, весьма сдержанно отнеслась к возможному чуду. За десять месяцев до этого по инициативе прокуратуры Республики Крым в Симферополь из Москвы была привезена для поклонения чудотворная мироточивая икона Николая II [Чудотворная икона 2016]. Это событие, по всей видимости, оказало воздействие на последующие «чудеса».

После выборов в Государственную Думу в сентябре 2016 года в новом созыве активизировалась «Межфракционная депутатская группа Госдумы в защиту христианских ценностей», деятельность которой

стала приобретать все более промонархический характер [Ставицкий 2017]. Численность ее возросла до 48 членов, что больше десяти процентов списочного состава законодательного собрания [Заседание... 2017].

Наиболее сильное форматирование политической и социальной повестки связано с прямыми призывами со стороны членов элитного сообщества установить монархию в России. 14 марта 2017 года в передаче «Серьезный разговор» телеканала «Первый крымский» глава Республики Крым Сергей Аксенов заявил: «Сегодня, на мой взгляд, России нужна монархия» [Аксенов призвал 2017; России нужна монархия 2017; «Мне не стыдно» 2017]. Естественно, что реакция была достаточно бурной. На следующий день и телеканал, и Аксенов попытались объяснить. Суть оправданий сводилась к тому, что слова вырвали из контекста и извратили [Демократия не означает вседозволенность 2017], имелась в виду необходимость пожизненного руководства страной В.В. Путиным, поскольку «на сегодняшний день он [Путин] — единственный модератор, который в состоянии удерживать все процессы под полным контролем», и альтернативы нет [Аксенов объяснил 2017]. Несмотря на дезавуирующие высказывания, сообщение публике и элитам состоялось.

Наряду с Крымом, благосклонность к монархической идее, соответствующей риторике и активности проявляется и в других регионах. Показательно, что Н.В. Поклонская в своей борьбе против фильма А.Е. Учителя была поддержана в Северокавказских республиках. Глава Чечни обратился к министру культуры с просьбой запретить прокат «Матильды» в Чечне. В письме Рамзан Кадыров пишет: «Во времена Первой мировой войны бессмертными подвигами покрыла себя Кавказская конная дивизия — «Дикая дивизия», одна из надёжных войсковых частей и гордость русской армии. Дивизия состояла из жителей Северного Кавказа и Закавказья, мусульман, добровольно принесших присягу Государю Николаю Второму и обязавшихся защищать Российскую Империю от врага ценой своих жизней. До конца своего существования дивизия оставалась верна царю и царской армии» [Рамзан Кадыров 2017]. Обоснование просьбы вполне находится в рамках имперского и религиозного дискурса. Тем не менее, отказ министерства удовлетворить просьбу не подвинул республиканские власти самим запретить показ [В Чечне передумали... 2017]. В Ингушетии же отказались пускать ленту в прокат [В Ингушетии отказались... 2017]. Поддержка Поклонской нашлась и в Дагестане [В скандале вокруг фильма... 2017].

Несколько иная риторика встречается в других регионах. Так, например, известный в Татарстане человек, генеральный директор ГУП «Агентство по государственному заказу Республики Татарстан», Яков Геллер говорит: «Я много раз говорил, что я за конституционную монархию. Это вообще не для России — каждые 4 года или 6 лет устраивать президентские выборы». И далее: «Кто сегодня мог бы быть монархом в России, по моей версии? На самом деле по большому счету все равно. Понятное дело, что в России не будет царем неправославный. Но ведь Сталин был не очень русским человеком. Да и Ленин тоже. Да и Леонид Брежнев, и Никита Хрущев тоже. Это все условно. Главное другое — чтобы властитель видел перспективу, чтобы знал, что он успеет сделать то, что он хочет, и что это останется в веках в его имени» [Яков Геллер 2017]. Очевидный прагматизм связан с необходимостью устойчивого, стабильного развития с определенным стратегическим планированием. Проблема «короткого горизонта целеполагания» современной российской элиты [Неклесса 2008; Ремизов 2009] иногда рассматривается региональными элитами как проблема ответственного персонального правления, что может быть связано с ориентациями на монархию. Однако, в том же Татарстане опрос республиканской газеты «БИЗНЕС Online» «Нужен ли России царь?» показал, что татарстанский высший слой в большинстве настроен немонархически [Культура общества... 2017] (здесь я оставляю в стороне методологический аспект этого опроса).

Важным представляется, что ориентация на монархию у российско-го населения, согласно опросам ВЦИОМ, не растет. «Категорически против существования монархической формы правления в нашей стране сегодня 68% россиян». Однако, среди молодежи и жителей обеих столиц доля тех, кто «не против» или «за монархию» выше, чем в среднем по выборке [Пресс-выпуск № 3334 2017]. Это несмотря на то, что, как пишут аналитики, «политика В. Путина (в Крыму, Донбассе, Сирии и т.п.) успешно демонстрирует монархические признаки к удовлетворению большинства граждан России» [Папаяни 2017: 169]. Но интенции в отношении института другие. Это отмечают и монархисты. В частности, участник Международной монархической конференции, состоявшейся под Санкт-Петербургом 16 марта 2017 г., пишет: «А что же народ? Насколько он сегодня готов к принятию монархии. Увы положение пока безотрадное. Так выступавший по Skype митрополит Владивостокский и Приморский Владыка Вениамин с сожалением

отметил: «Русский народ в основной своей массе не раскаялся, еще крепки в нем комплексы советской жизни — комплексы революции и гражданской войны. Эти комплексы надо выкорчевать, освобождая место для любви». Епископ Североморский и Умбский Митрофан вполне согласен с этим мнением. «Катастрофическое наследие XX века живет в наших душах — сказал в своем слове на конференции владыка Митрофан, — Мы, как буревестники, в любой момент готовы пойти на митинги. Отношение к Николаю II — тот оселок, на котором проверяется, исцелился ли человек от яда. Некоторых при одном только упоминании Царя начинает «колбасить», они начинают бесноваться... Но я верю, что у России есть будущее, что русскому народу будет дарован Царь» [Евсин 2017]¹. Фиксируемое противоречие между ценностными ориентациями основной части населения и доктринальными представлениями части высшего клира выступает основанием усиления монархической пропаганды.

Воздействие на публику не уменьшается. Как отметила Елена Кирякова: «Монархизм — именно та идеология, которую подкрепляют сегодня не только с помощью образования, но и пропагандируют в кино, в церкви, с экранов ТВ» [Кирякова 2017]. Причем, следует отметить, что это осуществляется не всегда прямо. Открытым остается вопрос о централизованной преднамеренности «подкрепления» идеологии монархизма. Представляется, что, по крайней мере, частью своей запрос и обоснование идет снизу, что вполне согласуется с данными опросов.

Помимо идеологического и пропагандистского аспекта проблемы монархии в современной России есть немаловажный вопрос легальности и легитимности. В Конституции прямо говорится: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (Конституция РФ, ст. 1, часть 1). С другой стороны, депутат Госдумы и бывший прокурор в интервью на вопрос «Сейчас многие рассуждают о возможности восста-

¹ Такие надежды можно было бы объяснить тем, что один из прадедов епископа Митрофана (в прошлом — капитана второго ранга) был управляющим дворцом Великого князя Михаила Александровича, а другой — военным моряком Императорского флота [Епископ Североморский... 2017]. Но митрополит Вениамин происходит из рабочей семьи [Вениамин 2017]. Наиболее простое предположение связано с институциональными интенциями Русской православной церкви, интериоризированными иерархами.

новления монархии. Что думаете на этот счет? Путина надо сделать царем?» утверждает: «В Конституции РФ на этот счет все предусмотрено» [Афонин 2017]. Это утверждают и аналитики [см., напр.: Андрухин 2017]. Постепенное размывание принципа разделения властей и расширение сферы компетенции Президента [Основы конституционного строя 2013: 82-122], безусловно, создают основания для авторитарного правления, возможной формой которого может быть монархия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление постсоветской властной элиты происходит в условиях неопределенности, что связано с существенными изменениями в политике, экономике, социальной структуре и социальных отношениях. Процесс реструктурирования социальных порядков еще не завершился. В последнее время внешние обстоятельства и социально-экономические трудности повышают уровень неопределенности. Выбор релевантных форм управления и доминирования затрудняется противоречивым наследием и противоположной направленностью ценностных ориентаций населения и различных элитных групп.

Однако, можно заметить, что очевидны усилия со стороны властных групп по форматированию определенной повестки дня. Можно утверждать, что направленность этого форматирования отчетливо авторитарная. Наблюдаются открытые нападки части российской элиты на конституционные принципы государственного устройства — **республиканизм** и **демократию**. Противодействия этому нет ни со стороны гаранта конституции, ни судебных, ни законодательных органов власти. Общество также достаточно вяло реагирует. Это может свидетельствовать как о слабой институционализации властных элит в данном конституционном порядке, так и о недостаточной институционализации самого конституционного порядка. Одновременно, это говорит об определенном уровне *автономии* элит.

Среди монархистов и части общественности ведутся дискуссии о легальности и легитимности монархии; о легитимности отречения Николая II (теолого-юридический аспект проблемы можно встретить в высказываниях и текстах Н.В. Поклонской); о готовности общества к восстановлению монархии; о том, какая должна быть монархия — Русская или Российская; кто может претендовать на трон; возможна ли новая династия и проч. Эти вроде бы абстрактные рассуждения пока

не связаны с интенциями широкой публики. Нет общественной проблематизации. Пока эти обсуждения находятся на периферии общественного сознания.

Сохраняющееся на протяжении многих лет незначительная доля россиян, ориентирующихся на восстановление монархии, говорит не только о слабой ее легитимности у большинства, но также об устойчивом промонархическом ядре. Это те люди, которые могут быть мобилизованы властными группами для решительной поддержки трансформации политической системы. При консолидации элиты вокруг царско-имперского проекта доля его поддерживающих граждан может существенно увеличиться, прежде всего, за счет сторонников «твердой руки», необходимости стабилизации ситуации в стране и т.п. Сработает эффект сообщений-подсказок со стороны элит. Тем более, что в российских условиях часть экспертного сообщества (наиболее публично представляемая в СМИ) ориентируется на сигналы и аргументы центральной элиты. Как заметил Джон Цаллер: «Сужение в процессе привлечения индивидов в экспертные сообщества круга типов личностей, которые могут быть экспертами (независимо от того, почему это происходит — в результате ли самостоятельного выбора или же под целенаправленным нажимом идеологических стандартов), ведет к ограничению вариативности дискурса элиты и расширению спектра ее доминирования» [Цаллер 2004: 485]. А мы видим, что это систематически происходит, и бассейн рекрутирования экспертов (также, как и бассейн рекрутирования элиты) сужается. Но вместе с тем, мы можем наблюдать достаточно размытые *идеологические* стандарты. Они, скорее, *политико-прагматичные*, связанные с удержанием власти и сохранением status quo. Причем, последнее касается не только высшей группы доминирования, но и оппонировавших ей, например, руководство КПРФ. Население, также стремится не потерять уже достигнутого. Поэтому выбор возможной формы правления в значительной степени связан с желаемой стабилизацией. Так вопрос стоял в 1990-х годах при Б.Н. Ельцине, так он стоит и сейчас. И поэтому отсутствует консенсус элит в отношении возможного монархического будущего страны. И здесь можно согласиться с Чарльзом Кловвером: «Хотя Путин, безусловно, самый могущественный человек в России, он все же не претендует на харизму абсолютного царя, как можно подумать, судя по поведению его сторонников, и не превращается в авторитарного деспота, как возмущаются недовольные. Он уселся не на олимпийский престол,

а на пересечении интересов современных боярских семейств, вечно дерущихся за власть, политику и привилегии, — сложилась новая версия Политбюро, в котором решения принимались коллегиально, и мощные интересы разных группировок уравнивали друг друга» [Кловер 2017:424].

Но не следует забывать о существующем монархическом потенциале. Вопрос не только открыт, но и есть в случае необходимости ответ: «Кому стать первым монархом возрождённой империи должно определяться уровнем профессиональной пригодности и народного доверия к конкретному лидеру на момент избрания. На текущий момент, например, выбор однозначен ввиду рейтинга популярности и доверия к нынешнему президенту РФ, на деле доказавшему свой созидательный уровень, масштаб геополитического мышления, волю» [Папаяни 2017: 172]. Тем более, что ползучая монархизация российского конституционного права очевидна, а технологическая харизмизация лидера идет полным ходом. Но в условиях республики сублимацией монархических устремлений выступает авторитаризм, и пока он достаточен для элиты для реализации задачи сохранения власти и существующего порядка.

Литература и источники

Аксенов объяснил «URA.RU» свои слова о возвращении монархии. «Если Путин не будет президентом, он останется моим руководителем» // Сайт «URA.RU». 15.03.2017. URL: <http://ura.ru/news/1052281315> (доступно 15.03.2017).

Аксенов призвал во имя духовности убрать демократию и сделать Россию монархией // Сайт «Лента.ру». 14.03.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/14/aksenov/> (доступно 14.03.2017).

Александр Демин: Люди с большими карманами боятся общественного движения казачьих формирований // Общественное Телевидение России. 12.12.2016. URL: <https://otr-online.ru/programmi/segodnya-v-rossii/pervii-sezd-soyuza-62329.html> (доступно 10.10.2017).

Александров Н. Право как основа будущего // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1991. 24 августа. № 2143. С. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2143_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Алексей Брумель // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1991. 24 августа. № 2142. С. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2142_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Александр Боханов: «Монархия как декорация для телекамер нам не нужна» // Сайт «Русская народная линия». 13.05.2011. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/05/13/aleksandr_bohanov_monarhiya_kak_dekoraciya_dlya_telekamer_nam_ne_nuzhna/&?commsort=votes (доступно 02.09.2014).

Анатолий Локоть осудил памятник Николаю II // Сайт «Сибкрай.ru». 20.07.2017. URL: http://sibkrai.ru/news/1/900468/?sphrase_id=1378078 (доступно 22.08.2017).

Анатолий Степанов: «Это один из лучших памятников святым Царственным Мученикам» // Сайт «Русская народная линия». 13.05.2013. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/05/13/anatolij_stepanov_eto_odin_iz_luchshih_pamyatnikov_svyatym_carstvennym_muchenikam/ (доступно 15.05.2013).

Андрей Бабицкий: Царь не умер, да здравствует царь! // Взгляд. 2017. 16 марта. URL: <https://vz.ru/columns/2017/3/16/862207.html> (доступно 16.03.2017).

Андрущенко А. В России будет царь? // Комсомольская правда. 2006. 28 марта. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/23680/51317/> (доступно 17.08.2015).

Андрюхин В. С 1993 года мы живём по монархической конституции // Сайт «Посольский приказ». 18.12.2017. URL: <http://www.posprikaz.ru/2017/12/s-1993-goda-my-zhivyom-po-monarhicheskoj-konstitucii/> (доступно 20.12.2017).

Афонин И. «В Конституции РФ все предусмотрено, чтобы сделать Путина царем» [Интервью с Н. Поклонской] // Сайт «Daily Storm». 08.09.2017. URL: <https://dailystorm.ru/v-konstitucii-rf-vse-predusmotreno-chtoby-sdelat-putina-carem> (доступно 16.09.2017).

Бармин Ф. Несостоявшаяся коронация: Как в Эр-Эф чуть было не «восстановили монархию» // Спецназ России. 2013. № 8–10. URL: <http://www.specnaz.ru/articles/203/27/1891.htm>, <http://www.specnaz.ru/articles/204/27/1906.htm>, <http://www.specnaz.ru/articles/205/27/1921.htm> (доступно 10.02.2015).

Белолов Г. «В воздухе веет «Монархической весной»» // Сайт «Русская народная линия». 25.03.2017. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/25/v-vozduhe_veet_monarhicheskoj_vesnoj/ (доступно 26.03.2017).

Биография российского политика и предпринимателя Антона Бакова // ТАСС. 23.12.2017. URL: <http://tass.ru/info/4838325> (доступно 23.12.2017).

Бюст Государя Николая II открыли в Ростове-на-Дону // Переключка: Электронный журнал Русского Общевоинского Союза. 23.05.2016. URL: <https://pereklichka.livejournal.com/755099.html> (доступно 12.12.2017).

В Волгодонске освятили памятник-бюст святого страстотерпца, царя Николая II // Сайт «Волгодонск.про». 17.07.2016. URL: <https://volgodonsk.pro/news/11626-v-volgodonske-osvjatili-pamjatnik-byust-svjatogo-strastoterpca-carja-nikolaja-ii.html> (доступно 12.12.2017).

В Новосибирске открыли памятник Николаю II // РИА Новости. 16.07.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170716/1498589082.htm> (доступно 16.07.2017).

В День народного единства в Москве открыт памятник князю Владимиру // Сайт Президента России. 04.11.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53211> (доступно 04.01.2017).

В Евпатории открыли бюст Николая II (фоторепортаж) // Официальный сайт муниципального образования городской округ Евпатория Республики

Крым. 16.05.2016. URL: <http://my-evp.ru/v-evpatorii-otkryli-byust-nikolaya-ii-fotoreportazh/> (доступно 20.11.2016).

В Ингушетии отказались выпускать «Матильду» в прокат // Интерфакс. 10.08.2017. URL: <http://www.interfax.ru/russia/574373> (доступно 10.08.2017).

В Объединении Романовых назвали абсурдными притязания Марии Владимировны на особый статус в РФ // Интерфакс. 13.07.2015. URL: <http://www.interfax.ru/russia/453357> (доступно 13.07.2015).

В Орле открыли первый в России памятник Ивану Грозному // РИА Новости. 14.10.2016a. URL: <https://ria.ru/society/20161014/1479245684.html> (доступно 14.10.2016).

В Орле открыли первый в России памятник царю Ивану Грозному // Портал Орловской области. 14.10.2016b. URL: <http://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=8229> (доступно 14.10.2016).

В скандале вокруг фильма «Матильда» появился «кавказский акцент» // Сайт «EADaily». 13.02.2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/13/v-skandale-vokrug-filma-matilda-poyavilsya-kavkazskiy-akcent> (доступно 13.02.2017).

В Тамбове установлен памятник Николаю Второму // ИА REGNUM. 18.05.2016. URL: <https://regnum.ru/news/society/2133686.html> (доступно 21.05.2016).

В Тобольске может появиться музей царской семьи // Сайт «Искусство». 12.08.2013. URL: <http://www.iskusstvo.tv/News/2013/08/12/v-tobolske-mozhet-poyavitsya-muzei-carskoi-semi> (доступно 14.08.2013).

В Чечне передумали запрещать прокат «Матильды» // Интерфакс. 10.08.2017. URL: <http://www.interfax.ru/russia/574379> (доступно 10.08.2017).

Ванденко А. Хозяйка Северной Пальмиры [Интервью с В.И. Матвиенко] // Итоги. 2004. № 43. 25 октября. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2004/43/76240.html> (доступно 30.10.2014).

Веленгурин В. Что нас ждет после выборов президента в 2012 году? [Интервью с Ю.В. Шалыгановым] // Комсомольская правда. 2010. 01 октября. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/24567/740255/> (доступно 12.07.2015).

Вениамин, митрополит Владивостокский и Приморский (Пушкарь Борис Николаевич) // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31599.html> (доступно 20.12.2017).

Владимир Путин: монархия в России невозможна // РИА Новости. 19.12.2002 (обновлено: 05.06.2008). URL: <https://ria.ru/politics/20021219/285521.html> (доступно 02.09.2016).

Владимиров А. Корона российской республики // Итоги. 2005. № 39 (26 сентября). URL: <http://www.itogi.ru/archive/2005/39/59422.html> (доступно 10.11.2017).

Владимиров С. Ненависть друг к другу // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1995. 2 сентября. № 2351. С. 3. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2351_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Власти Тюменской области будут продвигать тур по местам, связанным с царской семьей // ТАСС. 07.12.2017. URL: <http://tass.ru/ural-news/4792071> (доступно 07.12.2017).

Вниманию особо заслуженных генерал-майоров, генерал-лейтенантов, генерал-полковников, генералов армии, маршалов казачьих войск Российской Федерации!!! // Сайт «Казачий круг». 08.11.2010. URL: <http://www.kazachiy-krug.ru/stati/bolnye-ljudi/vnimaniju-osobo-zasluzhennyh-general-majorov> (доступно 10.10.2017).

Во Владивостоке торжественно открыли памятник Николаю II // Информационное агентство «Легитимист». 19.12.2016. URL: <http://legitimist.ru/news/2016/12/vo-vladivostoke-torzhestvenno-otkryili-pamyatnik-nikolayu-ii.html> (доступно 19.12.2016).

Возвращение Императорского дома на Родину // Интерфакс. 26.06.2009. URL: <http://www.interfax.ru/presscenter/87216> (доступно 28.09.2009).

Возвращение в Россию // Интерфакс. 30.03.2009. URL: <http://www.interfax.ru/presscenter/71275> (доступно 28.09.2009).

Воловатов В., Казанцева С. Романовы просят защиты от самозванцев и резиденцию в Москве // Сайт «m24.ru». 13.07.2015. URL: <http://www.m24.ru/articles/78843> (доступно 13.07.2015).

Воробьев В. Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус // Соцсеть «Православный разговор». 11.06.2010. URL: <http://pravoslavrazgovor.mirtesen.ru/blog/43936422607/Vtoroy-Donskoy-Imperatora-Nikolaya-II-kadetskiy-korpus> (доступно 12.12.2017).

Вот такая вот, брат, биография. Демин Александр Павлович // Сайт «Идиотъ». 10.06.2009. URL: <http://idiot.fm/2009/06/10/vot-takaya-vot-brat-biografiya/> (доступно 10.10.2017).

Встреча [В.В. Жириновского] с Президентом РФ Владимиром Путиным в Ялте. 14.08.2014 // Сайт ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/leader/speech/meeting_with_the_russian_president_vladimir_putin_in_yalta/ (доступно 02.09.2014).

Г.А. Зюганов принял участие в передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1». Видео // Сайт Ростовской областной организации КПРФ, 18.08.2014. URL: <http://www.kprf-don.ru/index.php/component/content/article/3391.pdf> (доступно 06.11.2016).

Герб России // // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B1_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (доступно 28.12.2017).

Герб Российской Федерации (герб России) // Сайт «Геральдика.ру». URL: <https://geraldika.ru/symbols/2> (доступно 28.12.2017).

Гольфарб А. Кто стоит за «Проектом «Россия»? // Сайт «Compromat.Ru». 27.12.2005. URL: http://www.compromat.ru/page_17999.htm (доступно 17.08.2015).

Гольфарб А. Проект «Россия» пошел в массы // Сайт «Compromat.Ru». 10.04.2006. URL: http://www.compromat.ru/page_18515.htm (доступно 17.08.2015).

Государственный герб РФ // Сайт «Государственная символика». URL: <http://statesymbol.ru/russymbols/symbols/20050407/39593456.html> (доступно 28.12.2017).

Груднев В. Российский принципат // Портал «Проза.ру». 18.04.2007. URL: <http://www.proza.ru/2007/04/18-403> (доступно 11.03.2008).

Губернатор: памятник Грозному в Александрове не открыли из-за неподготовленности парка // ТАСС. 28.04.2017. URL: <http://tass.ru/v-strane/4220321> (доступно 28.04.2017).

Демократия не означает вседозволенность // Телерадиокомпания «Крым». 15.03.2017. URL: <http://1tvcrimea.ru/pages/news/062538-demokratija-ne-oznaczaet-vsedomozvolennost> (доступно 15.03.2017).

Дом Романовых не обращался с официальной просьбой об особом статусе в России // Сайт «Интерфакс». 13.07.2015. URL: <http://www.interfax.ru/russia/453302> (доступно 13.07.2015).

Дом Романовых решил просить у властей России официальный статус // Взгляд. 13.07.2015. URL: <http://vz.ru/news/2015/7/13/755832.html> (доступно 13.07.2015).

Драма российского закона / Отв. ред. В.П. Казимирчук. М.: Юридическая книга, ЧеРо, 1996.

Дубин Б. Нарциссизм как бегство от свободы // Ведомости. 2014. 27 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/27/narcissizm-kakbegstvo-ot-svobody#ixzz3BdLKfAua> (доступно 28.08.2014).

Дука А.В. Институционализация российской политико-административной элиты // Политическая наука. 2009. № 3. С. 110–140.

Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 15–62.

Евсин И. Монархическая конференция и провокация телеканала «Россия 1» // Сайт «Русский монархист». 19.03.2017. URL: <http://www.ruskmir.ru/2017/03/igor-evsin-monarxicheskaya-konferenciya-i-provokaciya-telekanala-rossiya-1/> (доступно 21.03.2017).

Егорова Е. Хазанов подарил Путину корону императора // Московский Комсомолец. 2015. 1 декабря. URL: <http://www.mk.ru/culture/2015/12/01/khazanov-podaril-putinu-koronu-imperatora.html> (доступно 02.12.2015).

Епископ Североморский и Умбский Митрофан (Алексей Васильевич Баданин) // Североморская епархия. Официальный сайт. URL: <http://severeparh.ru/biografiya/> (доступно 20.12.2017).

Закатов А. Царский наказ монархистам [29.12.1992] // Монархист. 1993. № 18. URL: <http://monarhist.info/Archives/monarhist-18.htm> (доступно 23.09.2017).

Заседание Межфракционной депутатской группы по защите христианских ценностей // Сайт Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений. 17.05.2017.

URL: <http://komitet2-22.km.duma.gov.ru/Drugie-meropriyatiya/item/395933/> (доступно 01.10.2017).

Захаров А. Кто поссорил Поклонскую с Кшесинской // Сайт «Фонтанка.ру». 07.11.2016. URL: <http://www.fontanka.ru/2016/11/07/040/> (доступно 07.11.2016).

Заявление Великой Княгини Леониды Георгиевны для российской прессы 5 ноября 1992 г. // Монархист. 1993. № 18. URL: <http://monarhist.info/Archives/monarhist-18.htm> (доступно 23.09.2017).

Звягин А.А. На пороге перемен: Ротация элит или смена формаций? М.: Полиграф-сервис, 2007.

Змановская А. Дому Романовых предложили вернуться в Россию // Известия. 2015. 23 июня. URL: <https://iz.ru/news/587917> (доступно 23.06.2015).

Зубков К., Полунин А., Пряников П. Россию готовят к приходу царя на 400-летие Дома Романовых // Сайт «Свободная пресса». 05.05.2011. URL: <http://svpressa.ru/all/article/43072/> (доступно 02.09.2014).

«Идея монархии начинает овладевать умами и сердцами». Беседа писателя Владимира Солоухина с представителями белой русской общественности в Буэнос-Айресе 18 августа 1991 года // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1991. 24 августа. № 2143. С. 2. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2143_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Из выступления В.В. Жириновского на «Открытой трибуне». Тема: «Россия — Европа: важно сохранить доверие». 22.09.2014 // Сайт ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/leader/speech/from_the_speech_of_vladimir_zhirinovskiy_in_the_open_platform_220914/ (доступно 01.10.2014).

Из выступления Председателя ЛДПР Жириновского В.В. на заседании XIX-го Всемирного русского народного собрания 10.11.2015 // Сайт ЛДПР. 10.11.2015. URL: http://ldpr.ru/leader/speech/speech_of_the_chairman_of_the_liberal_democratic_party_vladimir_zhirinovskiy_at_a_meeting_of_the_xixth_world_russian_peoples_council/ (доступно 08.10.2016).

Инициативы по установке памятников царю Ивану Грозному в России. Досье // ТАСС. 14.10.2016. URL: <http://tass.ru/info/3704745> (доступно 14.10.2016).

Иоанн. Любовь не должна быть слепой... С митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским беседует заместитель главного редактора газеты «День» Владимир Бондаренко [1993 г.] // Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу / Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. СПб.: Царское дело, 1995. С. 168–178.

Иоанн. Самодержавие и Россия. К участникам Всероссийского монархического совещания [1994 г.] // Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу / Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. СПб.: Царское дело, 1995. С. 338–344.

К столетию гибели Романовых откроют туристический «Императорский маршрут» // РИА Новости. 19.09.2017. URL: <https://ria.ru/tourism/20170919/1505085477.html> (доступно 19.09.2017).

Кадетская школа «Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус» // Сайт Донского государственного технического университета. URL: <https://donstu.ru/structure/administrative/sluzhby-po-metodicheskoy-rabote/kadetskaya-shkola-vtoroy-donskoy-imperatora-nikolaya-ii-kadetskiy-korpus/> (доступно 10.12.2017а).

Кадетская школа «Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус» Донского государственного технического университета. Официальный сайт. URL: <http://2dkk.ru/> (доступно 10.12.2017б).

Казачий самолет-штурмовик вертикального взлета и посадки // Сайт Казачьего информационно-аналитического центра. 09.12.2016. URL: kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/kazachij_samolet_shturmovik_vertikalnogo_vzleta_i_posadki/168-1-0-4071 (доступно 10.10.2017).

Карпец В. Конституция или Россия? // Сайт «Правая.ru». 29.09.2006. URL: <http://www.pravaya.ru/look/9093> (доступно 30.10.2009).

Каталог почтовых марок России и СССР. Почтовые марки России 1998 года. № 446. URL: <http://stamprus.ru/marks/1998/> (доступно 10.12.2016).

Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер.с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2013. С. 359–410.

Кирякова Е. Проект «Монархия». Как элита намерена сохранять ресурсы после 2024 года? // РИА Накануне.RU. 23.11.2017. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/113469/> (доступно 25.11.2017).

Кlover Ч. Черный ветер, белый снег: Новый рассвет национальной идеи / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Фантом Пресс, 2017.

Кол-памятник Ивану Грозному под Красноярском снесут, если он установлен с нарушениями // ТАСС. 25.10.2016. URL: <http://tass.ru/sibir-news/3732052> (доступно 25.10.2016).

Колташов В.Г. Президентский принципат: унитарная монархия в России // Сайт «Libros». 15.01.2007. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/153378/slug/prezidentskijj-principat-unitarnaya-monarkhiya-v-rossii> (доступно 02.03.2008).

Коржаков А.В. Бесы 2.0. А цари-то настоящие. М.: Эксмо, 2017.

Костиков В.В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997.

Кочетков В.В. Российская элита и модернизация политической системы. М.: Инфра-М, 2013.

Крестелев К. Посткоммунистические «демократии» боятся монархов // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1994. 8 января. № 2266. С. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2266_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Кувалдин С. Царь в голове // GlobalRus.ru. 25.10.2004. URL: <http://www.globalrus.ru/comments/138664/> (доступно 02.09.2014).

«Культура общества не приспособлена для нормального политического устройства, мы обречены» // БИЗНЕС Online. 2017. 6 ноября. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/362968> (доступно 06.11.2017).

Кулябин А. Реставрация монархий на постсоветском пространстве? // Россия и мусульманский мир. 2012. № 10. С. 60–68.

Лакёр У. Черная сотня: Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. В. Маникера. М.: Текст, 1994.

Ларионов В.Е. Православная Монархия. Национальная Монархия в России. Утопия или политическая реальность. М.: Издатель Быстров, 2007.

Лукьянов Ф. Короли заменят коммунистов? // Российская газета. 2001. 11 мая. URL: <http://viperson.ru/uploads/attachment/file/371339/rg15b064.txt> (доступно 08.11.2017).

Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006.

Лунин М. Олигархический принципат // Сайт «Движение за возрождение отечественной науки». 23.03.2012. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5558 (доступно 10.11.2016).

Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

Мальчевский Н. Ельцинизм в «монархической» упаковке // Монархист. 1992. № 14–15. URL: <http://monarhist.info/Archives/monarhist-14-15.htm> (доступно 11.09.2017).

Манхейм К. Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7–233.

Мединский открыл памятник Ивану III в Калуге // ТАСС. 12.11.2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4721822> (доступно 12.11.2017).

Министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский обратился с приветствием к гостям и участникам торжественной церемонии открытия памятника Ивану IV в Орле // Портал Орловской области. 14.10.2016. URL: <http://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=8221> (доступно 14.10.2016).

Минкин А.В. Царь должен спасти Россию от генерала. Третий этап приватизации власти // Минкин А.В. Президенты RU. М.: Астрель, 2012. С. 266–272. [Новая газета. 1997. 3 февраля].

Млечин Л. Ельцин: Первый президент России. СПб.: Амфора, 2015.

«Мне не стыдно» // Сайт «Лента.ру». 15.03.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/03/15/monarch/> (доступно 15.03.2017).

Молотов И. Черная дюжина. Общество смелых. М.: Центрполиграф, 2017.

Монархическая партия выдвинула Антона Бакова кандидатом в президенты // Сайт ТАСС. 23.12.2017. URL: <http://tass.ru/politika/4838207> (доступно 23.12.2017).

Монархия в России // Телеканал «Мир». Программа «Слово за слово», ведущий. Алексей Шахматов. 25 апреля 2013 г. URL: <https://www.youtube.com/>

watch?v=MdkAi9FwBek, http://video.sibnet.ru/video1116915-Vsplek_monarhicheskikh_nastroeniy__Slovo_za_slovo/ (доступно 10.04.2015).

Монеты // Сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/Bank-notes_coins/coins/ (доступно 10.01.2017).

Морозов А. «Монархия в нашей стране возможна. Уже сейчас этот процесс медленно, но верно идет...» [Интервью с С. Маньковым] // Город 812. 11.02.2015. URL: <http://www.online812.ru/2015/02/11/006/> (доступно 10.04.2015).

Музей царской семьи в Тобольске будет открыт в 2018 году // ТАСС. 10.11.2017. URL: <http://tass.ru/ural-news/4718635> (доступно 10.11.2017).

На монетах появится изображение герба РФ // Сайт Центрального Банка Российской Федерации. 30.12.2015. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=104> (доступно 30.12.2015).

Назаров М.В. Кто наследник Российского престола? 3-е изд., испр. и доп. М.: Русская идея, 2004.

Наталья Поклонская пронесла в «Бессмертном полку» икону Николая II // ТАСС. 09.05.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3267582/> (доступно 09.05.2015).

Невский И. Похоже, в России хотят возродить монархию // Сайт «Посольский приказ». 12.12.2013. URL: <http://www.posprikaz.ru/2013/12/poxozhe-v-rossii-hotyat-vozrodit-monarxiyu/> (доступно 02.09.2014).

Невярович В. О возможности восстановления священной монархии в России // Монархист. СПб., 2004. № 50–51. С. 1–3.

Некlessа А. Время коротких горизонтов // Независимая газета. 2008. 26 июня. URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html (доступно 20.10.2016).

Нельзя установить монархию решением политтехнологов: Мнения священнослужителей // Информационное агентство «Новости Федерации». 26.08.2014. URL: <http://regions.ru/news/2526173/> (доступно 06.11.2016).

Новоселова Е. В Тобольске откроют музей царской семьи // Российская газета. 2017. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2017/05/29/reg-urfo/v-tobolske-otkroiut-muzej-carskoj-semi.html> (доступно 29.05.2017).

«Нужна ли нам монархия?»: Програма «Право голоса» на телеканале ТВ Центр. 27 июня 2013 г. // Сайт «YouTube». Опубликовано: 1 июля 2013 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uSr59VFy8GI>. (доступно 03.11.2014).

О ситуации вокруг фильма «Матильда» // Сайт Фонда «Общественное мнение». 25.08.2017. URL: <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/13658> (доступно 26.08.2017).

Обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича к Армии // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1992. 8 февраля. № 2166. С. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2166_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича к российской молодежи // Наша страна. Буэнос-

Айрес, 1992. 8 февраля. № 2166. С. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2166_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Общественное мнение о деятельности Госдумы и депутатах // Сайт «Левада-Центр». 26.11.2013. URL: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh> (доступно 06.12.2014).

Освящение памятника Николаю II в Белграде // Сайт Посольства Российской Федерации в Республике Сербии. [16.11.2014.] URL: <http://www.ambasadarusije.rs/ru/vesti/osvjashenie-pamjatnika-nikolaju-ii-v-belgrade> (доступно 06.12.2014).

Осипов В.Н. Монархическое стояние 17 июля 2016 г. в г. Москве // Официальный сайт Движения «Спротивление Новому Мировому Порядку». 10.07.2016. URL: <http://dsnmp.ru/monarhicheskoe-stoyanie-17-iyulya-2016-g-v-g-moskve/> (доступно 20.11.2017).

Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / Под ред. А.Н. Медушевского. М.: Ин-т права и публичной политики, 2013.

Останки великокняжеской четы Романовых перезахоронены в Москве // ТАСС. 30.04.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1943241> (доступно 30.04.2015).

Ответственность за успехи и проблемы // Сайт «Левада-Центр». 11.12.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/12/11/17232/> (доступно 12.12.2017).

Открытие памятника Александру I // Сайт Президента РФ. 20.11.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47044> (доступно 04.05.2017).

Открытие памятника Александру III // Сайт Президента РФ. 18.11.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56125> (доступно 18.11.2017).

Открытие памятника великому князю Сергею Александровичу // Сайт Президента РФ. 04.05.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54447> (доступно 04.05.2017).

Оценка властей // Сайт ВЦИОМ. 10.12.2017. URL: https://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (доступно 10.12.2017).

Паламарчук П. Повременные монархические издания русского зарубежья // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1993. 20 марта. № 2224. С. 1–2. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2224_online.pdf (доступно 20.09.2017).

Памятник Екатерине II открыли в Симферополе // ТАСС. 19.08.2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3550819> (доступно 19.08.2016).

Памятник Ивану Грозному в «столице Опричнины» не простоял и часа // РИА Новости. 27.04.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170427/1493258773.html?inj=1> (доступно 27.04.2017).

Памятник императору Николаю II открыли во Владивостоке // ТАСС. 18.12.2016. URL: <http://tass.ru/v-strane/3883379> (доступно 18.12.2016).

Памятник царю Николаю II установлен в Белграде // РИА Новости. 13.10.2014. URL: <https://ria.ru/religion/20141013/1028154605.html> (доступно 22.10.2016).

Панов В. Елена Бондарева: «Белград принял Николая II...» // Столетие. 2014. 6 ноября. URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/jelena_bondareva_belgrad_prinal_nikolaja_ii__796.htm (доступно 22.10.2016).

Панорама. Часть 2 // Огонёк. 1996. № 51 (22 декабря). С. 15. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2284447> (доступно 10.02.2015).

Папаяни Ф.А. Монархия: перевёрнутая страница истории или неизбежная перспектива? // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Донецк, 2017. № 2 (61). С. 163–173. [URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29808913_87232186.pdf] (доступно 10.10.2017).

Пестрецова О. Проект «оккупационная монархия» // АПН. 31.01.2005. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1269.htm> (доступно 02.09.2014).

Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. В 2 т. Т.2. М.: Родникъ, 1997.

Подвалов И. В Лос-Анджелесе почтили архиепископа Антония // Сайт «Легитимист». 01.08.2011. URL: <http://legitimist.ru/news/2011/08/v-los-andzhelese-rochtili-arkhier.html> (доступно 10.02.2017).

Поклонская поведала о замироточившем бюсте Николая II // Lenta.ru. 04.03.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/04/poklonskaya/> (доступно 04.03.2017).

Положение о кадетской школе «Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус» Донского государственного технического университета (2ДКК ДГТУ). Ростов-на-Дону, 2013 // Официальный сайт 2ДКК ДГТУ. URL: http://2dkk.ru/docs/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BE_%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5_2%D0%94%D0%9A%D0%9A_%D0%94%D0%93%D0%A2%D0%A3.pdf (доступно 10.12.2017).

Полякова А.А. Судьбы монархий в Европе // Современная Европа. 2012. № 3 (51). С. 117–126. [URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18127053_26179788.htm]

Потомки царской семьи хотят получить резиденцию в Москве // Сайт «Недвижимость.Mail.Ru». 14.07.2015. URL: https://realty.mail.ru/news/18271/potomki_carskoj_semi_hotjat_poluchit_rezidenciju_v_moskve/ (доступно 14.07.2015).

Президент считает, что установление монархии в России невозможно // Вести.ру. 19.12.2002. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=16835&tid=10287> (доступно 02.09.2016).

Пресс-выпуск № 538. Нужна ли России монархия? // Сайт ВЦИОМ. 25.09.2006. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3253> (доступно 04.03.2010).

Пресс-выпуск № 2256. Монархия в России: пройденный этап? // Сайт ВЦИОМ. 19.03.2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113775> (доступно 06.12.2014).

Пресс-выпуск № 2694. Строгий, зрелый, спокойный... новатор! Об идеальном начальнике-по-русски // Сайт ВЦИОМ. 15.10.2014. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115021> (доступно 10.12.2017).

Пресс-выпуск № 3334. Монархия для России: сто лет спустя // Сайт ВЦИОМ. 23.03.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116126> (доступно 24.03.2017).

Пресс-выпуск № 3500. Страсти по «Матильде» // Сайт ВЦИОМ. 25.10.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116477> (доступно 26.10.2017).

Приложение № 1 к Указу Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 г. № 2050 «О Государственном гербе Российской Федерации» // Портал ГАРАНТ.РУ (Garant.ru). URL: http://base.garant.ru/105787/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (доступно 09.12.2016).

Проект Россия. М.: Эксмо, 2007а.

Проект Россия. Кн. 2: Выбор пути. М.: Эксмо, 2007б.

Проект Россия. Кн. 3: Третье тысячелетие. М.: Эксмо, 2007с.

Проект Россия (книги) // Википедия. Последнее обновление 27.11.2017. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_\(%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_(%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8)) (доступно 29.11.2017).

«Проект Россия» Юрия Викторовича Шалыганова // Сайт «Афон — Путь к Богу в душе». 23.11.2010. URL: <http://afon-ru.com/Afon-palomnichestvo.Palomnik.Proekt-Rossiya-YUriya-Viktorovicha-SHalYGanova-Avtoru-i-Ob-avtore-konceptii-brenda-proekta-i-samih> (доступно 20.09.2017).

Протоиерей Андрей Филлипс. Будет Царь в России! // Сайт «Русская народная линия». 15.05.2015. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/05/15/budet_car_v_rossii/ (доступно 10.09.2016).

Проханов А.А. Ельцину снится Ипатьевский дом [июль 1998 г.] // Проханов А.А. Хроника пикирующего времени. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. С. 251–252.

Путин В. Княгине Феодоре Романовой. 2 января 2017 г. // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/53693> (доступно 04.01.2017).

Путин открыл в Кремле памятник князю Сергею Александровичу // РИА Новости. 04.05.2017. URL: <https://ria.ru/society/20170504/1493659693.html> (доступно 04.05.2017).

Пушкарев С. В. Квази-монархии (немонархические монархии) как особая форма правления // Вестник Российского университета кооперации. 2011. № 1 (6). С. 84–90. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18917741_68757302.pdf (доступно 19.02.2012).

Рамзан Кадыров попросил министра культуры запретить «Матильду» в Чечне // Комсомольская правда. 2017. 8 августа. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26715/3740859/> (доступно 08.08.2017).

Рачков М.П. Россия: от федеративного государственного устройства к конституционной монархии // Известия Байкальского государственного университета. 2002. № 1. С. 96–98. [URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17943403_81953256.pdf] (доступно 07.03.2016).

Ремизов М. Мобилизационный пакт для элиты // Известия. 2009. 6 апреля. URL: <https://iz.ru/news/347198> (доступно 20.10.2016).

России нужна монархия, — Аксенов // Сайт «Наш Крым». 15.03.2017. URL: <http://ncrim.ru/news/view/15-03-2017-rossii-nujna-monarhiya-aksenov> (доступно 15.03.2017).

Россия будет монархией // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1993. 18 декабря. № 2263. С. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2263_online.pdf (доступно 23.09.2017).

«Россия державная» // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1993. 3 июля. № 2239. С. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2239_online.pdf (доступно 23.09.2017).

Россияне о Николае II // Сайт «Левада-Центр». 16.05.2013. URL: <http://www.levada.ru/16-05-2013/rossiyane-o-nikolae-ii> (доступно 06.12.2014).

Россияне о сильном лидере и единовластии // Сайт «Левада-Центр». 08.04.2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/04/08/rossiyane-o-silnom-lidere-i-edinovlastii/> (доступно 06.12.2014).

РПЦ не исключает возрождения монархии в России // BFM.ru. 09.04.2013. URL: <https://www.bfm.ru/news/213228> (доступно 09.04.2013).

Савельев В. Монархические мечтания // Литературная газета. 2008. 23 января. № 2. URL: http://lgz.ru/article/N2--6154--2008-01-23--/Monarhich%D0%B5ski%D0%B5-m%D0%B5chtaniya2873/?sphrase_id=328882 (доступно 10.11.2015).

«Садовод» из «Проекта Россия» // Сайт «Агентство Федеральных Расследований». 04.05.2012. URL: <https://old.fib.ru/info/50904.html> (доступно 10.05.2012).

Самовольно установленный памятник Ивану Грозному спилили под Красноярском // ТАСС. 31.10.2016. URL: <http://tass.ru/sibir-news/3746782> (доступно 31.10.2016).

Святейший Патриарх Кирилл и Святейший Патриарх Ириней осветили в Белграде памятник царю-страстотерпцу Николаю II // Официальный сайт Московской Патриархии. 16.11.2014. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3841917.html> (доступно 22.10.2016).

Сеньчукова М., Гальперина А. «Романовы»: красиво и патриотично // Православие и Мир. 2013. 5 ноября. URL: <http://www.pravmir.ru/romanovy-krasivo-i-patriotichno-foto/> (доступно 10.11.2015).

Сергей Лебедев: «Демократия — роскошь, которую может позволить себе общество с сильным средним классом» // Сайт «Русская народная линия». 11.09.2010. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/11/sergej_lebedev_demokratiya_roskosh_kotoruyu_mozhet_pozvolit_sebe_obwestvo_s_silnym_srednim_klassom/ (доступно 02.09.2014).

Силади А. Малая война русских государств // Ельцинщина. Будапешт: Венгерский институт русистики, 1993. С. 22–53.

«Сильная рука» и преемственность власти // Сайт «Левада-Центр». 03.12.2015. URL: <https://www.levada.ru/2015/12/03/silnaya-ruka-i-preemstvennost-vlasti/> (доступно 02.03.2016).

Скандал вокруг фильма «Матильда» // Сайт «Левада-Центр». 31.10.2017a. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/31/16961/> (доступно 02.11.2017).

Скандал вокруг фильма «Матильда» // РИА Новости. 28.12.2017b. URL: https://ria.ru/trend/reaction_matilda_08022017/ (доступно 28.12.2017).

Слободчук С. Коррупция в Испании: кому нужен подрыв легитимности молодой монархии? // Сайт «EADaily». 12.02.2016. URL: <https://eadaily.com/news/2016/02/12/korruptsiya-v-ispanii-komu-nuzhen-podryv-legitimnosti-molodoy-monarhii> (доступно 12.02.2016).

Смирнов В. Падение Третьего Рима. Духовные основы возрождения Русского Православного Царства. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2015.

Собчак А.А. Жила-была коммунистическая партия. СПб.: Лениздат, 1995.

Собчак А.А. Из Ленинграда в Петербург: путешествие во времени и пространстве. СПб.: Контрфорс, 1999.

Споры по «Матильде»: новый фильм Учителя вызвал скандал до выхода на экран // РИА Новости. 02.11.2016. URL: <https://ria.ru/culture/20161102/1480533338.html> (доступно 02.11.2017).

Ставицкий А.В. Монархисты в Госдуме: факты и версии // *skepticist* (Блог Андрея В. Ставицкого). 03.10.2017. URL: <https://skepticist.livejournal.com/1908700.html> (доступно 03.11.2017).

Съезд монархистов // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1993. 17 июля. № 2241. С. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2241_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992.

Тысячи за царя // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1993. 7 августа. № 2244. С. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2244_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Удальцова М. Православная Русь. Романовы // Сайт «Культпривет». 27.01.2014. URL: <http://kultprivet.ru/posts/pravoslavnaya-rus-romanovy> (доступно 10.11.2015).

Указ Президента РФ от 30 ноября 1993 г. № 2050 «О Государственном гербе Российской Федерации» // Портал ГАРАНТ.РУ (Garant.ru). URL: <http://base.garant.ru/105787/> (доступно 09.12.2016).

Указ Президента РФ от 31.12.1999 № 1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=060014> (доступно 09.02.2000).

Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. N 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» // Портал «Официальная Россия». URL: http://www.gov.ru/main/symbols/gsr2_1.html (доступно 09.12.2016).

Феминистки окропили менструальной кровью портрет Николая II во имя «Матильды» // Lenta.ru. 29.08.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/08/29/femilny/> (доступно 29.08.2017).

Фокин Е. Монархический съезд // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1995. 2 сентября. № 2351. С. 2. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2351_online.pdf (доступно 22.09.2017).

Фоменков А.А. К истории возникновения и функционирования монархических организаций в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов // Вестник Сочинского гос. ун-та туризма и курортного дела (СГУТиКД). 2011. № 1 (15). С. 162–165. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1318693032.pdf (доступно 20.10.2016).

«Часовня будет духовным сердцем прокуратуры Крыма» // Сайт «Русская народная линия». 27.10.2016. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/10/27/chasovnya_budet_duhovnym_serdcem_prokuratury_kryma/ (доступно 20.11.2016).

Черкесов В. Мода на КГБ? // Комсомольская правда. 2004. 28 декабря. URL: <http://www.kp.ru/daily/23433/35559/> (доступно 13.10.2007).

Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсантъ. 2007. 9 октября. № 184. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840> (доступно 13.10.2007).

Чесноков А., Тюренков М. Президент Путин как принцип // Сайт «Правая.ру». 29.09.2006. URL: <http://www.pravaya.ru/look/9095> (доступно 30.10.2009).

Чудотворная икона царя Николая II доставлена из Москвы в Крым // РИА Крым. 06.05.2016. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20160506/1104807022.html> (доступно 08.05.2016).

Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Инт-Фонда «Общественное мнение», 2004.

Шамбаров В.Е. Царь грядёт. М.: Политинформация, 2017.

Шальганов Ю.В. Проект Россия. Полное собрание. М.: Эксмо, 2012.

Ширяева Н. С анонимным приветом // Литературная газета. 2007. 20 июня. № 25. URL: http://lgz.ru/article/N25--6125---20-06-2007--/S-anonim%D1%8Bm-priv%D0%B5tom604/?sphrase_id=328882 (доступно 10.11.2015).

Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер.с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Изд. дом «Территория будущего, 2013а. С. 221–305.

Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер.с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Изд. дом «Территория будущего, 2013б. С. 307–355.

Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвил,

О.В. Кильдюшов. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 33–236.

Шмыгановский В. «Я давно не испытывал такого чувства гордости», — говорит глава Российского императорского дома Великий князь Владимир Кириллович // Известия. 1991. 30 августа. С. 5. URL: https://yeltsin.ru/uploads/upload/newspaper/1991/izv08_30_91/index.html (доступно 23.09.2017).

Щуплов А. Кто есть ХУ: мини-энциклопедия политических кличек / Александр Щуплов при участии Томаса Макловски и Сержио Коппола. М.: Политбюро, 1999.

Юрий Шалыганов: «Команда единомышленников» // Радио России. 04.07.2012. URL: http://www.radiorus.ru/brand/episode/id/57075/episode_id/918618/ (доступно 10.07.2012).

Яков Геллер: «Отношение к Собчак как к клоунессе или «шоколадной блондинке» — это неправильно» // Бизнес Online. 2017. 21 октября. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/361458> (доступно 22.10.2017).

Ярмонова Е.Н. Квази-монархии как особая разновидность формы правления // Наука и образование: новое время. 2016. № 4 (15). С. 28–30. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26587813_23915231.pdf (доступно 07.05.2017).

25 памятников Николаю II на территории России // Сайт «Николай II — достояние России». 26.02.2016. URL: <http://nick2.ru/podborka-pamyatnikov-nikolyu-ii/> (доступно 22.10.2016).

Bovt G. Putin Is Inspired by Russian Empire // The Moscow Times. November 25, 2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/putin-is-inspired-by-russian-empire/511817.html> (доступно 15.05.2015).

Frolov V. Would Russia Be Better Off Under a Monarchy? // The Moscow Times. September 14, 2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/would-russia-be-better-off-under-a-monarchy/507006.html> (доступно 15.05.2015).

Hofstede G.H., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010.

Manresa A. Infanta Cristina hands over €600,000 civil liability bond to Nóos judge // El País. December 15, 2014. URL: https://elpais.com/elpais/2014/12/15/inenglish/1418652615_765158.html (доступно 16.12.2014).

McCombs M.E.; Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36, No. 2. P. 176–187.

Robins R.S. Political Institutionalization and the Integration of Elites. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976.

Power Distance Index. Geert Hofstede cultural dimensions. Clearly Cultural. Making Sense of Cross Cultural Communication. URL: <http://www.clearlycultural.com/geert-hofstede-cultural-dimensions/power-distance-index/> (доступно 01.10.2017).

Russian monarchist eyes Kiribati for Romanov revival // Radio New Zealand. 4 January 2017. URL: <http://www.radionz.co.nz/international/pacific-news/321693/russian-monarchist-eyes-kiribati-for-romanov-revival> (доступно 30.11.2017).

Torres Reyes A. The making of a royal scandal // El País. November 7, 2014. URL: https://elpais.com/elpais/2014/11/07/inenglish/1415376527_063739.html (доступно 08.11.2014).

Tremlett G. Spain's model monarchy shoots itself in the foot // The Guardian. April 20, 2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/apr/20/spain-monarchy-shoots-itself-in-foot> (доступно 21.04.2012).

Zhirinovskiy Wants All-Powerful Tsar to Rule Over Russia // The Moscow Times. September 24, 2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/zhirinovskiy-wants-all-powerful-tsar-to-rule-over-russia/507703.html> (доступно 01.10.2014).

MONARCHIST TEMPTATION OF THE RUSSIAN ELITE

A. *Duka*

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.8>

Abstract. *The article examines the evolution of the monarchist views and practices of the Russian elite after 1991. It is shown that over the past 25 years they have transformed, which is connected both with the process of institutionalization of power groups and the reformatting of the social order. At the initial stage (1991–1992), monarchists and pretenders to the throne are getting acquainted with the new Russian elite. The second stage (1993–1997) is connected, first, with the attempt of one of the groups of the Romanovs (Kirilloviches) to integrate into the Yeltsin regime. Secondly, attempt of Yeltsin and his entourage use the Romanovs in their own interests. Third, the combination of politics and business. At the third stage (1998–2010) occurs the symbolic and organizational consolidation of the monarchical potential. The fourth stage (2011–2013) is connected with the anniversary of the House of Romanovs. There was a natural activation of secular monarchist organizations and Orthodox activists. But at the same time, the issue of the possibility of candidacy for kings not from the Romanovs is being increasingly discussed. The fifth stage (2014–2015) is characterized by the mobilization of public and political forces in connection with the conflict with Ukraine and the annexation of the Crimea to Russia. Some of the federal elites openly discuss the question of changing the form of government. Continuing and now the sixth stage (from 2016) on the one hand, is a continuation of the previous one. On the other hand, during this period the monarchical problems become part of the agenda for the general public. Also, the use of monarchical symbols is expanding; monumental propaganda is beginning to work — the appearance monuments to the kings and figures associated with the monarchy in the Russian cities.*

Keywords: *monarchy, the restoration of the monarchy, Russian elite, Russia, power groups, monarchist movement.*

References

Afonin I. “V Konstitutsii RF Vsye predusmotreno, chtoby sdelat’ Putina tsaryem” (Interview with N. Poklonskaya) [The Constitution of the Russian Federation provides everything to make Putin tsar (Interview with N. Poklonskaya)], *the website “Daily Storm”*, 08.09.2017. URL: <https://dailystorm.ru/v-konstitucii-rf-vse-predusmotreno-chtoby-sdelat-putina-carem> (available 16.09.2017). (In Russian)

Aksenov obyasnil “URA.RU” svoi slova o vozvrashchenii monarhii. “Yesli Putin ne budet prezidentom, on ostanetsa moim rukovoditelem” [Aksenov explained “URA.RU” his words about the return of the monarchy. “If Putin is not President,

he will remain my leader], *the website "URA.RU"*, 15.03.2017. URL: <http://ura.ru/news/1052281315> (available 15.03.2017). (In Russian)

Aksenov prizval vo imya duhovnosti ubrat' demokratiyu i sdelat' Rossiyu monarhiyey [Aksenov urged in the name of spirituality to remove democracy and make Russia a monarchy], *Lenta.ru*, 14.03.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/14/aksenov/> (available 14.03.2017). (In Russian)

Aleksandr Bokhanov: "Monarhiya kak dekoratsiya dlya telekamer nam ne nuzhna" [Aleksandr Bokhanov: "We do not need the Monarchy as a decoration for television cameras], *The website "Russkaya narodnaya liniya"*, 13.05.2011. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/05/13/aleksandr_bohanov_monarhiya_kak_dekoraciya_dlya_telekamer_nam_ne_nuzhna/&?commsort=votes (available 02.09.2014). (In Russian)

Aleksandr Dyemin: Lyudi s bol'shimi karmanami boyatsa obshchestvennogo dvizheniya kazachyih formirovaniy [Alexander Demin: People with deep pockets afraid of the social movement of Cossack units], *Public Television of Russia*, 12.12.2016. URL: <https://otr-online.ru/programmi/segodnya-v-rossii/pervii-sezd-soyuz-a-62329.html> (available 10.10.2017). (In Russian)

Aleksandrov N. Pravo kak osnova budushchego [Right as the Foundation of the future], *Nasha strana* (Buenos Aires), August 24, 1991, p. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2143_online.pdf (available 22.09.2017). (In Russian)

Aleksey Brumel, *Nasha strana* (Buenos Aires), August 24, 1991, p. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2142_online.pdf (available 22.09.2017). (In Russian)

Anatoly Lokot osudil pamyatnik Nikolayu II [Anatoly Lokot has condemned the monument to Nicholas II], *the website "Sibkrai.ru"*, 20.07.2017. URL: http://sibkrai.ru/news/1/900468/?sphrase_id=1378078 (available 22.08.2017). (In Russian)

Anatoly Stepanov: "Eto odin iz luchshih pamyatnikov svyatym Tsarstvennym Muchenikam" [Anatoly Stepanov: "This is one of the best monuments to the Holy Royal Martyrs"], *the website "Russkaya narodnaya liniya"*, 13.05.2013. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/05/13/anatolij_stepanov_eto_odin_iz_luchshih_pamyatnikov_svyatym_carstvennym_muchenikam/ (available 15.05.2013). (In Russian)

Andrei Babitsky: Tsar ne umer, da zdravstvuyet tsar! [Andrei Babitsky: The Tsar is not dead, long live the tsar!], *Vzglyad*, March 16, 2017. URL: <https://vz.ru/columns/2017/3/16/862207.html> (available 16.03.2017). (In Russian)

Andryuhin V. S 1993 goda my zhivyem po monarhicheskoy konstitutsii [Since 1993, we live under the monarchical Constitution], *the website "Posol'skiy prikaz"*, 18.12.2017. URL: <http://www.posoprkaz.ru/2017/12/s-1993-goda-my-zhivyom-po-monarhicheskoy-konstitucii/> (available 20.12.2017). (In Russian)

Andryushchenko A. V Rossii budet tsar? [In Russia will be the king?], *Komsomolskaya Pravda*, March 28, 2006. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/23680/51317/> (available 17.08.2015). (In Russian)

Barmin F. Nesostoyavshayasya koronatsiya: Kak v Er-Ef chut' bylo ne "vosstanovili monarhiyu" [Failed coronation: as in the RF almost "restored the monarchy"], *Spetsnaz Rossii*, 2013, 8-10. URL: <http://www.specnaz.ru/articles/203/27/1891.htm>, <http://www.specnaz.ru/articles/204/27/1906.htm>, <http://www.specnaz.ru/articles/205/27/1921.htm> (available 10.02.2015). (In Russian)

Belovolov G. "V vozduhe veet "Monarhicheskoy vesnoy" [Belovolov G. "The air blowing in the 'Monarchical spring'"], *the website "Russkaya narodnaya liniya"*, 25.03.2017. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/25/v_vozduhe_veet_monarhicheskoy_vesnoj/ (available 26.03.2017). (In Russian)

Biografiya rossiyskogo politika i predprinimatelya Antona Bakova [The biography of the Russian politician and businessman Anton Borkov], *TASS*, 23.12.2017. URL: <http://tass.ru/info/4838325> (available 23.12.2017). (In Russian)

Bovt G. Putin Is Inspired by Russian Empire, *The Moscow Times*, November 25, 2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/putin-is-inspired-by-russian-empire/511817.html> (available 15.05.2015).

Byust Gosudarya Nikolaya II otkryli v Rostove-na-Donu [Bust of the Emperor Nicholas II was opened in Rostov-on-Don], *Pereklichka [Roll call: Electronic journal of the Russian General Military Union]*, 23.05.2016. URL: <https://pereklichka.livejournal.com/755099.html> (available 12.12.2017). (In Russian)

"Chasovnya budet duhovnym serdtsem procuratury" ["The chapel will be the spiritual heart of the Prosecutor's office of Crimea"], *The website "Russkaya narodnaya liniya"*, 27.10.2016. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/10/27/chasovnya_budet_duhovnym_serdcem_prokuratury_kryma/ (available 20.11.2016). (In Russian)

Cherkesov V. Moda na KGB? [Fashion for the KGB?], *Komsomolskaya Pravda*, December 28, 2004. URL: <http://www.kp.ru/daily/23433/35559/> (available 13.10.2007). (In Russian)

Cherkesov V. Nel'zya dopustit', chtoby voiny prevratilis' v torgovtsev [We cannot allow the warriors became traders], *Kommersant*, October 9, 2007. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840> (available 13.10.2007). (In Russian)

Chesnokov A., Tyurenkov M. Prezident Putin kak printsyp [President Putin as the principle], *The website "Pravaya.ru"*, 29.09.2006. URL: <http://www.pravaya.ru/look/9095> (available 30.10.2009). (In Russian)

Chudotvornaya ikona tsarya Nikolaya II dostavlena iz Moskvy v Krym [Miraculous icon of Tsar Nicholas II delivered from Moscow to the Crimea], *RIA Krym*, 06.05.2016. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20160506/1104807022.html> (available 08.05.2016). (In Russian)

Clover C. Cherny veter, bely sneg: Novy rassvet natsional'noy idei [Clover C. *Black wind, white snow: The rise of Russia's new nationalism*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Phantom Press, 2017. (In Russian)

Coins, *The website of the Central Bank of the Russian Federation*. URL: http://www.cbr.ru/eng/Bank-notes_coins/coins/ (available 16.12.2014).

Demokratiya ne oznachayet vsedozvolennost' [Democracy does not mean permissiveness], *Television and Radio Company "Crimea"*, 15.03.2017. URL: <http://1tvcrimea.ru/pages/news/062538-demokratija-ne-oznachaet-vsedozvolennost> (available 15.03.2017). (In Russian)

Dom Romanovyh ne obrashchalsya s ofitsialnoy prosбой ob osobom statuse v Rossii [The House of Romanovs had not made a formal request for special status in Russia], *Interfax*, 13.07.2015. URL: <http://www.interfax.ru/russia/453302> (available 13.07.2015). (In Russian)

Dom Romanovyh reshil prosit' u vlastey Rossii ofitsialny status [The House of Romanovs decided to ask the Russian authorities have an official status], *Vzglyad*, 13.07.2015. URL: <http://vz.ru/news/2015/7/13/755832.html> (available 13.07.2015). (In Russian)

Drama rossiyskogo zakona [*The drama of Russian law*], ed. by V/P/ Kazimirchuk. Moscow: Yuridicheskaya kniga, CheRo, 1996. (In Russian)

Dubin B. Nartsissizm kak begstvo ot svobody [Narcissism as flight from freedom], *Vedomosti*, August 27, 2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/27/narcissizm-kakbegstvo-ot-svobody#ixzz3BdLKfAua> (available 28.08.2014). (In Russian)

Duka A.V. Institutsionalizatsiya rossiyskoy politico-administrativnoy elity [The Institutionalization of Russian Political Elites], *Politicheskaya nauka (Political Science)*, 2009, 3, p. 110–140. (In Russian)

Duka A.V. Transformatsiya postsovetskikh politico-administrativnykh elit [Transformation of the post-Soviet political and administrative elites], *Aktualnye problem Yevropy [Urgent Problems of Europe]*, 2017, 2, pp. 15–62. (In Russian)

Federal'ny konstitutsionny zakon ot 25 dekabrya 2000 g. N 2-FKZ "O Gosudarstvennom grebe Rossiyskoy Federatsii" [The Federal constitutional law of December 25, 2000 No. 2-FKZ "About the national coat of arms of the Russian Federation"], *The Portal "Official Russia"*. URL: http://www.gov.ru/main/symbols/gsr2_1.html (available 09.12.2016). (In Russian)

Feministki okropili menstrual'noy krovyu portret Nikolaya II vo imya "Matil'dy" [Feminists doused with menstrual blood a portrait of Nicholas II in the name of "Matilda"], *Lenta.ru*, 29.08.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/08/29/feminism/> (available 29.08.2017). (In Russian)

Fokin Ye. Monarhichesky syezd [Monarchist congress], *Nasha strana* (Buenos Aires), September 2, 1995, p. 2. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2351_online.pdf (available 22.09.2017).

Fomenkov A.A. K istorii vozniknoveniya i funktsionirovaniya monarhicheskikh jhufybzatsiy v SSSR v kontse 1980-h — nachale 1990-h godov [History of monarchical organizations establishment and operation in the Soviet Union in late 1980s-early 1990s], *Vestnik SGUTiKD*, 2011, 1, pp. 162–165. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1318693032.pdf (available 09.05.2012). (In Russian)

Frolov V. Would Russia Be Better Off Under a Monarchy?, *The Moscow Times*, September 14, 2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/would-russia-be-better-off-under-a-monarchy/507006.html> (available 15.05.2015).

G.A. Zyuganov prinyal uchastiye v peredache “Voskresny vecher s Vladimirom Solovyevym” na telekanale “Rossiya 1”. Video [G. A. Zyuganov took part in the program “Sunday evening with Vladimir Solovyov” on the TV channel “Russia 1”. Video], *Website of the Rostov regional organization of the Communist party*, 18.08.2014. URL: <http://www.kprf-don.ru/index.php/component/content/article/3391.pdf> (available 06.11.2016). (In Russian)

Gerb Rossii [National coat of arms of Russia], *Wikipedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B1_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (available 28.12.2017). (In Russian)

Gerb Rossiyskoy Federatsii (gerb Rossii) [National coat of arms of the Russian Federation (National coat of arms of Russia)], *Website “Geraldika.ru”*. URL: <https://geraldika.ru/symbols/2> (available 28.12.2017). (In Russian)

Golfarb A. Kto stoit za “Proektom ‘Rossiya’”? [Who is behind the “Russia” Project?], *Website “Compromat.Ru”*, 27.12.2005. URL: http://www.compromat.ru/page_17999.htm (доступно 17.08.2015). (In Russian)

Golfarb A. Proekt “Rossiya” poshel v massy [The project “Russia” went to the masses], *Website “Compromat.Ru”*, 10.04.2006. URL: http://www.compromat.ru/page_18515.htm (available 17.08.2015). (In Russian)

Gosudarstvenny gerb RF [National coat of arms of the Russian Federation], *Website “Gosudarstvennaya simvilika” [“State symbols”]*. URL: <http://statesymbol.ru/russymbols/symbols/20050407/39593456.html> (доступно 28.12.2017). (In Russian)

Grudnev V. Rossiyskiy printsipat [Russian principate], Портал «Проза.ру». 18.04.2007. URL: <http://www.proza.ru/2007/04/18-403> (available 11.03.2008). (In Russian)

Gubernator: pamyatnik Groznomu v Aleksandrove ne otkryli iz-za nepodgotovlennosti parka [Governor: the monument to [Ivan the] Terrible in Aleksandrov is not opened due to lack of preparation of the park], *TASS*, 28.04.2017. URL: <http://tass.ru/v-strane/4220321> (available 28.04.2017). (In Russian)

Hofstede G.H., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010.

“Ideya monarhii nachinayet ovladevat’ umami i serdtsami”. Beseda pisatelya Vladimira Soloukhina s predstavityelnyami beloy russkoy obshchestvennosti v Buenos Airese 18 avgusta 1991 goda [“The idea of a monarchy begins to possess minds and hearts.” Writer Vladimir Soloukhin’s conversation with representatives of the white Russian public in Buenos Aires, August 18, 1991], *Nasha strana* (Buenos Aires), August 24, 1991, p. 2. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2143_online.pdf (available 22.09.2017). (In Russian)

Initiativy po ustanovke pamyatnikov tsaryu Ivanu Groznomu v Rossii. Dosye [Initiatives to install monuments to Tsar Ivan the terrible in Russia. Dossier], TASS, 14.10.2016. URL: <http://tass.ru/info/3704745> (available 14.10.2016). (In Russian)

Ioann. Lyubov' ne dolzhna byt' slepoy... S mitropolitom Sankt-Peterburgskim i Ladozhskim besedet zamestitel' glavnogo redaktora gazety "Den" Vladimir Bondarenko (1993 g.) [John. Love should not be blind ... with Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga talks Deputy editor-in-chief of the newspaper "Day" Vladimir Bondarenko (1993)], In: Ioann. Odoleniye smuty. Slovo k russkomu narodu / Vysokopreosvyashchennyshiy Ioann, mitropolit Sankt-Peterburgskiy i Ladozhskiy [Ioann / John. *Overcoming the turmoil. Word to the Russian people* / his Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga]. St. Petersburg: Tsarskoye delo, 1995, pp. 168-178. (In Russian)

Ioann. Samoderzhaviye i Rossiya. K uchastnikam Vserossiyskogo monarhicheskogo soveshchaniya (1994 g.) [John. Monarchy and Russia. To participants of the all-Russian monarchical meeting (1994)], In: Ioann. Odoleniye smuty. Slovo k russkomu narodu / Vysokopreosvyashchennyshiy Ioann, mitropolit Sankt-Peterburgskiy i Ladozhskiy [Ioann / John. *Overcoming the turmoil. Word to the Russian people* / his Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga]. St. Petersburg: Tsarskoye delo, 1995, pp. 338-344. (In Russian)

Iz vystupleniya Predsedatelya LDPR Zhirinovskogo na zasedanii XIX Vse-mirnogo russkogo narodnogo sobora 10.11.2015 [From the Chairman of the Liberal Democratic Party of Russia Vladimir Zhirinovsky's speech at the meeting of the XIX-th world Russian People's Council 10.11.2015], *The website of Liberal Democratic Party of Russia*, 10.11.2015. URL: http://ldpr.ru/leader/speech/speech_of_the_chairman_of_the_liberal_democratic_party_vladimir_zhirinovsky_at_a_meeting_of_the_xixth_world_russian_peoples_council/ (available 08.10.2016). (In Russian)

Iz vystupleniya V.V. Zhirinovskogo na "Otkrytoy tribune". Tema: "Rossiya — Yevropa: vazhno sohranit' doveriye" [From V. V. Zhirinovsky's speech on "the Open tribune". Topic: "Russia — Europe: it is important to maintain trust."], *The website of Liberal Democratic Party of Russia*. URL: http://ldpr.ru/leader/speech/from_the_speech_of_vladimir_zhirinovsky_in_the_open_platform_220914/ (available 01.10.2014). (In Russian)

K stoletiyu gibeli Romanovyh otkroyut turistichekiiy "Imperatorskiy marshrut" [By the century of the death of the Romanovs tourist "Imperial route" will open], *RIA Novosti*, 19.09.2017. URL: <https://ria.ru/tourism/20170919/1505085477.html> (available 19.09.2017). (In Russian)

Kadetskaya shkola "Vtoroy Donskoy Imperatora Nikolaya II kadetskiy korpus" [Cadet school "The second Don Emperor Nicholas II cadet corps"], the website of the Don State Technological University. URL: <https://donstu.ru/structure/administrative/sluzhby-po-metodicheskoy-rabote/kadetskaya-shkola-vtoroy-donskoy-imperatora-nikolaya-ii-kadetskiy-korpus/> (available 10.12.2017a). (In Russian)

Kadetskaya shkola “Vtoroy Donskoy Imperatora Nikolaya II kadetskiy korpus” Donskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Cadet school “The second Don Emperor Nicholas II cadet corps” of the Don State Technological University], *The official website*. URL: <http://2dkk.ru/> (available 10.12.2017b). (In Russian)

Karpets V. Konstitutsiya ili Rossiya? [Constitution or Russia?], *The website “Pravaya.ru*, 29.09.2006. URL: <http://www.pravaya.ru/look/9093> (available 30.10.2009). (In Russian)

Katalogi pochtovyh marok Rossii i SSSR. Pochtovye marki Rossii 1998 goda. [Catalog of postage stamps of Russia and the USSR. Postage stamps of Russia in 1998. No. 446.]. URL: <http://stamprus.ru/marks/1998/> (available 10.12.2016). (In Russian)

Kazachiy samolyet-shturmovik vertikal'nogo vzlyeta i posadki [Cossack vertical takeoff and landing attack aircraft], *Website of Cossack information and analytical center*, 09.12.2016. URL: kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/kazachij_samolet_shturmovik_vertikalnogo_vzleta_i_posadki/168-1-0-4071 (available 10.10.2017). (In Russian)

Kelsen H. Kto dolzhen byt' garantom konstitutsii? [Kelsen H. Who should be the guarantor of the Constitution?], In: Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [Schmitt C. *State: Right and politics*] / transl. from German to Russian. Moscow: Territoriya budushchego, 2013, pp. 359–410. (In Russian)

Kiryakova Ye. Proekt “Monarhiya”. Kak elita namerena sohranyat' resursy posle 2024 goda? [The Project “Monarchy”. How does the elite intend to preserve resources after 2024?], RIA Nakanune.RU, 23.11.2017. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/113469/> (available 25.11.2017). (In Russian)

Kochetkov V.V. Rossiyskaya elita i modernizatsiya politicheskoy sistemy [The Russian elite and the modernization of the political system]. Moscow: Infra-M, 2013. (In Russian)

Kol-pamyatnik Ivanu Groznomu pod Krasnoyarskom snesut, yesli on ustanovlen s narusheniyami [The stake-monument to Ivan the Terrible near Krasnoyarsk will be demolished if it is installed with violations], TASS, 25.10.2016. URL: <http://tass.ru/sibir-news/3732052> (available 25.10.2016). (In Russian)

Koltashov V.G. Prezidentskiy printsypat: unitarnaya monarhiya v Rossii [Presidential principate: unitary monarchy in Russia], *The website “Libros”*, 15.01.2007. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/153378/slug/prezidentskiy-principat-unitarnaya-monarkhiya-v-rossii> (available 02.03.2008). (In Russian)

Korzhakov A.V. Besy 2.0. A tsari-to nenastoyashchiye [Korzhakov A.V. *The devils 2.0. And the tsars are false*]. Moscow: Eksmo, 2017. (In Russian)

Kostikov V.V. Roman s prezidentom. Zapiski press-sekretarya [Kostikov V.V. *The affair with the President. Notes of a press Secretary*]. Moscow: Vagrius, 1997. (In Russian)

Krastelev K. Postkommunisticheskiye “demokratii” boyatsa monarhov [Post-Communist “democracies” afraid of the monarchs], *Nasha strana* (Buenos Aires),

January 8, 1994, pp. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2266_online.pdf (available 22.09.2017). (In Russian)

“Kul'tura obshchestva ne prisposoblena dlya normal'nogo politicheskogo ustroystva, my obrecheny” [“The culture of society is not adapted for a normal political system, we are doomed”], *BIZNESS Online*, November 6, 2017. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/362968> (available 06.11.2017). (In Russian)

Kulyabin A. Restavratsiya monarhiy na postsovetском prostranstve? [Is there restoration of the monarchy in the post-Soviet space?], *Rossiya i musul'manskiy mir [Russia and Islamic world]*, 2012, 10, pp. 60-88. (In Russian)

Kuvaldin S. Tsar v golove [The Tsar in the head], *GlobalRus.ru*, 25.10.2004. URL: <http://www.globalrus.ru/comments/138664/> (available 02.09.2014). (In Russian)

Laqueur W. Chyernaya sotnya: Proishozhdeniye russkogo fashizma [Laqueur W. *Black hundred: the rise of the extreme right in Russia*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Tekst, 1994. (In Russian)

Larionov V.Ye. Pravoslavnaya Monarhiya. Natsional'naya Monarhiya v Rossii. Utopiya ili politicheskaya real'nost' [Larionov V.Ye. *Orthodox Monarchy. National Monarchy in Russia. Utopia or political reality*]. Moscow: Publisher Bystrov, 2007. (In Russian)

Luchin V.O. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii [Luchin V.O. *Russian Constitution. Problems of implementation*]. Moscow: YUNITI-DANA, 2002. (In Russian)

Luhmann N. *Differentsiatsiya* [Luhmann N. *Differentiation*] / Transl. from German to Russian. Moscow: Logos, 2006. (In Russian)

Lukyanov F. Koroli zamenyat kommunistov? [Will the kings replace the Communists?], *Rossiyskaya gazeta*, May 11, 2001. URL: <http://viperson.ru/uploads/attachment/file/371339/rg15b064.txt> (available 08.11.2017). (In Russian)

Lunin M. Oligarhichesky printsipat [Oligarchic principate], *The website “Dvizheniye za vozrozhdeniye otechestvennoy nauki”* [“The movement for the revival of national science”], 23.03.2012. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5558 (available 10.11.2016). (In Russian)

Malchevsky N. Yeltsinizm v “monarhicheskoy” upakovke [Yeltsinism in the “monarchical” package], *Monarchist*, 1992, 14-15. URL: <http://monarhist.info/Archives/monarhist-14-15.htm> (available 11.09.2017). (In Russian)

Mannheim K. Esse o sotsiologii kulturyi [Essay on the Sociology of Culture], In: Mannheim K. Izbrannoe: Sotsiologiya kultury [Mannheim K. *Selected works: Sociology of Culture*] / Transl. from English to Russian. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000, pp. 7-233. (In Russian)

Manresa A. Infanta Cristina hands over €600,000 civil liability bond to Nóos judge, *El País*, December 15, 2014. URL: https://elpais.com/elpais/2014/12/15/ingenglish/1418652615_765158.html (available 16.12.2014).

McCombs M.E.; Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media, *Public Opinion Quarterly*, 1972, 36 (2), pp. 176-187.

Medinsky otkryl pamyatnik Ivanu III v Kaluge [Medinsky opened the monument to Ivan III in Kaluga], *TASS*, 12.11.2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4721822> (available 12.11.2017). (In Russian)

Ministr kultury Rossiyskoy Federatsii Vladimir Medinsky obratilsya s privetstviem k gostyam i uchastnikam torzhestvennoy tseremonii otkrytiya pamyatnika Ivanu IV v Orle [The Minister of culture of the Russian Federation Vladimir Medinsky sent his greetings to guests and participants of the opening ceremony of the monument to Ivan IV in Orel], *The portal of the Orel region*, 14.10.2016. URL: <http://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=8221> (available 14.10.2016). (In Russian)

Minkin A.V. Tsar dolzhen spasti Rossiyu ot generala. Tretiy etap privatizatsii vlasti (3.02.1997) [The Tsar has to save Russia from the General. The third stage of privatization of power (3.02.1997)], In: Minkin A.V. *Prezidenty RU* [Minkin A.V. *Presidents RU*]. Moscow: Astrel, 2012, pp. 266-272. (In Russian)

Mlechin L. Pervyy prezident Rossii [Mlechin L. *The first President of Russia*]. St. Petersburg: Amfora, 2015. (In Russian)

“Mne ne stydno” [“I’m not ashamed”], *Lenta.ru*, 15.03.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/03/15/monarch/> (available 15.03.2017). (In Russian)

Molotov I. Chernaya dyuzhina. Obschestvo smelyh [Molotov I. *Black dozen. Society of the brave*]. Moscow: Tsenrpoligraf, 2017.

Monarhicheskaya partiya vydvynula Antona Bakova kandidatom v prezidenty [The monarchical party nominated Anton Bakov presidential candidate], *TASS*, 23.12.2017. URL: <http://tass.ru/politika/4838207> (available 23.12.2017). (In Russian)

Monarhiya v Rossii. [Monarchy in Russia], *TV Channel “Mir”. Program “Word for word”, lead by Alexey Shakhmatov, April 25, 2013*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MdkAi9FwBek>, http://video.sibnet.ru/video1116915-Vsplek_monarhicheskikh_nastroeniy__Slovo_za_slovo_/ (available 10.04.2015). (In Russian)

Morozov A. “Monarhoya v nashey strane vozmozhna. Uzhe seychas etot protsess medlenno, no verno idet...” (Intervyu s S. Man’kovym) [Morozov A. “The Monarchy in our country is possible. Now this process is slowly but surely coming...” (Interview with S. Man’kov)], *Gorod 812*, 11.02.2015. URL: <http://www.online812.ru/2015/02/11/006/> (available 10.04.2015). (In Russian)

Muzey tsarskoy semyi v Tobolske budet otkryt v 2018 godu [The Museum of the Tsar family in Tobolsk will be opened in 2018], *TASS*, 10.11.2017. URL: <http://tass.ru/ural-news/4718635> (available 10.11.2017). (In Russian)

Na monetah poyavitsya izobrazheniye gerba RF [The coat of arms of the Russian Federation will appear on the coins], *The website of the Central Bank of the Russian Federation*. 30.12.2015. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=104> (available 30.12.2015). (In Russian)

Natalya Poklonskaya pronesla v “Bessmertnom polku” ikonu Nikolaya II [Natalia Polonskaya brought in the “Immortal regiment” icon of Nicholas II], *TASS*, 09.05.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3267582/> (available 09.05.2015). (In Russian)

Nazarov M.V. Kto naslednik Rossiyskogo prestola? [Nazarov M.V. *Who is the heir to The Russian throne?*]. 3rd ed., corrected and supplemented. Moscow: Russkaya idea, 2004. (In Russian)

Neklessa A. Vremya korotkih gorizontov [Time of the short horizons], *Nezavisimaya gazeta*, June 26, 2008, URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html (available: October 20, 2016). (In Russian)

Nel'zya ustanovit' monarhiyu resheniyem polittehologov: Mneniya svyashchennoskuzhitekey [It is impossible to establish a monarchy by the decision of the political technologists: opinions of the clergy], *Information Agency "News of the Federation"*, 26.08.2014. URL: <http://regions.ru/news/2526173/> (available 06.11.2016). (In Russian)

Nevsky I. Pohozhe, v Rossii hotyat vozrodit' monarhiyu [It seems that they want to revive the monarchy in Russia], *The website "Posol'skiy prokaz"*, 12.12.2013. URL: <http://www.posprikaz.ru/2013/12/poxozhe-v-rossii-xotyat-vozrodit-monarxiyu/> (available 02.09.2014). (In Russian)

Nevyarovich V. O vozmozhnosti vosstanovleniya svyashchennoy monarhii v Rossii [On the possibility of restoring the Holy monarchy in Russia], *Monarchist* (St. Petersburg), 2004, 50-51, pp. 1-3. (In Russian)

Novoselova Ye. V Tobol'ske otkroyut muzey tsarskoy semyi [A Museum of the Tsar family will be opened in Tobolsk], *Rossiyskaya gazeta*, May 29, 2017. URL: <https://rg.ru/2017/05/29/reg-urfo/v-tobolske-otkroiut-muzej-carskoj-semi.html> (available 29.05.2017). (In Russian)

"Nuzhna li nam monarhiya?": Programma "Pravo golosa" na telekanale TV Tsentr. 27 iyunya 2013 g. ["Do we need a monarchy?": The program "Right to speak" on channel TV Center. June 27, 2013], *YouTube*, published July 1, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uSr59VFy8GI>. (available 03.11.2014). (In Russian)

O situatsii vokrug filma "Matil'da" [On the situation around the film "Matilda"], *The website of the Fund "Public opinion"*, 25.08.2017. URL: <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/13658> (available 26.08.2017). (In Russian)

Obrashcheniye Glavy Rossiyskogo Imperatorskogo Doma Velikogo Knyazya Vladimira Kirillovicha k Armii [The appeal of the Head of the Russian Imperial House Grand Duke Vladimir Kirillovich to the Army], *Nasha strana* (Buenos Aires), February 8, 1992, pp. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2166_online.pdf (available 22.09.2017). (In Russian)

Obrashcheniye Glavy Rossiyskogo Imperatorskogo Doma Velikogo Knyazya Vladimira Kirillovicha k rossiyskoy molodezhi [Address of the Head Of the Russian Imperial House Of Grand Duke Vladimir Kirillovich to Russian youth], *Nasha strana* (Buenos Aires), February 8, 1992, pp. 1. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2166_online.pdf (available 22.09.2017). (In Russian)

Obschestvennoye mneniye o deyatelnosti Gosdumy i deputatah [Public opinion on the activities of the State Duma and deputies], *The website "Levada-*

Center”, 26.11.2013. URL: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh> (available 06.12.2014). (In Russian)

Osipov V.N. Monarhicheskoye stoyaniye 17 iyulya 2016 g. v g. Moskve [The monarchical standing on July 17, 2016 in Moscow], *The official website of the movement “Resistance to the New world Order”*, 10.07.2016. URL: <http://dsnmp.ru/monarhicheskoe-stoyanie-17-iyulya-2016-g-v-g-moskve/> (available 20.11.2017). (In Russian)

Osnovy konstitutsionnogo stroya Rossii: dvadtsat' let razvitiya / pod red. A.N. Medushevskogo [Fundamentals of the constitutional system of Russia: twenty years of development, ed. by A.N. Medushevsky]. Moscow: Institute of the public law and public policy, 2013. (In Russian)

Ostanki velikoknyazheskoy chety Romanovyh perezahoroneny v Moskve [The remains of a princely couple of the Romanovs were reburied in Moscow], *TASS*, 30.04.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1943241> (доступно 30.04.2015).

Osvyashcheniye pamyatnika Nikolayu II v Belgrade [The consecration of the monument to Nicholas II in Belgrad], *Website of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Serbia*, [16.11.2014.] URL: <http://www.ambasadarusije.rs/ru/vesti/osvjashenie-pamjatnika-nikolaju-ii-v-belgrade> (available 06.12.2014). (In Russian)

Otkrytiye pamyatnika Aleksandru I [The opening of the monument to Alexander I], *The website of the President of Russia*, 20.11.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47044> (available 04.05.2017). (In Russian)

Otkrytiye pamyatnika Aleksandru III [The opening of the monument to Alexander III], *The website of the President of Russia*, 18.11.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56125> (available 18.11.2017). (In Russian)

Otkrytiye pamyatnika velikomu knyazyu Sergeyu Aleksandrobichu [The opening of the monument to Grand Prince Sergey Alexandrovich], *The website of the President of Russia*, 04.05.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54447> (available 04.05.2017). (In Russian)

Otsenka vlastey [Estimation of authorities], *The website of VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)*, 10.12.2017. URL: https://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (available 10.12.2017). (In Russian)

Otvetstvennost' za uspehi i problem [Responsibility for successes and troubles], *The website “Levada-Center”*, 11.12.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/12/11/17232/> (available 12.12.2017). (In Russian)

Palamarchuk P. Povremennye monarhicheskiye izdaniya zarubezh'ya [Periodical monarchical publications of the Russian abroad], *Nasha strana* (Buenos Aires), March 20, 1993, pp. 1-2. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2224_online.pdf (available 20.09.2017). (In Russian)

Pamyatnik imperatoru Nikolayu II otkryli vo Vladivostoke [Monument to Emperor Nicholas II was opened in Vladivostok], *TASS*, 18.12.2016. URL: <http://tass.ru/v-strane/3883379> (available 18.12.2016). (In Russian)

Pamyatnik Ivanu Groznomu v “stolitse oprichny” ne prostoyal i chasa [Monument to Ivan the Terrible in the “capital of Oprichnina” could not stand an hour], *RIA Novosti*, 27.04.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170427/1493258773.html?inj=1> (available 27.04.2017). (In Russian)

Pamyatnik tsaryu Nikolayu II ustanovlen v Belgrade [A monument to Tsar Nicholas II installed in Belgrade], *RIA Novosti*, 13.10.2014. URL: <https://ria.ru/religion/20141013/1028154605.html> (available 22.10.2016). (In Russian)

Pamyatnik Yekaterine II otkryli v Semfiropole [The monument to Catherine II was opened in Simferopol], *TASS*, 19.08.2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3550819> (available 19.08.2016). (In Russian)

Panorama. Chast 2 [Panorama. Part 2], *Ogonek*, 1996, 51, p. 15. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2284447> (available 10.02.2015). (In Russian)

Panov V. Yelena Bondareva: “Belgrad prinyal Nikolaya II...” [Panov V. Yelena Bondareva: “Belgrade has welcome to Nicholas II...”], *Stoletiye*, November 6, 2014. URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/jelena_bondareva_belgrad_prinal_nikolaja_ii_796.htm (available 22.10.2016). (In Russian)

Papayani F.A. Monarhiya: perevernutaya stranitsa istorii ili neizbezhnaya perspektiva? [Monarchy: an inverted page in history or an inevitable prospect?], *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy [Journal of historical, political and international studies]*, Donetsk, 2017, 2, pp. 163–173. [URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29808913_87232186.pdf] (available 10.10.2017).

Pestretsova O. Proyekt “okkupatsionnaya monarhiya” [The project “occupation monarchy”], *APN*, 31.01.2005. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1269.htm> (available 02.09.2014). (In Russian)

Platonov O.A. Ternovy venets Rossii. Istoriya russkogo naroda v XX v. V 2 t. T.2. [Platonov O.A. *Russia's crown of thorns. History of the Russian people in the XX century*. In 2 vols. Vol.2]. Moscow: Rodnik, 1997. (In Russian)

Podvalov I, V Los-Andjelese pochtily arhiepiskopa Antoniya [Archbishop Anthony was honored in Los Angeles], *The website “Legitimist”*, 01.08.2011. URL: <http://legitimist.ru/news/2011/08/v-los-andzhelese-pochtili-arxiepi.html> (available 10.02.2017). (In Russian)

Poklonskaya povedala o zamirotochivshem byuste Nikolaya II [Poklonskaya told about myrrh-streaming bust of Nicholas II], *Lenta.ru*, 04.03.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/04/poklonskaya/> (available 04.03.2017). (In Russian)

Polozheniye o kadetskoy shkole “Vtoroy Donskoy Imperatora Nikolaya II kadetskiy korpus” Donskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta (2DKK DGTU) [Regulations on cadet school “Of the second Don Emperor Nikolay II cadet corps of the Don State Technical University]. Rostov-on-Don, 2013, *Official website of 2DKK DGTU*. URL: http://2dkk.ru/docs/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BE_%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%88%D0%BA

%D0%BE%D0%BB%D0%B5_2%D0%94%D0%9A%D0%9A_%D0%94%D0%93%D0%A2%D0%A3.pdf (available 10.12.2017). (In Russian)

Polyakova A.A. Sud'by monarhiy v Yevrope [The fate of monarchies in Europe], *Sovremennaya Yevropa [Contemporary Europe]*, 2012, 3, pp. 117-126. [URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18127053_26179788.htm] [(available) (In Russian)

Potomki tsarskoy sem'i hotyat poluchit' rezidentsiyu v Moskve [Descendants of the Tsar family want to get a residence in Moscow], *The website "Realty.Mail.Ru"*, 14.07.2015. URL: https://realty.mail.ru/news/18271/potomki_carskoj_semi_hotjat_poluchit_rezidenciju_v_moskve/ (available 14.07.2015). (In Russian)

Power Distance Index. Geert Hofstede cultural dimensions. Clearly Cultural. Making Sense of Cross Cultural Communication. URL: <http://www.clearlycultural.com/geert-hofstede-cultural-dimensions/power-distance-index/> (available 01.10.2017).

Press-vypusk № 3334. Monarhiya dlya Rossii: sto let spustya [Press release No. 3334. Monarchy for Russia: a hundred years later], *The website of VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)*, 23.03.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116126> (available 24.03.2017). (In Russian)

Press-vypusk № 3500. Strasti po "Matil'de" [Press release No. 3500. The passion on "Matilda"], *The website of VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)*, 25.10.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116477> (available 26.10.2017). (In Russian)

Press-vypusk № 538. Nuzhna li Rossii monarhiya? [Press release No. 538. Does Russia need a monarchy?], *The website of VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)*, 25.09.2006. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3253> (available 04.03.2010). (In Russian)

Press-vypusk № 2256. Monarhiya v Rossii: proydenny etap? [Press release No. 2256. The monarchy in Russia: past stage?], *The website of VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)*, 19.03.2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113775> (available 06.12.2014). (In Russian)

Press-vypusk № 2694. Strogii, zrely, spokojny... novator! Ob ideal'nom nachal'nike po-russki [Press release No. 2694. Strict, Mature, calm ... innovator! About the ideal boss-in Russian], *The website of VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)*, 15.10.2014. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115021> (available 10.12.2017). (In Russian)

Prezident schitayet, chto ustanovleniye monarhii v Rossii nevozmozhno [The President believes that the establishment of a monarchy in Russia is impossible], *Vesti.ru*, 19.12.2002. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=16835&tid=10287> (available 02.09.2016). (In Russian)

Prilozheniye № 1 k Ukazu Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 1993 g. № 2050 "O Gosudarstvennom grebe Rossiyskoy Federatsii" [Appendix № 1 to the Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 1993 No. 2050 "On The coat of arms of the Russian Federation"], *Garant.ru*, URL: http://base.garant.ru/105787/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (available 09.12.2016). (In Russian)

Proekt Rossiya (knigi) [Project “Russia” (books)], *Wikipedia*, last edition: 27.11.2017. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_\(%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_(%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8)) (available 29.11.2017). (In Russian)

Proekt Rossiya [Project “Russia”]. Book 2: Vybor puti [The choice of the way]. Moscow: Eksmo, 2007b. (In Russian)

Proekt Rossiya [Project “Russia”]. Book 3: Tretye tysyacheletie [Third Millennium]. Moscow: Eksmo, 2007c. (In Russian)

Proekt Rossiya [Project “Russia”]. Moscow: Eksmo, 2007a. (In Russian)

“Proekt Rossiya” Yuriya Viktorovicha Shalyganova [Project “Russia” by Yuriy Viktorovich Shalyganov], *The website “Athos — the Path to God in soul”*, 23.11.2010. URL: <http://afon-ru.com/Afon-palomnichestvo.Palomnik.Proekt-Rossiia-YUriya-Viktorovicha-SHalyganova-Avtoru-i-Ob-avtore-koncepcii-brenda-proekta-i-samih> (available 20.09.2017). (In Russian)

Prohanov A.A. Yel'tsinu snitsa Ipat'evskiy dom [Yeltsin dreams Ipatievsky house] [July, 1998], Prohanov A.A. *Khronika pikiruyushchego vremeni* [Prohanov A.A. *Chronicle of the dive time*]. Yekaterinburg: Ultra.Kultura, 2005, pp. 251–252. (In Russian)

Protoirey Andrey Fillips. Budet Tsar v Rossii! [Archpriest Andrew Phillips. Will Tsar in Russia!], *The website “Russkaya narodnaya liniya”*, 15.05.2015. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/05/15/budet_car_v_rossii/ (available 10.09.2016). (In Russian)

Pushkarev S.V. Kvazi-monarhii (nemonarhicheskiye monarhii kak osobaya forma pravleniya) [Quasi-monarchy («unmonarhial monarhyy») as a special form of government], *Bulletin of the Russian University of cooperation*, 2011, 1, pp. 84–90. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18917741_68757302.pdf (available 19.02.2012).

Pushkarev S.V. Kvazi-monarhiya (nemonarhicheskiye monarhii) kak osobaya forma pravleniya) [Quasi-monarchy («unmonarchical monarhyy») as a special form of governing], *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, 2011, 1, pp. 84–90. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18917741_68757302.pdf (available 19.02.2012). (In Russian).

Putin otkryl v Kremle pamyatnik knyzyu Sergeyu Aleksandrovichu [Putin has opened in the Kremlin the monument to Grand Prince Sergey Alexandrovich], *RIA Novosti*, 04.05.2017. URL: <https://ria.ru/society/20170504/1493659693.html> (available 04.05.2017). (In Russian)

Putin V. Knyagine Feodore Romanovoy. 2 yanvarya 2017 g. [Putin V. To Princess Theodora Romanova. January 2, 2017], *The website of the President of Russia*, URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/53693> (available 04.01.2017). (In Russian)

Rachkov M. P. Rossiya: ot federativnogo gosudarstvennogo ustroystva k konstitutsionnoy monarhii [Russia: from federal state to constitutional monarchy],

Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Baikal State University], 2002, 1, pp. 96-98. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17943403_81953256.pdf (available 07.03.2016). (In Russian)

Ramzan Kadyrov poprosil ministra kul'tury zapretit' "Matil'du" v Chechne [Ramzan Kadyrov asked the Minister of culture to ban "Matilda" in Chechnya], *Komsomolskaya pravda*, August 8, 2017. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26715/3740859/> (available 08.08.2017). (In Russian)

Remizov M. Mobilizatsionnyy pakt dlya elity [Mobilization pact for elite], *Izvestiya*, April 6, 2009. URL: <https://iz.ru/news/347198> (available 20.10.2016). (In Russian)

Remizov M. Mobilizatsionnyy pakt dlya elity [Mobilization pact for elite], *Izvestiya*, April 6, 2009. URL: <https://iz.ru/news/347198> (available 20.10.2016). (In Russian)

Robins R.S. *Political Institutionalization and the Integration of Elites*. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976.

Rossii nuzhna monarhiya, — Aksenov [Russia needs a monarchy, — Aksenov], *The website "Nash Krym" [Our Crimea]*, 15.03.2017. URL: <http://ncrim.ru/news/view/15-03-2017-rossii-nujna-monarhiya-aksenov> (available 15.03.2017). (In Russian)

Rossiya budet monarhiyey [Russia will be the monarchy], *Nasha strana* (Buenos Aires), December 18, 1993, pp. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2263_online.pdf (available 23.09.2017). (In Russian)

"Rossiya derzhavnaya" [Russia Imperial], *Nasha strana* (Buenos Aires), July 3, 1993, pp. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2239_online.pdf (available 23.09.2017).

Rossiyanе o Nikolaye II [The Russians about Nicholas II], *The website "Levada-Center"*, 16.05.2013. URL: <http://www.levada.ru/16-05-2013/rossiyane-o-nikolae-ii> (available 06.12.2014). (In Russian)

Rossiyanе o sil'nom lidere i yedinovlastii [The Russians about the strong leader and autocracy], *The website "Levada-Center"*, 08.04.2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/04/08/rossiyane-o-silnom-lidere-i-edinovlastii/> (available 06.12.2014). (In Russian)

RPTs ne isklyuchaet vozrozhdeniya monarhii v Rossii [Russian Orthodox Church does not preclude the revival of the monarchy in Russia], *BFM.ru*, 09.04.2013. URL: <https://www.bfm.ru/news/213228> (available 09.04.2013). (In Russian)

Russian monarchist eyes Kiribati for Romanov revival, *Radio New Zealand*, 4 January 2017. URL: <http://www.radionz.co.nz/international/pacific-news/321693/russian-monarchist-eyes-kiribati-for-romanov-revival> (available 30.11.2017).

"Sadovod" iz "Proyekta Rossiya" ["Gardener" from "Project Russia"], *The website "Freelance Bureau"*, 04.05.2012. URL: <https://old.flb.ru/info/50904.html> (available 10.05.2012). (In Russian)

Samovol'no ustanovlenny pamyatnik Ivanu Groznomu spilili pod Krasnoyarskom [Illegally installed monument to Ivan the Terrible was cut near Krasnoyarsk], *TASS*,

31.10.2016. URL: <http://tass.ru/sibir-news/3746782> (available 31.10.2016). (In Russian)

Savelyev V. Monarhicheskiye mechtaniya [Monarchic dreams], *Literaturnaya gazeta*, January 23, 2008. URL: http://lgz.ru/article/N2--6154--2008-01-23--/Monarhich%D0%B5ski%D0%B5-m%D0%B5chtaniya2873/?sphrase_id=328882 (available 10.11.2015). (In Russian)

Schmitt C. Legal'nost' i legitimnost' [Schmitt C. Legality and legitimacy], In: Schmitt C. *State: Right and politics* / transl. from German to Russian. Moscow: Territoriya budushchego, 2013a, pp. 221-305. (In Russian)

Schmitt C. O tryeh vidah yuridicheskogo myshleniya [Schmitt C. On the three types of legal thinking], In: Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [Schmitt C. *State: Right and politics*] / transl. from German to Russian. Moscow: Territoriya budushchego, 2013b, pp. 307-355.

Schmitt C. Ucheniye o konstitutsii (fragment) [The doctrine of the Constitution (fragment)], In: Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [Schmitt C. *State: Right and politics*] / transl. from German to Russian. Moscow: High School of Economics Publishing, 2010, pp. 33-236.

Senchukova M., Gal'perina A. "Romanovy": krasivo i patriotichno ["Romanovs": Beautiful and Patriotic], *Pravoslaviye i Mir*, November 5, 2013. URL: <http://www.ppravmir.ru/romanovy-krasivo-i-patriotichno-foto/> (available 10.11.2015). (In Russian)

Sergey Lebedev: "Demokratiya — roskosh, kotoruyu mozhet pozvolit' sebe obshchestvo s sil'nym srednim klassom" [Sergei Lebedev: "Democracy is a luxury that a society with a strong middle class can afford"], *The website "Russkaya narodnaya liniya"*, 11.09.2010. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/11/sergej_lebedev_demokratiya_roskosh_kotoruyu_mozhet_pozvolit_sebe_obwestvo_s_silnym_srednim_klassom/ (available 02.09.2014). (In Russian)

Shalyganov Yu.V. Proyekt Rossiya: Polnoye sobraniye [Project "Russia": the Complete collection]. Moscow: Eksmo, 2012. (In Russian)

Shambarov V.Ye. Tsar' gryadet [*The Tsar' is coming*]. Moscow: Politinformatsiya, 2017. (In Russian)

Shchuplov A. Kto est' HU: mini-entsyklopedoya politicheskikh klichek [Shchuplov A. *Who is WHO: small encyclopedia of political nicknames*]. Moscow: Politburo, 1999. (In Russian)

Shmyganovskiy V. "Ya davno ne ispytoval takogo chuvstva gordosti" — govorit glava Russkogo Imperatorskogo doma. Velikiy knyaz' Vladimir Kirillovich [Shmyganovskiy V. "I have not felt such a sense of pride," — said the head of the Russian Imperial house, Grand Duke Vladimir Kirillovich], *Izvestiya*, August 30, 1991, p. 5. URL: https://yeltsin.ru/uploads/upload/newspaper/1991/izv08_30_91/index.html (available 23.09.2017). (In Russian)

Shyryaeva N. S anonimnym privetom [Anonymous hi], *Literaturnaya gazeta*, June 20, 2007, No. 25. URL: <http://lgz.ru/article/N25--6125---20-06-2007--/S-anonimn%>

D1%8Bm-priv%D0%B5tom604/?sphrase_id=328882 (available 10.11.2015). (In Russian)

“Sil'naya ruka” i preemstvennost' vlasti [“Strong hand” and continuity of power], *The website “Levada-Center”*, 03.12.2015. URL: <https://www.levada.ru/2015/12/03/silnaya-ruka-i-preemstvennost-vlasti/> (available 02.03.2016). (In Russian)

Skandal vokrug filma “Matil'da” [The scandal surrounding the film “Matilda”], *The website “Levada-Center”*, 31.10.2017a. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/31/16961/> (available 02.11.2017). (In Russian)

Skandal vokrug filma “Matil'da” [The scandal surrounding the film “Matilda”], *RIA Novosti*, 28.12.2017b. URL: https://ria.ru/trend/reaction_matilda_08022017/ (available 28.12.2017). (In Russian)

Slobodchuk S. Korruptsiya v Ispanii: komu nuzhen podryv legitimnosti molodoy monarhii? [Corruption in Spain: who needs to undermine the legitimacy of the young monarchy?], *The website “EADaily”*, 12.02.2016. URL: <https://eadaily.com/news/2016/02/12/korruptsiya-v-ispanii-komu-nuzhen-podryv-legitimnosti-molodoy-monarhii> (available 12.02.2016). (In Russian)

Smirnov V. Padeniye Tret'yego Rima. Duhovnye osnovy vrozhdeniya Russkogo Pravoslavnogo Tsarstva [Smirnov V. *The fall of the Third Rome. The spiritual foundations of the revival of the Russian Orthodox Tsardom*]. St. Petersburg: Skifiya, 2015. (In Russian)

Sobchak A.A. Iz Leningrada v Peterburg: puteshestviye vo vremeni i prostranstve [Sobchak A.A. *From Leningrad to St. Petersburg: journey through time and space*]. St. Petersburg: Kontrfors, 1999. (In Russian)

Sobchak A.A. Zhila-byla kommunisticheskaya partiya [Sobchak A.A. *There was the Communist party*]. St. Petersburg: Lenizdat, 1995. (In Russian)

Spory po “Matil'de”: novy film Uchitelya vyzval skandal do vyhoda na ekrany [Disputes about “Matilda”: the new film by Uchitel' caused a scandal until exit on screen], *RIA Novosti*, 02.11.2016. URL: <https://ria.ru/culture/20161102/1480533338.html> (available 02.11.2017). (In Russian)

Stavitsky A.V. Monarhisty v Dume: fakty i versii [Monarchists in the State Duma: facts and versions], *skeptimist (Blog of Andrey V. Stavitsky)*, 03.10.2017. URL: <https://skeptimist.livejournal.com/1908700.html> (available 03.11.2017). (In Russian)

Svyateyshy Patriarh Kirill i Svyateyshy Patriarh Iriney osvyatili v Belgrade pamyatnik tsaryu-strastoterptsu Nikolayu II [His Holiness Patriarch Kirill and his Holiness Patriarch Irinej consecrated in Belgrade monument to the Tsar-passion-bearer Nicholas II], *The official website of the Moscow Patriarchate*, 16.11.2014. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3841917.html> (available 22.10.2016). (In Russian)

Syezd monarhistov [Congress of monarchists], *Nasha strana* (Buenos Aires), July 17, 1993, p. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2241_online.pdf (available: 22.09.2017). (In Russian)

Szilágyi Á. Malaya vojna russkih gosudarstv [Small war of Russian states], In: *El'tsinshchina [Yel'tsin's messy time and dirty actions]*. Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1993, pp. 22–53. (In Russian)

Tikhomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Tikhomirov L. A. *Monar-chic statehood*]. St. Petersburg: Komplekt, 1992. (In Russian)

Torres Reyes A. The making of a royal scandal, *El País*, November 7, 2014. URL: https://elpais.com/elpais/2014/11/07/inenglish/1415376527_063739.html (available 08.11.2014).

Tremlett G. Spain's model monarchy shoots itself in the foot, *The Guardian*, April 20, 2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/apr/20/spain-monarchy-shoots-itself-in-foot> (available 21.04.2012).

Tsaller Dzh. Proishozhdenie i priroda obshchestvennogo mneniya [Zaller J. *The nature and origins of mass opinion*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Public opinion foundation, 2004. (In Russian)

Tsyachi za tsarya [Thousands for Tsar], *Nasha strana* (Buenos Aires), August 7, 1993, p. 4. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2244_online.pdf (available: 22.09.2017). (In Russian)

Udal'tsova M. Pravoslavnaya Rus'. Romanovy [Orthodox Rus'. The Romanovs], *The website Kul'tprivet*, 27.01.2014. URL: <http://kultprivet.ru/posts/pravoslavnaya-rus-romanovy> (available 10.11.2015). (In Russian)

Ukaz Prezidenta RF ot 30 noyabrya 1993 g. № 2050 "O Gosudarstvennom gerbe Rossiyskoy Federatsii" [The presidential decree of 30 November 1993 No. 2050 "About the national coat of arms of the Russian Federation"], *The Portal "Garant.ru."* URL: <http://base.garant.ru/105787/> (available 09.12.2016). (In Russian)

Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.1999 № 1763 "O garantiyah Prezidentu Rossiyskoy Federatsii, prekrativshemu ispolneniye svoih polnomochiy, i chlenam ego semyi" [The Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.1999 No. 1763 "About guarantees to the President of the Russian Federation ceased to carry out its mandate, and members of his family"], *Official website of the President of the Russian Federation*. URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=060014> (available 09.02.2000). (In Russian)

Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.1999 № 1763 "O garantiyah Prezidentu Rossiyskoy Federatsii, prekrativshemu ispolneniye svoih polnomochiy, i chlenam ego semyi" [The Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.1999 No. 1763 "About guarantees to the President of the Russian Federation ceased to carry out its mandate, and members of his family"], *Official website of the President of the Russian Federation*. URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=060014> (available: 9.02.2000). (In Russian)

V Chechne peredumali zapreshchat' prokat "Matil'dy" [In Chechnya they changed their mind to ban the movie "Matilda"], *Interfax*, 10.08.2017. URL: <http://www.interfax.ru/russia/574379> (available 10.08.2017). (In Russian)

V den' narodnogo edinstva v Moskve otkryt pamyatnik knyazyu Vladimiru [On the Day of national unity in Moscow opened a monument to Prince Vladimir], *the website of the President of Russia*, 04.11.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53211> (available 04.01.2017). (In Russian)

V Ingushetiya otkazalis' vypuskat' "Matil'du" v prokat [The movie "Matilda" was ban in Ingushetia], *Interfax*, 10.08.2017. URL: <http://www.interfax.ru/russia/574373> (available 10.08.2017). (In Russian)

V Novosibirskye otkryli pamyatnik Nikolayu II [The monument to Nicholas II was opened in Novosibirsk], *RIA Novosti*, 16.07.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170716/1498589082.htm> (available 16.07.2017). (In Russian)

V Obyedinenii Romanovykh nazvali absurdnymi prityazaniya Marii Vladimirovny na osoby status v RF [The Russian Union has described as absurd the claims of Maria Vladimirovna to the special status in Russia], *Interfax*, 13.07.2015. URL: <http://www.interfax.ru/russia/453357> (available 13.07.2015). (In Russian)

V Orle otkryli pervy v Rossii pamyatnik Ivanu Groznomu [Russia's first monument to Ivan the Terrible was opened in Orel], *RIA Novosti*, 14.10.2016a. URL: <https://ria.ru/society/20161014/1479245684.html> (available 14.10.2016). (In Russian)

V Orle otkryli pervy v Rossii pamyatnik Ivanu Groznomu [Russia's first monument to Ivan the Terrible was opened in Orel], *The portal of the Orel region*, 14.10.2016b. URL: <http://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=8229> (available 14.10.2016). (In Russian)

V skandale vokrug filma "Matil'da" poyavilsya "kavkazskiy akcent" [In the scandal around the film "Matilda" the "Caucasian accent" appeared], *The website "EADaily"*, 13.02.2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/13/v-skandale-vokrug-filma-matilda-poyavilsya-kavkazskiy-akcent> (available 13.02.2017). (In Russian)

V Tambove ustanovlen pamyatnik Nikolayu Vtoromu [A monument to Nicholas II installed in Tambov], *REGNUM*, 18.05.2016. URL: <https://regnum.ru/news/society/2133686.html> (available 21.05.2016). (In Russian)

V Tobolske mozhet poyavitsa muzey tsarskoy semyi [Museum of the Tsar family may appear in Tobolsk], *The website "Iskusstvo"*, 12.08.2013. URL: <http://www.iskusstvo.tv/News/2013/08/12/v-tobolske-mozhet-poyavitsya-muzei-carskoi-semi> (available 14.08.013). (In Russian)

V Volgodonske osvyatili pamyatnik-byust svyatogo strastoterptsya, tsarya Nikolaya II [In Volgodonsk the monument-a bust of the Martyr Tsar Nicholas II was consecrated], *the website "Volgodonsk.pro"*, 17.07.2016. URL: <https://volgodonsk.pro/news/11626-v-volgodonske-osvjatili-pamjatnik-byust-svjatogo-strastoterpca-carjanikolaja-ii.html> (available 12.12.2017). (In Russian)

V Yevpatorii otkryli byust Nikolaya II (fotoreportazh) [In Evpatoria the bust of Nicholas II was opened (photo)], *Official website of municipality of Evpatoria, Republic of Crimea*, 16.05.2016. URL: <http://my-evp.ru/v-evpatorii-otkryli-byust-nikolaya-ii-fotoreportazh/> (available 20.11.2016). (In Russian)

Vandenko A. Khozyayka Severnoy Pal'miry: Intervyu s V.I. Matviyenko [The Mistress of the North Palmyra: Interview with V.I. Matvienko], *Itogi*, 2004, 43. (October 25). URL: <http://www.itogi.ru/archive/2004/43/76240.html> ((available 30.10.2014). (In Russian)

Velengurin V. Chto nas zhdet posle vyborov prezidenta v 2012 godu? (Interview s Yu.V. Shalyganovym) [What awaits us after the presidential elections in 2012? (Interview with Yu.V. Shalyganov)], *Komsomolskaya pravda*, October 1, 2010. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/24567/740255/> (available 12.07.2015). (In Russian)

Veniamin, mitropolit Vladivostokskiy i Primorskiy (Pushkar Boris Nikolayevich) [Veniamin, Metropolitan of Vladivostok and Primorye (Pushkar Boris Nikolaevich)], *The official website of the Moscow Patriarchate*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31599.html> (available 20.12.2017). (In Russian)

Vladimir Putin: monarhiya v Rossii nevozmozhna [Vladimir Putin: the monarchy in Russia is impossible], *RIA Novosti*, 19.12.2002 (обновлено: 05.06.2008). URL: <https://ria.ru/politics/20021219/285521.html> (available 02.09.2016). (In Russian)

Vladimirov A. Korona rossiyskoy respubliki [Crown of the Russian Republic], *Itogi*, 2005, 39. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2005/39/59422.html> (available 10.11.2017). (In Russian)

Vladimirov S. Nenavist' drug k drugu [Hatred to each other], *Nasha strana* (Buenos Aires), September 2, 1995, p. 3. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2351_online.pdf (available 22.09.2017). (In Russian)

Vlasti Tyumenskoy oblasti budut prodvigat' tur po mestam, svyazannym s tsarskoy semyey [The authorities of the Tyumen region will promote the tour of places associated with the Tsar family], *TASS*, 07.12.2017. URL: <http://tass.ru/ural-news/4792071> (available 07.12.2017). (In Russian)

Vnimaniyu osobo zasluzhennyh general-mayorov, general-leytenantov, general-polkovnikov, generalov armii, marshalov kazach'ih voysk Rossiyskoy Federatsii!!! [Attention particularly a well-deserved Major-generals, Lieutenant-generals, Colonel general, Generals of the army, Marshals of the Cossack troops of the Russian Federation!!!], *the website "Cossack circle"*, 08.11.2010. URL: <http://www.kazachiy-krug.ru/stati/bolnye-ljudi/vnimaniyu-osobo-zasluzhennyh-general-majorov> (available 10.10.2017). (In Russian)

Vo Vladivostoke torzhestvenno otkryli pamyatnik Nikolayu II [In Vladivostok was solemnly opened a monument to Nicholas II], *Information Agency "Legitimist"*, 19.12.2016. URL: <http://legitimist.ru/news/2016/12/vo-vladivostoke-torzhestvenno-otkryili-pamyatnik-nikolayu-ii.html> (available 19.12.2016). (In Russian)

Volovatov V., Kazantseva S. Romanovy prosyat zashchity ot samozvantsev i rezidentsiyu v Moskve [The Romanovs are asking for protection from the impostors and residence in Moscow], *the website "m24.ru"*, 13.07.2015. URL: <http://www.m24.ru/articles/78843> available 13.07.2015). (In Russian)

Vorobev V/ Vtoroy Donskoy Imperatora Nikolaya II kadetskiy korpus [The second Don Emperor Nicholas II cadet corps], *Social network "Orthodox conversation"*, 11.06.2010. URL: <http://pravoslavrazgovor.mirtesen.ru/blog/43936422607/Vtoroy-Donskoy-Imperatora-Nikolaya-II-kadetskiy-korpus> (available 12.12.2017). (In Russian)

Vot takaya vot, brat, biografiya. Demin Aleksandr Pavlovich [Here is such a here is, brother, a biography. Demin Aleksandr Pavlovich], *the website "Idiot"*, 10.06.2009. URL: <http://idiot.fm/2009/06/10/vot-takaya-vot-brat-biografiya/> (available 10.10.2017). (In Russian)

Vozvrashcheniye Imperatorskogo doma na Rodinu [Return of the Imperial house to the Homeland], *Interfax*, 26.06.2009. URL: <http://www.interfax.ru/presscenter/87216> (available 28.09.2009). (In Russian)

Vozvrashcheniye v Rossiyu [Return to Russia], *Interfax*, 30.03.2009. URL: <http://www.interfax.ru/presscenter/71275> (available 28.09.2009). (In Russian)

Vstrecha [V.V. Zhirinovskogo] s Prezidentom RF Vladimirom Putinym v Yalte. 14.08.2014 [Meeting [Vladimir Zhirinovsky] with Russian President Vladimir Putin in Yalta. 14.08.2014], *The website of Liberal Democratic Party of Russia*. URL: http://ldpr.ru/leader/speech/meeting_with_the_russian_president_vladimir_putin_in_yalta/ (available 02.09.2014). (In Russian)

Yakov Geller: "Otnosheniye k Sobchak kak k klounesse ili "shokoladnoy blondinke" — eto nepravil'no" [Yakov Geller: "Attitude to Sobchak as clonase or "chocolate blonde" is wrong"], *Biznes Online [Business Online]*, October 21, 2017. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/361458> (available 22.10.2017). (In Russian)

Yarmonova Ye.N. Kvazi-monarhii kak osobaya raznovidnost' formy pravleniya [Quasi-monarchy as a special kind of form of government], *Nauka i obrazovanie: novoye vremya*, 2016, 4, pp. 28-30. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26587813_23915231.pdf (available 07.05.2017) (In Russian)

Yegorova Ye. Khazanov podaril Putinu koronu imperatora [Khazanov has given Putin the Emperor's crown], *Moskovskiy komsomolets*, December 1, 2015. URL: <http://www.mk.ru/culture/2015/12/01/khazanov-podaril-putinu-koronu-imperatora.html> (available 02.12.2015). (In Russian)

Yepiskop Severomorskiiy i Umbiskiy Mitrofan (Aleksey Vasilyevich Badanin) [The Bishop of North Sea and Umba Mitrofan (Alexei Vasilyevich Badanin)], *Official website of North Sea eparchy*, URL: <http://severeparh.ru/biografiya/> (available 20.12.2017). (In Russian)

Yevsin I. Monarhicheskaya konferentsiya i provokatsiya telekanala "Rossiya 1" [The monarchical conference and the provocation of the TV channel "Russia 1"], *the website "Russkiy monarchist" ["Russian monarchist"]*, 19.03.2017. URL: <http://www.ruskmir.ru/2017/03/igor-evsin-monarhicheskaya-konferenciya-i-provokaciya-telekanala-rossiya-1/> (доступно 21.03.2017). (In Russian)

Yury Shalyganov: "Komanda yedinomyshlennikov" [Yury Shalyganov: "Team of associates"], *Radio Rossii*, 04.07.2012. URL: http://www.radiorus.ru/brand/episode/id/57075/episode_id/918618/ (available 10.07.2012). (In Russian)

Zaharov A. Kto possoril Poklonskuyu s Kshesinskoy [Who quarreled Poklonskaya with Kshessinskaya], *Fontanka.ru*, 07.11.2016. URL: <http://www.fontanka.ru/2016/11/07/040/> (доступно 07.11.2016). (In Russian)

Zakatov A. Tsarsky nakaz monarhistam (29.12.1992) [The Tsar mandate to monarchists (29.12.1992)], *Monarchist*, 1993, 18. URL: <http://monarhist.info/Archives/monarhist-18.htm> (available 23.09.2017). (In Russian)

Zasedaniye Mezhfraktsionnoy deputatskoy gruppy po zashchite khristianskikh tsennostey [Meeting of the inter-factional Deputy group for the protection of Christian values], *The website of the State Duma Committee on civil society development, public and religious associations*, 17.05.2017. URL: <http://komitet2-22.km.duma.gov.ru/Drugie-meropriyatiya/item/395933/> (available 01.10.2017). (In Russian)

Zayavleniye Velikoy Knyagini Leonody Georgiyevny dlya rossiyskoy pressy 5 noyabrya 1992 g. [The statement of Grand Duchess Leonida for the media, November 5, 1992], *Monarchist*, 1993, 18. URL: <http://monarhist.info/Archives/monarhist-18.htm> (доступно 23.09.2017). (In Russian)

Zhirinovskiy Wants All-Powerful Tsar to Rule Over Russia, *The Moscow Times*, September 24, 2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/zhirinovskiy-wants-all-powerful-tsar-to-rule-over-russia/507703.html> (available 01.10.2014).

Zmanovskaya A. Domu Romanovykh predlozhili vernutsya v Rossiyu [The House of Romanov has offered to return to Russia], *Izvestiya*, June 23, 2015. URL: <https://iz.ru/news/587917> (available 23.06.2015). (In Russian)

Zubkov K., Polunin A., Pryanikov P. Rossiyu gotovyat k prihodu tsarya na 400-letniye Doma Romanovykh [Russia is preparing for the arrival of the Tsar on the 400th anniversary of the House of Romanov], *the website "Svobodnaya Pressa"*, 05.05.2011. URL: <http://svpressa.ru/all/article/43072/> (available 02.09.2014). (In Russian)

Zvyagin A.A. Na poroge peremen: Rotatsiya elit ili smena formatsiy? [Zvyagin A.A. *On the threshold of change: the rotation of the elites or the change of formations?*]. Moscow: Poligraf-servis, 2007. (In Russian)

25 pamyatnikov Nikolayu II na territorii Rossii [25 monument to Nicholas II in Russia], *The website "Nikolay II — dostoyaniye Rossii"* [*Nicholas II — Russian heritage*], 26.02.2016. URL: <http://nick2.ru/podborka-pamyatnikov-nikolyu-ii/> (available 22.10.2016). (In Russian)

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

О ВИЗУАЛЬНОМ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Колесник Н.В.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.9>

Аннотация. В работе рецензируется монография «Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России»², которая посвящена одной из актуальных тем в российской политической науке — визуальным аспектам предвыборных технологий в современной России. В поле зрения авторов коллективного труда — насыщенный эмпирический материал, который еще до недавнего времени не вводился исследователями в научный оборот: предвыборные плакаты, листовки, карикатуры, фото, рисунки, исторические документы. На основе тщательного анализа реконструируются вопросы истории и современного состояния предвыборной агитации в России и за рубежом, обозначаются функции визуального в избирательных кампаниях, исследуются практики политической визуализации.

Ключевые слова: визуализация, политическая реклама, власть, регион, предвыборная агитация, искусство, избиратель, агитационный материал, политика.

Истории и современному состоянию предвыборной агитации в России посвятили свою монографию российские исследователи, представляющие, различные политологические школы. Данный труд стал

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № государственной регистрации АААА-А17-117030110144-3).

² Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России / Пермский научный центр УрО РАН; Фонд поддержки культурных проектов «Новая коллекция». Под ред. К.В. Киселева, О.Б. Подвинцева, О.А. Рябовой. Пермь, 2016. 200 с.

возможен благодаря работе коллектива авторов, которые объективировали свой предмет исследования на визуальных аспектах политической агитации. Труд получился объемным и плотным по содержанию, когда почти ничего лишнего в нем не присутствует. Обильный визуальный ряд на каждой странице издания видится уместным и логичным. Что же нам предлагают исследователи в своей монографии?

Авторы работы обращаются к малоизученной теме в российской политологии, социологии и осмысляют одновременно два предмета, два пространства: пространство электорального выбора и пространство визуального восприятия, пространства взгляда. В предисловии к своей монографии авторы исследования Константин Киселев, Олег Подвинцев, Оксана Рябцева честно пишут, что движимым в работе был скорее не замысел, а научная прихоть. Для меня как читателя, концепт «научная прихоть» оказался ключевым при прочтении и знакомстве с этой книгой. В этом смысле «прихоть» понимается в философском смысле, как желание что-либо постичь и передать постигнутый смысл другому. Авторам удалось не только освоить избранное пространство, но и передать читателю собственное понимание предмета исследования, без назидания и в доступной форме. Не случайно, издание адресовано не только научной общественности, но и всем, кто интересуется проблематикой политической агитации в России.

Стоит отметить, что при малой изученности визуального ряда электоральных процессов в современной российской политологии, в целом по избирательным технологиям Россия «в каком-то отношении, перегнала Запад и весь остальной мир» (Визуализация 2016: 196). Почему так произошло? Авторы работы это феномен объясняют тем, что в эту сферу пришли креативные, хорошо образованные и мотивированные люди. Росту и развитию профессии «политтехнолога» способствовал и сформировавшийся в 90-е гг. электоральный рынок.

Работа состоит из трех частей и тринадцати глав. Для авторов¹ монографии было важным в первой части рассмотреть роль визуального в политической рекламе с точки зрения функции и стратегии применения. Вторая часть эмпирического исследования посвящена практикам

¹ Авторский коллектив: М.Г. Агапов, А.Б. Белоусов, Г.А. Гаврилов, К.В. Киселев, В.С. Ковин, И.С. Кучанов, А.В. Кынев, Д.Е. Москвин, А.В. Петров, О.Б. Подвинцев, О.А. Рябова, А.В. Скиперских, А.А. Смольгина, М.В. Соколовская, С. Н. Шкель, А.Ю. Щербаков.

политической визуализации и третья часть соответственно «Искусству сделать избирателя».

Обращаясь к вопросу о роли визуального в политической рекламе авторы монографии, в первую очередь, задаются вопросом о том, какую функцию выполняет визуальное в избирательной кампании (Визуализация 2016: 8–89). Без сомнения, такая визуальная информация, как фотографии, рисунки, символы и др. относятся к важным каналам усвоения информации. По этим каналам и происходит получение информации избирателем о потенциальном кандидате и потому логично, что авторы посчитали для себя важным изучить и систематизировать этот сюжет. В рамках политической агитации визуальное выполняет несколько функций: базовые — идентификация/актуализация голосования, ознакомление с кандидатом, узнаваемость/запоминание, технологические функции — симпатии, идентификации, привлечение внимания, суггестивно-эмоциональная, поддержки, разъяснительная, якорная. Данные функции, при всем обилии материала, не перегружают внимание читателя, ибо «разгрузочную» функцию на себя берут многочисленные фото, плакаты, рисунки, иллюстрирующие ту или иную авторскую мысль.

Первая глава рецензируемой монографии выполнила не только информативную роль, но и послужила своего рода программой заявленного исследования. В конце главы авторы посчитали уместным рассказать о том, какие гипотезы возникают у исследователя, если он изучает визуализацию как объект исследования. Стоит обратить внимание, что сформулированные предположения носят лаконичный характер и смотрятся несколько не соотношенными с содержанием первой части работы. Эту мысль подтверждает обильное содержание последующих шести глав. В поле зрения авторов данной монографии оказались такие сюжеты, как визуализация идентичности на выборах и сексуальность в политической рекламе, предвыборный черный пиар и политические текстовые граффити, рукописные комментарии на агитматериалах 1980-1990-х гг. (из коллекции Исторической библиотеки).

Особый научный интерес представляет эмпирический материал, который был собран авторами монографии и представленный, в основном, во второй части работы. Перед читателем проходит целая галерея предвыборных плакатов не только российских кандидатов. Авторам работы удалось собрать и проанализировать предвыборный материал кандидатов из европейских стран, стран СНГ. Так, в третьей главе «Сек-

суальность в политической рекламе: насколько эффективен «разрыв шаблона» анализируются сознательные практики провокации избирателей со стороны кандидатов от ХДС, ХСС, партии «Зеленые» в период выборов в Бундестаг в 2009 г., польской «Партии Женщин», Австралийской партии секса, испанской правой «Партии свободы — Чистые руки» и др. (Визуализация 2016: 35-56).

Вводится в научный оборот и большой пласт визуального материала, который является важным источником для анализа украинской политики в постсоветский период. Уже в первой части работы мы встречаем плакаты с изображением представителей украинской элиты: Юлии Тимошенко, Олега Ляшко, Олега Уминского и др. В данном случае визуальные образы этих политиков приводятся в монографии в качестве успешного примером того, как кандидаты используют выразительные средства электорального фото: портретное фото, сюжетное фото, когда фотография начинает «рассказывать о характере человека, его профессии, интеллекте и других важных для кандидата качествах» (Визуализация 2016: 15). Кроме того, исследователи обращают внимание на то, что практически все выборы в Украине проходили и проходят под знаком национального самоопределения: «поэтому на большинстве плакатов можно увидеть элементы, выполняющие функцию национальной самоидентификации, например, национальную одежду вышиванку» (Визуализация 2016: 16).

Практикам политической визуализации авторы посвятили третью часть монографии. Почти восемьдесят страниц текста посвящены региональной специфике предвыборной агитации: «баннерным войнам» в Байкальском регионе и тому, как они отражены в социальных сетях, особенностям политической агитации в Республике Башкортостан, картографическим образам региона в избирательных кампаниях по выборам Губернатора Тюменской области, городскому и сельскому пейзажу в политической агитации в Липецкой области.

В русском языке слово «сделать» имеет разные толкования. Авторы монографии, видимо, использовали этот глагол в смысле, в котором предлагает С. И. Ожегов в своем толковом словаре: сделать — «привести в то или иное состояние» (Ожегов 2013: 356). В данном случае речь идет о том, кто и кого приводит в какое либо состояние. Используя визуальный материал, исследователи мастерски показывают, как в ходе предвыборной кампании партийные и иные кандидаты искусно «приводят в то или иное состояние» своего избирателя. «Выборы создают

не только кандидата, они создают и избирателя» (Визуализация 2016: 175). Что же оказывается в арсенале кандидатов для привлечения массового избирателя и «создания своего избирателя»? Исходя из того, что избирательный процесс «это прежде всего система многочисленных взаимодействий. Здесь точность и выверенность каждого решения сочетаются со стихийностью и спонтанностью реакций на действия оппонентов, здесь технология может быть доведена до искусства и наоборот», то региональные электоральные практики являются тому подтверждением (Там же: 175).

Отдельный этап в истории предвыборных технологий в России, по мнению исследователей, связан с 1990 г., когда в стране господствовал синтез искусства и технологий, творчества и холодного расчета. По мнению авторов, это был не долгий период в российской истории и потому требовался «новый разговор с избирателями... Именно в этот период и появляются политические Пигмалионы, уверенно лепящие избирательницу-Галатею» (Там же: 176). При этом, самые необычные рекламные кампании кандидатов привлекали внимание избирателей, но «не обеспечивали победу своим кандидатам» (Там же: 176). В качестве иллюстрации авторы работы приводят случай с «Союзом правых сил» в 1999 году, когда СПС поддержал новаторский художественный фестиваль «Культурные герои XIX века, или В поисках Золушки». В те годы фестиваль открыл имена многих художников, политиков, но «СПС», как политическая сила, так и не добился сколько-нибудь большой поддержки избирателей.

Особо хотелось бы обратить внимание на дизайнерский подход в издании данной монографии. Получилось высококачественное издание, содержащее большое количество предвыборных плакатов, рисунков, фото и др. визуальных средств, одновременно выполняющее функцию не только научной монографии, но и выставочного каталога. Был ли издан отдельно подобный каталог, мы не знаем, но есть свидетельство Н. Агишевой, которая пишет во вступительной статье, что в апреле 2015 года в г. Перми состоялся научно-практический форум «Предвыборная агитация как наука и искусство», в рамках которой прошли научная конференция, выставка, экспертные столы, обсуждения, экскурсии. Рецензируемая работа явилась плодом усилий тех, кто участвовал в работе научной конференции «Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России» и в художественной выставке «Искусство сделать избирателя».

Книга получилась насыщенной и мне ее интересно было читать не только как социологу, изучающему властные практики, но и как члену предвыборного штаба одного из кандидатов, баллотировавшегося в Государственный Думу и в Законодательное собрание Санкт-Петербурга в 2016 году. Участие в предвыборной кампании позволило мне увидеть многие интересные детали. Включенное наблюдение показало, что кандидатские стратегии, по использованию визуальных средств, носят локальный характер и сильно дифференцируются даже внутри одной партии. В большинстве кандидаты «скованы» в своих действиях партийной дисциплиной. В период предвыборной кампании спускается разрядка и каждый кандидат, получающий финансирование из Центра должен отработать и распределить партийную печатную продукцию среди избирателей, работая прежде всего на имидж партии.

Избирательная кампания 2016 года показала однообразие и отсутствие творческого самовыражения (за некоторым исключением). Как и в 90 годы, «когда создатели роликов в Екатеринбурге пользовались возможностями одних и тех же студий,... когда несколько кандидатов в мэры Нижнего Тагила решили использовать в своей рекламе сюиту «Время, вперед», петербургские кандидаты, в основном, в выборе визуальных средств в предвыборной агитации так же были похожи друг на друга. Например, показательным в этом отношении было активное использование кандидатами такого агитационного элемента, как «предвыборные кубы». Редко кто из кандидатов, вне зависимости от партийной принадлежности, не использовал куб в кампании 2016 года. Предвыборные штабы позволили обеспечить рабочими местами целую армию рабочих, начиная от водителей машин, которые по утрам возили и по вечерам собирали эти однообразные и малоподъемные конструкции (гонорар их доходил иногда до 100 тысяч рублей в месяц) и заканчивая работником ТИК, УИК или районной администрации, которые выполняли разрешительные функции. В производственный цикл были включены и производители печатных плакатов, которые монтировались на эти кубы.

Другие способы визуального выражения имели кандидаты-тяжеловесы от различных партий: дорогостоящие билборды в «красной зоне» мегаполиса, размещение политической рекламы в вечернем эфире на радио и телевидении, организация районных праздников для детей и взрослых, раздача подарков для пенсионеров и др. Поэтому вывод о том, что появились креативные технологии, кажется, мало убедитель-

ным ибо как в прошлом, так и сейчас, чаще всего воспроизводится серийный продукт для массового избирателя (при активном использовании административного ресурса). Возможно, лишь некоторые регионы являют собой пример творческого подхода, при создании визуальных образов кандидатов, ибо в них сложились условия для реализации ярких предвыборных сценариев, которые, в целом, мало влияют на политический климат в региональной России.

Композиционное деление монографии на части и главы, в смысловом отношении, получилось не совсем удобным для восприятия. Мне кажется, что для читателя было удобнее, если бы теория была «проиллюстрирована» одновременно практикой, примерами и кейсами из жизни того или иного кандидата или партии, тем более, что теоретизирование исследуемой проблемы оказалось не сильным звеном данной работы. Вторая часть работы «Практики политической визуализации», содержащая главы о черном пиаре на выборах Губернатора Тюменской области или о картографических образах региона в избирательных кампаниях, о городских и сельских пейзажах в политической агитации в Липецкой области явилась логическим продолжением аналогичных глав первой части рецензируемой работы.

Обращает на себя внимание и тот факт, что издание было осуществлено благодаря поддержке Министерства образования и науки Пермского края, что является в российских условиях большой редкостью, когда проекты по взаимодействию науки, власти и искусства оказываются столь плодотворными и интересными. Материалы, которые вошли в данную монографию, могут стать эмпирической основой для дальнейших научных изысканий представителей социальных наук.

Литература

Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России / Пермский научный центр УрО РАН; Фонд поддержки культурных проектов «Новая коллекция». Под ред. К.В. Киселева, О.Б. Подвинцева, О.А. Рябовой. Пермь, 2016. 200 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2013.

REFLECTIONS ABOUT THE BOOK

ABOUT THE VISUAL IN THE ELECTION CAMPAIGN IN MODERN RUSSIA

N. Kolesnik

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.9>

Abstract. *In the article the monograph “Visualization of choice: history and the modern state of pre-electoral agitation in Russia” which is devoted to one of the relevant topics in Russian political science, visual aspects of pre-electoral technologies in modern Russia, is being reviewed. The authors draw attention to the saturated empiric material which till the recent time hasn’t been input into the scientific language: pre-electoral posters, leaflets, caricatures, photos, drawings, historical documents. Based on the thorough analysis some issues of the pre-electoral agitation in Russia and abroad are considered along with the functions of the visual aspects of election campaign. Key words: visualization, political advertisement, power, region, pre-electoral agitation, art, voter, agitation material, politics.*

Keywords: *visualization, political advertising, power, region, pre-election campaigning, art, voter, agitational material, politics.*

References

Vizualizaciya vybora: istoriya i sovremennoe sostoyanie predvybornoj agitacii v Rossii [*Visualization of choice: history and the modern state of pre-electoral agitation in Russia*] Perm, 2016. (In Russian).

Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka [*Explanatory dictionary of the Russian language*]. Moscow; Peace and Education, 2013. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (abc_46@mail.ru).

Витковская Татьяна Борисовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра Уральского отделения РАН (vit.tatiana@gmail.com).

Даугавет Александра Борисовна, научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (a.daugavet@socinst.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Колесник Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, ученый секретарь Социологического института РАН, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (n.kolesnik@socinst.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Хоффманн-Ланге Урсула (HOFFMANN-LANGE, Ursula), доктор наук, профессор политологии (специализация по политическим системам), Университет г. Бамберг (ursula.hoffmann-lange@uni-bamberg.de).

Швая Андрей Юрьевич, магистрант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (andrewshvaya@gmail.com).

CONTRIBUTORS

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Daugavet, Aleksandra, researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (a.daugavet@socinst.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (alexander-duka@yandex.ru).

Hoffmann-Lange, Ursula, Prof. Dr. (Political Sc.), Professur für Politikwissenschaft, insbesondere Politische Systeme (Professor of Political Science, in particular Political System), Otto-Friedrich-Universität Bamberg (ursula.hoffmann-lange@uni-bamberg.de).

Kolesnik, Natalia, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (n.kolesnik@socinst.ru).

Shvaya, Andrey, master student of the faculty of sociology, St. Petersburg State University (andrewshvaya@gmail.com).

Tev, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Vitkovskaya, Tatyana, Candidate of Sc. (Political Sc.), research fellow of the Department for the study of political institutions and processes, Perm' Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (vit.tatiana@gmail.com).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 4

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *Д.В. Ткачук*
Компьютерный макет *Н.И. Паиковской*

Подписано в печать 18.12.2017.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 19,2. Уч.-изд. л. 21,2.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Ренеме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40